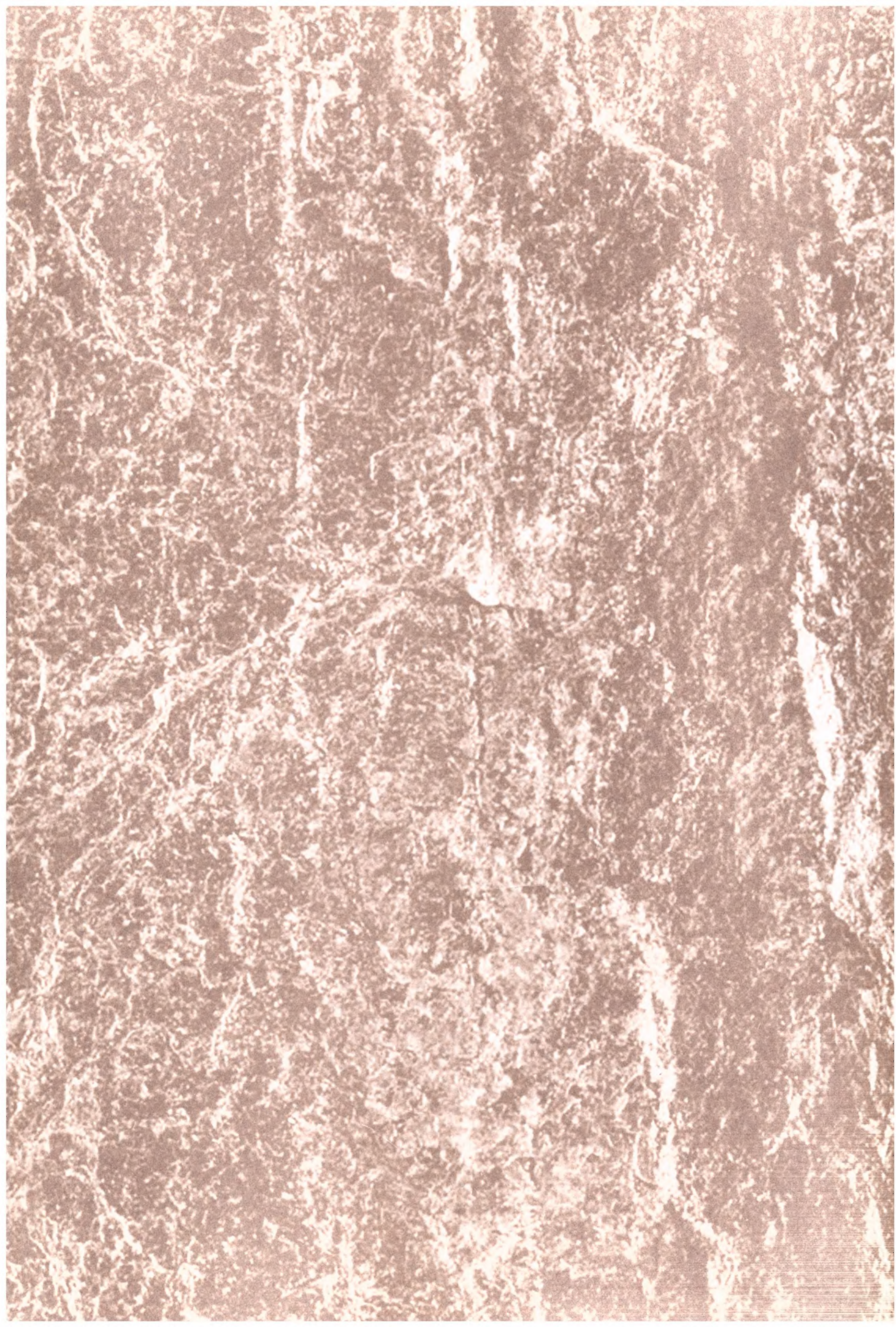

941
B1-1

Михайло Максимович

ВИБРАНІ ТВОРИ

*Патріотові
національного відродження
Михайлові Максимовичу
в пам'ять 200-річчя
від дня народження*

ПАМ'ЯТКИ ІСТОРИЧНОЇ ДУМКИ УКРАЇНИ

Михайло Максимович

ВИБРАНІ ТВОРИ

ББК 63.5(4УКР)
М17

*Розповсюдження та тиражування
без офіційного дозволу видавництва заборонено*

Головна редакція літератури
з гуманітарних наук

Головний редактор
Світлана Головка

Редактори
Юрій Медюк, Тетяна Янголь

ISBN 966-06-0322-3

© Віктор Короткий, упорядкування,
вступна стаття, 2004

З М І С Т

«Піднімаю корогву за нашу мову, за нашу землю-матір» (Віктор Скопенко) 6
«Старий українець» Михайло Максимович (Віктор Короткий) 9
Об участии и значении Киева в общей жизни России 28
✿
О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом 48
✿
Очерк Киева 62
✿
О времени основания Киево-Софийского собора 76
✿
Письма о князьях Острожских 86
✿
Исторические письма о козаках приднепровских 114
✿
Сказание о гетмане Петре Сагайдачном 150
✿
О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке 166
✿
Письма о Богдане Хмельницком 190
✿
Бубновская сотня 258
✿
Сказание о Колиивщине 314
✿
Родина Гоголя 338
✿
Об употреблении названий «Россия» и «Малороссия» в Западной Руси 342
✿
О малороссийских народных песнях 346
✿

Віктор Скопенко,
ректор Київського
національного університету
імені Тараса Шевченка,
академік Національної
академії наук України

«Піднімаю корогву за нашу мову, за нашу землю-матір»

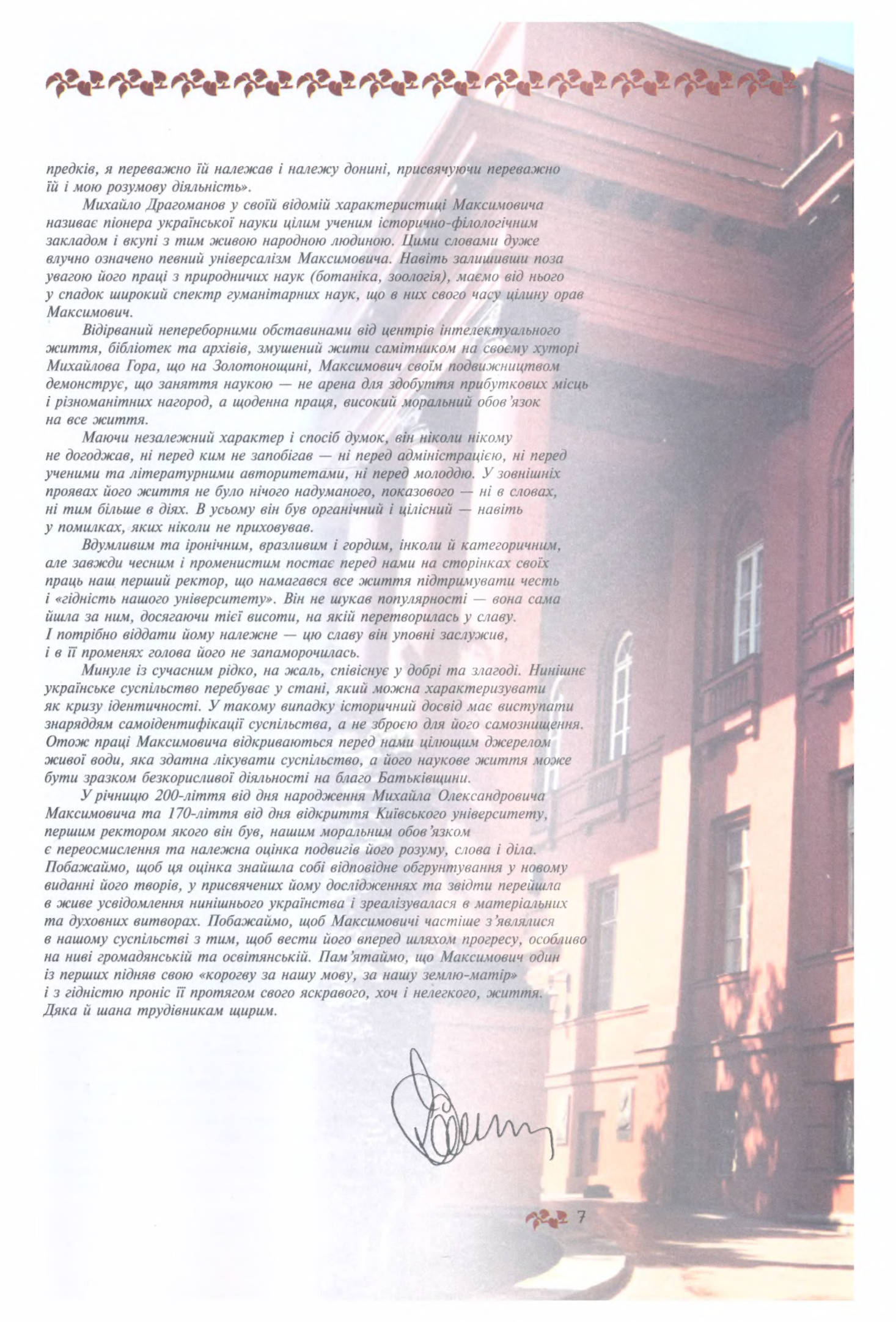
Є на світі багато людей добрих, щирих, чистих серцем. Але не так багато тих, чиї душі сповнені внутрішнього сяйва, промені якого цілюще впливають на всіх, хто потрапляє під дію цієї дивовижної аури. Люди цього — вищого — гатунку творять гармонію світу, самі не помічаючи цього і не докладаючи, як видається на перший погляд, жодних зусиль.

Постатей, спроможних формувати й розвивати людську свідомість, самосвідомість цілої нації, з багатьох причин мало. І не позаздриш тому народові, тій країні, де такі особистості, цей безцінний скарб, не знаходять собі належного застосування, де гаситься священний вогонь національного прозріння, а кращі сини й дочки змушені згоряти на самоті, «лицем до вічності припавши». Історія свідчить: чим більше людей високого горіння виплекає країна, тим величніше її майбуття. І чим швидше розрізнені та космополітичні ідеї перетворюються на ідею національну, тим скоріше народ стане нацією, а країна з комплексом другорядності перетвориться на самодостатню демократичну національну державу.

Майже 200 років тому на благословенній українській землі побачив світ Михайло Олександрович Максимович — учений-енциклопедист, перший ректор Київського університету, внесок якого у формування національної самосвідомості українства незаперечний.

Перші декади XIX століття позначилися в Україні національним відродженням, увиразненням духом романтизму, який знайшов для себе родючий ґрунт. Ще живими були у пам'яті традиції гетьманщини, перекази про героїчне минуле козаччини, що закарбувалися у цікавих зразках народної творчості, яка привертала до себе увагу освіченого громадянства. Під знаком романтизму й народності вступав у свідоме життя і Михайло Максимович — нащадок козацького роду, майбутній подвижник і піонер українства. Цей потужний струмінь захопив його і не відпускав усе життя. Живучи в Україні від народження і почавши в ній формуватись як особистість, Максимович увібрав у себе українську стихію. Перенесений долею для закінчення освіти до Москви, він тим не менше жив з тією стихією у серці, збурений нею, аж поки не зреалізував її, зокрема, виданням збірки малоросійських пісень (1827 р.).

Наполеглива та цілеспрямована науково-педагогічна праця Михайла Олександровича у стінах Московського університету принесла йому загальне визнання у наукових колах, диплом професора, а разом із тим і певне становище у суспільстві. Лише смерть матері та підірване здоров'я могли до певної міри засмутити його. Попереду була блискуча кар'єра вченого-природознавця. Але національна романтика перемогла. Максимович переходить до новозаснованого Київського університету св. Володимира та стає його першим ректором. Природничі інтереси відступають на задній план, а згодом майже зовсім згасають. Максимович свідомо стає на шлях українства. У листі до свого московського кореспондента Михайла Погодіна він напише: «Уродженець Південної Київської Русі, де земля й небо моїх

предків, я переважно їй належав і належу донині, присвячуючи переважно їй і мою розумову діяльність».

Михайло Драгоманов у своїй відомій характеристиці Максимовича називає піонера української науки цілим ученим історично-філологічним закладом і вкупі з тим живою народною людиною. Цими словами дуже влучно означено певний універсалізм Максимовича. Навіть залишивши поза увагою його праці з природничих наук (ботаніка, зоологія), маємо від нього у спадок широкий спектр гуманітарних наук, що в них свого часу цілину орав Максимович.

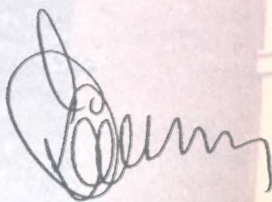
Відірваний непереборними обставинами від центрів інтелектуального життя, бібліотек та архівів, змушений жити самотником на своєму хуторі Михайлова Гора, що на Золотонощині, Максимович своїм подвижництвом демонструє, що заняття наукою — не арена для здобуття прибуткових місць і різноманітних нагород, а щоденна праця, високий моральний обов'язок на все життя.

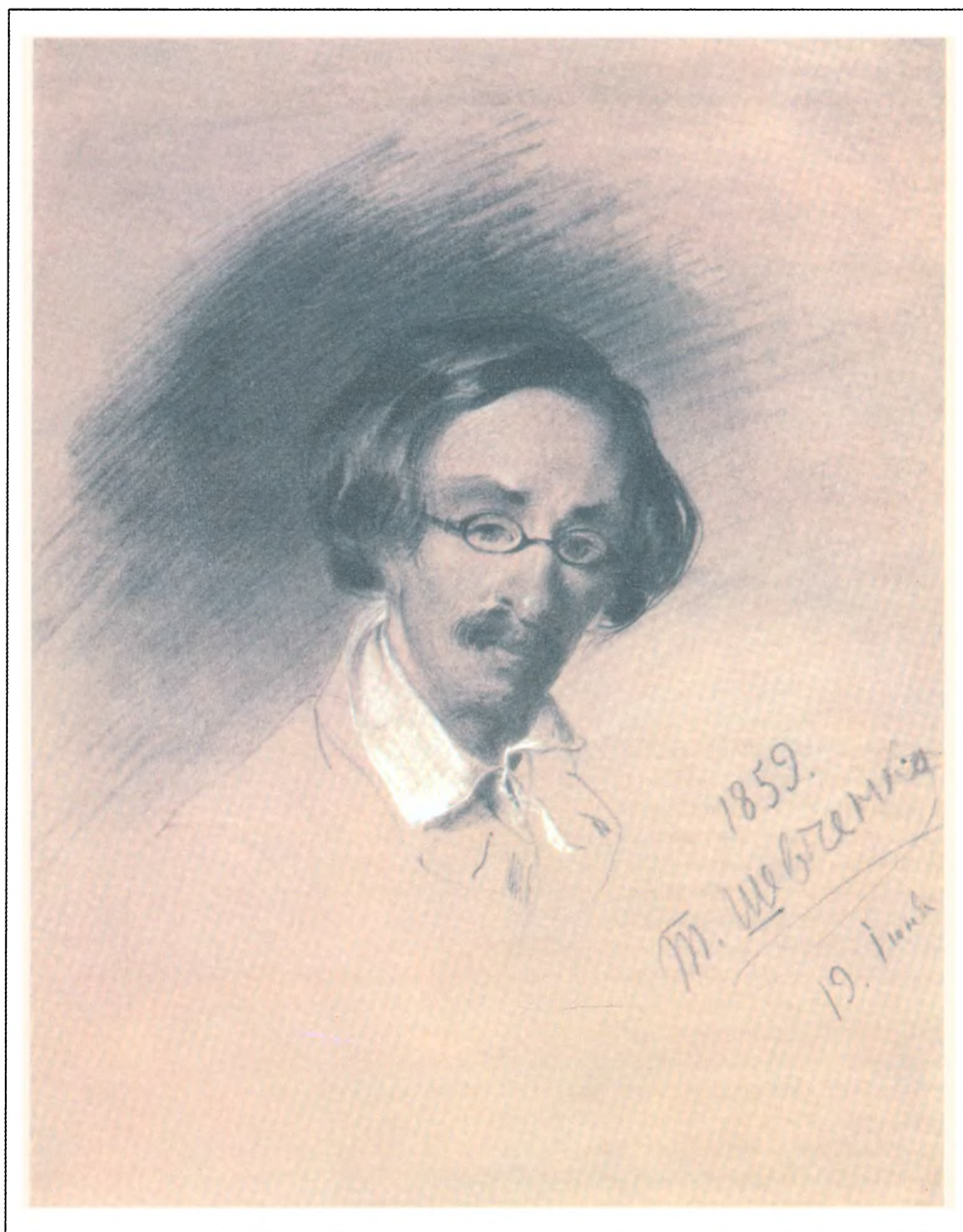
Маючи незалежний характер і спосіб думок, він ніколи нікому не догоджав, ні перед ким не запобігав — ні перед адміністрацією, ні перед ученими та літературними авторитетами, ні перед молоддю. У зовнішніх проявах його життя не було нічого надуманого, показового — ні в словах, ні тим більше в діях. В усьому він був органічний і цілісний — навіть у помилках, яких ніколи не приховував.

Вдумливим та іронічним, вразливим і гордим, інколи й категоричним, але завжди чесним і променистим постає перед нами на сторінках своїх праць наш перший ректор, що намагався все життя підтримувати честь і «гідність нашого університету». Він не шукав популярності — вона сама йшла за ним, досягаючи тієї висоти, на якій перетворилась у славу. І потрібно віддати йому належне — цю славу він уповні заслужив, і в її променях голова його не запаморочилась.

Минуле із сучасним рідко, на жаль, співіснує у добрі та злагоді. Нинішнє українське суспільство перебуває у стані, який можна характеризувати як кризу ідентичності. У такому випадку історичний досвід має виступати знаряддям самоідентифікації суспільства, а не зброєю для його самознищення. Отож праці Максимовича відкриваються перед нами цілющим джерелом живої води, яка здатна лікувати суспільство, а його наукове життя може бути зразком безкорисливої діяльності на благо Батьківщини.

У річницю 200-ліття від дня народження Михайла Олександровича Максимовича та 170-ліття від дня відкриття Київського університету, першим ректором якого він був, нашим моральним обов'язком є переосмислення та належна оцінка подвигів його розуму, слова і діла. Побажаймо, щоб ця оцінка знайшла собі відповідне обґрунтування у новому виданні його творів, у присвячених йому дослідженнях та звідти перейшла в живе усвідомлення нинішнього українства і зреалізувалася в матеріальних та духовних витворах. Побажаймо, щоб Максимовичі частіше з'являлися в нашому суспільстві з тим, щоб вести його вперед шляхом прогресу, особливо на ниві громадянській та освітянській. Пам'ятаймо, що Максимович один із перших підняв свою «корогву за нашу мову, за нашу землю-матір» і з гідністю проніс її протягом свого яскравого, хоч і нелегкого, життя. Дяка й шана трудівникам ширим.

**Т. Шевченко.
Портрет М. Максимовича. 1859 р.**

«Старий українець» Михайло Максимович

контексті вітчизняної історії першої половини XIX ст. постать «старого українця» Михайла Максимовича (як він підписувався у листах) є феноменальною.

У його долі, яка залишається долею конкретної людини, незаперечно відбилися всі особливості цього часу. Як і чимало визначних його земляків, він був інтегрований в імперську культуру — з російською мовою, традиціями і цінностями. Тоді у Петербурзі та Москві робили свою кар'єру, крім Максимовича, Микола Гоголь, Осип Бодянський, Микола Гнідич, батько і син Микола та Дмитро Бантиш-Каменські та багато інших. Узагалі українці, розкидані по різних місцях Російської імперії, відчуваючи свою осібність від росіян, позначали себе як «земляки». Саме це відчуття «земляцтва» слугувало основою колективної ідентичності вихідців із Гетьманщини і Слобожанщини. Багато з них були широ віддані Україні — своїй «общей Родине», її народові, були сповнені гострого відчуття українського патріотизму. Проте це не заважало цим діячам користуватися російськими комунікативними системами (мовою, мистецтвом, наукою тощо). Зенон Когут слушно стверджує, що це стало можливим завдяки побутуванню «подвійної лояльності» взагалі та концепції «малоросійства» зокрема, що уможливило одночасне перебування в обох культурних системах*. Щоправда, свідомість багатьох із них лишалася «розірваною», роздвоєною, позначеною психічним дисбалансом.

Михайло Драгоманов, аналізуючи у некролозі особистість Максимовича з боку її літературної та суспільної значущості, справедливо зауважує, що останній «был для Киевской Руси целым ученым историко-филологическим учреждением и вместе с тем живым народным человеком... М. А. Максимович был у нас одним из первых деятелей для областной науки и жизни»*.

Визначаючи місце Максимовича в історії української самосвідомості, Сергій Єфремов писав, що, відшукуючи й «обслідуючи коріння українства в глибокій минувшині, Максимович тим самим національне відродження українського народу позбавляв елемента випадковості й надавав йому значення глибокого органічного процесу, що йшов своїм законним шляхом і до законних так само доходив висновків. Сам того не знаючи і, може, навіть не хотючи, Максимович сягав безмірно далі, ніж здавалося йому та його однодумцям»*.

Розпочавши наукову діяльність у галузі природничих наук (ботаніка, зоологія, натуральна історія), Михайло Олександрович продовжив наукове подвижництво дослідженнями в царині наук гуманітарних. Спочатку його захопили фольклор та етнографія, поступово переходить він до історії письменства, поезики, філології, історії, історичної географії, генеалогії,

*

Когут З. Зустріч з Росією. Культурні тенденції та політичні погляди в ранньоновітній Україні // Сучасність. 1996. № 9. С. 71—73.

*

Драгоманов М. М. А. Максимович. Его литературное и общественное значение // Вестник Европы. 1874. Кн. 3. С. 453.

*

Єфремов С. Літературно-критичні статті. Київ, 1993. С. 321.

археології. Пробує себе також у критиці й навіть красному письменстві, віддзеркалюючи у своїх творах тодішній стан українознавства, створюючи в кожному напрямку своєї діяльності низку визначних праць.

Михайло Олександрович Максимович народився 3 вересня 1804 р. в «малоросійському степу» — на схід від Золотоноші (Полтавська губернія), на Згарському хуторі Тимківщині, де стояв будинок його бабусі — Ганни Савини Тимківської. На хуторі мешкав Іван Назарович Тимківський, який після смерті свого брата виховував п'ятьох племінників, котрі згодом усі стали письменниками, а двоє — професорами університетів — Московського і Харківського. Молодша їхня сестра Гликерія Федорівна, народжена 1788 року, була матір'ю Максимовича. Батько Михайла — Олександр Іванович, залишивши в 1803 р. розпочату з батьківської волі службу в Києві, одружився у двадцять один рік і жив під Переяславом на хуторі Старосілля, де Михайло й перебував до трирічного віку. Потім родина мешкала у придніпровському селі Прохорівці Золотоніського повіту в діда по батьківській лінії — Івана Івановича Максимовича. Сам Михайло Олександрович згадував, що дід любив «сувору старосвітську простоту життя» і в народі був відомий під іменем «старого майора». Прадід колись також жив у Прохорівці та був сотником Бубновської сотні, у 1780-х роках він служив суддею, а потім стояв на чолі золотоніського дворянства. Залишивши службу в чині бунчукового товариша, доживав свій вік у Києві (де мешкав і служив ще його прадід, родоначальник Максимовичів — Максим Печерський) і наприкінці 1801 р. був похований на горі Щекавиці.

Тимківські й Максимовичі належали до дрібної малоросійської шляхти, що генетично виходила з гетьманської козацької старшини середнього і нижчого рангу.

М. Максимович цікавився своєю генеалогією і залишив свідчення про це у своїй «Автобіографії» та дослідженні «Бубновская сотня». З «Автобіографії» Максимовича довідуємось, що п'ятий рік життя він провів у Тимківщині, звідки був відданий на навчання до Благовіщенського жіночого монастиря, що в Золотоноші. Там починали свою освіту всі Тимківські, там навчалася й матір Михайла. Під наглядом черниці Варсонофії засвоєні були граматики, Часословець і Псалтир.

Визначальною для юного Максимовича стала опіка його дядьків Тимківських. Саме їхнє інтелектуальне середовище слугувало добрим взірцем і стимулом. Найпомітнішу роль у виборі та становленні життєвого шляху племінника відіграв старший дядько — Ілля Федорович Тимківський (1773—1853), доктор права й філософії, професор Харківського університету і засновник престижної Новгород-Сіверської гімназії*. Саме він 1811 року взяв Максимовича до свого маєтку в Туранівці, де навчав хлопця «началам разных наук и по-латыни», а через рік направив юного Михайла в опікувану ним Новгород-Сіверську гімназію.

Саме у гімназії (1812—1819 рр.) в Максимовича виникла зацікавленість ботанікою, а також визріла мрія — стати московським професором ботаніки. У червні 1819 р., виголосивши промову «Об истинном просвещении» на публічному іспиті, гімназист отримує атестат. Сім гімназійних років промайнули для нього, «як сім місяців». Відвідавши рідних, Максимович прибуває у вересні 1819 р. до Москви. Тепер його опікуном стає другий дядько — Роман Федорович Тимківський (1785—1820), професор грецької та римської літератури Московського університету, дослідник творчості Нестора Літописця. Саме йому Максимович присвятив свої пізніші студії над «Словом о полку Ігоревім». Роман Федорович записав 15-річного Михайла у студенти словесного відділення Московського університету і помістив його в один із кандидатських номерів (за правом директора Педагогічного інституту), але не як своєкоштного студента. Очевидно, що саме під впливом і за наполяганням дядька Михайло розпочав вивчати словесність.

*
Шугуров М. В. Илья
Федорович Тимковский //
Киевская старина. 1891.
№ 10. С. 828.

Тоді ж, у Москві, Максимович зустрічається з двома іншими дядьками, що справило на нього неабиякий вплив. У 1820 р. його записав у казеннокошті студенти (через вичерпання власних коштів) молодший дядько — Єгор Федорович Тимківський (1790—1875) — впливовий дипломат, учасник місії до Китаю та автор етногеографічної розвідки «Мандрівка в Китай через Монголію».

У тому ж 1820 році Максимович побачився з Василем Федоровичем Тимківським (1781—1832), «позначеним геніальною силою розуму і слова», котрий у 1826—1828 рр. стане губернатором Бессарабії*. Максимович згадує: «Его проезды через Москву из Оренбурга в Грузию и обратно воодушевляли меня новой силой. Я строго следовал совету его не пускаться в ремесло уроков и не тратить на то золотого времени студенчества. Весь досуг от лекций я посвящал любимой своей науке»**.

Після смерті Романа Тимківського юний Максимович, ще навчаючись на словесному відділенні, дедалі більше захоплювався ботанікою, обходячи околиці Москви і збираючи рослини. Це окреслило і початкове коло знайомств дослідника: спершу це був ад'юнкт ботаніки Лев Федорович Гольдбах, а згодом і директор Імператорського Ботанічного саду в Петербурзі Федір Богданович Фішер, який пропонував Михайлові «усовершенствоваться в ботанике» при Петербурзькому саді, а також свою протекцію для поїздки Максимовича в «чужие края»***.

Бачимо, що провідними ботаніками в Москві й Петербурзі були особи німецького походження, і наш юний дослідник ставився до них дещо упереджено. Він скаржився: «Да и самую-то науку засорили, загадили немцы до такой степени бесконечною синонимикою, бессвязным и бессмысленным дроблением родов и видов, что и смотреть противно»****. Можливо, цим пояснюється тяжіння Максимовича до слов'янофілів — І. Киреевського, С. Аксакова та ін. Максимович відчував і вплив «словесного» професора О. Мерзлякова, якого називав «солов'єм старого часу». Незважаючи на інтерес до словесності, у серпні 1821 р. студент перейшов на фізико-математичне відділення Московського університету, остаточно визначившись із фахом: ним мала стати ботаніка, щоправда, обрамлена в небачену досі вишукану літературну форму. 30 червня 1823 р. він отримав диплом кандидата «за відмінні успіхи і зразкову поведінку».

Науковим авторитетом для Максимовича в ці роки став професор мінералогії та сільського господарства М. Павлов — кумир студіюючої молоді. З цього часу молодий кандидат ботаніки розпочинає самостійну академічну, наукову й літературну діяльність, інтегруючи різноманітні інтереси й досліді. Втім, усе це не заважає йому в серпні 1823 р. записатись і на медичне відділення університету, відвідуючи в той же час лекції «оракула у відділенні словесному» — професора латинської філології та філософії шеллінгіанця І. Давидова.

Максимович стрімко росте на академічній службі. Спочатку він був призначений в університетську бібліотеку для впорядкування систематичного каталогу; в 1824 р. йому було доручено розробку університетських гербаріїв у професора Гофмана, а влітку того ж року Максимович у польових умовах уже вивчав флору Московської губернії, описавши її в «Путевых записках». У листопаді 1825 р. він став викладати господарську ботаніку і садівництво в Землеробській школі (на запрошення свого авторитета М. Павлова), а в лютому 1826 р. Максимович перебирає ще дві функції: викладає природничу історію в університетському шляхетному пансіоні (протягом семи років) і завідує університетським ботанічним садом — за пропозицією самого попечителя Московського учебного округу Писарева.

М. Максимович.
Гравюра 1840-х років

*

Шугуров М. В. И. Ф. Тимковский — педагог прошлого времени // Киевская старина. 1891. № 8. С. 200—216.

**

Автобиография М. А. Максимовича // Киевская старина. 1904. Т. LXXXVI. Сентябрь. С. 326.

НБУВ ІР. Ф. III. Спр. 5384. Арк. 1.

Там само. Ф. I. Спр. 577/1471. Арк. 11.

У серпні 1826 р. молодий учений викладає загальний курс природничої історії вже у самому університеті, а 30 червня 1827 р. захищає магістерську дисертацію «О системах растительного царства», аби посісти кафедру ботаніки. У серпні 1829 р. на запрошення ботаніка Ф. Фішера Максимович стажувався у Петербурзькому ботанічному саді, а 28 жовтня того ж року був затверджений у званні ад'юнкта. Вершиною його московської служби стало — після багатьох перепон з боку освітянських чиновників — обрання 23 серпня 1833 р. Радою університету ординарним професором кафедри ботаніки. «Я стал, — писав він, — наконец тем, к чему стремился, едучи в Москву, за 14 лет ... и будь это четырьмя раньше, я почел бы себя счастливецем. А теперь... грустно и даже совестно было, что Павлов и некоторые товарищи мои более меня радовались моему профессорству»*.

* Автобиография
М. А. Максимовича. С. 337.

Згодом, на 50-му році життя, у листі до Степана Шевирьова, що готував «Биографический словарь» Московського університету, Михайло Олександрович зізнався: «Мое профессорство было не внешним и не случайным положением и делом в жизни: оно было назначением моим и любимой мечтой с детства, средоточием и подвигом юношеской жизни, моим самолюбием в возмужалые годы, при котором не было уже места во мне ни властолюбию, ни иному подобномулюбию, как в том я не раз имел случай проверить себя и убедиться вполне...»*.

* Там само. С. 323.

Правда, ця вершина була одночасно й апогеем психічної кризи вченого: 1829 року померла його мати, а він сам був духовно вичерпаний непосильною працею і проблемами на службі, до того ж далися ознаки ревматизм і погіршення зору.

Незважаючи на це, не можна не назвати московську кар'єру Максимовича успішною. За 14 років із провінційного «молоденького хохлика» (вислів Погодіна) він виріс до впливового професора респектабельного університету. Дуже цікаву, хоча в дечому упереджену характеристику Максимовича у московський період дає Ксенофонт Полевой — брат відомого історика і журналіста Миколи Полевого: «Он был довольно оригинален своим малороссийским юмором и страстью к ботанике, которой занимался почти исключительно. [...] В нашем кругу все близкие знакомые любили шутить с М. А. Максимовичем, даже подсмеивались над любимыми его занятиями, потому что он пресмешно рассказывал о них, иногда вставляя латинские слова в свои рассказы. Когда он был уже домашним человеком у нас, Николай Алексеевич называл его не иначе как Dominus*, а встречал обыкновенно какою-нибудь латинскою фразою. Все другие близкие знакомые нашего круга также называли его Dominus. Но, шутя и балагурия, юноша Dominus сделался кандидатом и потом магистром естественных наук. [...] Слабое зрение и незнание иностранных языков мешали ему читать; притом он был страшный лентяй и всегда казался дремлющим, но взамен всегда он обладал удивительною сметливостью, умел спрашивать, слушать и, так сказать, учился из разговоров. [...] Отличаясь в обхождении малороссийским простодушием, он чрезвычайно любил знакомиться с людьми, самыми противоположными по всем отношениям, и легко сближался с ними, наконец, заставлял их исполнять свои требования, даже свои прихоти, и все смеясь делали для него то, что он хотел. При всем наружном простодушии он отличался необыкновенною рассудительностью, умом проницательным и тем окончательно привязывал к себе. Его небольшие статьи по части естествознания были очень кстати в «Московском Телеграфе», потому что в них часто выражались новые тогда идеи»*.

* Пан, хазяїн. — Ред.

* Записки Ксенофонта
Алексеевича Полевого.
Санкт-Петербург, 1888.
С. 130—131.

Така характеристика справді промовиста: кар'єра Максимовича дійсно сприймалася як щось феноменальне, досягнення вищого гатунку. Важливо й те, що вчений був людиною, яка створила себе власними зусиллями і працею.

1827-й рік став поворотним не тільки для Максимовича, а й для всього українського дискурсу XIX століття. Тоді Михайло Олександрович

видрукував видатну фольклористичну працю — «Малороссийские песни», яка одразу вивела його на щабель провідного етнографа на ґрунті українських студій. Саме ця збірка зблизила Максимовича з Гоголем, сприяла знайомству з Жуковським і Пушкіним, який пізніше сказав: «Да мы Максимовича давно считаем нашим литератором; он покорил нас малороссийскими песнями»*.

Усе це було помічено й «нагорі»: успіх «Малороссийских песен» привернув увагу вищих чиновників. Так, 3 листопада 1827 р. міністр народної освіти Шишков писав попечителеві Московського учбового округу Писареву: «Кандидат Московского университета Максимович доставил ко мне экземпляр изданных им малороссийских песен и вместе с тем уведомил, что он занимается составлением словаря. Мне очень приятно знать, что г. Максимович свободное от должности время употребляет на труды полезные для российской словесности. Посему я покорнейше прошу Ваше Превосходительство поблагодарить его от меня за присылку книги и предложить прислать мне на рассмотрение окончательную часть словаря»*.

Як бачимо, Максимович зумів викликати прихильність навіть такого консерватора, як Шишков, що свідчило й про те, що українські студії в романтичному річизні не піддавалися в той час репресіям і навіть заохочувалися як «труды полезные для российской словесности». При цьому виявився талант Максимовича перебувати одночасно в різних середовищах — відмінних культурно, ідеологічно й соціально, що дало підставу Драгоманову назвати його «мішаною» людиною*.

Популярність Максимовича у наукових колах зумовила і його подальше входження в ширше літературне середовище. Знайомство з Пушкіним відкрило Максимовичу доступ у товариство найвідоміших російських літераторів. Це проявилось в 1830 р., коли вчений-ботанік випустив у світ літературно-критичний альманах «Денница», де сам Пушкін умістив початок «Бориса Годунова». Серед інших авторів були Мерзляков, Веневітінов, князь Вяземський, Дельвіг, Хом'яков, Баратинський, Языков, Погодін, І. Киреевський, Сомов, княгиня З. Волконська та інші. Це був справді цвіт російської культури, до якого так раптово, але цілком заслужено ввійшов і Максимович. У майбутніх перипетіях ці зв'язки дуже знадобилися молодому вченому.

Дуже цікаве знайомство відбулося в Максимовича з молодим російським інтелектуалом О. Герценом. Дехто з дослідників вважає, що Максимович навіть вплинув на автора «Былого и дум». У цьому творі Герцен згадував, зокрема, що на організований ним випускний бенкет з усіх викладачів було запрошено тільки Максимовича і Миколу Полевого. Герцен називав магістерську дисертацію Максимовича «чудовим творінням» і рекомендував її прочитати. У липні 1833 р. він писав до М. Огарьова: «Я із самим лише Максимовичем залишаюся знайомий»*.

Власне, тут очевидно виявився талант Максимовича однаково добре почуватися в різному оточенні: він спілкувався як з консервативним президентом Академії наук Уваровим, так і з радикальними Герценом, Огарьовим і Станкевичем. Практика різноманітних інтелектуальних товариств стала в пригоді пізніше, коли Максимович опинився в чужому польськомовному середовищі. В той же час Максимович, студіюючи словесність, дедалі більше зближався зі слов'янофілами, а їхній «хрещений батько» С. Аксаков був його добрим знайомим: зокрема він брав участь у третій книжці «Денници» в 1834 р.*

Поступово інтереси Максимовича значно розширилися: назви його статей яскраво відбивають гуманітарні спрямування автора. У 1830 р. з'являються розвідки «Об участии Московского университета в просвещении России» та «Обозрение русской литературы за 1830 г.»; у 1831 р. виходить «антропологічна» стаття «О человеке», а в 1832 р. — «Речь о русском просвещении».

1834-й був переломним для Максимовича роком: побачили світ його третя фольклорна збірка «Украинские народные песни», а також

*

Автобиография
М. А. Максимовича. С. 337.

*

Письма М. П. Погодина,
С. П. Шевырева
и М. А. Максимовича
к князю П. А. Вяземскому
// Старица и новизна. 1901.
Кн. IV. С. 15.

*

Переписка Драгоманова
з Бучинським 1871—1877 рр.
Львів, 1910. С. 68.

*

Герцен А. И. Собр. соч.:
В 30 т. Москва, 1954. Т. 1.
С. 14; Т. 21. С. 7, 8; Т. 11.
С. 411—415.

*

Див.: Пономарев С. И.
Михаил Александрович
Максимович
(Биографический
и историко-литературный
очерк) // ЖМНП. 1871.
Ч. CLVII. Октябрь.
С. 186—188, 195.

М. Максимович.
Портрет 1850-х років

*
Московский вестник. 1830.
№ 4. С. 421—422.

**
Автобиография
М. А. Максимовича. С. 337.

З іменем святого
Володимира: У 2 кн. Київ,
1994. Кн. 1. С. 91.

новаторська студія «Голоса украинских песен», 25 українських наспівів з якої відомий композитор О. Аляб'єв поклав на ноти.

Новий науковий інтерес Максимовича був заманіфестований ним ще у 1830 р: «Словесность необходима для каждого. Словесность для науки то же, что образованность для ума, — каждая из них сама по себе недостаточна, надлежащее развитие одной требует необходимой помощи от другой; только вместе живут они полной жизнью»*.

З того часу в душі Максимовича розпочалася відчутна боротьба між старим природничим інтересом і новим зацікавленням словом. І якщо Максимович дуже органічно вписався в російські академічні структури, то так само його можна назвати людиною пушкінської епохи — завдяки близькості молодого ботаніка до літературних кіл.

У 1834 р. закінчується московська кар'єра Максимовича і розпочинається наступна сторінка в його житті. Цей рік пов'язаний з глибокою внутрішньою кризою вченого, котра, як можна гадати, була викликана його перевтомою та особистими трагедіями. Знаємо тільки одне: Максимовичу стало нестерпно залишатися в Москві й служити в університеті. Сам Максимович так пояснює свій стан: «Моя живая печаль о ней (за матір'ю. — Авт.) обратилась в томительную для меня тоску по родине...

Может быть, я и перемог бы тоску, как перемогал я многое в душе, но назначение нового университета в Киеве повлекло меня туда неодолимою силою. Туда же согласился со мной переместиться и мой незабвенный земляк Гоголь»**. З листування Максимовича та Гоголя видно, що як Київ, так і Україна в цілому набувають для них містичного значення: Батьківщина здатна вилікувати стомлені на чужині душі й тіла двох друзів, виправити все на краще. Це — виразно романтична візія, пов'язана з баченням України в Гоголевих «Вечорах на хуторі поблизу Диканьки».

4 травня 1834 р. Максимовича було призначено ординарним професором російської словесності в Університет св. Володимира в Києві і одночасно деканом першого відділення філософського факультету. Це затвердження відбулося за поданням попечителя Київського учбового округу Фон Брадке, який 6 червня 1834 р. писав Максимовичу в Москву, прохаючи його взяти на себе тимчасові обов'язки з управління університетом (до обрання ректора)***. 13 липня 1834 р. — за два дні до церемонії відкриття університету — Максимович уже був у Києві.

Отже, 1834-й рік був справді переломним для Максимовича. Він припиняє кар'єру ботаніка і кардинально змінює спосіб життя. Ця переміна настільки раптова, що її дуже важко пояснити. Чому Максимович залишає елітну Москву і опиняється у провінційному Києві? Можна уявити собі такі основні причини: по-перше, містичний, ірраціональний потяг до коренів, ностальгія за Батьківщиною; по-друге, кар'єризм академічного вченого, бажання посісти чільне місце в новоутвореному Київському університеті.

1834-й рік, безсумнівно, поділяє творчість Максимовича на дві відмінні сфери: досі провідною тематикою була природнича, після — майже виключно гуманітарна (етнографічна, мовознавча, літературна, історична, археологічна). Очевидно, якщо Максимович не був би призначений на кафедру російської словесності, він ніколи не став би засновником новочасних українських студій, навіть незважаючи на свої збірки українських пісень. Вони були б лише його захопленням, і могли б ним і лишитись. Те, що такий, здавалося б, закономірний статус

Максимовича був певною випадковістю, доводить той факт, що він перед тим розраховував посісти в Києві кафедру не гуманітарну, а «желал бы кафедру зоологии еще более, чем кафедру ботаники. Но если обе желанные кафедры заняты уже в Киеве, то я покорнейше прошу определить меня хоть профессором физики, занятия которой я не оставлял совершенно и чувствую себя в силах в течение двух или трех семестров достичь необходимого совершенства», — писав учений до Фон Брадке*.

Вочевидь, у своє рішення стати професійним словесником Максимович не вірив до останнього. Отже, його роль «батька українських студій» не була вибрана ним свідомо і радше була результатом обставин. Поза сумнівом і таке: щоб набути статусу «патріарха українознавства», Максимович мав стати академічним фахівцем, а не лишатися простим аматором. Отож призначення його на кафедру словесності надало вченому необхідну професійну базу і слухацьку аудиторію.

Максимович пожертвував блискучою кар'єрою академічного ботаніка в аристократичній Москві заради омріяної «київської старовини». Те ж саме зробив Тарас Шевченко, обравши непевну долю поета, маючи до вибору і богемне життя модного столичного маляра. В обох випадках це був болючий вибір, але вибір усвідомлений. Характерно, що Максимович у своїй «другій» долі став фундатором українського наукового дискурсу, а Шевченко здійснив місію пророка української національної свідомості. Не дивно, що вони затоваришували. В обох випадках особливо важив процес «переродження»: заміна одного покликання іншим — незрівнянно глибшим.

Наскільки ж був виправданий цей «непрактичний» крок Максимовича з огляду його світобачення? Чи був він підготовлений усім розвитком особистості, чи став просто дарунком (або покаранням) долі, а то й професійною некоректністю? Можливо, тим, що спричинило таку внутрішню інтелектуальну революцію, був романтичний дух німецької ідеалістичної філософії. О. Прицак гадає, що Максимович «у Москві потрапив у полон всеобіймаючих ідей Шеллінга («об'єктивний розум»), що знаходили спільний знаменник для всіх наук»*. Відтак, перейнявшись ідеями Шеллінга, Максимович визнав історію як основну в цілій філософській системі та внаслідок цього почав вивчати історію та фольклорні джерела, оскільки саме в народних піснях персоніфікувалася суспільна свідомість («дух народу»).

У цьому світлі дещо проявляються причини фольклорних і словесних зацікавлень Максимовича, його готовність до зміни укладу всього свого життя. Якщо формальний переїзд до Києва переважно залежав від зовнішніх обставин, то внутрішньо він готувався Максимовичем уже довгий час — протягом його московських студій та літературно-критичної діяльності.

Обіймаючи посаду ректора, Максимович був зобов'язаний нести основний тягар як із господарського влаштування університету, так і з нагляду за навчальними закладами Київського учбового округу. Три рази на тиждень він збирав Рад університету, три рази на тиждень проходили засідання правління учбового округу. Все це виснажувало вченого, підривало його здоров'я. Перед ним постає дилема: або викладання своєї дисципліни, або ректорство. Пізніше він згадуватиме: «Я видел ясно, что мне надо было или оставить преподавание, или сложить с себя ректорство, которому конца не мог я видеть, ибо был ректором не на срок избранным. В три полугодия все, для чего нужен был я как ректор и что зависело от меня, было уже сделано, и университет был уже на ходу; а в науке моей чем дальше в лес, тем больше дров, и надо было в ней почти на каждом шагу пролагать себе новые пути». Максимович вирішує ситуацію на користь педагогічної діяльності: «При наступившей на меня болезни, в один прекрасный вечер, подал я попечителю прошение об увольнении меня за болезнью от должности ректора; и 11 декабря 1835 года последовало на то Высочайшее соизволение»*.

*

З іменем святого
Володимира. Кн. 1. С. 104.

*

Прицак О. Історіософія
та історіографія Михайла
Грушевського. Київ;
Кембрідж, 1991. С. 6.

*

Автобіографія М. А. Мак-
симовича. С. 338—339.

Автобіографія
М. А. Максимовича. С. 340.

Там само. С. 342.

Перед відставкою Михайло Олександрович виступив на Раді університету з прощальною ректорською промовою, яка багато в чому підбивала підсумок його попереднього життя. Він сказав: «Каково бы ни было еще мое служебное поприще, но я, конечно, никогда уже не мог бы сказать себе ничего лучшего, как то, что я был первым ректором университета св. Владимира.[...] Я думаю, что все личное, частное, особенное, не теряя своей самобытности, должно согласоваться с общим законом необходимости: и в оправдание моего управления скажу, что я старался соблюдать пользу и достоинство нашего университета»*.

Залишивши посаду ректора, Максимович на прохання новообраного глави університетської корпорації К. Неволіна погодився на виборну посаду декана першого відділення філософського факультету на один рік, в якій і був затверджений Міністерством народної освіти 12 серпня 1837 р. Але з часом його самопочуття значно погіршилося: «в 1839 году я с трудом уже передвигал ноги и левым глазом моим читать мог уже не в очки, а в увеличительное стекло. С половины того года лекции преподавал я уже в квартире моей, где производились и все экзамены, в которых мне надо было участвовать»*. Під кінець 1840 р. 36-річний професор був змушений вийти на пенсію та переселитися у свій маєток Михайлову Гору неподалік від Золотоноші.

Сільське повітря цілюще подіяло на його здоров'я: втома поступово зникала, самопочуття поліпшилося. Стало можливим повернення до викладацької роботи. І ось з серпня 1843 р. Максимович знову в Києві. Прийнявши запрошення попечителя Київського учбового округу, він відновлює читання лекцій в університеті як позаштатний викладач. Це повернення, що закінчилося у липні 1845 р., стало заключним епізодом його викладацької діяльності.

Під час останнього перебування на державній службі Максимович стає і активним учасником заснування восени 1843 р. при київському генерал-губернаторі Тимчасової комісії для розгляду давніх актів. Дійсними членами Комісії, крім М. Максимовича, було запрошено М. Іванішева та В. Домбровського. Ця Комісія замінила собою Тимчасовий комітет із розшуку старожитностей та Історичне товариство, яке з ініціативи Максимовича планували відкрити у Києві ще 1841 року. Вчений брав активну участь у розробці Акту про заснування Комісії та формуванні її організаційної структури. За його редакцією було видано 1-й відділ 1-го тому «Памятников...», куди увійшли «Памятники Луцкого Крестовоздвиженского братства» з численними примітками. Він же підготував матеріали для 2-го тому «Памятников...» — «О Киевском Богоявленском братстве». Для успішного здійснення видання Максимович особисто вів архівні пошуки.

Але звільнення з університету змушує Максимовича знову повертатися до Михайлової Гори, яка стане його резиденцією аж до кінця життя. У цій мальовничій місцевості, так поетично ним оспіваній, разом з єдиною рідною сестрою оселився колишній природознавець, а тепер вже історик. Невелика садиба, заснована та облаштована ним, пенсія 762 рублі, батько, що доживав у боргах свій вік у Прохорівці, — ось і все, що він мав.

Подальше життя Максимовича, так само як і його тодішні зв'язки з університетом, на жаль, ще не стали об'єктом наукового дослідження. Тому, спираючись на листування з О. Болянським та П. Лебедінцевим, спробуємо окреслити цей період бодай у найзагальніших рисах.

У 1847 р. на запрошення київського губернатора І. Фундуклея Максимович на деякий час переїздить до Києва і редагує спочатку «Обозрение Киева», потім — «Обозрение могил, валов и городиш в Киевской губернии». Наступного року він повертається у свій маєток і продовжує заняття українською минувиною. Року 1849-го він працює вже в архівах Москви, видає останню книгу «Киевлянина» (1850) і разом із Миколою Гоголем повертається в Україну, маючи намір прибути до Москви наступного року. Але хвороба змушує його змінити плани.

Стан депресії поглибився після заміжжя сестри, котра присвячувала догляду за ним майже весь свій час.

За порадою дядька у 1853 р. Максимович одружується. Життя почало поступово налагоджуватися, апатія розвіялася. Він відновлює наукову діяльність, і в журналах знову починають з'являтися його статті. Вже наприкінці 1857 р. вчений разом з дружиною приїздить до Москви і очолює редакцію «Русской Беседы». Проте редакторська діяльність триває лише півроку. Потім — робота над зібранням творів Івана Киреєвського та видання «Украинца» — збірника, подібного до «Киевлянина».

І знову Максимовича тягне додому, в Україну. В 1859 р. він повертається на свою Михайлову Гору, де його чекають невіршені побутові проблеми, безгрошів'я. Господарство розвалюється, пенсії не вистачає. Згодом з'являться двоє дітей, які часто хворітимуть, потребуватимуть належного виховання та навчання. Кредитори постійно нагадують про себе. Хоч якось триматися допомагають перевидання «Книги Наума» та гонорари від журнальних статей. Найбільшу радість приносить син Олексійко, на якого у Максимовича всі надії та сподівання.

Учений дедалі частіше схиляється до думки, що побут на хуторі «пора бы уже на старости заменить городским житьем». Але можливості здійснити заплановане мінімальні: «и рад бы совсем возвратиться в Киев, да не прибегу к тому способу. На седьмом десятке лет, с хилым здоровьем трудно уже вступить в обязательную службу, хоть бы то была и в Комиссии Временной, — да именно в ней-то и тяжело было бы, ибо наигорший из деспотизмов есть деспотизм приятельский...»*

І коли вченому все-таки вдалося провести дві зими в Києві, результати виявилися гіршими від сподівань. Максимович зізнався: «Опыт двух зимовок в Киеве показал, что на третью уже зиму не по силам и не по летам отваживаться мне без готовой на то деньги!» За рік до смерті він напише: «Тринадцатый год уже как маюсь я между Киевом и своею Горой, словно иржавелый маятник закоптелых стенных часов с зозулею!.. Поневоле втоскуешься, засмутишься, — особенно сидючи безвыходно в четырех стенах, иногда целые дни, в зимнее время, в длинные ночи»*. У такі тяжкі хвилини єдиною розрадою для вченого були книги, листування та наукові заняття. «За книгами и письмами забываю немощность», — якось напише він.

В останнє десятиліття життя результати наукової діяльності Максимовича друкувалися переважно на сторінках «Киевских Епархиальных Ведомостей». Причиною тому стала особиста дружба з редактором цього видання протоієреєм Петром Лебединцевим, який і сам успішно працював над київською старовиною.

У 1860-х роках Михайло Олександрович також посилено займався археологічними дослідженнями. Він розглядав археологію як складову історичної науки, як важливе її доповнення. Вчений цікавився майбутнім археології: «Дойдет ли наша наука о древностях до того, чтобы по этим стрелам могла угадывать воевавшие ими народы и век войны, подобно тому как испытатель природы по одному ископаемому зубу определяет целое животное и период его бытия на Земле?»*

З початком земської реформи Максимовича обрали гласним Золотоніського повітового земства. Новий гласний вважав, що земство стане «стоюкой громадой» во имя «честности и правдивости», вірив у можливість поліпшення життя: «Родители будут видеть своих детей умными и счастливыми».

Михайло Олександрович ніколи не входив до українських гуртків — він був лише їхнім натхненником. Але з появою у 1860-х роках «хлопоманів» і «громад», коли нарешті спрацювали соціальні ресурси Правобережжя і український рух вступив у нову фазу свого розвитку, Максимович, на той час призабутий спільнотою, став «хрещеним батьком» цього нового етапу. Принаймні саме представники цього покоління — В. Антонович, П. Житецький, В. Науменко та інші — почали активно маніфестувати зв'язок Максимовича з українським народництвом, а також

* Переписка М. А. Максимовича с П. Г. Лебединцевым (1864—1873) // Киевская старина. 1904. Т. LXXXVI. Сентябрь. С. 407.

* Там само. Т. LXXXVII. Октябрь. С. 142, 482—483.

* Максимович М. А. Собр. соч. Т. II. Киев. 1875. С. 407—408.

зайнялися виданням (і досі найповнішим) його «Собрания сочинений» у трьох томах (Київ, 1876—1880).

Визнанням наукових та громадських заслуг Максимовича стає обрання його дійсним членом Імператорського Московського товариства дослідників природи (1829), Московського товариства любителів російської словесності (1833), Російського товариства любителів історії та старожитностей російських (1834), Комітету з розшуку і збереження старожитностей у м. Києві (1855), Одеського товариства історії та старожитностей (1839), комітетів акліматизації тварин і рослин при Московському товаристві сільського господарства (1858), Московського археологічного товариства (1865). Крім того, він був обраний дійсним членом Імператорського товариства любителів і шанувальників природознавства, антропології та етнографії (1870), почесним членом Полтавського губернського статистичного комітету, Київської духовної академії та Університету св. Володимира (1869). На честь 50-літнього ювілею літературної та наукової діяльності Михайло Олександрович був обраний Університетом св. Володимира в доктори слов'яноруської філології, а також почесним членом Київського товариства дослідників природи, Московського та Новоросійського університетів. За свою службову діяльність Максимович був нагороджений у 1839 р. орденом св. Володимира 4-го ступеня.

6 вересня 1871 р. з ініціативи історико-філологічного факультету Університету св. Володимира в Києві святкувався 50-літній ювілей літературної та наукової діяльності М. О. Максимовича. Для нього це було найбільше прижиттєве вшанування, для університету цей ювілей теж мав виняткове значення. У святкуванні не лише виявлялася данина поваги до ювіляра, а й убачалася необхідність «возобновить и крепче поддержать непрерывную духовную связь с прошлым, потребность, которая начинает живо чувствоваться и созревается в современном обществе после недавних и еще далеко не исчезнувших увлечений и отрицательного отношения ко всему прожитому — хорошему и дурному — сплошь да рядом»*. Звучить дуже сучасно і актуально.

Помер Михайло Олександрович Максимович 10 листопада 1873 р. на своєму хуторі Михайлова Гора, де й похований.

* * *

Аналізуючи роль Михайла Максимовича в українській історіографії XIX ст., Дмитро Багалій зазначав: «Его научная деятельность отличалась по преимуществу критическим и библиографическим характером. На его долю выпала трудная и неблагодарная задача — очищать источники малороссийской истории (преимущественно летописные) и основанные на них труды от заблуждений, ошибок и искажений. Он расчищал почву для будущих трудов, создавал, по его собственным словам, кирпичи для будущего здания южнорусской истории; исследования, статьи и заметки его относились ко всем отделам и периодам»*.

На початку своєї діяльності в царині української історії у передмові до книги «Малороссийские песни...», виданій у Москві 1827 р., Максимович так визначив їхнє місце як історичного джерела: «Во всем отношении большое внимание заслуживают памятники, в коих полнее выражалась бы народность: это суть песни — где звучит душа, движимая чувством, и сказки — где отвечается фантазия народная. В них часто видим баснословия, поверья, обычаи, нравы и нередко события действительные, кои в других памятниках не сохранились...» Дешо нижче автор досить рельєфно формулює свої історичні постулати. Пісні, на думку Максимовича, — яскравий приклад того, як «дух, не находя еще в себе самом особенных форм, для полного выражения его в глубине зарождающихся чувств невольно обращается к природе, с которою он по своему младенчеству еще дружен, и в ее предметах видит, чувствует подобие свое гораздо явственнее и вернее. Посему-то находите столь

*

Юбилей
Михаила Александровича
Максимовича (1821—1871).
Київ, 1871. С. 1.

*

Багалій Д. И.
Новый историк Малороссии
/ Рец. на книгу А. М. Лазаревского «Описание старой Малороссии. Том первый. Стародубский полк». Санкт-Петербург. 1891. С. 4.

частые сравнения с окружающею безукрашенною природою — столь частые беседы с буйным ветром, дробным дождем, черными тучами. Унылая вещь зозуля, одинокий явор, плакучие ивы и гибкие лозы, печальная калина, крещатый барвинок — сии эмблемы отдельных состояний духа невольно ему напоминают его самого, и он выражается ими как бы потому, что не может иначе...»*

Заохочений успіхом першого видання українських пісень, Максимович продовжив дослідження у цьому річці та 1834 р. підготував друге видання свого збірника, але вже під назвою «Украинские народные песни». У передмові він знову підкреслив значення пісень і дум як історичних джерел: «Это надгробные памятники и вместе живые свидетели отжитой старины. Другие народы в память важных происшествий своих чеканят медали, по которым история часто разгадывает минувшее; события козацкой жизни отливались в звонкие песни, и потому они должны составить самую верную и вразумительную летопись для нового бытописателя Малороссии»**.

Українська історія була для Максимовича зручною формою викладу своїх поглядів і на більш широке коло питань. Починаючи з київського періоду заняття історією стають основними. Дедалі більше фольклор та лінгвістика відігравали в його дослідженнях допоміжну роль, а ботаніку він майже повністю призабув.

Максимович так писав про цей аспект своєї діяльності: «В Москве мое главное дело было естествознание, которому неразлучною спутницею и верною неизменною помощницею была философия, а в Киеве я предан был Словесности, развивавшейся у меня под господством Истории, которая под конец взяла верх. В Москве до 1830 года я жил больше будущим, а в Киеве на Украине дышал более прошедшим...»***

Під час відвідин Києва міністром народної освіти Уваровим у 1837 р. було проведено урочистий університетський акт, на якому Максимович виступив з промовою «Об участии и значении Киева в общей жизни России». Вона знаменувала початок праці колишнього природознавця над київською старовиною та історією Південної Русі. З цього часу історичні студії Максимовича стають більш конкретними, професійними, зберігаючи при цьому зв'язок із працями словесними. Протягом своєї багаторічної наукової діяльності Максимович висловлював свої судження майже з усіх питань історії України — починаючи від найдавніших часів і до сучасної йому епохи.

Важливою проблемою, що цікавила Михайла Олександровича, була історія Давньоруської держави. Вчений розпочав її розробку дослідженням «Откуда идет Русская земля, по сказаниям русским» (1837). Наступними були: «О происхождении варяго-русов» (1841); «О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом» (1857); «О древней епархии Переяславской» (1858) та ін.

Питання історії Давньої Русі поставали перед ученим у зв'язку з так званою норманською проблемою. Чималу роль тут відіграла праця М. Погодіна «Происхождение Руси» (1825), де, між іншим, висувалося та обгрунтовувалося декілька сумнівних гіпотез. Робота Максимовича «Откуда идет Русская земля...» була прямою відповіддю і навіть викликом російському історикові. Зав'язалася дискусія, головним чином на сторінках «Москвитянина». Максимович розвивав тезу про автохтонність східних слов'ян, їхню господарську (переважно землеробську) діяльність, що ставила їх на вищий щабель розвитку порівняно із завойовниками. Щодо виникнення державних форм життя, запрошення варягів, то аргументація Максимовича зводилася в основному до заперечення факту запрошення варягів та їхньої позитивної ролі в історії Русі.

М. Максимович.
Фото 1865 р.

*
Максимович М. А. Собр. соч.
Київ, 1877, Т. II. С. 439,
444—445.

**
Там само. С. 453—454.

НБУВ ІР. Ф. I. Спр. 577
/ 1471. Арк. 22 зв. — 23.

Максимович М. А. Собр. соч.
Киев, 1880. Т. III. С. 370.

Там само. Т. I. С. 209.

Там само. С. 6, 151,
655–656.

Багато цікавих спостережень і оригінальних думок стосовно давньої історії слов'ян у цілому і українців зокрема, їхньої мови, культури, щодо періодизації цієї історії подибуємо в дослідженні «История древней русской словесности» (1839). Максимович був переконаний, що «в Новгороде и в Южной Руси до исхода XII века Русью или Русской землей собственно называлась только Киевская земля, или Украина»*. Він виступив проти імперської великодержавницької історіографії, яка розглядала українську історію лише як ділянку загальноросійського історичного процесу, заперечуючи автохтонність українців Надніпрянщини (які, мовляв, прийшли сюди з Прикарпаття, коли росіяни після навали монголо-татар перекочували на північний схід). Цю тезу Максимович кваліфікував як антинаукову.

Спираючись на науковий аналіз джерел, учений доводив, що Русь-Україна — це пряма спадкоємниця Давньої, Київської Русі. У своїх відомих «Филологических письмах к М. П. Погодину» (1856) він писав: «Ты неизвестно почему выводил нас, малороссиян, из Карпатских гор, после нашествия татарского, тогда как мы и прадеды наши всегда думали и говорили, что мы жили здесь, по обе стороны Днепра, с незапамятных времен, с предковещу!» Розвиваючи свою думку, він стверджує, що «у нас и Киеве началась и от нас разошлась во все концы Русского мира жизнь, насажденная святым просветителем Руси Владимиром». І далі: «Мы, малороссияне, остались по-прежнему в своей родимой Киевской стороне, в своих стародавних городах и селах, со своими преданиями и обычаями, — мы остались на корню, с которого не сильны были сорвать нас никакие вихри и бури, ниже гроза Батыева... И как в древнее время, мы и наша земля назывались собственно Русью и Русскою землею»*.

Історію Київської Русі Максимович розглядав також у статтях історико-географічних та історико-топографічних. Майже всі вони зібрані у другому томі його «Собрания сочинений». Присвячені ці розвідки частіше за все давньому Києву («Об участии и значении Киева в общей жизни России» (1837), «Очерк Киева» (1847), «Топографические заметки киевлянина» (1841), «Объяснительные параграфы о Киеве» (1869), «Обозрение старого Киева» (1840).

У статті «Обозрение старого Киева» Максимович не тільки вказує на місцезнаходження давніх слов'янських святищ Києва, а й простежує історичний шлях кожної з них у різні епохи до XIX ст. включно. Йому одному з перших належить припущення, яке потім підтвердилося, що Київський замок містився на горі Киселівці. Підібраний дослідником найрізноманітніший матеріал являє собою суцільну історію, присвячену долі окремих урочищ («О Киевском Синописе и некоторых урочищах древнего Киева, упоминаемых в описании Закревского» (1871)), старовинних будинків, церков, монастирів («О построении и освящении киевской церкви св. Георгия» (1850), «О месте киевской церкви св. Андрея» (1866), «О времени основания Киево-Софийского собора» (1867)).

Отже, для робіт Максимовича з давньоруської історії характерний, за його власним визначенням, історико-топографічний ухил, і мали вони переважно довідковий характер.

Часи після татарської навали і до XVIII ст. розглядалися вченим як «средний период» історії українського народу. До речі, Максимович розробив досить детальну періодизацію історії слов'янської словесності, якою досить часто користувався і для окреслення окремих періодів української історії. Загальна схема історичного процесу, за Максимовичем, має приблизно такий вигляд: після 1240 р. — «Киевское княжество 80 лет принадлежало власти татарской»; потім, «с нашествия Гедимина на Киев в 1320 году», українські землі протягом 249 років «составляли принадлежность и часть государства Литовского». Навіть під владою литовських князів Україна змушена була постійно дбати про свою безпеку, ведучи безперервну боротьбу з татарами. Наслідком цього «для земледельческого народа Украины было не только образование козацкой Запорожской Сечи в отпор Крымской Орде, но и развитие в целом народе украинского козачества как особого войскового сословия»*.

Погляди Максимовича на проблеми українсько-литовських взаємин та історію Великого князівства Литовського викладені в роботах «Нечто о земле Киевской» (1864), «Записки о земле Волынской» (1864), «Память о киевском воеводе Григории Ходкевиче» (1868), «Письма о князьях Острожских» (1866), «Литовский замок в Киеве» (1871) та ін.

Найважливішою проблемою «середнього періоду» для Максимовича було підпадання України під владу Великого князівства Литовського. До Максимовича була поширена концепція про позитивне значення для українського народу литовського володарювання. Максимович, критично аналізуючи факти, відзначав позитивний бік «литовско-русского мира», констатує, що в «продолжение литовского периода Украина оставалась Киевским княжеством полтора столетия — до кончины своего последнего удельного князя Симеона Александровича, или Олельковича», і — як наслідок цього — «отдаленная от поляков земля Киевская была для них недоступною, и в ней могли распоряжаться только русин да литвин», але все-таки обстоював тезу, що володіння Україною було результатом «нашествия Гедимина на Киев»*.

У подальшому деякі твердження і погляди Максимовича стосовно цього періоду української історії будуть переглядатися, а українсько-литовські стосунки залишаться однією з дискусійних проблем історіософії.

Виходячи із загального бачення історичної долі українського народу «Максимович розробляв — уперше в історіософії — свою концепцію історії українського козацтва»*, водночас ведучи полеміку з російськими та польськими істориками. Особливо з першими — прибічниками так званої етнографічної теорії походження козацтва, за якою воно не мало стосунку ні до українського, ні до російського народу, будучи окремою етнографічною групою — результатом змішування стародавніх русичів з тюркськими степовими племенами.

Студії Максимовича над проблемами козацтва охоплюють період від початку 1840-х років і до середини 60-х. Свої головні думки й висновки про походження українського козацтва, його становлення та розвиток, склад і особливості, про козацтво Низове (Запорізьке) і козацтво «на волості» (на Наддніпрянщині), про роль козацтва в суспільному і державному житті України XVI—XVII ст. історик виклав у працях: «Филологические письма к М. П. Погодину» (1856), «Ответные письма М. П. Погодину» (1857), «Бубновская сотня» (1848), «Обозрение городовых полков и сотен, бывших на Украине со времени Богдана Хмельницкого» (1856), «О причинах временного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке» (1857), «Исследования о гетмане Петре Конашевиче-Сагайдачном» (1843), «Письма о Богдане Хмельницком» (1859—1860), «Воспоминания о Богдане Хмельницком» (1857), «Исторические письма о козаках приднепровских» (1863—1865), «Заметка о козацких гетманах» (1859) та ін.

У цих працях Максимович переконливо доводив, що козацтво — категорія історична і соціальна. Воно є частиною українського народу, а розвинулося козацтво з народного елемента. Дискутуючи з М. Погодиным, учений запевняв: «Козаки не иные кто, как украинцы, даже и при той догадке или мечте моей, что первым началом нашего козачества были древние тмутороканцы по прекращении их княжества (а слово «козак» было и в языке половецком). Что же касается до составления нового племени козацкого из торков и волыньских малороссиян, то я этого никак не понимаю и не провижу. К чему и как тут именно волыньцы, и что за новое племя козацкое?.. Козацтво было звание, сословие, а не племя»*.

В «Ответных письмах М. П. Погодину» історик розгорнув та поглибив свою думку: «Скажу определительнее. В Украине обеих сторон Днепра козачество развилось с XVI веком как особое сословие малороссийского народа среди прочих сословий, т. е. духовенства, шляхетства, мещанства, посполства. На Запорожье (бывшем до татар землею половецкою) козачество велось и прежде XVI века, до 1775 года как особое войсковое товарищество, состоявшее преимущественно и собственно из украинцев,

*

Там само. С. 151, 152.

*

Мельник Л. Г.
М. О. Максимович — творець першої наукової історії козацтва // Вісник Київського університету імені Тараса Шевченка. Українознавство. Київ, 1997. Вип. II. С. 58.

*

Максимович М. А. Собр. соч. Т. I. С. 233.

М. Максимович.
Фото 1871 р.

как об этом свидетельствуют их язык по наречию украинскому, их безусловная непреклонная приверженность к православной восточной вере, названия куреней Запорожской Сечи по именам украинских мест, личный состав Низового Запорожского товариства преимущественно из выходцев украинских (хотя бывали там и выходцы галицкие, волынские, польские, московские, волошские и другие); наконец, всегдашнее признание Украины у запорожцев их отчизною»*.

Максимович розглядав виникнення козацтва як народний рух: «Внешние набеги татар и внутреннее угнетение от Литвы и Польши в оное время общего хаоса служили поводом к составлению козачества за порогами Днепровскими... Запорожье было гнездом, где родилась дружная, отважная, холостая ватага вольных козаков, плодилась без матери, ибо для нее была Сечь — мати, а Великий Луг — батько. Козаков сводила и дружила жажда воли, мести, битвы, добычи, и всякий выходец, кто б он ни был, мог сделаться их братом, товарищем, только бы, принеся с собою боевую отвагу, он принял греческую веру и язык их»**.

На думку дослідника, козацтво запорізьке, «разливаясь с XVI века по Южной Руси, произвело в ней обновление целой жизни народной, разлило по ней козацкий дух свой». Коли ж козацтво увійшло в систему польської влади за Стефана Баторія, воно стало зерном української народної самобутності. Козацтво, «блюдя свою... волю, свою честь и славу, блюло с тем

вместе и общественную жизнь Украины, веру и волю народную»***.

Помітно, як Максимович сумує над втраченою Україною самобутності в межах Російської держави. Самобутність для нього означає політичну і культурну боротьбу за окремішність, кінцевим результатом якої постає власна політична організація (державність). Саме у стані самобутності якнайповніше розкривається народний дух, який виражається передовсім у народній (усній) поезії.

Із діячів першої половини XVII ст. найбільшу увагу дослідник приділяє Петру Сагайдачному. Свій погляд на постать гетьмана він виклав у двох статтях — «Исследование о гетмане Петре Конашевиче-Сагайдачном» (1843) і «Сказание о гетмане Петре Сагайдачном» (1850). Характеризуючи значення козацького провідника для історії України, він наголошує:

«Если победоносная сила Богданова была мечом, освободившим Украину от польского ига, то могучее непобедимое мужество Сагайдачного служило хранительным щитом православной Киевской Руси...» І далі: «Он был неизбежною, неотразимою грозою для татар и турок, которых громил непрестанно на море и на суше». Навіть поляки, зважаючи на військові подвиги, поважали запорізького гетьмана, «который с могучим, суровым мужеством героя соединял и доблести отличного гражданина. Сагайдачный для своего утесненного народа и гонимого православия сделал все, что только можно было сделать при Жигимонте III, не подымая оружия на Польшу; и не даром называется он в летописях великим защитником православия»****.

Максимович прагнув усебічно висвітлити роль козацтва в історії України, передусім у народних рухах і повстаннях. На його думку, козацькі повстання проти Речі Посполитої мали релігійний характер: «Для поляков все козацкие войны с ними, и Хмельницкого, и прежних гетманов, были «бунты козацкие», а для нас, малороссиян, то были крестовые походы за веру и свободу святорусской Киевской земли»*****.

Не присвячуючи Берестейській церковній унії окремої статті, вчений у своїх працях вважав її запровадження образливим і ненависним для всіх станів українського суспільства, що врешті-решт призвело до повстань та воєн проти Польщі: «...Польское стремление поработить себе равных

*
Максимович М. А. Собр. соч.
Т. III. С. 261—262.

**
Там само. Т. I. С. 837—838.

НБУВ ІР Ф. XXXII.
Спр. 393. Арк. 8 зв.

Максимович М. А. Собр. соч.
Т. I. С. 336, 337.

Там само. С. 508.

и жестокое насилие православной веры в Киевской земле от польского католичества и от изобретенной церковной унии произвели ту двухвековую междоусобицу польско-козацкую, которая прекратилась только с концом Запорожья (1775), козацкой Украины (1782) и королевства Польского (1795)»*.

*

Там само.

Особливо цінними є думки вченого про значення Запорізької Січі як зародка козацької державності — навіть з огляду на романтичне трактування козацтва як буйного товариства вільнодумних вояків. У своїх «Письмах о Богдане Хмельницком» Максимович уперше показав роль козацтва і, зокрема, козацької старшини у повстанні 1648—1657 рр. під проводом Богдана Хмельницького, обґрунтував вирішальний вплив козацьких звичаїв і традицій на формування особистості великого гетьмана, спростував поширену на той час думку, нібито провідник козацького повстання розпочав його у відповідь на особисті образи з боку польської шляхти. Крім того, опрацювавши велику кількість джерел, Максимович дав картину військово-територіального устрою козацької України доби Хмельниччини, тим самим започаткувавши вивчення проблеми розвитку козацької державності — гетьманщини*.

*

Мельник Л. Г.
М. О. Максимович —
творець першої наукової
історії козацтва. С. 59.

Своїми працями про козацтво вчений заклав серйозний фундамент для подальших наукових досліджень у цій царині. Під впливом Максимовича Володимир Антонович продовжив вивчення проблеми козацтва, змінюючи й уточнюючи свої погляди на його генезу. У праці «Про козацькі часи на Україні» він, зрештою, подав цілісну картину історичного шляху української козащини. На початку XX ст. вже Михайло Грушевський у своїх працях «История украинского народа» та в VII томі «Історії України-Руси» синтезував погляди Максимовича й Антоновича, які розглядали козацтво як органічне явище суспільного життя України, розвинув і поглибив ці погляди, спираючись на нові історичні джерела. За Грушевським, українське козацтво, будучи виразником національних інтересів народу і носієм ідеї державності, стає суб'єктом історії від XVI ст. Ці погляди стали загальноприйнятими в сучасній історичній науці.

У листах до польського історика М. Грабовського «О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке» Максимович детально проаналізував усю передісторію Визвольної війни, вказав на необґрунтованість тверджень польських істориків про начебто прогресивну роль Польщі стосовно колонізованого Півдня України.

«Славному Богдану» — «любимцу и предстателю народа своего, красе и славе козачества южнорусского» — присвячує Максимович низку своїх листів з приводу праці М. Костомарова «Богдан Хмельницкий», адресованих М. Погодіну. Аналізуючи роботу Костомарова, дослідник також знайомить нас із деякими своїми теоретичними принципами. На його думку, в історичній праці, незалежно від того, кому вона адресована, «везде ровно требуется и предполагается историческая живая истина; а для ее достижения необходимы точность и верность исторического факта, потому что это есть основание, без которого не может состояться прочно никакое дело историка. Мы хотим и требуем от истории, чтобы в ней давноминувшая жизнь являлась живьем перед очами нашими; а для этого необходимо, чтобы каждое историческое событие и лицо было познано и представлено верно, в его подлинном виде и на своем месте, как было оно на самом деле»*.

*

Максимович М. А. Собр. соч.
Т. I. С. 400.

У своїх «Письмах о Богдане Хмельницком» Максимович наводить цілий ряд нових фактів і доповнень, починаючи з тлумачення імені Ясько і закінчуючи психологією гетьмана. Критично опрацювавши свідчення про Хмельницького, заперечуючи одні (розповідь про полон Кантемиричів, епізод у Бродському замку), виправляючи другі (ототожнення Барабаша й Орманика, дата приїзду Хмельницького в Київ у 1648 р.) і, нарешті, доповнюючи треті (про суспільне становище батька Хмельницького, про життя гетьмана до відкритого виступу проти поляків), Максимович досить об'єктивно відтворює постать великого Богдана.

«Новий період» української історії, за визначенням Максимовича, — «XVIII век и первая четверть XIX». Історик висловив тут низку зауважень з багатьох питань, що стосувалися окресленої епохи. Безумовний інтерес становить його праця «О Григории Николаевиче Теплове и его записке «О порядке в Малороссии». Однак більш ґрунтовно історик досліджував народні рухи на Правобережжі — Гайдамаччину. В історичній літературі закріпилася думка про Максимовича як одного з найбільших авторитетів у даному питанні. Зібраними ним матеріалами у подальшому користувався Володимир Антонович для підготовки своїх досліджень про Коліївщину.

Своє розуміння суті Коліївщини Михайло Олександрович сформулював так: «Кровавый подвиг Зализняка был не просто гайдамацкий разбой и не случайное нападение запорожцев на польское владение для грабежа и добычи. Нет, то было огнелышнее извержение народной мести и вражды, целый век томившейся под гнетом унии; то была предсмертная судорожная схватка двух враждебных стихий в государственном теле, которое уже близилось к своему концу. Колиивщина была последним отзывом тех восстаний, которыми некогда целая Украина ополчалась на Польшу для спасения своей веры и своего народа, обреченных тогда на гонение; последним отзывом и тех мучительных казней, которыми судилище варшавское думало обуздать козаков и задушить их непреклонную широкую волю»*.

*
Максимович М. А. Собр. соч.
Т. I. С. 625.

Поряд із замітками та статтями, присвяченими окремим епізодам української історії, Максимович аналізував і загальний перебіг історичних подій на тлі якогось конкретного об'єкта. Такою є, наприклад, історія Межигірського монастиря («Сказание о Межигорском монастыре», 1865), простежена автором від часів давньокняжих до кінця XVIII ст. Майже точнісінько так, але на хронологічно меншому відтинку віддзеркалюється загальна історія України на долі невеликого її закутка — Бубновської сотні, в рідному для Максимовича Золотоніському повіті. В «Бубновской сотне» поряд з історичними довідками подається ціла низка біографічних нарисів про визначних уродженців цієї місцевості. Таким чином, нотатки про загальну історію України змінюються даними з місцевої історії, сімейними спогадами та народними переказами. Як слушно зазначав О. Грушевський, «в общем итоге эти выписки из документов, личные воспоминания, семейные признания и рассказы старых людей про былое — дают много материала для восстановления быта былого времени и ценны именно бесхитростною передачею данных о старине»*.

*
Грушевский А. С.
М. А. Максимович
(1804—1873): Из украинской
историографии XIX в.
Санкт-Петербург, 1906.
С. 38.

Уважно стежачи, наскільки дозволяли обставини, за розробкою питань української історії, вдумливо вивчаючи архівний та археологічний матеріал, Максимович зібрав величезну кількість інформації «и в голове, и в нотабелках», і йому потрібний був лише поштовх, щоб побачила світ його нова студія. Таким поштовхом частіше за все слугували помічена при читанні помилка, неточність або випадковий пропуск чи недогляд. Навколо цього виростала ціла наукова стаття. Свідчення літопису чи давнього письменника, випадково вцілілий могильний напис, припорошена старовиною географічна назва, підпис на старовинній картині чи родинний документ, ім'я у пом'янику чи натяк пісні — все це логічно й послідовно комбінується Максимовичем для доказу або, навпаки, заперечення тієї чи іншої тези. Важко не погодитись з О. Грушевським у тому, що до Максимовича «еще ни один знаток малорусской старины не располагал таким обширным запасом знаний — преимущественно из первоисточников»*.

*
Там само. С. 23.

*
Письма М. А. Максимовича
к О. М. Боянскому, 1838—
1873 // ЧИОДР. Москва,
1887. Кн. I. С. 144.

Зрозуміло, що за такої феноменальної обізнаності Максимович міг висловлюватися авторитетно й вагомо з найрізноманітніших питань української історії, і він завжди вважав своїм найвищим моральним обов'язком піднімати «корогву за нашу мову, за нашу землю-матір»*. Інформація про ювілей чи річницю, замітки з приводу чуток (іноді іронічні), рецензії на книгу, статтю чи збірник документів, виправлення помилки або неточності — все разом становить безперервний ланцюг статей і довідок з історії України від найдавніших часів до кінця XVIII ст.

Досить скромно оцінюючи свою роль у вивченні історії України: «На поле, сжатом наскоро историками Малороссии, я собираю пропущенные и оброненные ими колосья и понемножку передаю их в общую известность», Максимович хотів від історії, «чтобы в ней старина южнорусская открывалась в подлинном своем виде до последних подробностей, как открылись ныне древние фрески на стенах Киево-Софийского собора из-под штукатурки XVII века», а для цього йому доводилося все життя, «аки пчеле, собирать — и добро бы мед, а то пергу невкусную, чтобы из нее ссучить восковую свечу на поминаение покойникам родины моей»*.

Студії Михайла Максимовича, репрезентовані у цьому ювілейному виданні, розрахованому на широкий загал, звичайно, не охоплюють усього, що було зроблено ним на ниві українознавства. Вони покликані дати лише загальне розуміння різноплановості й універсалізму його наукової діяльності в галузі гуманітарній (переважно історичній, етнографічній, археологічній), познайомити з визначальними методологічними принципами вченого, засвідчити розвиток і формування історичних поглядів Максимовича — творця теоретичних засад новітнього українознавства як процесу складного і неоднозначного. Ми виходили з того, що Максимович мав власну концепцію історії України, а наукова спадщина його має значно глибше теоретичне підґрунтя і набагато ширша від традиційного про неї уявлення.

І хоча Михайло Олександрович не залишив систематичної узагальнюючої праці з вітчизняної історії, але впевнено ставши на шлях творення національної концепції історії України, він чимало зробив для нашої історіографії, почавши формувати її теоретичні підвалини, створивши праці, сповнені внутрішньої гідності, що залишаються актуальними і нині.

*

Максимович М. А. Собр. соч. Т. II. С. 343; Т. I, С. 238; ЧИОНЛ. Киев, 1905. Кн. XVIII. Вып. III, IV. С. 128.

Віктор Короткий,
кандидат історичних наук

Об участии и значении Киева в общей жизни России

Речь в торжественном собрании
Императорского Университета св. Владимира
2 октября 1837 года

*И рече [Андрей] к сущим
с ним ученикам: «Видите ли горы сия?
Яко на сих горах воссияет благодать
Божья, имать град велик бысть,
и церкви многи Бог воздвигнути имать!»
Вошед на горы сия, благослови я,
постави крест...*

Нестор

реди множества городов обширной Русской империи Киев, Москва и Петербург возвышаются как три великих памятника трех великих периодов русской жизни. Это три средоточия, из которых русская жизнь в свое древнее, среднее и новое время развивалась особенно, но всегда с одинаковою могучею и широкою силою; три исполинские ступени, по коим Россия с помощью Божиею взошла на настоящую высоту своего величия.

Три города сии, быв стольными городами нашего Отечества, служили ему источниками тех великих, незабываемых начал, из которых постепенно слагалась одна общая, целая жизнь его. И если представитель нашей древней истории есть св. равноапостольный князь Владимир, *просветитель* России, — если в средние времена народ русский возвеличил Иоанна III *собирателем Отечества*, а новая жизнь России раскрывала собою мысль *преобразователя* своего — великого Петра, то можно сказать, что Киев есть памятник русского православия, Москва — памятник русской народной самобытности, а Петербург — русского самодержавия.

Петербург, составляя ныне престол русского самодержавия, есть и представитель тех гражданственности и просвещения, коими Россия со времени великого Петра уравнивалась с просвещенным Западом и соделалась империею европейскою.

Но Москва не перестала оттого быть средоточием тех собственно русских народности и самобытности, которые она воспитала в средний период жизни для царства Московского и на которых утверждалось в ней самодержавие всея России со времен великого Иоанна.

А Киев и поныне есть главное место русской святыни и для целой России не утратил того церковного величия, которое составило первую основу всего величия русского, из которого развилась, которым спаслась и утвердилась народная самобытность Руси православной.

В Киев не спешит Россия со своими гражданскими целями и не движется она здесь тем непрерывным движением, с которым она в Петровом граде так быстро, непрерывно стремится и делом, и мыслию к будущему своему величию вслед за державным исполином-всадником.

В Киеве русское сердце не порадуется тем полным биением всенародной жизни, которая в настоящей полноте своей разливается в Москве белокаменной: и в великом Кремле — среди священных соборов, у подножия Ивана Великого, у Красного крыльца и Грановитой палаты, — и на Красной площади — близ Минина и Пожарского, в шумных рядах — куда стекается и где кипит русская промышленность и русское довольство во всей народной, яркой пестроте своей.

Но зато никуда, кроме Киева, не притекает Россия от востока и запада, от севера и полудня своего для молитвы и святых воспоминаний. Целые тысячи русских, отложив житейское попечение, идут набожно поклониться первым праведникам — святым угодникам печерским и святой главе равноапостольного просветителя России; идут побывать на тех святынях, откуда идет Русская земля, — у той вели-

Об участии
и значении Киева
в общей жизни России

Заснування Києва.
Копія XV ст. з мініатюри,
виконаної близько 1205 р.

чественной реки, где приняла она святое крещение — на тех горах и удолях, где раскрывалась богатырская юность ее и где древняя жизнь Руси оставила нам нетленные мощи первых поборников нашего православия да живое слово предания — в завет будущего своего величия... И нигде так живо не чувствуешь древнего величия Руси, как в Киеве, глядя на его святые храмы и высоты прекрасныя.

Источник нашей древней жизни, Киев есть и главное место живейших о ней воспоминаний, главный хранитель нашего прошедшего.

Да позволено же мне будет торжественному собранию сему в новом храме наук посвятить воспоминания и мысли мои об участии и значении Киева в общей жизни России.

* * *

Не дивное ли самое начало Киева?..

По преданию церкви, освященному тысячелетним верованием русских и согласному со свидетельством историческим о проповедании Андрея Первозванного в странах днепровских, — святой апостол благословил горы киевские и воздрузил крест, и предрек: «Яко на сих горах воссияет благодать Божия, имать град велик быть, и церкви многи Бог воздвигнути имать!».

Итак, первым началом Киева был крест Первозванного апостола в первый век христианства; а его благословение горам было верным залогом священного величия сей матери городов русских.

И созданся город Киев в не известное для истории время князем словен днепровских. Но исполнить пророчество апостола суждено было русским.

Через восемь веков варяжский князь Рюрик идет на княжение к словенам новгородским, в числе дружины своей ведет он русь от Балтийского моря; а в Царьгороде в то же время готовится уже словенский перевод священных книг, в котором руссам суждено было найти источник всего просвещения своего — и веры, и грамоты, и языка величавого, которого дальнейшее распространение и усовершенствование предоставлено было России. Через два года, с Аскольдом и Диром, русь переходит из Новгорода ко словенам днепровским, водворяется в Киеве, со славою утверждает здесь свое имя, и здесь полагается начало Русской земли*. Через два года эти русские князья Киева по обычаю варяжскому идут с русью в Царьгород за добычею и возвращаются в Киев с бесценным сокровищем веры Христовой, дарованной им грозным и вместе благотворным действием святой Богородицы, покровительницы Киева; и от патриархов Цареградских они принимают уже себе священнослужителей, и знаменитый первосвященник Восточной церкви хвалится обращением Руси...

Вот зарождение Русской земли в Киеве, с самого начала своего уже христианской; и могила первого русского князя в Киеве была страдальческая могила христианина (могила Аскольдова)!

*

Что Русская земля началась и распространилась из Киева и что руссы были варяги, или норманны, племена словенского, а не скандинавского и не финского, о том мои исследования и мысли изложил я в особом сочинении «Откуда идет Русская земля» (Киев, 1837).

Вещий Олег, сделавшись русским князем, усваивает Киеву владения Рюрика, водворяет его княжеский род на киевском престоле, нарекает Киев *матерью русских городов* и новыми завоеваниями распространяет Русскую землю, возвеличивает ее имя.

Быстро потом прибывает русская сила и далеко расширяет пределы свои Русская земля при князьях своих Святославе и Владимире. Во сто лет юго-восток Европы был уже под сильною рукою русского князя. Своим именем воинственные руссы уже положили неизгладимую печать первоначального единства на восточных словен, а своею отвагою победоносною они возбудили в них ратный дух и обновили их жизнь.

Но между тем как росла так быстро сила Руси из стольного Киева и на стенах Царяграда оставался щит Олега, на благословенных горах киевских утверждался щит веры православной. Игорь опустошает азиатские берега Черного моря; воинственный Святослав воюет Хазарию, Тмуторокань, подножие Кавказа и Болгарию Дунайскую: а мудрая Ольга принимает крещение в Царьгороде, учит крещению в Киеве и на русском небосклоне является предтекущая христианству нашему, как денница пред Солнцем и как заря пред светом.

И этот свет настает скоро — с нашим *Солнцем-Владимиром*. С ним воссияла благодать Божия на горах киевских, озарила ею Русскую землю, и стольный Киев вскоре возвеличился дивным благолепием храмов Божиих и соделался источником новой, внутренней, жизни для Руси.

Самое цветущее и славное состояние Киева было от св. Владимира I до кончины Владимира II Мономаха.

В эти великие времена русской жизни в Киеве процвело наше православие и совершило собою внутреннее преобразование русского духа и положило начало внутреннего единства Руси, первое начало ее грядущего величия. Совершающееся в нем преобразование духа и жизни русской Киев распространял и на другие части России — на Новгород и Полоцк, на Суздаль и Галич: все они создавались по его образцу; для всех их Киев был рассадником и веры, и законов, и грамоты, и языка книжного; от него заимствовали они и князей своих, и служителей церкви; от него восприяли они и кровь, и имя, и дух русский.

Но когда Киев начал это внутреннее развитие и распространение новой жизни по России, в ней господствовал уже удельный образ правления.

Между потомками Владимира делятся владения Руси как родовое наследие: начинается разновластие и междоусобная борьба уделов. Вотще Владимир Второй мирит князей, укрепляет за собою престол киевский: Мономах был последний единовластник древней Руси, а с ним кончилось и державное величие Киева!

Из Киева развиваются многие сильные княжества русские; но в нем самом мало-по-малу убывает великокняжеская сила, а с нею кончается и первоначальная целостность России.

Новые княжества русские опять дробятся на мельчайшие, так что пред нашествием татарским было уже до 70 особых княжеств русских. Такой образ удельного правления сокру-

Богоматір Велика Панагія (Оранта).
Ікона київського письма. Близько 1114 р.

шил первоначальное внешнее единство России, созданное силою Киева; но этот образ господства послужил Киеву средством к преобразованию России в то внутреннее единство жизни, на котором должно было утверждаться все грядущее величие Руси; и в постепенном развитии русской жизни период уделов был необходимою ступенью.

Надо ж было истощиться этому варяжскому образу княжеского господства, и притом самому собою; ибо силою господства сего и создалась первоначальная целость и огромность России. Надо было России собственным кровавым опытом удельного разновластия дойти до единодержавия и долгим трудным путем дробного развития жизни и частной самобытности перейти к общей самобытности народной и достичь наконец того полного единства и стройной целости своей, о которых уже вещей Боян, поминая первые времена междоусобий Русской земли, говорил: тяжко тебе, голове без плеч, горе тебе, телу без головы! Да и мог ли древний Киев эту страшную громаду разнородных племен, так быстро его внешнею силою соединенных, преобразить внутренним единством своей новой жизни, если бы не дал развиваться ей самостоятельно и созреть постепенно по участкам неустроенного мира?

И вот Русская земля дробится на уделы между сынами Владимира; Киев рассеивает в них свою новую жизнь, свою русскую силу; и в каждом из них растет она самостоятельно; и с княжескою кровью Владимира разливается и напечатлевается повсюду одна вера, а с нею и один язык, одинакий образ мысли и жизни. Князья междоусобствуют, страсти кипят; но среди этой внешней борьбы удельных князей происходит в народе и внутренняя борьба одной новой жизни с прежним ее разнообразием. Эта борьба полагает печать живого единства внутреннего, которое возрастало в русском народе по мере того как внешнее единство древней Руси распадалось. Потому-то в период уделов, несмотря на междоусобия князей, в Русской земле утвердилось православие, созидались новые города, великолепные храмы Божии и святые обители; были великие деятели на поприще веры и общественного блага; были славные писатели и песнетворцы, — и вообще древняя Русь ознаменовала себя самыми счастливыми начатками просвещения, какими и Запад современный не во всем похвалиться может. Не во времена ли первого разновластия и в самом Киеве создалась святая Лавра и процвел сей великий вертоград духовного просвещения древней Руси; и великий создатель его — преемник Антония преподобный Феодосий — явил себя величайшим поборником православия и просвещения, и мира общественного?..

Период уделов России был веком рыцарства ее, в котором столько же было мрачного и кровавого, сколько светлого и живоносного. Любовь к Русской земле и ее славе сильно развилась в эти первые века нашего христианства; ратный дух усилился враждою на поганных и возвысился понятием чести. «Искать себе чести, а князю славы» было девизом русского воина. «Лучше быть изрублену, чем быть полонену», — взывали удельные князья к своим дружинам; «Брань славна лучше мира студна», — говорили иноки-летописатели.

Князь Игорь.
Малюнок XVIII ст.

Князь Володимир Великий.
Малюнок XVIII ст.

И вот уже Киев, рассеяв русскую силу свою по всем участкам Русской земли, между потомками своего великого князя, сам остался только с именем *великого*. Но это имя звучит прадедовскою славою для русских; но *золотой* престол киевский неодолимо влечет к себе русских князей, и за общее для них его имя они жертвуют часто своим удельным, верным достоинством.

Но вот уже и имени великого княжества лишается Киев: в Северо-Восточной Руси оно усвоено Суздалью, на Юго-Западе Русском — Галичу. Но и тогда Киев был велик для народа своим величием церковным; и один он еще хранил единство преобразованной им Руси и был средоточием обширного ее круга; это единство было церковное, единство православия, коего он был главою и по власти своего митрополита *всех Руси*. То была последняя власть древнего Киева над Русью, с которою оставался он и тогда, когда мирскую власть его давно уже поделили между собою потомки Владимира. То единство Руси было первое, которое не рушилось и тогда, как с нашествием татар все на Руси пришло в смешение и русские князья падали пред несметною силою ханскою. Тогда пало и церковное великолепие древнего Киева, и он из багряницы облекся во вретище.

Внук Чингисханов Мангу, посланный Батием осмотреть Киев, был поражен, увидев из-за Днепра великолепие, которым сияли высоты его, и предложил ему покориться Батю. Но князь Михаил с презрением отверг гордыню сильного, побил послов татарских и удалился в Венгрию. Киевляне с боярином Димитрием отчаянно защищались, когда нагрянули черные тучи Батыевы; с бою выдали они Киев, и великий город разрушен был до основания, и храбрые русичи погибли со своим митрополитом под саблями поганых (1240).

От стольного Киева остались в обгорелых стенах Софийского собора гробница Ярослава, развалины Золотых Врат его да юго-западный придел Десятинной церкви над священными останками своего великого строителя. От святой обители Печерской, дивным великолепием украшенной, уцелели одни нетленные останки русских праведников да малый придел церкви, ку-

да на протяжный звон благовеста сходились к церковному служению благочестивые иноки, укрывшиеся в окружающих лесах и вертепах.

Вот что осталось в великом Киеве от древней жизни его! И когда Михаил, напрасно искавший помощи у князей, воротился из Венгрии, тогда престолом ему был Днепровский остров перед развалинами Киева, и он принял мученический венец в Орде, спасая уже только православие души своей. «Христианин есмь» — было последнее слово последнего князя Киевского и Черниговского. В этом слове заключается все значение древнего Киева в общей жизни России...

Тяжкая мгла татарского ига налегла на Русскую землю. Но свет и во тьме светит!

Светильником Руси был новопоставленный в Никее (1250) митрополит Киевский Кирилл. Найдя Киев в развалинах, он перенес кафедру свою во Владимир — великокняжескую столицу Северо-Восточной Руси. С его прибытием туда повеял новый дух жизни в отечестве нашем. Примирая и напутствуя князей, возобновляя и умножая церкви, исправляя церковные уставы и духовенство, сей великий пастырь всея Руси ревновал о восстановлении и утверждении в народе православия в его апостольской чистоте, которая (по словам его) у нас омрачена была облаком мудрости еллинского языка и в падшей Греции, завладенной Римом, была возмущена чрезвычайно, особенно в то время.

Живым обновлением православия в жизни народа он положил твердое начало обновления народной жизни, и у самих татар снискал уважение к нашей вере и духовенству нашему, и учредил особую епископию в столице преемника Батыева.

Россия, несчастливая тяготевшим над ней игом и раздорами своих удельных князей, счастлива была служителями церкви своей, которые были посланниками самого неба ко благу отечества. Своим деятельным православием они обновили и утвердили народность русскую и привели ее к самобытности. Не святые ли митрополиты Петр и Алексий были защитниками Руси в Орде? Не Алексий ли, быв главным

Князь Ярослав Мудрый.
Малюнок XVIII ст.

Князь Володимир Мономах.
Малюнок XVIII ст.

деятелем Руси, удержал великое княжество за Дмитрием и уготовил ему битву с татарами? Не святой ли Сергей-чудотворец благословил Дмитрия Донского на первую победу над татарами, вооружив его *нетленным оружием* креста и двумя иноками-оруженосцами? Не Вассиан ли силою своего слова подвиг Иоанна на роковую битву с татарами, которою решена была самобытность великой России?..

Быть сердцем великой России, средоточием ее нового бытия и величия провидение судило Москве.

Величие Москвы создалось на краеугольном камне православия. С самого начала своего великокняжества она стала митрополией Всероссийской церкви и наследовала от Киева ту церковную власть, по которой принадлежали ей все разрозненные части древнего русского мира, по которой она с самого начала своего уже была средоточием духовного единства вся Русь.

Мирскую власть свою Москва стяжала постепенно, и уже не одною силою отваги, как древний Киев, но и силою мысли. Медленно собирала она раздробленную и подавленную Русь; на зато прочное и стройное дала ей единство на незыблемом основании единства духовного.

Москва, соделавшись великим княжеством, собственной силою освободилась из-под ига татарского; отдельное слабое бытие северо-восточных княжеств постепенно соединила она в одно самобытное, сильное *Русское царство* и удельную власть князей слила в одну власть *царя*. Таким образом утвердилась в ней народная самобытность, а вместе с самобытностью и единодержавие Великой Руси.

Народная самобытность и единодержавие явились в ней как два живых начала одного цельного бытия: они были достоянием и следствием вековой жизни России, проистекли из общего внутреннего единства и развились совместно. Первым шагом Руси к народной самобытности была победа Донского, и он положил первое начало единодержавия. Иоанн Великий довершил освобождение и самостоятельность России и был первым русским царем и утвердителем единодержавия. Северо-Восточная Русь была первою жертвою силы татарской и первая восстановилась самобытною чрез свое православие — и потому в своем народе назвалась *святою Русью*.

Но возвратимся к Киеву. Между тем как митрополиты Киевские действовали во благо на северо-востоке ее и создавалась Москва — Киев находился 80 лет под управлением татарских воевод и оставался в развалинах; а в лесах Черной Руси возникла Литва, и незадолго пред тем как усилившаяся Москва стала великим княжеством, литовский князь Гедимин, завладев Северо-Западом Русским, образовал из него другое великое княжество — *Литовское* — и, умножая свои завоевания, вызволил Киев от татар (1320) — и Киевское княжество стало уделом Великого княжества Литовского.

Вслед за тем Великое княжество Галицкое, долгие все сохранявшее свою самобытность и присвоившее себе Киев, было соединено с Польшею и обращено в *Русское воеводство* (1340).

Таким образом прежние княжества русские сосредоточились в двух новых великих княжествах: Московском и Литов-

ском, и вся древняя Русь разделилась на две половины — западную и восточную, которые доканчивали между собою прежнюю удельную борьбу, но были соединены единством церкви.

Киев доживал свое ветхое княжество. Управляемый литовскими наместниками греко-российской веры и наместниками митрополитов Московских, именовавшихся *Киевскими*, он хранил свое православие и сберегал предания и драгоценные останки святой старины своей. В Литве, большую часть коей составляли русские, также господствовали восточная вера и язык русский. Литовские князья у Болгарского патриарха испрашивали себе особых митрополитов, но киевляне не принимали их, и Киев с Галичем не отделялся от митрополии Московской.

Князь Ягайло, приняв с рукою Ядвиги и корону Польши, не крещенных еще литовцев обратил в латинскую веру, требовал обращения в нее и от литовских руссов и хотел соединить Литовское княжество с Польшею. Но литовские руссы своим князем признали воинственного Витовта, и он, стесняя Москву, воюя татар, овладел большею частию древней Руси и увеличил ею Литовское княжество; а для большей самобытности его и отдельности от Москвы он заставил западнорусских епископов посвятить особого митрополита Киевского.

Таким образом произошло первое разделение Всероссийской митрополии. Киев становится средоточием духовного единства для всей Западной Руси. Последний великокняжеский наместник Киева, благочестивый князь Симеон, обновил уже святую Лавру (1470). Но со смертью его кончилось и княжество Киева: Казимир, подобно Ягайлу принявший корону польскую, Киевское княжество обратил в *воеводство* (1471), в то время как Москва становилась на степень самобытного царства. Взамен княжества Казимир утвердил окончательно отдельность Киевской митрополии от Московской; но митрополиты Киевские жили в Литве; киевские воеводы были католики; латинская вера постепенно усиливалась в Западной Руси, и православие лишалось своих прав по мере сближения Литовского княжества с Польшею, которое и довершилось при Сигизмунде Августе (1569). Кроме того, едва обновленный Киев опять разграблен был Менгли-Гиреем (1482), и с той поры Малороссия вновь была опустошаема набегами крымских татар в продолжение нескольких десятилетий.

Но в это тяжкое время на защиту Киева и Украины является козачество.

Уже давно южные руссы образовали воинское братство на островах днепровских в Запорожье, где положил свою голову воинственный Святослав, вещавший некогда к дружине своей: «Не посраим земли Русския, но ляжем костями, мертвые бо срама не имут!»

Не снося чуждого ига, дыша славою предков, они роились в темных лесах и привольных степях днепровских. Там широко развивалась их буйная воля и отвага воинская. Но главным условием козацкого братства была вера православная и старая вражда на поганых. И грозны были для татар и турок козацкие набеги и на суше, и по Черному морю, которое знако-

Княжі барми з Київського скарбу XII—XIII ст. Деталі

мо было сынам Южной Руси уже издревле, со времен Аскольда и Олега. Запорожцы порывались пристать к Москве и обращались к Иоанну III, но тогда не была еще пора их соединения и Запорожье было далеко от тогдашних пределов Великой Руси.

Набеги татарские на Киев усиливают в них вражду на поганных, и козачество с XVI века разрастается по Украине, и народность Украины обновляется. Славный Баторий видит

всю важность козачества и для Польши — и дает ему права и воинско-гражданственное устройство в Украине, и ставит воеводство Киевское при Польше отдельным от княжества Литовского. И вот первый важный шаг Южной Руси к самобытности народной!

А между тем росла и возвышалась государственная самобытность и сила Великой России. Православие процветало в

ее недрах; оно осталось неприкосновенным и уважаемым от татар и отвергло многократные покушения Рима, не покидавшего своих намерений привлечь Россию под власть папскую. Сильно уже потрясена была эта власть Реформацией и в самой Польше; но тем с большим усилием домогалась она присоединить к себе Россию. Главными орудиями сей мысли стали иезуиты; они усилились в Польше и завладели ее политикою. Иезуит Антоний, оказав услуги Иоанну Грозному, просил за то публичного прения о вере. Здравым разумом московского царя была опровержена хитрость ума иезуита, который после того устремил уже свои виды на Киев. Православная церковь Великой России осталась неколебимою и при набожном Федоре, последнем потомке святого Владимира на престоле Московском, и достигла полной самобытности установлением Московского патриаршего престола (1589).

Тогда усилия иезуитов обратились на Западную Русь, и средством присоединения оной под власть папскую была уния. Для привлечения к ней истощены были все меры — к соблазну слабых, к ожесточению твердых. Тут не было уже и тени той веротерпимости, которою отличалась всегда Россия, — и Сигизмунд III обесславил себя слепым доверием и покровительством иезуитству и открытым гонением на христиан, не признававших над собою власти папской. Обращение в унию сопряжено было с ужасным насилием. Униатам были предоставлены все мирские и общественные выгоды и все покровительство; а православные были поражены в самых святынях своих отношениях. И в сию-то печальную годину

Княжа діадема з Київського
скарбу XII—XIII ст.
Сучасна реконструкція

искушения, когда уния производила разделение между православными Западной Руси и овладевала ими в Литве, пробудившийся Киев является великим поборником православия и опять становится средоточием народной деятельности Украины и источником духовного просвещения России.

Воевода киевский, знаменитый князь Острожский Константин, потомок великого Владимира, был величайшим рев-

Частина Києво-Печерської фортеці
з верхньою територією Лаври. Гравюра 1783 р.

Десятинна церква в Києві.
Гравюра 1888 р.

нителем православия и распространителем просвещения в Южной России. Ему первому обязана она учреждением училищ и книгопечатания; ему обязаны все православные за первопечатное издание полной Библии словенской; и он первый восстал на сейме против унии и писал красноречивые *окружные увещания* к литовским и волынским церквам о пребывании неотлучно в православии.

С другой стороны, за свою веру ополчилось на унию козачество. Заслуги Польше сего народного рыцарства умел ценить Баторий и забыл Сигизмунд: отнял права, заслуженные у Батория козаками, объявил их еретиками (схизматами), и ужасная казнь постигла их храброго вождя Наливайка за восстание.

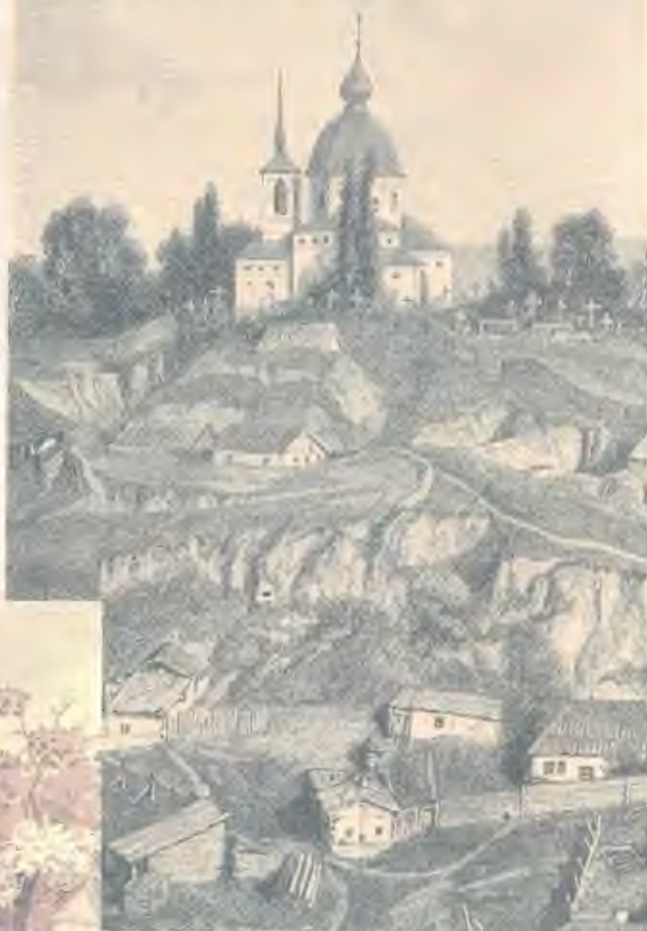
Новый запорожский гетьман Петр Конашевич-Сагайдачный новыми подвигами для Польши укрощает на время угнетения на Украине и упрашивает Цареградского патриарха постановить православного митрополита в Киеве (ибо со времени унии православная паства Западной Руси 25 лет сиротела без пастыря). Ревнуя о православии, Сагайдачный оставляет гетманскую булаву и братство козацкое, записывается в братство Киевское, всем достоянием своим жертвует в пользу монастыря и училища и пишет *драгоценное* сочинение против унии.

Киевское братство между тем становится рассадником духовного просвещения; воспитанниками его Богоявленской школы наполняется козачество.

Стараниями Плетенецкого обновляется св. Лавра, возвращает свои права, начинает книгопечатание, и духовенство

В. Тімм. Успенський собор
Києво-Печерської
Лаври. 1857 р.

Т. Шевченко.
Аскольдова могила. 1846 р.

Урочище Шекавинці
й кладовище. Гравюра XIX ст.

Церква, побудована
Петром Могилою на руїнах
стародавньої Десятинної.
Літографія 1857 р.

М. Сажин.
Вигляд університету
з Ботанічного саду. 1846 р.

М. Сажин.
Руїни Золотих Воріт.
Кінець 1840-х років

киевское, вооружась богословием, опровергает своими сочинениями печатные клеветы иезуитов на православие и словом проповеди своей распространяет оное в народе.

В Печерскую Лавру является сын молдавского князя, обучавшийся в Париже и с честью служивший в польской военной службе; на 28-м году своей жизни он постригается в лаврские монахи и скоро становится архимандритом и митрополитом Киевским. Это был Петр Могила — величайший деятель на защиту православия и распространения духовного просвещения. Отобрав Софийский собор у униатов, он восстанавливает в нем митрополичью кафедру, обновляет Десятинную церковь и из-под развалин ее переносит в Лавру святую главу просветителя России; восстанавливает и умножает церкви; а для исправления церковных правил, догматов и книг, намеренно порченных униатами, он открывает Киевский собор (1640). В числе многих сочинений своих он составляет *Православное исповедание веры*, которое поныне служит главною книгою вероучения и имеет достоинство вселенское (ибо, одобренное всеми патриархами Восточной церкви, оно распространилось по Востоку и по Европе в переводах на греческий, латинский и немецкий языки). Сверх того сей *старший брат и защитник Киево-Братской школы* обогатил ее средствами, возвысил ее на степень Академии и в завещании своем назвал *единственным своим залогом*.

Козачество, со своей стороны, при новых насилиях православия продолжало из Запорожья свои крестовые походы за Восточную церковь, за богоспасаемый град Киев и святую Лавру. Защита веры обращается в защиту Украины, и кровавый ряд их походов заключается блестящими подвигами гет-

мана Хмельницкого. Освобождением Украины восстановил он народную ее самобытность и в народе своем заслужил великое имя *Богдана*, которым киевское духовенство приветствовало его первые победы (1649).

В 1654 году великий Богдан присоединил Малороссию к Великой России, коей царь, еще прежде принявший титул *обладателя всех северных стран, дедича и отчича*, соединил с Москвою Белоруссию. Таким образом свершилось первоначальное слияние в одну государственную самобытность и целостность трех надолго разорванных частей Руси, и Московский царь соделался *царем Великой, Малой и Белой России*.

Но Западная Русь в отношении церковном подлежала еще патриарху Цареградскому; гетман Самойлович соглашает его уступить Киевскую митрополию патриарху Московскому. Таким образом (1686) восстановилось и церковное единство православной Руси, коей полное единство утвердил великий Петр своим самодержавием и преобразовал ее в великую империю.

Но еще и до соединения с Москвою Киев доставлял ей средства к просвещению. Когда славный патриарх Никон предпринимал обновление православной церкви в Великой России, не из Киева ли был вызван Епифаний Славинецкий, *муж мудрости внешняя и духовная исполненный*, который начальствовал над ученым братством переводчиков, составленным в Москве из киевских же монахов; не он ли первый Московскую церковь огласил собственною изустною проповедью?..

Так много действовал Киев для православия и духовного просвещения русского; так много принимал он участия в общей жизни России и в средний период!

* * *

Когда великий Петр, постигавший великое предназначение России, насаждал в ней новоевропейское просвещение и своими преобразованиями начинал новый период ее жизни, не из Киева ли были первые сподвижники его и ревнители православной церкви нашей — святой Димитрий Ростовский и Стефан Яворский, который был блюстителем патриаршего престола, первым президентом Святейшего Синода и своим «*Камнем веры*» отразил новую грозу противу православия? Не здесь ли потом победитель Карла XII нашел этого красноречивого, разумного, многоученого Феофана, главного сотрудника своего, первого своего историка и прославителя живым словом проповеди, возбуждавшим в народе живое сочувствие к великим делам и мыслям Петровым? Не отсюда ли были и четвертый проповедник века Петрова Гавриил Бужинский, и духовно-глубокомысленный Иоанн Максимович, и эти славные страдальцы за православие — Феофилакт Лопатинский, архиепископ Амвросий и Георгий Кониский?..

Не Академия ли Киевская была для целой России главным рассадником просвещения в первую половину прошедшего века? В ней учился и отец новой словесности нашей

всеобъемлющий Ломоносов, по мысли коего в блистательный век Елисаветы учрежден Московский университет, соделавшийся главным средоточием и главным рассадником народного просвещения целой России.

После того Академия Киевская служила главным местом духовного просвещения уже собственно для Южной России, и преобразованная при благословенном Александре (1819) не перестает быть полна глубиною мысли и знания духовного и процветает силою и красотою христианского слова.

Столь велико было участие Киева и в новой жизни России!..

Старый Киев есть памятник его первобытного священого величия при Владимире равноапостольном и Ярославе *благовластном*. Святая Лавра Печерская есть памятник благочестия и духовного просвещения России в древние времена, среди междоусобий княжеских, а вместе с тем она есть и святая колыбель нашей истории.

Духовная Академия с братством есть памятник того духовного просвещения, которым спасаемо было православие от притеснений Запада в средний период русской жизни, — важнейший памятник умственной жизни Киева в эти бурные и бедственные для него времена.

Киев с твердостью христианина перенес все лишения и все беды, которые небо посылало ему в испытание, и нашел опять успокоение и благоденствие в общей жизни с Россиею. Все благолепие и богатство храмов, которым ныне сияют священные высоты его, все его внутреннее довольство — ими обновился Киев, находясь уже под державою России, — ими Россия возлелеяла свою древнюю мать и возблагодарила ее за тот духовный свет жизни, которым так много от нее озарялась.

Киев восприял новое бытие из общего источника благоденствия России. Та полнота гражданственной жизни и просвещения, коими Россия возвышалась в новом периоде своего бытия, сообщалась и Киеву, и он, возрастая постепенно в своем внутреннем благосостоянии, получает непрестанно и новые средства содействовать благоденствию того края, коего судьба всегда была теснейшим образом сопряжена с его судьбою.

В славный век Екатерины Великой, ознаменованный для русского просвещения первым распространением в России народных гражданских училищ, положено начало гражданского народного образования и в Киеве.

При Александре Благословенном Киев был уже предназначен к учреждению высшего учебного заведения, коего не доставало еще для сего края. В 1809 году здесь открыта гимназия, которая, по уважению к отличному подвигу киевского дворянства в пользу народного просвещения, возвышена была (1811) и в правах перед прочими гимназиями и переведена в древний Кловский дворец.

Наконец, под державою Николая Первого, Россия спознала всю полноту своего внутреннего и внешнего величия и обратилась к своенародному и стройному его развитию во всех отраслях жизни, — по собственной мысли и в собственных видах.

Постановив воспитание важнейшим государственным делом, наш возлюбленный государь постиг, что оно должно быть в полной мере *отечественное, истинно народное*; и под его благотворною десницею воспитание и просвещение русское восприяло новую жизнь во всех странах великой империи.

Утвержденное на незыблемом и верном основании, оно приемлет вид одной общей и стройной системы, столь согласной с истинным, настоящим благом и дальнейшим величием нашего отечества. И быстро оно развивается и совершенствуется, непрестанно получая от правительства все возможные к тому средства, — имея в исполнителе воли и мысли монаршей мужа славного в ученом мире своим просвещением и трудами учеными, неутомимого в деятельности государственной, — находя в его сподвижниках полное сочувствие и усердие.

При таком общем преобразовании и усовершенствии русского воспитания и просвещения благостию царя нашего учрежден новый русский университет в Киеве «в память великого просветителя России» — и уже воздвигается величественное здание для сего храма наук как новый памятник обновленной жизни Киева и той страны, коей средоточием был он и в древнее, и в среднее время, — как новый и великий знак любви царя к своему народу. Да будет же он и новым алтарем народной благодарности к благотворным его попечениям!

Святая вера да будет общим основанием всего просвещения нашего — умственного и сердечного, всей нашей жизни частной и общественной! И да сбудутся заветные слова, кои начертаны вокруг креста, положенного в основании нашего университета: *во свете Твоем узрим свет!*

Виступ видано окремою брошурою (Киев, 1837)

О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом

Письмо М. П. Погодину

Пора нам прекратить спор в «Русской Беседе» хоть перемирием! В моих *Филологических* и двух *Ответных* письмах сказано уже все, что я намерен был объяснить тебе о предмете нашего спора с его *филологической* стороны; и если ты не возвратился к прежнему понятию, которое старался я оправдать, если ты погряз в своем новомыслии, из которого я надеялся тебя выволить, то в этом уже твоя воля, не моя вина. Ты в *Ответах* своих сознаешься, что ты — «не филолог, а историк», что «филология — не твое дело»: и это справедливо; от этого-то и происходит особенность некоторых твоих утверждений о языке, против которых и возражать не для чего. Надеюсь, что г. Бодянский — «законный судья» в этом деле — не откажется исполнить твое прежнее и мое нынешнее желание: выскажет свое мнение о языке Несторовой и последующих южно-русских летописей и тем порешит наш спор с *филологической* стороны. Тогда нам можно будет приступить и к заключению вечного мира, который будет, как говорили в древности, стоять до рати!

Во втором *Ответном* письме моем я говорил с тобою как с *историком*; и хочу еще поговорить о предмете нашего спора — в отношении *историческом*, увлекаясь на то любезным заключением твоего второго *Ответа*, что «говорить дело о деле» ты «всегда рад», и со мною «еще более чем со всяким другим, но без предубеждений». Поговорим же и, во-первых,

о том историческом *предубеждении*, которое ныне стало твоим *убеждением*, — о запустении Киево-Переяславской земли, или Украины, в нашествие Батыево и заселении ее новопришлым народом.

Признаюсь, что от тебя, особенно как *историка*, я надеялся нового света на темное для истории время татарщины в Киевской земле, т. е. на два сорока лет, прошедшие от Батыева до Гедимины; и надеялся тем более, что ты так решительно распорядился Киевскою землею на это время: вывел из нее коренных обитателей, полян, куда-то в пределы севернорусские; а в нее перевел новых поселенцев из Карпат! Во втором Ответном письме я стал говорить: «История Киево-Переяславской земли, от Батыева до Гедимины, примолкает, и это естественно...» Ты, перебив на этом мою речь, возгласил: «Примолкает — но не для всех. Имея уши слышати, слышит. Послушайте же!» Я подумал при этом, что вот тут-то будет мне от тебя благовестие неслыханное...и что же? Ты с такою важностью заставил меня прослушать от тебя все те же известные отрывки из Воскресенской Летописи и путешествия Плано Карпини*; и ничего более не дал, на все восьмидесятилетие татарщины киевской! Делать нечего; остановясь на приведенных тобою отрывках, я замечу тебе, что из них совсем не видно предполагаемого тобою *переселения полян из Киевской стороны на Русский Север*, не видно и *запустения Киево-Переяславской земли*, которое издавна в таком ходу, у разных писателей.

*

Еще недавно, во 2-й книге «Записок» Кулиша, г. Руликовский доказывал опустение Украины в нашествие Батыево, основываясь только на словах Плано Карпини.

Воскресенская Летопись говорит о побеге князя Михаила в «Угры», а иных — в *дальние страны*: очевидно, в страны не русские, а в те, в которых набедовался князь Михаил и воротился в Киев. Но ведь эти, бежавшие на чужбину, — горстка в сравнении с целым народонаселением, из которой, впрочем, частица (хотя и ничтожная, по-твоему) все-таки воротилась тогда же.

Воскресенская Летопись упоминает далее о немилостивом избиении татарами *затворившихся в граде*. Вот это и есть собственно опустошение татарами русских областей, всех равно, по которым только проходили; в городах собственно и гибло народонаселение русское, сопротивлявшееся татарам. Сюда наиболее относится и известие Плано Карпини, что «*большая часть* руссов была побита или уведена в плен татарами». Наши князья, будучи в воле *татарской*, сами принуждены бывали разорять свои города, например волынские и галицкие, 1261 года. Но ведь города, несмотря на потерпенное разорение, не пропадали, а возобновлялись, как в Суздальской, Волынской, Галицкой землях, так и в Киевской. Татары 1240 года побили всех киевлян «*от мала и до велика*» (говорит суздальский летописец). Однако через шесть лет, когда был Плано Карпини в Киеве, там, по его словам, были и *тысяцкий*, и *бояре киевские*, и около 200 дворов жителей. И так город Киев продолжался. В 1300 году «*весь Киев разбежался*»; однако он опять сбежался. (Та же история, как и с городами земли Суздальской, Волынской, Галицкой.) В разорение Киева Батыем разорен был *Печерский монастырь*; однако через все 80 лет татарщины продолжался непрерывный ряд семи игуменов печерских; в том числе были и красноречивый,

Святий Георгій. Ікона
київського письма.
XI — початок XII ст.

зело учительный *Серапион*, поставленный в епископы владими́ро-суздальские (1274 г.), и *Агапит*, бывший (1288 г.) во Владимире-Волынском на погребении набожного князя Владимира. В разорение Киева Батыем разорен был и *Выдубицкий монастырь*; и пишут нам, что он после того долго впусе лежал; однако мы знаем, что *недолго*, — что через шесть лет князь Даниил по пути к Батыю «пришед в дом архистратига Михаила, рекомый Выдобич, и созва калугеры и мниский чин, и рек игумену и всей братьи, да сотворять молитву о нем; сотвориша, да от Бога милость получить; и бысть тако; и пад пред архистратигом Михаилом; изыде из монастыря в лодьи» (*Вол. Лет.* под 1250 г.). Достаточно ли тебе, на первый раз, этих указаний о Киеве?

Ты указываешь мне особенно на слова Плано Карпини, что *Канова*, т. е. *Канев*, зависел непосредственно от татар.

Я к этому, пожалуй, прибавлю еще и соседний город — Переяслав: «и прииде (Даниил) Переяславлю, и сретоша татарове» (Вол. Лет.). Отсюда видно только, что в этих городах распоряжались тогда татары; но нисколько не видно *запустения* Украины; не видно того именно, что ты выводил мне отсюда: будто «киевско-переяславские поляне искали себе убежище и спасение *на севере*»! И откуда же это видно? Ты называешь теперь *полян* — *великороссиянами*, говоришь мне об их уходе на север — «из-под первого, так сказать, удара новых, сильных врагов». Но если предполагать сколько-нибудь единства в народном *характере великороссийском*, тогда и в стране твоих «киевских великороссиян» (полян) можно бы предполагать такое же явление, какое было в стране великороссиян суздальских, тоже испытывавших на себе «первый удар новых сильных врагов». Но отчего же в Суздальской земле, — после того как в 1239 году «бысть пополох зол по всей земли, не ведяху и сами кто где бежит» (Троиц., Суздг. Лет.), несмотря и на последующие разорения от татар (например, на новое взятие 14 городов 1293 года), — отчего Суздальская земля осталась населенною своими туземцами, а твои «киевские великороссияне» после такого же *пополоху* покинули свой родимый край и убралась безвозвратно куда-то на север?.. Вот каковы у тебя *поляне*!

Наконец, в приведенном тобою отрывке из Воскресенской Летописи говорится: «...а иже крыяхуся в пещерах, и в горах, и в лесах, *мало тех остана*». Эти слова все-таки не говорят ни о конечном запустении Киево-Переяславской страны, ни о переселении древнего и коренного народа ее *на север*. Мало остана!.. Но в Волынской Летописи находятся выражения посильнее. В 1283 году татары-телебутины «*учиниша пусту землю Володимерьскую*». Далее: «и стояша на Лвове земле 2 недели, кормячесь, не воююще; и не дадыхуть ни из города вылезти в зажитье; кто же выхашеть из города, овы избиваша, а друзии поимаша; а иныя, излупивше, пуцаху наги, а тии от мороза измороза, зане бысть зима люта вельми; и *учиниша землю пусту* всю...измре в городех во остою *бесчисленное множество*, друзии же *изомроша в селех*, вышедшие из городов по отшествии беззаконных агарян... Лев-князь сочте колко погибло во его земле людей: што поимано, избито, и што их Божию волею измерло, *полтретьи-надесять тысячи*». Видишь ли, несмотря на *бесчисленное множество* только умерших в осаде, на учинение *пустою* всей земли, оказалось на поверку всего-навсего — 12,5 тысяч погибших, в том числе и полоненных; и в *опустошенных* тогда татарами землях Владимирской и Львовской оставалось население столь значительное, что для князей было кем воевать и соседей и друг друга. Гиперболических выражений летописца не следует принимать всегда в буквальном смысле, и особенно для таких заключений, каково — опустение и безлюдье Киево-Переяславской земли. Постоянная людность земель Суздальской, Волынской, Галицкой, при всех разорениях от татар, при всей воле *татарской* в то время над Русью, не позволяет нам допускать обезлюдения и в земле Киево-Переяславской. Когда Батый прошел от Киева до Галича, разорив много городов — «им же несть числа», — земля позади его не

Покрова Богоматері. Ікона галицького письма.
Початок XIII ст.

осталась безлюдною; и он, конечно, знал это, если Димитрий, тысяцкий Киевский, мог говорить ему: «Земля ти есть сильна; сберуться на тя, и не пустят тебе в землю свою!»*

Города и села были разоряемы татарами и вновь строились, люди разбегались и вновь сходились в свои города и села: такая тревожная жизнь была долею многострадальной Украины на несколько веков и после того, как с отвоеванием Киевской земли Гедимином у татар (1320 г.) минулась их воля; но их набеги продолжались из века в век, казалось, нескончаемо. Народ украинский, так же как и волынский, и галицкий, убывал сотнями и тысячами от схваток с татарами, от хищного полонения ими; однако народонаселение Украины, так же как и Волыни, и Галича, все продолжалось по-прежнему, как продолжается доньше, в стародавних городах и селах, приумножавшихся новонаселенными. Я не вижу, и ты не указал мне, даже следа того посполитого переселения Полян-ской, Киево-Переяславской Руси на *Русский Север* в 80-летие татарщины, о котором толкуешь ты в своей Новороссийской системе. А что ты, в дополнение к помянутым отрывкам из Воскресенской Летописи и Плано Карпини, указываешь мне на вызванного Московским князем на службу киевского вельможу Родиона Нестеровича, вышедшего с 1700 княжатами и детьми боярскими, то это было 1332 года, уже после татарщины киевской, уже из-под власти литовской. Итак, это не относится к посполитому переселению полян в Северную Русь, во избежание тяготы татарской. Этот выход Нестеровича свидетельствует о значительной населенности Киевской стороны в первую половину XIV века; но он не имеет влияния на наш вопрос, так же, как не имеет его, по-твоему, выход Подольской Руси в Карпаты, бывший того же XIV века под знаменем Кариатовичей; наконец, по твоей новой системе, выходцы Нестеровичевы должны принадлежать не к древним полянам, а к твоим новопришлым карпатцам.

По твоей Новороссийской системе выходит, что старобытный народ Киево-Переяславской земли уходит из нее навсегда куда-то в Северную Русь «из-под первого, так сказать, удара» татарского; а карпатцы твои нарочно идут на место полян, чтобы подклонить свои головы под ярмо татарское. Вот каковы у тебя *карпатцы*!

Да и какое есть у тебя свидетельство историческое на это переселение малороссиян из Карпат на Днепр в век татарщины? Ты не представил мне даже и намека исторического на это переселение. И не есть ли оно у тебя столь же произвольная *выдумка*, как у других — заселение опустелой Украины «беглецами литовскими!» Тут я dokonчу вышеупомянутую речь моего Ответа, прерванную тобою на слове *примолкает*: «Но эта мгла татарского века не должна служить мутною водою для рыболовства, на кормление всяческих исторических выдумок. По отрывочным известиям, какие сохранились о том веке татарщины, видно, что в Киево-Переяславской Руси продолжался все тот же народ и тот же старый быт народный в прежних городах и селах.

Что же касается тиверцев, болоховцев, дулебов, то я указал тебе на них и предоставил тебе забрать их себе, но только под условием, «аще совесть не зазрит» и только на тот

О мнимом
запустении Украины
в нашествие Батыево
и населении ее
новопришлым народом

*

Эти слова из *Волынской Летописи* заимствованы в позднейшую Воскресенскую Летопись вместе с другими выражениями о нашествии Батыя на Киев, Волынь и Галич (Летописи Суздальская и Троицкая ими не воспользовались). Потом, листов через шесть, Воскресенская Летопись, приступив к подобному описанию убийства Михайлова, повторяет нечто из написанного уже выше и прибавляет *от себя* слова, приведенные тобою мне, заключая так:

«Мало тех остана; тех же не по колицех временех оставиша во граде, сочтоша я в число и начаша на них дань имати». Можно ли же такими словами позднейшего севернорусского летописца доказывать столь отважную гипотезу, как *запустение* Киевской земли в нашествие Батыево! Так и слова Карпини о избииении и полонении татарами *большой части* руссов относятся не собственно к земле Киевской, а ко всей Южной Руси, по которой он проехал от князя Василька из Владимира-Волынского в Киев. А потому из тех слов может быть выводимо заключение о запустении *Киевской* земли на столько ж, не более, как и земли *Волынской*. Приими в соображение и то, что Плано Карпини от *первой татарской заставы*, на правой стороне Днепра, где кочевал Куремша, ехал до Киева (на обратном пути) *шесть* дней. На этом расстоянии, и ниже селения *Кановы* (Канева), были подобные же селения (*villae*), из которых в одном был тогда начальником *Михей*, провожавший путешественника до первой татарской заставы. Это было, очевидно, на пространстве между реками *Росью* и *Тясменью*, которое в XII веке принадлежало уже к Киевскому княжеству и на котором были уже города и селения русские, в том числе и *Боровый* (впоследствии *Боровица*). А ты в исследованиях своих границею Киевского княжества полагаешь р. *Рось*. Прибавь — до р. *Тясмени*! Там был в древнее

время и русский монастырь — Мотренинский, в котором трапезную церковь освящал Переяславский епископ Павел около 1200 года. Вот тебе еще одна новость о нашей старине!

случай, «если тебе уже непременно хочется пополнить великороссийское население переселенцами с Русского Юга по нашествию Батыевом». Понимаешь? А ты и рад случаю и без зазрения исторической совести забираешь к себе на север тиверцев, болоховцев, даже дулебов по нашествию Батыевом... Поздравляю! Между тем сообщу тебе, что остатки необъясненных еще болоховцев, по старинным актам, оказываются переходящими на житье в пределы Киевского воеводства в XVI веке. Припомню еще тебе, что украинцы назывались у северян *полянами* и в XVIII веке.

Лет за 12, когда ты даже и в исследованиях своих разделял и поддерживал наше мнение, что «поляне были *малороссияне*», ты в москвитянинском Ответе своем называл мне *малороссиянином* даже Андрея Боголюбского. Это, конечно, было напрасно; ибо князь Андрей, питомец и любитель земли Суздальской, не представляет в себе ничего малороссийского. Теперь, когда у тебя древние поляне признаны уже за *великороссиян*, теперь у тебя не только Мономах есть «характер чисто великороссийский», но и обо всех трехстах князьях русских дотатарского времени ты говоришь мне *решительно*: «это все *великороссияне*!» Вот это другая крайность: как будто ты никак не можешь обходиться в науке без крайности и односторонности! Но ты напрасно говоришь, будто сие новое твое утверждение о *великороссиянстве* всех древнерусских князей явилось у тебя «на основании знания» о различии между характером великороссийским и малороссийским. Нет, это знание еще такое неопределенное, и для тебя самого такое сбивчивое, что на нем собственно не можно было основать столь смелого заключения обо всех князьях, особенно тебе, которому *норманство* Рюрика видится и во внуках, и в правнуках его.

Ты говоришь еще, что к своему *решительному* заключению о князьях — «это все великороссияне» — ты пришел, «пройдя жизнь трехсот удельных наших князей вдоль и поперек». Не воображай себе, однако, чтобы пройденная тобою жизнь князей дала тебе такой вывод! Запас летописного сказания о жизни князей известен весь; из него очень видно, насколько можно из него прямо и непосредственно выводить характеристику каждого из трехсот князей. Если уже можно различие русского племени — на Великую, Малую, Белую Русь — распространять и на племя древнерусских князей наших, то это можно только на соображении: в какой русской области вырастали и княжили какие князья, допуская народное влияние на них туземства. На этом основании никак нельзя обо всех князьях говорить решительно: «это все *великороссияне*». С достаточным вероятием и правом ты можешь говорить это только о князьях, выраставших и княживших в тех областях, где народонаселение было издревле *великорусское*, например о князьях суздальских, начиная хоть с Андрея Боголюбского.

Но князей, выраставших и княживших в земле Волынской, Галицкой, где и ты все еще признаешь народонаселение *малороссийское* издревле, этих князей и тебе следует признать за *малороссиян*. Наконец, племя полоцких князей надо признать за *белоруссов*, если ты признаешь особенность *белорусской* народности еще в древнее время (чего и не признать,

кажется, не можно). А князей, выраставших в Переяславе и Киеве, ты можешь себе считать *великороссиянами*, пока будут у тебя считаться великороссиянами наши южнорусские поляне. Вот ограничение, какое, мне кажется, надо положить твоему нынешнему наведению великороссиянства на всех древнерусских князей.

Р. С. По содержанию твоего второго Ответа я не могу не заметить в тебе перемены, какой и не предполагал я, живя отшельником в моей надднепровской глуши и вступая с тобою в ученый спор. Ты, при отходе «Москвитянина» в царство мертвых, уже прибегаешь к той методе, которую ты называл мне «телеграфскою»: ты иногда переиначиваешь мои слова и придаешь мне не мои понятия; вместо того, чтобы опрокинуть меня или самому отступить, ты нередко отводишь спор в сторону, заговариваешь не о том, в чем дело, лишь бы как-нибудь показаться правым или одолевшим. Приведу тебе четыре примера, если ты, играя в свое любимое сравнение славянского племени с растасованною колодою карт, все еще требуешь от меня *«тузов-доказательств»*, не довольствуясь прежними.

● Пример 1 В доказательство, что малороссийские летописцы, древние и новые, переводили *живые* речи своих героев на язык *церковнославянский*, я привел тебе, между прочим, весьма известные* слова Игоря Святославича: «тайны Божия никто же весть». Ты в Ответе своем вот что сказал на это: «Что касается до речи Игоревой в *Киеве* (тайны Божия никто же весть), то под 1186 годом я не нахожу ее: не записал ли ты ее в первую эпоху исторических занятий в 1820—1821 году?»

*
Ими пользовался и г. Мей
в своем переводе «Игоревой
Песни».

Ты ли говоришь это, поставляющий себя мне в пример *беспристрастия*, говорящий, что и в своих Ответах мне ты имеешь в виду преимущественно *молодых* друзей науки! Ведь ты хорошо знаешь, что Игорева речь была у реки *Донца* 1 мая 1185 года. Зачем же ты поставил — в *Киеве*? Зачем говоришь: «Не нахожу ее под 1186 годом», — когда ты должен был найти ее под 1185 годом на 130 странице «*Полного собрания русских летописей*», т. II? Я записал тебе слова Игоревы не в 1820—1821 году (когда мы были студентами), а в 1857 году, когда мы с тобою давно уже отстали и от профессорства); вместо немудрой цитаты на 130 страницу и 1185 год я написал тебе вот что: «Так и летописец киевский, полагаю, в 1186 году, когда Игорь, *воротившийся из плена* в свой Новгород-Сиверский, в Киев, передал живую речь его по-церковнославянски...»

Тут я тебе как историку-исследователю передал мое замечание, что у киевского летописца хотя весь поход Игоря и плен его, и приезд в Киев после плена помещены под одним 1185 годом, но писал он это позднее, «*полагаю 1186 года*», когда Игорь приезжал в Киев к Святославу и Рюрику. Этим замечанием я хотел собственно тебе дать знать, что в твоём *Словаре князей* возвращение Игоря из плена и посещение Киева — напрасно положены в 1185 году, и только потому, что в Киевской Летописи положено так. Ты не разобрал, что вторая половина событий с Игорем относится к 1186 году, и мое замечание преклонных лет ты отнес к годам юности... «А чи

Святі Борис і Гліб.
Ікона київського письма.
Кінець XIII — початок XIV ст.

диво ся, братие, стару помолодити!» Также точно ты не разобрал, что набег Игоря на половцев за р. Мерлом относится к 1184 году, и поставил его при четырех князьях — под 1183 годом, даже с поправкою на 1182! А что в летописи весь поход Игоря на Каялу, бывший 1185 года, описан позднее этого года (полагаю 1186-го), на это приведу тебе еще вот какую примету.

Описывая побоище на Каяле 1185 года, 5 мая (так я определил сличением Киевской Летописи с «Игоревой Песнею»), летописец говорит: «Тогда же на полчищи Кончак поручися по свата Игоря» (с. 131). А они сватами тогда еще не были; Игоревич женился на Кончаковне уже после побега отца своего из плена (см. конец «Игоревой Песни»); ясно, что летописец, называя Игоря Кончаковым сватом, описывал происшествие после. Укажу тебе еще больший анахронизм в Киевской Летописи под тем же 1185 годом: Рюрик назван «великим

Святі Борис і Гліб.
Фрагмент

князем»; ясно, что прибавка принадлежит позднему почерку пера, бывшему уже по смерти Святослава Всеволодовича.

● Пример 2. Когда ты в духе и манере покойных скептиков заговорил (в письме к Срезневскому), что Нестор не мог знать и писать *по-церковнославянски*, я указал тебе на писавших и знавших у нас по-церковнославянски прежде Нестора, особенно на диакона Григорья и дьяка Иоанна. Ты сперва возразил мне, что они «переписывали, а не писали». Я указал тебе на послесловия, которые они *писали* и которые для филологов очень важны. Ты на это возражаешь: «Да малороссийского-то нет в них ни слуху, ни духу — ни единого слова!» Да ведь я тебе и указал на них не в доказательство *малороссийского*, а во свидетельство умения писать *по-церковнославянски*. Притом же, диакон Григорий был не киевлянин, а новгородец; следственно, тебе напрасно было искать в нем «слуху и духу малороссийского; в нем надо было искать следов *великороссийских*, следов наречия новгородского; и я тебе указывал на них (см. *Филологические письма*).

Подобно тому, когда мнение Срезневского о происхождении малороссийского наречия в послетатарское время ты провозгласил *новостью неслыханною* и укорил всех журналистов и профессоров словесности за их равнодушие к этой новости, от которой, по-твоему, должен был взволноваться наш учено-литературный мир, я, в успокоение тебя, заметил, что это мнение не новое, что оно было у нас давно в ходу, и показал это выписками из Граматина, Греча, Сахарова, даже Симоновского. Тебе надо было сознаться, что ты ошибся, выдавая старое мнение за *неслыханную новость*; в этом все дело. Но ты, вместо сознания своей ошибки, придумал отвечать вот что: «утверждения Симоновского, Сахарова, Граматина и Греча об относительной новости малороссийского наречия по безотчетности своей и отсутствию всякой ученой формы никак не идут в сравнение с Лавровским и Срезневским, которые представили филологические доказательства, основанные на законах языка». Послушай: дело только о *новости* и *неслыханности* этого мнения. А достоинство его у Срезневского и Лавровского ты определил сам, сказав, что оно *неверно*. Для сущности дела, для истины нет большой разницы в том, что *неверное* мнение ходило сперва запросто, а теперь выступило с важностью ученой формы и законности!

● Пример 3. По содержанию и ходу нашего спора (которого предмет многосложный) во втором Ответном письме (которого содержание все *историческое*) я указал в твоём *Словаре князей* полдюжины *ошибок* существенно важных, и, кроме того, дал тебе новое и, надеюсь, удовлетворительное объяснение неразгаданной историческою критикою речки *Сжицы*. К этому я побужден был твоим заманчивым вопросом: «Квит ли?» и моею готовностью воздать тебе седмерицею. Положим, что это, с моей стороны, была уже излишняя щедрость; но от тебя как ученого—исследователя древней истории и географии русской и как автора *Словаря князей* я в праве был ожидать, что за поправки мои ты скажешь мне спасибо, подобно тому как я объявил тебе мою благодарность за

О мнимом
запустении Украины
в нашествие Батыево
и населении ее
новопришлым народом

поправку моей обмолвки о князе *Юрьиче*. Но ты отвечал мне вот что: «Ты позабыл только, что счет должен заключаться в пределах статей об языке и залез в мой *Словарь*. Не собрал ли ты еще на досуге каких *опечаток* в «Москвитянине» за 15 лет, сообщи...» При таком ответе мне вспомнулся твой знаменитый афоризм: «Род человеческий идет диагонально!»

Не ты ли сам зазвал меня в *Словарь* твой, заговорив о нем в первом Ответе, дабы самому замолвить о нем словцо, жалуясь на молчание о нем всех библиографов русских! Так теперь ты заговорил о своем «Москвитянине», дабы самому восписать ему хвалу, жалуясь на какие-то «вражьи вопли»; а между тем, речью об москвитянинских опечатках ты отводишь от ошибок *Словаря*! Заключиться в пределах статей об языке мне нельзя было; ибо как в твоём письме к Средневскому «О древнем русском языке», так и в твоём первом Ответе на мои *Филологические письма* содержится много соображений чисто исторических. Что касается до *опечаток* в твоём «Москвитянине», то я встречал их множество, только их не отмечал. Но твой *Словарь князей* я читал с карандашом в руке и отметил более *полусотни* не опечаток, а настоящих *ошибок и неисправностей* в постановке годов и имен собственных. Если хочешь, я сообщу тебе со временем мои поправки *Словаря*, который я очень люблю и желаю ему всевозможного совершенства.

● Пример 4. Недоумение твое, почему у малороссийского народа не воспевается ныне князь Володимер, наравне с героями козаччины, я разрешил тебе, кажется, удовлетворительно — тем, что у «народа малороссийского, которому вместе с Киевом достались и священные останки Володимера под

Пайца — символ владних повноважень, видаваний від імені золотоординського хана. XIV ст.

развалинами его Десятинной церкви, он запечатлелся второю половиною своей великой жизни как *Святой Володимер*, как *Равноапостольный князь*» (см. *Фил. письма*). Оттого-то у малороссийского народа ныне князь Володимер воспевается наряду с другими святыми лицами как в церковных песнях, так и в стихах, называемых *набожными*. Но я говорил там же (в *Фил. письмах*): «Нельзя и сомневаться, что в *Киеве* на пирах Володимеровых пелись песни и малороссийскими, и великороссийскими певцами». Там же: «Что сказанья и песни о пирах Володимеровых и других его похождениях были и *здесь на Украине* в древнее время, то видно из *летописи нашего Нестора*, где говорится...» (указаны слова Нестора о единоборстве переяславского отрока, о *киевских пирах*).

Как же переиначено мое мнение во втором твоём Ответе! «Ты объясняешь тем, что песни о Володимере как ласковом гостеприимце произошли из Новгорода...» Да, я так думаю о песнях *великороссийских*, разумея древнейшие между ними, первоначальные. «А в *Киеве* он был славен, де, *только своею святостию*». Нет, я не говорил этого, я говорил не это! И как странны для меня дальнейшие твои слова: «Помилуй! Да пиры-то Володимеровы где описаны? Пиры Володимеровы описаны, кроме песен, в Киевской Летописи, у *Нестора*. *Послушай-ка его!*» И ты выписываешь мне сполна те самые слова Нестора о пирах киевских, на которые я тебе указывал в Философских письмах, и прибавляешь: «Стыдись такого натянутого объяснения!» (То есть, *натянутого* тобою объяснения!)

Не лучше и весь твой финал о летах Володимерова княжения в Новгороде. В моих письмах я назвал оное *десятилетием*, означая крайними годами: с 970 по 980. Тебе не для чего было и привязываться к этому, ибо и сам ты, в *Словаре князей* в списке князей по уделам, где означаются иногда полугодовые и даже меньшие перерывы в княжениях, ты также поставил в *Новгороде*: «Володимер Святославич... 970—980» (с. XXXII). Но во втором Ответе своем ты вздумал высчитывать у Владимира годы из его *десятилетнего* княжения в Новгороде и говоришь мне: «И каких *десять* лет считаешь ты в Новгороде?» Припомянув мне о побеге Владимира за море и походе на Рогволода Полоцкого, ты продолжаешь: «Сколько же остается Владимиру быть в Новгороде? Лет *пять* — и какие же *пять* лет? Лета *отрочества*, когда *никакого гостеприимства* не могло еще в нем обнаружиться».

Послушай! Если уже ты вздумал высчитывать лета, проведенные в отлучках из Новгорода, то надо было сделать это верно. А ты вычел у Владимира *два* года лишних! Ведь он начал княжить в Новгороде с 970 года, а бежал за море 977-го, следовательно — через семь лет своего княжения в Новгороде. Как же ты назначаешь всего *пять* лет? А что Владимир бежал к варягам через семь лет своего новгородского княжения, то видно и по твоему *Словарю*: «977. Услышав об убиении брата *Ярополка*, бежал за море» (с. 9). Тут вместо брата *Ярополка* поставить следовало — брата *Олега*! Между тем, воротясь с варягами, Владимир «*седе* в Новгороде» — потому, разумеется, что он все еще был князь *Новгородский* (980 г.); пошел он на Полоцкого князя с варягами и новгородскими славянами тоже как *Новгородский князь*. И взял он тогда себе

женою Рогнеду Рогволодовну. Припомни вслед за тем грекиню Ярополковую и прочая.

Ясно, что Владимир был уже возмужалый и для важных подвигов, и для супружества; а ты представляешь его в таком *отрочестве*, что не могло еще в нем обнаружиться «никакого гостеприимства»! И говоришь мне в заключение: «*Следовательно* — не слишком ли *отважно* ты спрашиваешь у меня, нет ли еще какого недоразумения? Есть, но справься прежде с *данными*! Итак, все еще *есть* у тебя *недоумение*! Отваживаясь спросить: какое же именно? На этом вопросе я прекращаю всю мою с тобою ученую распрю, и в заключение скажу словами наших древних междоусобствовавших князей: «Мы сами не утре ни ляхове; но единого деда есмы внуци!»

Vale et nos ama!*

Русская Беседа. 1857, кн. IV, с. 22—35

О мнимом
запустении Украины
в нашествие Батыево
и населении ее
новопришлым народом

*

Будь здоровый та люби
нас! — *Ред.*

Очерк Киева

ервопрестольный город России — Киев — расположен на живописных горах и удожьях, находящихся на правом берегу Днепра, под $50^{\circ} 27'$ северной широты и $48^{\circ} 13'$ восточной долготы. В каком веке он начался, о том нет исторического свидетельства.

Отец бытописания русского преподобный Нестор передал нам сказание только о строителях Киева, трех братьях — Кие, Щеке и Хориве, которые, будучи князьями здешних славян, именовавшихся полянами, построили над Днепром город во имя своего старшего брата. После этих князей Киев является в IX веке как небольшой городок, плативший дань хозарам, которых имя осталось здесь долго в названии предместья на склоне Старокиевской горы к Днепру.

В 864 году русские витязи Аскольд и Дир, плывшие по Днепру в Царьгород, спрашивали у киевлян: «Чий се градок?» и, отвоевав его у хозар, начали княжить в нем. Таким образом Киев стал городом *руским*; а через два года крещением Аскольда и Дира в Царегороде начались христианство в Киеве и его теснейшие сношения с Грецией.

В те времена Киев составлял едва четвертую долю нынешнего Старого города, ибо он занимал собою только северо-западную часть Старокиевской горы, составляющую так называемое Андреевское ее отделение. Вокруг города, особенно с полуденной стороны, простирался великий лес: *перевесище*, или ловище зверей, на скате Старокиевской горы к Печерску, было еще и в X веке. На северо-восточном скате ее были предместья, которые назывались *Хозарами* и *Бесегою Пасынчевой*. Под Киевом с той стороны Днепра был перевоз, подавший повод к сказке, отвергнутой Нестором, будто Кий был не князь, а перевозчик. От пристани, при которой тогда Почайна впадала в Днепр, въезжали в Киев на гору по *Боричеву взвозу*. С юго-западной стороны первоначальный Киев был отделен провалем или оврагом, через который ездили по мосту и за которым простиралось к Лыбеди подгородное поле.

В таком ограничении город Киев был долго и после того как вещей Олег в 882 году, овладев им для Рюрикова рода, сказал: «Се буди мати градом русским!» Однако населенность Киева и славянским, и иноплеменным народом возрастала непрестанно. Местом сего населения служили сначала те возвышенности и удоля, которые от Старокиевской горы идут вверх по Днепру к Вышгороду. Таким образом и Щекавица, бывшая прежде поселением отдельным от Киева, вошла в его состав. На Подоле не было жилья еще и в половине X века, ибо тогда он был потоплен водами Почайны, также Глубочицы, Киянки и других ручьев, протекавших по нему с помянутых возвышенностей.

В 988 году совершилось достопамятное крещение св. Владимира в Корсуне и народа русского в Киеве, в водах Днепра и Почайны. Отселе началась новая, христианская жизнь Руси, развивавшаяся из Киева с тою же чрезвычайною силою, с какою свершались завоевания, составившие из многих отраслей восточнославянского племени одно Русское государство. Тогда Киев, по предречению Первозванного апостола, явился *градом великим*, в котором непрестанно воздвигались церкви многи.

Кажется, что в княжение равноапостольного просветителя Руси началось заселение под киевскими горами, на Подоле, который вскоре стал весьма многолюден и был главным местом здешней торговли.

Распространение Верхнего Киева произошло уже при Ярославе Благовластном, который после победы своей над печенегами в 1036 году к первоначальному городу прибавил новый *великий град* с Золотыми Вратами и воздвиг в нем величественный храм св. Софии и монастыри Георгиевский и Ирининский, и свой Ярославский дворец, и митрополию при Софийском храме. С того времени еще более усилилось распространение веры и просвещения книжного, умножение монастырей и церквей. Все сие продолжалось и при Ярославичах, во второй половине XI века, ознаменованной появлени-

Будівництво міських укріплень. Копія XV ст. з мініатюри, виконаної близько 1205 р.

ем и распространением святой обители Печерской, которая служила образцом и рассадником для других русских монастырей, так же как Киев — для других городов русских. Они заодно распространяли и утверждали по всей Владимировой Руси новую жизнь, которая в них возникла и возрастала. И хотя еще с конца XI века Киев и обитель Печерская терпели нередко беды от набегов половецких, от междоусобий княжеских, от пожаров и других невзгод, однако жизнь *богоспасаемого* града была уже так могуча, что все его раны исцелялись скоро, — что он оставался еще великим городом и после того как в 1169 году великокняжеский престол его был уже отнят у него Андреем Боголюбским для Русского Северо-Востока. Упадая в гражданской силе, Киев крепок еще был своею силою церковною; и когда Русь была уже раздроблена на уделы между потомками Владимира, Киев держал еще церковное единство ее по власти своего митрополита, который был митрополитом *всех Руси*.

Набожность князей и народа побуждала их иждивать свое достояние на строение церквей. Оттуда великолепие Киева церковное, которого памятниками поныне служат храмы Софийский и Златоверхий Михайловский. Оттуда и это множество церквей в древнем Киеве, которое для многих людей нового времени казалось невероятным. Но нельзя же опровергнуть свидетельство Дитмара, что в Киеве 1018 года было с лишком *четыреста* церквей; ибо и в наших древних летописях (например в Лаврентьевской и в Новгородской) читаем известие, что в пожаре 1121 года, истребившем сначала весь Подол, а потом Старый город, одних церквей сгорело до *шестисот*.

Построение и украшение значительнейших церквей в Киеве, воздвигаемых князьями, производимы были сначала, как известно, художниками греческими. От них уже впоследствии научились разным искусствам природные россияне, между которыми прежде всех прославился современник Нестора преподобный Алимпий — иконописец, мозаик и вместе врач Печерской обители. Таким образом, вместе с христианством приняты были и художества из Греции в Киеве и отсюда распространились по всей Руси и продолжались в ней долго в одном и том же византийском вкусе.

Богатству и населенности Киева способствовало не одно то, что он был средоточием и столицею Руси, но и его торговля, весьма цветущая в древнее время, по которой имя его было известно на Западе и на отдаленном Востоке. Дитмар, удивлявшийся чрезвычайному богатству Киева различными товарами, говорит, что в нем было тогда (около 1018 года) восемь торговых площадей. По другим свидетельствам, иноземным и отечественным, известно, что Киев был сборным местом всех торговых судов, которые из целой Руси отправлялись в Черное море к болгарам, корсунцам, грекам и сириянам, что здесь был склад *скоры*, или пушных мехов, составлявших тогда главный товар русский. По тесной связи с Грецией Киев, конечно, изобиловал всего более товарами греческими, т. е. золотом, паволоками, винами, разными овощами; от венгров и чехов получал он серебро и коней, купцы галицкие доставляли ему соль для всей Руси.

Княжий палац у Києві.
Копія XV ст. з мініатюри,
виконаної близько 1205 р.

При этой обширной торговле древнего Киева и в населении его было много промышленных новгородцев и купцов иноземных. Здесь было много и жидов, хотя они издревле были нелюбы для народа киевского; жили же они особою, кажется, загородною слободою у ворот, называвшихся Жидовскими, а впоследствии Львовскими. О населенности Киева, между прочим, можно судить и по сказанию Нестора о бедственном 1092 годе: «В си же времена мнози человеци умираху различными недузи, якоже глаголаху продающе кореты (гробы): яко продахом кореты то Филипова дне до Мясопуста семь тысяч».

Что касается до управления, то Киев, состоя под верховною властью князя, имел главным правителем своим *тысячского*, а подчиненные должности исправляемы были здесь *сотскими* и *десятскими*. При этом по древнерусскому обычаю киевляне имели свое *вече*, или сходку.

Говоря о древнем Киеве, нельзя не вспомнить еще о том хлебосольстве и общественном веселье, которыми отличалась его жизнь. Особенно памяты для Руси *почестные пиры Красного Солнца* Владимира: они доныне славятся в народных песнопениях и сказках великорусских; о них любил вспомнить и Нестор в своей летописи.

Но всему древнему бытию Киева, всей его красоте и величию, на которые с удивлением глядел из-за Днепра посланный от Батия хан Менгу, суждено было прекратиться разом: 6 декабря 1240 года подступил к Киеву со своим несметным войском Батый, и стольный град обратился в развалины, несмотря на отчаянную защиту киевлян.

После того в продолжение 80 лет Киев влачил самую убогую жизнь под тяготою татарского ига. Хотя и в это время появлялись еще князья киевские, но главными правителями Киева были воеводы, или баскаки, татарские. Митрополия Русская перенесена была из опустошенного Киева сперва во Владимир-Залесский, потом в Москву, оттуда Киевские митрополиты управляли здешнею страню через своих наместников.

В 1320 году воинственный Гедимин овладел Киевом и присоединил его к своему Великому княжеству Литовскому, составленному из Северо-Западной Руси и земли Литовской. С той поры Киев существовал как удельный западнорусский город, управлявшийся князьями Гедиминова рода. Эти князья, большею частью православного исповедания, чтити древнюю святыню Киева, и последний из них, князь Симеон Олелькович, памятен как обновитель Печерской Лавры в 1470 году. Еще прежде митрополит Киприан ознаменовал свое недолгое пребывание в Киеве поддержанием Софийского храма в конце XIV века. Около того же времени по повелению великого князя Витольда Киев укреплен был построением замка, а в 1415 году по настоянию того же князя учредилась Киевская митрополия, отдельная от Московской.

Это отделение Киевской митрополии от Московской, утвердившееся окончательно 1474 года, хотя и поставляло Киев главою всей Юго-Западной Руси в отношении церковном, но митрополиты Киевские посвящались и жили не здесь, а в столице западнорусской — Вильне. Бытие всей здешней страны тогда было такое тревожное, что Киев не мог уже прийти в цветущее состояние, а вскоре окончилось и самое княжество Киева. Великий князь Казимир IV по принятии польской короны обратил, 1471 года, Киевское княжество в *воеводство* и дал в воеводы Киеву ненавистного киевлянам католика Мартина Гаштольда, о котором осталась и пословица: «Король дал, Гаштольд взял».

К горшей беде Киева татары, не переставшие опустошать Южную Русь и так сильно разорившие Киев в 1416 году, явились опять в нем под предводительством Менгли-Гирея и разорили его до основания, сожгли Печерскую Лавру, а воеводу Ивана Ходкевича с его семьею и множеством народа взяли в плен. Это случилось 1 сентября 1482 года.

Для возобновления Киева по повелению Казимира собираемо было до 20 000 народа из поднепровских и других областей западнорусских; и в первые годы XVI века Киев был уже отстроен вновь при воеводе своем Юрии Пацевиче, а Киевский замок — при воеводе князе Дмитриии Путятиче. Тогда же Александр Казимирович, желая поправить состояние и умножить население Киева, предоставил здешним гражданам некоторые особенные права и вольности из так называемого *Магдебургского права*. Брат и преемник Александра — Сигизмунд I — дал вполне это право гражданам киевским грамотами 1516 и 1544 гг. Таким образом в киевском гражданстве появился новый порядок, чуждый для Руси и устранявший все то из прежних узаконений и обычаев, что было несходно с этим немецким правом.

По соединении Литовского княжества с Польскою коронною 1569 года стали назначаться в Киев от польского правления *кастеляны* вместо прежних *городничих*; да и киевские воеводы с 1569 года считались уже польскими, ибо Киев с той поры был польским городом, отдельным от Великого княжества Литовского.

Все эти перемены вели за собою обессиление в Киеве старобытной русской жизни и усиление католичества, которое здесь обосновалось учреждением *бискупства* еще в княжение Гедимины, а при Сигизмунде III по влиянию иезуитов католичество взяло решительный перевес и ознаменовалось появлением и распространением *унии*, причинившей столько раздора в Западной Руси.

С отступничеством митрополита Рогозы православная Киевская митрополия 25 лет оставалась без пастыря и южно-русский народ потерпел много беды за преданность древней вере своих предков.

В эти тяжкие времена пробудилась в Киеве та внутренняя, духовная сила его, которою предназначено было ему действовать во благо Руси; и он вновь явился блюстителем и поборником ее веры и просвещения. Особенно памятными подвижниками того времени были воевода Киевский князь Константин Константинович Острожский, архимандриты Печерские Никифор Тур и Елисей Плетенецкий, запорожский гетман Петр Конашевич-Сагайдачный, по убеждению которого Иерусалимский патриарх Феофан в Печерской Лавре 15 августа 1620 года восстановил православную митрополию Киевскую. Вскоре явился в Печерской обители и Петр Могила — величайший духовный деятель тех времен, так много способствовавший к утверждению и распространению православия, восстановивший из развалин столько древних церквей киевских, воспитавший целое поколение ученого духовенства для тогдашнего и будущего просвещения Руси и возвысивший училище Бого-явленского братства, которое возникло перед появлением унии, как бы предназначенное противодействовать ей в защиту православия.

Вслед за Петром Могилою, 1647 года, воздвигся новый деятель — гетман Зиновий Хмельницкий, прозванный в Киеве *Богданом*. Докончив долгую кровавую борьбу козачества с Польшею, он выгнал из Киева все неправославное и, освободив Малороссию от Польши, возвратил ее в общий состав Русского царства. Это совершилось в Переяславе добровольною присягою гетмана и всей войсковой старшины 8 января 1654 года. Через шесть дней Киевский митрополит Сильвестр Косов и все духовенство торжественно встречали царских полномоченных за Золотыми Воротами Ярославовыми, а 17 января город Киев присягнул на верноподданство престолу Русскому. Таким образом в достопамятный 1654 год Киев, первоначальник русских городов, стал вновь принадлежать своей Руси; и хотя Польша в борьбе с Москвою сильно стремилась к возвращению себе Киева, но по трактату 1686 года она отреклась от него навсегда.

Того же года по ходатайству гетмана Самойловича Константинопольский патриарх, от которого зависела дотоле митрополия Киевская, согласился на ее подчинение Московско-

му патриаршему престолу; и через то восстановилось церковное единство православной Руси.

Итак, Киев начиная с 864 года существовал 376 лет как самостоятельный русский город, бывший столицею Руси 286 лет; потом находился он 80 лет под игом татарским, а по освобождении от него пробыл 259 лет сперва княжеским, потом воеводским городом западнорусского Великого княжества Литовского; после того он в продолжение 75 лет принадлежал Польше. Так прошло 790 лет его исторической жизни до присоединения его вновь под державу Русскую.

В последние два срока бытия киевского собственно городом считался Подол, называвшийся *Нижним* Киевом в отличие от *Верхнего*, т. е. Старого, города.

Старый Киев оставался в своих древних земляных валах. Подол по-прежнему городился деревянными стенами с башнями и окапывался рвом. Но главным укрепленным местом был замок Киевский на горе Киселевке, в котором сосредоточивалось и главное управление Киевом — военное и гражданское. Возле этого замка, на Кудрявце, был другой, митрополичий замок, который вместе с большею частью Подола при Сигизмунде III был присвоен католическому бискупу и назывался бискупским замком.

Прикраси з Київського скарбу XII—XIII ст.

Число жителей киевopодольских в первой половине XVII века считалось от 5 до 6 тысяч. В этом числе было немало польских католиков, имевших на Подоле три костела. В XVII веке здесь водворились и иезуиты со своею коллегией. Церквей православных тогда было на Подоле 13. Водворение армян в Киеве произошло преимущественно в конце XV века по грамоте Казимира IV. Пребывание жидов, при всем их стремлении к Киеву, было перемежающееся: в XVI веке они не имели здесь прав гражданства, а королевскими грамотами 1619 и 1650 гг. им запрещено было вовсе постоянное жительство и владение домами в Киеве. Торговля киевлян была не очень значительна; она производилась преимущественно хлебом, мехами, воском и медом.

Главное, чем Киев был дорог и важен для всей Руси, это была Печерская Лавра, сохранившая в себе столько святых залогов от древней русской жизни. Из сего святилища и возникла в XVI веке та новая духовная деятельность Киева, которая потом развилась так плодоносно в Богоявленском братстве. В Лавре началось и книгопечатание киевское, 1616 года.

Еще до соединения с Москвою Киев служил ее просвещению, например многоученым Епифанием Славинецким и его товарищами; а когда Киев стал принадлежать России, то она из него получала себе непрестанно духовных деятелей, во главе которых стоит святитель Димитрий Ростовский со Стефаном Яворским и Феофаном Прокоповичем. Известно, что Богоявленская коллегия, с 1701 года называющаяся Духовною академиею, была до исхода прошлого столетия главнейшим рассадником просвещения для целой Руси.

Что касается до управления Киевом со времени его присоединения к России, то главное начальство над ним до 1764 года принадлежало *гетману* Малороссийскому, а ближайшее управление — Киевскому *полковнику* (так как еще при первом разделении Малороссии на полки в XVI веке учрежден был Киевский полк, существовавший до нового образования Малороссии в 1782 году). Граждане киевские продолжали управляться и судиться по Магдебургскому праву под начальством своего *войта*. Кроме того, с 1654 по 1700 год назначаемы были в Киеве от Русской державы особые *воеводы* начиная с князя Федора Семеновича Куракина.

С началом XVIII века учредилось в Киеве управление *губернаторское*; а в 1707 году началось генерал-губернаторство определением на сию должность князя Димитрия Михайловича Голицына, памятного Киеву построением каменной церкви Николая Пустынного и обновлением Китаевской пустыни.

Вслед за тем 1708 года учреждена была обширная *губерния* Киевская, к которой причислены были вся Восточная Малороссия и значительное пространство Средней России — всего 36 городов, а с приписными 56. Из этой губернии в 1781 году отделено к Киеву только 11 малороссийских уездов на левой стороне Днепра под названием Киевского *наместничества*. К нему в 1792 году прибавлено было еще пять уездов, или *поветов*, на правой стороне Днепра от прежнего Киевского воеводства, возвращенного опять под державу Русскую. Наконец, в 1797 году Киев, отчисленный от Восточной, или собственно так называемой Малороссии, назначен *губерн-*

Хрест XI—XIII ст. в золотій оправі XIX — початку XX ст.

ским городом нынешней Киевской губернии на правой стороне Днепра. Таким образом Киев стал вновь средоточием того края, с которым искони сопряжена была тесно его судьба и от которого был он отлучен на время, с 1667 года, по договору Андрусовскому.

О состоянии Киева под Русскою державою можно сказать, что заметное улучшение оного началось в 90-х годах XVII века, в начале царствования Петра Великого. Эти годы особенно ознаменовались стремлением гетмана и других малороссийских старшин к построению каменных зданий церковных. Из них наиболее замечательны большой Никольский монастырь на Печерске и Богоявленская братская церковь на Подоле, построенные гетманом Мазепою во вкусе западных церквей (так как и в просвещении киевском вообще со времен Петра Могилы существовали уже формы, занятые из просвещения западноевропейского). Из светских зданий того десятилетия памятно в Киеве здание магистрата, сгоревшее 1811 года.

В XVIII веке Петр Великий означил след своего пребывания в Киеве собственноручным заложением крепости, 15 августа 1706 года, там, где в древности было Берестово — любимое село Владимира и Ярослава — и где в следующие века было село или местечко Печерское, вокруг Лавры. С той поры последовало заселение всей этой *Печерской* части нынеш-

него Киева, в которой с 1711 года имели пребывание начальники города и губернии. К примечательным событиям тех времен принадлежит пожар, опустошивший Печерскую Лавру 22 апреля 1718 года, и следовавшее за тем обновление Лавры нынешними зданиями.

Императрица Елизавета Петровна в бытность свою в Киеве 1744 года заложила на Старом городе церковь Андрея Первозванного и другую — св. Георгия. В эти же времена митрополит Рафаил Заборовский оставил в Киеве славную память о себе попечениями о Духовной академии и разных церковных зданиях. В царствование же Елизаветы положено начало застроению так называемой Дворцовой части Киева, которая со времен Батыя была необитаема и отделяла Печерскую гору с Лаврою и Пустынно-Николаевским монастырем от Старого Киева. В ней на месте древнего Кловского, или Стефановского, монастыря, в Липовой роще, построен от Лавры 1744 года *Кловский дворец*. После того, около 1753 года, устроен был деревянный на каменном ярусе *Государев дворец* и при нем дворцовый сад, которым так любовалась императрица Екатерина.

С 1790 года эта Дворцовая часть начала застраиваться и другими зданиями по плану Киева, утвержденному императрицею Екатериною 1787 года. Тогда здесь были помещены и Присутственные места, которых нынешнее здание построено уже в губернаторство Панкратьева.

Населенности Киева, как в этой, так и в других его частях, между прочим послужил перевод сюда из Дубна в 1797 году так называемых *контрактов*, на которые ежегодно в январе месяце съезжается множество помещиков из трех западных и некоторых других губерний для разных экономических сделок.

В царствование Александра Благословенного в Киеве 1809 года учреждена гимназия, которая в 1811 году была возвышена в круг учения и в правах перед другими гимназиями и помещена в Кловском дворце. Академия Киевская получила новое образование в 1819 году. Весь Подол, опустошенный пожаром 9 июля 1811 года, отстроен вновь в том правильном виде, каким он красуется теперь, особливо при взгляде на него от Андрея Первозванного и с горы Щекавицы.

Но, следя за всеми переменами Киева в продолжение 193-х лет, протекших от его присоединения под Русскую державу, нельзя

Хрести XII — початку XIII ст.

Георгій Каппадокійський
та Федор Стратилат.
Рельєф із Михайлівського
Золотоверхого монастиря
у Києві. Кінець XI —
початок XII ст.

не заметить, что временем наибольшего преобразования и возрастания его было царствование нынешнего Государя Императора, особенно с 1834 года, в котором начало приводиться в исполнение Высочайше утвержденное 7 января Положение об устройстве Киева. Того же года, в 15-й день июля, открыт был в Киеве и университет св. Владимира — «в память великого просветителя России». С той поры Киев приметно растет, украшаясь непрестанно новыми зданиями и улучшаясь в своем благоустройстве.

Первая, или *Печерская*, часть Киева, будучи предназначена под обширную Киево-Печерскую крепость, изменилась уже много, получая ежегодно взамен прежних небольших домов и хижин большие красивые здания крепостные.

Перед начатием этих построек вследствие Высочайшего указа 1827 года 2 декабря окончательно удалены из Киева евреи, которые водворились было опять здесь, особенно на Печерске при его заселении в прошлом веке. Другие жители Печерска выселялись преимущественно к Лыбеди и этим в 1834 году положили начало так называемому *Новому строению*. Эта Лыбедская часть города, имея своим средоточием величественное здание университета св. Владимира, заложенное 31 июля 1837 года, растет с каждым годом и впоследствии будет, конечно, одною из многолюднейших частей Киева, которую по справедливости можно бы назвать *Новым Киевом*.

Во *Дворцовой*, ныне главной и знатнейшей части города, в 1834 году вместо прежней Липовой рощи при Кловском дворце явилось вдруг целое красивое застроение, названное *Липками*. Вслед за тем и на других местах Дворцовой горы возникали новые здания, между которыми особенно красуется Институт для благородных девиц. При дворцовом саде, в

нижнем ярусе государственного дворца, оставшемся после пожара, бывшего в нем 1819 года, учреждено заведение искусственных минеральных вод.

Старый Киев также получил новое устройство. И хотя срытие внутренних его валов и уничтожение его тесных перепутанных улочек и переулков изменили совершенно прежний оригинальный вид его, зато ныне его вид стал открытее, и сам он сделался удобнее для жительства и способнее для дальнейшего улучшения.

Крещатицкое удолье, пролегающее между горами Старокиевской и Дворцовой, бывшее *гебрею* в нашествие Батыя, почти необитаемое еще и в конце прошлого столетия, в последние годы обратилось в одну из лучших улиц Киева, которая становится уже средоточием здешней промышленности.

Что касается до Нижнего Киева, или Подола, то он, перестроенный вновь после пожара 1811 года, обновляется и ныне стройными каменными зданиями, особенно в прибреж-

Тріумф Діоніса і Подвиг
Геракла. Рельєфи
з Києво-Печерського
монастиря. XI ст.

ной стороне своей, несмотря что Днепр необычайным разливом в 1845 году затоплял здесь 538 домов. Граждане киевские по Высочайшему указу 1834 года 23 декабря получили устройство, общее другим городам русским, и с 1835 года управляют уже Городскою *гумою*.

От собственно так называемой ныне Подольской части Киева отделилась еще новая часть его, названная *Плоскою* — по имени Плоской слободы, издавна здесь существовавшей. К этой шестой части Киева в 1834 году причислены предместья: Курневка (получившая это имя от сторожевых куреней, послуживших ей основанием), Приорка, или Преварка, и Сырец. Подобно сему и на противоположном конце Киева к Печерской части причислено предместье Зверинецкое, где некогда были княжеский зверинец и село Выдубичи.

Для удобнейшего сообщения верхних частей Киева с Подолом прежний Крещатицкий взвоз, устроенный вновь еще в начале прошлого столетия, а до этого взвоза и вся Михайловская гора ныне преобразованы в новом виде; да и днепровский берег на Подоле укрепляется набережною. Наконец, для сообщения всего Киева с Полтавскою и Черниговскою губерниями, которое так затруднительно бывает в весеннее время, начались уже приготовления к постройке нового постоянного моста через Днепр.

Все эти перемены и устройства открывают для Киева путь к более прочному благосостоянию и к дальнейшим успехам его населенности и промышленности. А соединение губерний Волынской и Подольской вместе с Киевскою под одно управление киевского военного губернатора, и учреждение Киевского учебного округа, в котором с этими тремя губерниями соединены еще Черниговская и Полтавская, — сделали Киев средоточием всего этого края для распространения и утверждения в нем общерусской жизни и народного русского просвещения в их современном характере и совершенстве. Все это вместе поставило Киев на чреду лучшую против прежней и подало ему несомненную надежду на дальнейшее процветание.

В настоящую пору величина всего Киева простирается: в длину 14 верст — от устья Лыбеди до предместья Приорки, а в ширину 4 версты — по средней мере от Днепра к Лыбеди.

Населенность Киева постоянными его жителями простирается ныне свыше 50 тысяч душ обоого пола. Кроме того, здесь проживает, для промысла и работ, разного состояния людей более 6 тысяч; да постоянно квартирующих чинов военного ведомства свыше 13,5 тысяч, кроме полков, приходящих сюда для лагерей и крепостных работ. Многолюдство Киева в зимнее время увеличивается на месяц съездом на контракты; причем собирается и ярмарка, продолжающаяся с 15 января по 1 февраля. Но несравненно больший прилив народа к Киеву бывает в летнее время, ибо со всех концов России стекаются сюда богомольцы, которых число простирается в год от 50 до 80 тысяч.

Число учащихся обоого пола в киевских учебных заведениях, светских и духовных, простирается свыше 4 тысяч.

Православных церквей в Киеве: каменных 24, деревянных 12 и еще 32 церкви в 7 монастырях да 7 церквей домо-

вых при разных заведениях. Домов каменных 303, а деревянных 5714.

Очерк Киева

Торговых площадей в Киеве теперь 8 — как было и в XI веке, при Ярославе. Кроме ярмарки контрактной, в Киеве собирается еще 5 небольших ярмарок с предметами сельской промышленности. Главная торговля киевская производится по-прежнему на Подоле, где находится и Гостиный каменный двор с 52 лавками. Типографий в Киеве 5.

В заключение упомянем, что гербом Киева служит изображение архистратига Михаила, поражающего копьем змея под ногами своими. Это изображение служило в древности и великокняжеским гербом Руси. Нет сомнения, что оно принято еще при св. Владимире и его сподвижнике св. Михаиле во знаменье той победы христианства над язычеством, которая совершилась в Киеве и по которой он так свят для целой Руси.

Вступ до книжки «Обозрение Киева в отношении к древностям, изданное Иваном Фундуклеем» (Киев, 1847)

О времени основания Киево-Софийского собора

В исторических писаниях о Киеве давно ведется разногласие о времени построения Софийского храма Ярославом I. Одни полагают, что он заложен был 1037 года; другие относят этот год к совершению и освящению храма, а заложение полагают двадцатью годами ранее, именно в 1017. Последнее мнение несогласно с летописью Нестора, но оно поддержано двумя именитыми людьми, занимавшимися специально *описанием Киевского собора* (см. *Описание*, изданное 1825 года митрополитом *Евгением*, и другое, изданное 1854 года кафедральным протоиереем Иваном Михайловичем *Скворцовым*); а потому необходимо рассмотреть это мнение, дабы окончательно решить вопрос о начале Софийского собора, составляющего драгоценнейший памятник киевской древности.

Первым основанием того мнения служит *разноречие* свидетельств о времени заложения и освящения храма. Евгений в первой главе своего *Описания* приводит эти свидетельства начиная с Несторовой летописи и потом говорит: «Из сих разноречий чему верить, неизвестно». Но в настоящем случае нельзя считать свидетельств по их числу, поставляя наравне с древнею летописью Нестора произведения позднейших веков и решая вопрос, так сказать, по большинству голосов. Если Нестор, живший в Киеве в том же веке, в котором сооружен Киево-Софийский собор, говорит определенно, что Ярослав заложил его в 1037 году, и если нет иного свидетельства из всего древнего, дотатарского времени, то и надо признать Несторово показание и на нем основаться. Когда же наравне с ним поставлены показания и Воскресенской, и Никоновой, и других летописей позднейшего состава, тогда пришлось предпочесть их показание о заложении Софийского собора в 1017 году и освящении в 1037, относя к этому двадцатилетию и

другие Ярославовы построения в Киеве. «Конечно, — продолжает Евгений, — столь многих и важных зданий не мог Ярослав окончить в один 1037 год, и если с 1017 до 1037 года он производил их, то 20 лет — не слишком долго для исполнения сих предприятий при других его занятиях». Но при таком взгляде увеличение древнего Киева относится к *первой* половине Ярославова княжения здесь; между тем как из Несторова сказания видно ясно, что оно произошло во *вторую* половину Ярославова княжения в Киеве, когда он был уже *единовластцем* Русской земли.

Такое же представление, как у Евгения, господствует и в Описании И. М. Сковрцева, с тою особенностью, что здесь встречается попытка согласить Несторово сказание с мнением писателей позднейших. В параграфе 6 предложен такой вопрос: «Год 1037, показанный у пр. Нестора, есть ли год основания собора, или совершения его и освящения?», а в заключение сказано: «Итак, год 1037, показанный у пр. летописца и повторяющийся в других древних сказаниях, мы будем почитать годом совершения собора, а не основания, потому особенно, что это мнение писателей наших древних».

Но это — мнение наших писателей, живших в позднейшие века, после нашествия татарского, — мнение, несогласное ни со свидетельством нашего древнего летописателя киевского, ни с показанием древнего же летописца новгородского. Излагая сперва Несторово сказание, Сковрцев говорит: «Если принять это мнение, то нельзя продолжать построение собора далее 1051 года, ибо в этом году летописец упоминает уже о поставлении митрополита Илариона в св. Софии». Заключение верное: начатый в 1037 году, Софийский собор был окончен и освящен, конечно, еще до поставления Илариона; только у Нестора не означен год освящения, а известно из

О времени основания
Киево-Софийского
собора

Будівництво Софійського собору і «града великого Києва». Копія XV ст. з мініатюри, виконаної близько 1205 р.

Софійський майдан.
Літографія середини ХІХ ст.

древнего предания, что он освящен 4 ноября митрополитом Феопемптом. Справедливо замечено у Скворцева, что сказание о Ярославовых построениях, записанное у Нестора под 1037 годом, «можно почитать изображением не современности, а только однородности деяний Ярослава».

Эта разновременность выражена и в самом сказании Несторовом: в 1037 году Ярослав заложил город великий Киев, у которого Золотые Врата и церковь св. Софии; *по сем* — каменную церковь св. Благовещения на Золотых Вратах; *по сем* — св. Георгия монастырь и св. Ирины. Постепенно, в три раза, происходило заложение помянутых церквей в том «великом городе», который прибавлен Ярославом к первоначальному Киеву. О построении и освящении церкви св. Георгия мы положительно знаем из пролога XIV века, что они были в первые годы митрополитства Иларионова, следовательно не ранее 1051 года. Заложение «великого города Киева» и в нем величественного храма св. Софии было в 1037 году да и не могло быть ранее: это ясно из сказания о битве с печенегами, записанного Нестором под 1036 годом.

«И бе печенег без числа. Ярослав выступи из града и ополчи дружину, постави варяги по среде, а на правой стороне кыяне, а на левем криле новгородци. Сташа пред градом; печенези приступати начаша; и сосступишася на месте, идеже стоит ныне святая Софья, митрополья Русьская; бе бо тогда поле вне града; и бысть сеча зла; и едва одоле к вечеру Ярослав».

При этом отчетливом изображении, казалось бы, нельзя и усомниться в том, что за пределами первоначального Киева, на западной стороне его еще и в 1036 году не было ни оградного вала с Золотыми Вратами, ни Софийского храма, а было только *поле вне града*. Но в описании Скворцева с предположением, что для построения Софийского храма, заложенного Ярославом еще 1017 года, было немало благоприятного времени, например в 1019 и еще более в 1026 годах, сказано: «Все это делается весьма вероятным, если слова пр. Нестора о сражении с печенегами 1036 года разуместь так, что это сражение произошло не на месте, где собор (тогда, быть может, уже почти совершенный), а там, где митрополия Русская, т. е. жилище митрополита, тогда здесь не существовавшее». Но так нельзя разуместь слова Нестора, ибо у него *Русскою митрополией* называется не жилище митрополита, а самая церковь св. Софии, ставшая по назначению Ярослава кафедральною церковью митрополита всея Руси. «...Соступишася на месте, идеже стоит ныне святая Софья, митрополия Русьская» — и далее под 1037 годом: «...заложи же [Ярослав] и церковь святая Софья, премудрость Божию, митрополию». То же находим и в Киевской летописи под 1180 годом: «...погореша дворе на горе и великая митрополия св. Софья».

С конца XVI века, когда Софийский собор взят был под унию, кафедральною церковью православной Киевской Руси была Пречистенская церковь на Подоле, и патриарх Феофан говорит в своей грамоте 1620 года, что он посетил все церкви в Киеве, «почавши от церкви соборной Успения Пресвятыя Богородицы, митрополии Киевской»; а жилище новопоставленного тогда митрополита Иова Борецкого и его преемника Исая Копинского было в Михайловском Золотоверхом монастыре.

Итак, принимая за основание свидетельство Несторовой летописи, мы признаем за положительную историческую истину, что 1037 год был годом *заложения*, а не *совершения* и *освящения* Киево-Софийского храма Ярославова. Это подтверждается и свидетельством древней Новгородской летописи, составленной в первой половине XIII века; в ней под 1037 годом написано: «заложи Ярослав город Киев и церковь святая Софии».

Но в той же Новгородской летописи означено и другое *заложение* Софийской церкви в Киеве (именно в Киеве, а не в Новгороде), бывшее 1017 года: «Ярослав иде к Берестию, и заложена бысть святая София Кыеве». Этим известием пополняется Несторова летопись, в которой под 1017 годом сказано только: «Ярослав вниде в Киев, и погореша церкви». По сличении этих двух древних свидетельств следовало бы, кажется, вывести такое заключение, что после пожара киевских церквей, происшедшего вслед за первым приходом Ярослава в Киев, заложена была в том же году в Киеве Софийская церковь, но не та, которая основана Ярославом после, в 1037 году. Новгородская летопись и не вменяет Ярославу *заложение* той церкви. (Она могла быть заложена в 1017 митрополитом Иоанном по уходе Ярослава из Киева к Берестию.)

М. Сажин. Стародавні
фрески у Києво-Софійському
соборі. 1850-ті роки

Но вот что сделал позднейший составитель летописи (чуть ли не Воскресенской, составленной в XVI веке). Взяв сказание двух древних летописей — Несторовой и Новгородской, он составил из них такое смешение: к 1017 году отнес не только *заложение* Софийской церкви Ярославом, но и града великого Киева с Золотыми Вратами, и самую битву с печенегами; а в 1037 году положил *совершение* и Софийской церкви, и града Киева... Это новосоставленное мнение распространилось скоро, переходя в летописи Никоновскую, Софийскую, в новые Новгородские и другие, в тоговременные прологи, в Палинодию Копыстенского... а наконец оно принялось и в

обоих «Описаниях Киево-Софийского собора». Очевидно, что такая позднейшая и произвольная переделка *древних* свидетельств о двух разновременных заложениях Софийской церкви в Киеве не соответствует исторической действительности и что для ее восстановления надо признать *два* особых заложения Софийской церкви в Киеве: одно, бывшее в 1037 году и относящееся к величественному Ярославову храму, донине существующему; другое, бывшее в 1017 году и относящееся к другой Софийской церкви, заложенной вместо прежней, в том году сгоревшей. (Так и в Новгороде, когда в 1045 году сгорела прежняя деревянная церковь св. Софии, заложена была в том же году новая, каменная церковь св. Софии князем Владимиром Ярославичем.)

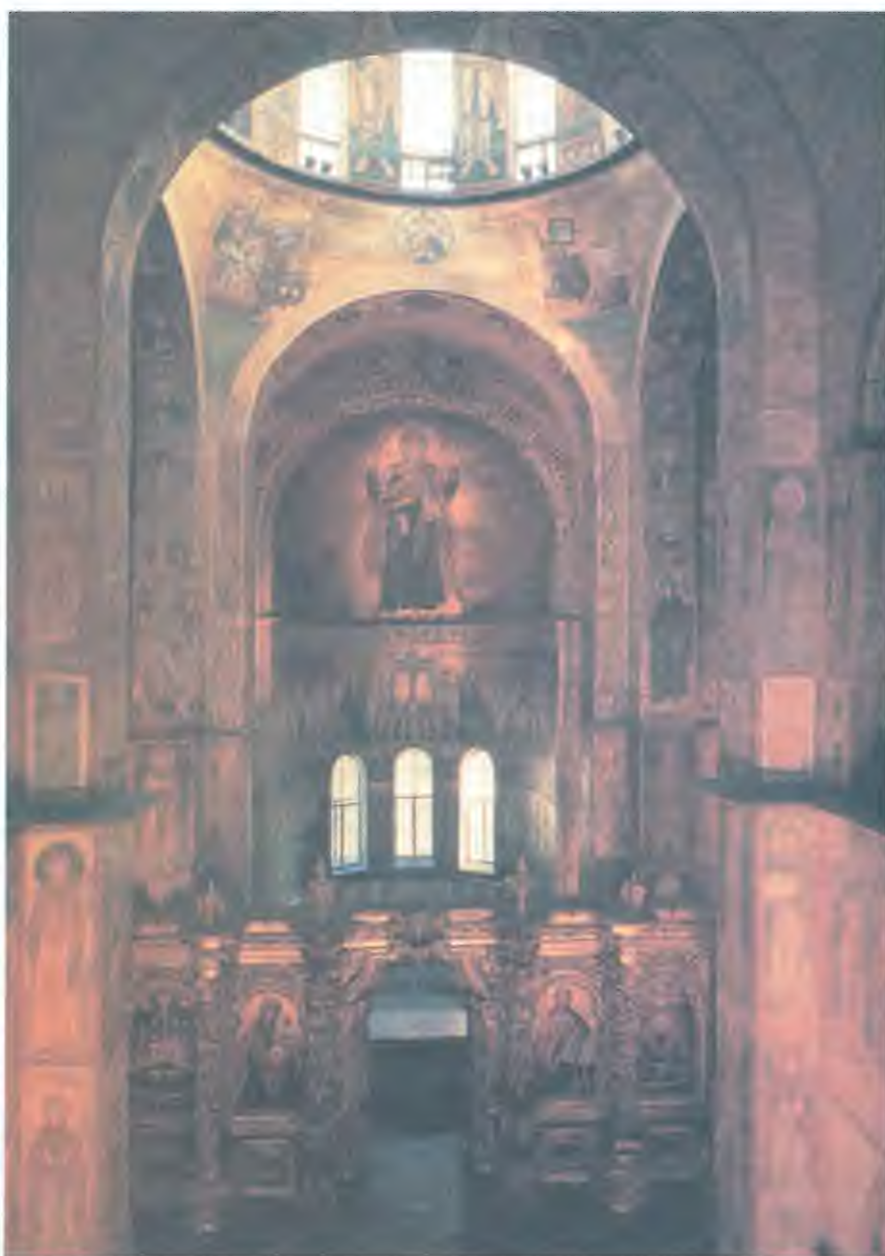
А что в числе киевских церквей, сгоревших в том пожаре 1017 года, была и *Софийская* с находившимся при ней *монастырем*, о том есть *современное* свидетельство в хронике Межиборского епископа Дитмара (ум. 1018). Вот что говорит он в конце своей «Хроники» о входе Болеслава Храброго со Святополком в Киев в августе 1018 года: «Архиепископ этого города, с мощами святых и разными другими принадлежностями благолепия, почтил приход их в *монастырь св. Софии, который в прошлом году по несчастному случаю сгорел*».

Итак, до основания Киево-Софийского собора Ярославово было в Киеве еще две церкви во имя св. Софии: одна первоначальная, сгоревшая в 1017 году; другая, заложенная того же года. О бытии этой второй церкви не сохранилось летописных известий, равно как и о бытии премногих киевских церквей; но и можно с полною вероятностью полагать, что она была не только заложена, но и построена в том Софийском монастыре, в котором была вышеозначенная встреча Болеслава и Святополка.

Что же касается до первоначальной Софийской церкви, то она была построена в Киеве еще при великой княгине Ольге. Известие об этом распространилось в прошлом столетии из так называемой Иоакимовой летописи, где сказано, что блаженная Ольга по возвращении своем из Царягорода построила в Киеве деревянную церковь св. Софии, для которой иконы прислал ей патриарх. Нашлось теперь и другое, очень давнее о том известие — в святцах «Апостола», писанного в 1307 году. Там означены два освящения Софийской церкви в Киеве: одно под 4 ноября, относящееся к Ярославову храму; другое 11 мая, о котором сказано так: «священие святыне Софья в Киеве, в лето 6460», т. е. 952. По этому указанию освящение первоначальной Софийской церкви в Киеве приходится также в правление вдовствующей княгини Ольги, но еще до ее путешествия в Царьгород, бывшего в 955 или, вернее, в 957 году. В этом, конечно, нет еще ничего несбыточного, ибо в Киеве и до того времени жили христиане и строились церкви. Но могло случиться, что переписчик тех святцев, означая год освящения 6460, не дописал в конце какого-нибудь числа и что в древнейшем подлиннике был 6465 или 6466 год.

Во всяком случае построение и освящение первоначальной Софийской церкви в Киеве было в 50-х годах X века при великой княгине Ольге, и нет никакого основания сомневаться

Софійський собор у Києві.
Інтер'єр центрального нефа

*

Так говорит г. Закревский в своей книге о Киеве, изданной в 1858 году (см. § 118). При всем достоинстве этой книги автор ее оспаривает и отрицает иногда то, что не подлежит ни малейшему сомнению. Так, например, приводя слова из книги Берлинского и Фундукля о Борисоглебской церкви, построенной в Вышгороде Ярославом около 1020 года, г. Закревский делает такое замечание: «выдуманы обстоятельства, о которых Нестор ничего не знает» (см. § 34). Закревский не признал этой первоначальной на Руси церкви во имя Бориса и Глеба, о которой именно *Нестор* написал подробное сказание в житии св. страстотерпцев.

**

Историк русской церкви признавал построение Софийской церкви блаженною Ольгою, а освящение относил к 957 году (см. *Русские святые*, июль, с. 69).

ся в бытии этой церкви до 1017 г. и говорить, будто мнение о ее существовании «основано только на разноречии списков Несторовой летописи»* (у Нестора нет и помину о ней). Бытие этой первоначальной Софийской церкви признавали и Евгений, и Скворцев, и, наконец, Филарет Черниговский**. Ириной Фальковский, писавший краткие замечания о киевских церквях, в своем *«Киевском Месяцеслове»* 1799 г. признавал также построение той церкви великою княгинею Ольгою (по летописи Иоакимовой) и говорил: «на том ли месте она бытие свое имела, где после правнуком Ольгиным, Ярославом Владимировичем, в то же именование выстроена нынешняя каменная, или на ином, совсем не известно» (с. 41).

Оранта. Фрагмент мозаїки Софійського собору в Києві. XI ст.

Діти Ярослава Мудрого.
Фреска Софійського собору
в Києві. XI ст.

В «Описании» Сковрцева сказано: «Монастырь св. Софии первобытный мог быть еще далее Ярославовой митрополии в поле (монастыри не строились в самом городе)» (с. 6).

Едва ли можно согласиться с этим предположением и особенно — с его основанием, будто монастыри не строились в самом городе. Против этого достаточно указать на построенный Ярославом «великий город Киев» с двумя в нем монастырями — Георгиевским и Ирининским, кроме кафедрального Софийского.

Для меня казалось более вероятным, что первобытный Софийский монастырь находился не в открытом поле со стороны Лыбеди, откуда бывали обыкновенно неприятельские наступления на Киев, а в самом городе, возле западных его ворот, между ними и Десятинною церковью, которая, как видно, потерпела также 1017 года (она была возобновлена и вновь освящена 1039 года). Болеслав и Святополк пришли в Киев по Белоградскому пути, в ворота *западные* (разумеется, не Золотые, которых тогда еще не было). Встреча их Киевским архиепископом, т. е. митрополитом Иоанном, в монастыре Софийском дает повод предполагать его первым со входа в тогдашний город Киев теми западными воротами. Это

мнение мое предложено было еще в «Обозрении Старого Киева», напечатанном в «Киевлянине» 1840 года (см. с. 22).

Но возвратимся к Ярославову храму св. Софии. Известна историческая надпись о нем, начертанная под его куполом на четырех средних арках, должно быть, в начале прошлого столетия. Нельзя оставить без замечания годов, означенных в этой надписи.

«Изволением Божиим нача здатися сей Премудрости Божия храм в лето 1037»...

Тут год основания храма означен был верно; при последнем обновлении хотелось, вероятно, кому-то переменить этот год на 1017, но по ошибке поставлен 1011 г.

«Совершися же в лето 1038 и освящен Феопемптом»...

Вот этот год следовало бы переменить, ибо нет никакого вероятия, чтобы здание Софийского храма, начатое в 1037 году, было совершено в 1038. Десятинная церковь при Владимире Великом строилась семь лет (заложена 989, совершена 996). Новгородская каменная церковь св. Софии, заложенная Владимиром Ярославичем 1045 года, строилась также семь лет. Ярославов храм св. Софии в Киеве также не мог совершиться ранее семи лет. Еще не нашлось древней заметки о годе его освящения, а есть 1045 год, относимый в «Киевских Месяцесловах» к освящению Георгиевской церкви. Но эта церковь, как замечено выше, освящена была Иларионом при жизни Ярослава, стало быть, между 1051 и 1054 годами. За неимением древнего указания на год освящения Софийского собора — не отнести ли к нему этот 1045 год, издавна известный в церковной хронике Киева, но ошибочно приуроченный к Георгиевской церкви?..

Далее в надписи означен 1631 год, в котором будто бы Владислав IV стал королем и возвратил Софийский собор сынам благочестивой Восточной церкви. Здесь ошибка. Жигмонт III, в правление которого Софийский собор взят был под унию, скончался в апреле 1632 года; сын его Владислав IV избран в короли с ноября того года; а возвращение Софийского собора к православным последовало уже в июле 1633 года.

Затем означено верно, что Софийский храм начал обновляться в лето 1634 тцанием митрополита Петра Могилы.

К этой прежней надписи прибавилась еще новая, относящаяся к обновлению храма в лето 1851.

Итак, Софийскому собору, считая от основания его, ныне уже 830 лет.

Письма о князьях Острожских

К графине А. Д. Блудовой

Письмо первое

Вашим попечением началось и устрояется *Острожское Кирилло-Мефодиевское братство*... Уже можно приветствовать Волынскую землю с этим благотворным для нее учреждением, и нельзя не пожелать прочного бытия и полного расцвета новому православно-русскому братству, собирающемуся во имя святых первоучителей славянских, которые и «сами были славяне», по замечанию старого «Летописца южнорусского». Да будет же Острожское братство благоуспешно, наравне с прежними предприятиями благочестивых жен волынских, ознаменовавших свою любовь к православной церкви и просвещению русскому! Мы с благодарностью вспоминаем имена Анны Гулевичевны Лозкиной, основательницы Киевского Богоявленского братства (в 1615 году); Анны Гойской, основательницы Почаевской обители (в 1597 году); княгини Раины Вишневецкой, строительницы трех монастырей в Украине Переяславской — и других волынянок. А величавые развалины славного города Острога, при которых свивается гнездо братской любви и милосердия, — они наводят неотразимую думу о князьях Острожских... Два с половиной века уже как прекратился этот знаменитый княжеский род, бывший в продолжение трех веков красою и славою Волынской земли; но память о нем пребывает из рода в род. Этою памятью древнерусская жизнь Волынской земли соединяется с ее новым бытием в общем составе Русского мира. Эта дорогая для Руси память должна, мне кажется, быть присущею и в *братстве Острожском*, составлять его непременную стихию, его существенную особенность от всех других братств и учреждений,

возникающих во имя святых братьев Кирилла и Мефодия. В этих мыслях я обращаюсь к Вам, графиня, и в моих письмах передам на усмотрение Ваше несколько замечаний и воспоминаний о достопамятных князьях Острожских.

Прежде всего, разумеется, предлежит вопрос генеалогический: от какой отрасли Владимирова племени произошел род князей Острожских? Уже давно господствует у нас мнение польских историков, что князья Острожские были потомки *Романа Галицкого*. Так, еще в старом «Летописце южнорусском», составленном в XVII веке под влиянием историков польских, галицкий король Даниил Романович назван *предком* князей Острожских и положено такое их родословие: «*Роман Данилович*, родной брат князя Льва, оставил сына *Василия*, князя Острожского; тот Василий оставил по себе сына *Данила*, князя на Остроге; от того Даниила остался сын *Феодор...*» и так далее.

Здесь Даниил Острожский и его сын Федор — лица действительные, исторические, также и сын Даниила Галицкого князь Роман; но ему усыновляемый *Василь Романович* есть лицо призрачное, не бывшее ни между потомками Даниила Галицкого, ни между предками князей Острожских.

Несецкий и другие польские генеалоги своим разногласием и произволом в производстве князей Острожских от Галицких обнаружили только несостоятельность этого производства, запутав родословие и прибавкою еще одного *Василия* между Даниилом и Феодором Острожскими, так что святопамятный князь *Феодор Данилович* именуется у них Феодором Васильевичем (подобно тому как у того же Несецкого знаменитый князь Дмитрий Иванович Вишневецкий переименован в Дмитрия Александровича).

Очевидно, что господствующее мнение о происхождении князей Острожских от Галицких неосновательно и неверно, так же как и старопольское мнение о происхождении самого Романа Галицкого от Давида Игоревича, хотя это мнение доныне в ходу у писателей польских (например у Крашевского). Так и в старом «Южнорусском летописце» к имени Давида Игоревича означено: «предок княжат Острожских».

Чтобы выбраться из этой генеалогической дебри на прямой путь исторический, я обратился к старым помянникам киевских церквей, где записан «род князя Константина Ивановича Острожского» вскоре после его погребения в Печерской церкви, то есть еще в тридцатых годах шестнадцатого века. Там имена предков его поминают в таком порядке:

- 1) князя *Георгия*,
- 2) князя *Дмитрия*,
- 3) князя *Данила*,
- 4) князя *Феодора*, в иноках *Феодосия...* и т. д.

Несомненно, что эти имена были написаны для церковного поминания еще самим князем Константином, правнуком Феодора, а потому это родоначалие князей Острожских должно признать за достоверное и нерушимое.

Соответственный ряд княгинь представляет следующие имена:

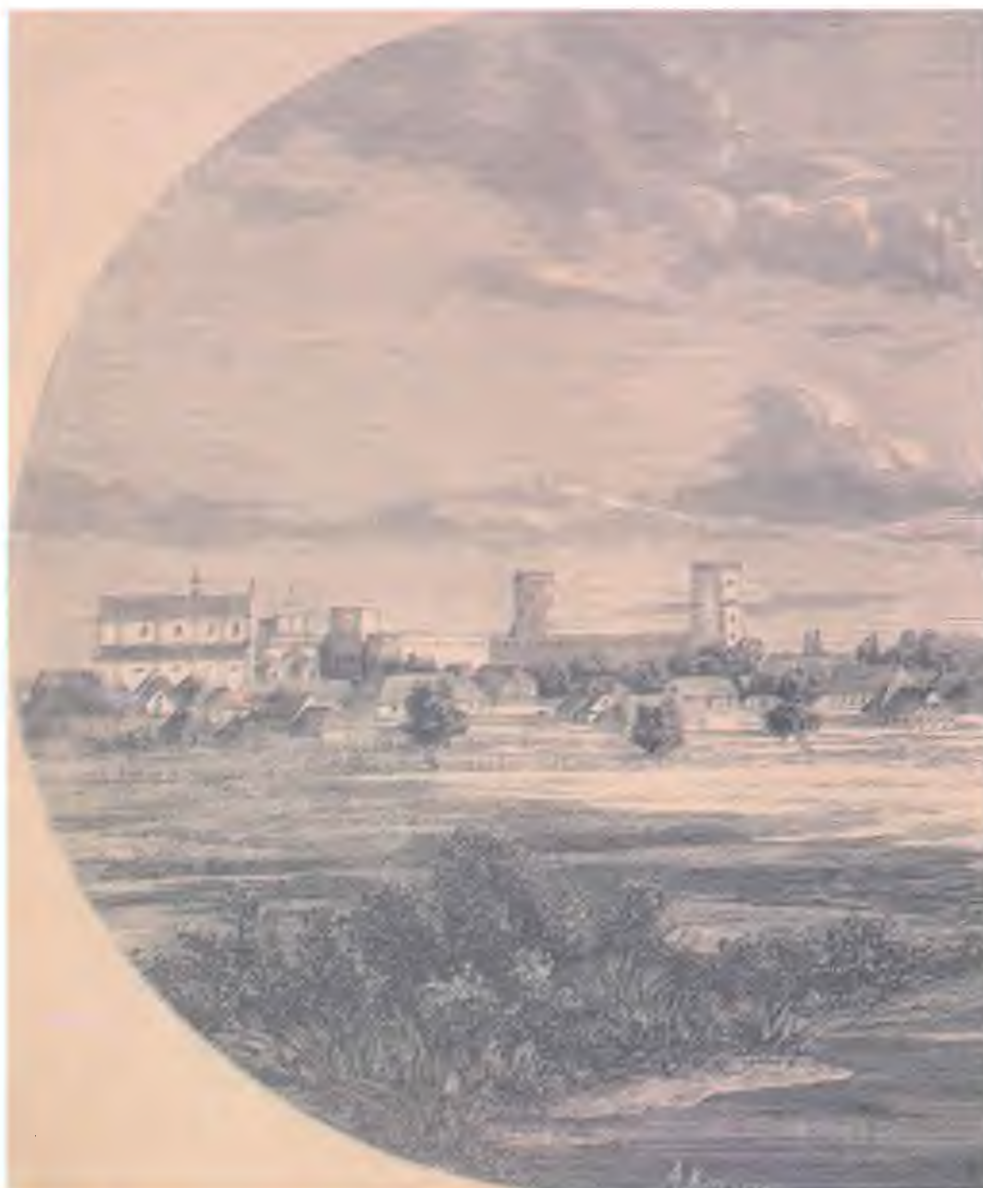
- 1) княгиня *Варвара*,
- 2) княгиня инокиня *Елисавета*,

3) княгиня *Василиса*,

4) княгиня *Агафия*, в инокинях *Агрипина*... и т. д.

Вот первые четыре степени родства князя Константина. Оно начинается прадедом его прадеда Феодора — князем *Георгием* и его княгинею *Варварою*. Кто же были эти родоначальники князей *Острожских*? «Благовернии князи *Туровский*». Так написано к их именам в помяннике *Дубенской* церкви, давно составленном по старейшим поминаниям той же церкви. Эта маленькая заметка, в них сохранившаяся, вернее всех генеалогов указывает нам на князей *Острожских* как на отрасль князей *Туровских* и *Пинских*. Князья эти произошли от *Владимира Святого* чрез его правнука *Святополка Изяславича*; внук *Святополка* был *Юрий Ярославич*; а его внук был *Владимир* князь *Пинский*, отец *Юрия*, или *Георгия*, в котором мы узнали подлинного родоначальника князей *Острожских*.

Юрий Владимирович появляется в летописании в 1262 году, по случаю победы над Литвою, одержанной волынским

Замок Любарта в Луцьку.
Гравюра XIX ст.

князем Васильком Романовичем под городом Неблем. «Се же услышавшие князи Пиньстии Федор и Демид и Юрьи, и приехаша в Василькови с питьем и начаша веселитися, видяще бо ворогы своя избиты, а свою дружина вся цела». А в конце Волынской летописи читаем следующее: «В лето 6800 [1292] представился Пинский князь Юрий, сын Володимиров, кроткий, смиренный, правдивый; и плакася по нем княгини его, и сынове его, и вси людье плакахуся по нем плачем великим».

Из его сыновей мы знаем уже князя *Дмитрия*, с которого и начинаются *князья Острожские*.

Р. С. Не лишним считаю сказать о старом «Летописце южнорусском», на который я ссылался. Он известен по списку, сделанному в Чернигове 1699 года иеромонахом *Леонтием Боболинским*. Еще в записках Храповицкого под 9 декабря 1791 года сказано: «Приказали написать Черниговскому епископу, чтоб, списав верно из библиотеки тамошней семинарии летописец, в 1699 году Боболинским сочиненный, присылал сюда через почту по тетрадам». Но о. Леонтий был толь-

ко переписчиком. У меня под рукою теперь другой список, несколько старее и без тех прибавлений, какие сделаны Боблинским, даже из печатного «Киевского синопсиса»; он кончается сказанием о гетмане Подкове; писан мелким письмом на 696 листах, озаглавлен так: «Летописец, то есть *Хроника*, с разных многих и досведчонных авторов и историков диалектом русским есть сложены». Кем сложена эта современница «*Хроники Густынской*», мне не известно.

Письмо второе

Предоставляя будущим историческим соображениям и открытиям новоузнанную чету князей Острожских: князя *Дмитрия Юрьевича* и его княгиню инокиню *Елисавету*, я перехожу к известному в истории сыну их *Данилу Острожскому*. Он является вслед за тем, как в 1340 году краковский король Казимир Владиславич посягнул в первый раз на завладение землею Галицкою, или Львовскою. Тогда Данило Острожский, согласясь с перемышльским старостою Дашком и призвав на подмогу себе войско татарское, истребил польскую стражу, оставленную королем в земле Галицкой; а потом они опустошили принадлежащие ему земли — Краковскую, Сандомирскую и Люблинскую. Таким отпором Казимиру Великому в 1341 году приостановлено было на несколько лет его завладение землею Галицкою и его первый захват Волынской земли, ставший в 1349 году, но на другой же год отраженный волынским князем Любартом Гедиминовичем. (Земля Волынская, так же как и Подолье и земля Киевская, тогда принадлежали уже Великому княжеству Литовскому.)

В городе Остроге была тогда церковь св. Николая, в которой находилось еще и в XVII веке Евангелие со следующей вкладною записью: «Се яз князь Данило и с княгинею Васи-

Замок Василя Острозького
у Заславі. Гравюра XIX ст.

лисою, и с детьми нашими придались мы землю на имя Чепель, уездом и в обрубе, ко святому Николе Острожскому, в парканеж, как тая земля в собі маєт, вечно и непорушно; не маєм ся мы в тую землю вступати, ни дети, ни потомки наши; мають тую землю той церкви попы держати, и мають собі всяки пожиток имати, а за нас Бога милостиваго просити и роды наши поминати; а если бы кто смел той земли кривду чинити, маєм мы и потомки наши боронити; а если бы кто смел теж тую землю от Божье церкви отымати, тот маєт перед милостивым Богом на страшном суду с нами ся рассудити»*

Сыновей у них было три: *Феодор, Алексей и Андрей*, как это можно усмотреть из помянников киевских. В истории памятен старший сын, *Федор Данилович*, видный с 1386 года, когда и король Ягелло, и великий князь Витовт не только подтвердили Острожское владение, утвержденное за ним князем Любартом, но еще приумножили городами Заславлем и Корцем. Потом Федор Острожский является спустя 45 лет. (Подобные пропуски летописные можно видеть в жизни Всеслава Полоцкого, Романа Галицкого и других князей.) По кончине могучего Витовта (в декабре 1130 года), стремившегося упрочить и возвеличить свое Литовское государство, поляки не замедлили захватить Подолье и покушались отвоевать Волынскую землю у новоизбранного в великие князья Свидригайла Ольгердовича. Но после неудачной осады Луцка самим королем Ягеллом Ольгердовичем 1431 года тотчас придумано было иное средство ослабить государство Литовское — внести в него междоусобицу и раздвоение; для того и поставлен был в великие князья Жигимонт Кейстутович — ненавистное для Руси орудие Польши. Тогда снова возгорелась война. Любимый Русью, хотя и суровый князь Свидригайло двинулся в Литву, а Федору Острожскому поручено было держать Подолье; и он исполнил это победоносно, очистив всю Браславщину к исходу 1432 года**, а на следующую весну отобрал он и Каменец, полонивши там знаменитого старосту Феодорика Бучацкого. Известие об этих и дальнейших подвигах князя Острожского сохранил историк и дипломат того века краковский каноник Ян Длугош, у которого, впрочем, и разбитые Русью поляки выходят из сраженья победителями. Несмотря на то, он называет князя *Федька* мужем храбрым и воинственным и ставит его выше всех тогдашних вождей Литвы и Руси.

Но воинственный князь Феодор сподобился стать превыше в сонме святых отцев Печерских. Вот известие о нем из краткого жизнеописания св. отцев Дальней, или Феодосиевой, пещеры, составленного там в XVII веке. «Преподобный *Феодор Данилович*, князь Острожский, оставив прелесть мира сего и княжескую славу, взяв на себе святое иночество и так подвизався крепко о согласении своем, утешая Богу аж до смерти, душу свою всяко украшая, Господеви в руке отдал; а тело его, zde положенное, опочивает».

Я уверен, что киевские братчики не преминут внести образ святого князя в домовую церковь Братства Острожского. А со временем по всей справедливости надо бы в Остроге поставить хотя бы придельную церковь во имя преподобного князя Острожского, — тем более что им созданная в Остроге каменная *Пречистенская* церковь обращена еще в XVII веке

*

Из выписки 1634 года, помещенной в «Кратком описании города Острога», составленном А. Перлштейном в дополнение к «Острожской старине» В. Домбровского, напечатанной в «Киевлянине» 1840 г.

**

Вот сказание из старого «Летописца южнорусского»: «Року 1432 Федор княжа Острожское, муж великой делности и валежный, держачи сторону Швидригайла до Руси вырвал у поляков. Прето король Ягелло, до Львова вытягнувши, послав войско коронное на Подолье, которое князь Федор, уставичне з своим, войско лядское губил и наежчал; а коли уже ляхи для близкой зимы до дому ся вертали, раз князь Острожский Федор таемне за ними тягнул, часу, места и пригоды, где бы на них ударить, смотрел; и есть Мурахва река, которая до Днестра впадает, болотна и широко выливающая, через леса идучи; а уже была трохи примерзла — через которую князь Федор иншою дорогою первой пребывши, засадился на другом берегу з войском своим в лесе, таи же нагле и без вести, з великим и гвалтовным окриком на ляхи ударил, а ляхи, будучи стривожены пригодою новою и несподованною, одни вплавь лед ломать, а другие возы свои в гати покинувши и поперевертавши, учинили битву; але князь Острожский войском перевышал. Ляхов помешанных из реки выезжающих, русь отовсель назревали, били, топили и имали. Лечь волохов, которые были на лупезстве, побито от ляхов, и погинуло их много».

в католический костел, донныне там существующий. На Волынской земле следует быть храму во имя святого ее уроженца и подвижника. Тогда 28-й день августа, в который празднуется его память, стал бы народным праздником Волынской земли. С каким усердием притекал бы туда православный народ волынский помолиться своему святому князю! С каким умилением слушали бы церковную песнь о нем: «Красоты ризныя возгнушавшагося, и богатства тленного со благодарением отвергшагося, в ризу же безстрастия облекшагося и богатому в щедротах воследовавшего Христови, приидите вернии, усердно восхвалим Феодора достославна яко молящегося непрестанно о душах наших!»

Письмо третье

В предыдущем письме я не сказал о времени, когда Феодор Острожский стал иноком *Феодосием* и когда он скончался.

Положительного известия о том еще не нашлось. Весьма правдоподобно мнение Филарета Черниговского, что князь Феодор удалился в Печерскую обитель около 1438 года (см. «Русские святые» за август); но невероятно, чтобы он скончался «в конце XV века», как это написано было Евгением в «Описании Киево-Печерской Лавры» и потом повторялось в «Словаре святых», в «Указателе святынь Киева» и в других сочинениях.

По примеру князя Феодора и его княгиня *Агафия* приняла иночество с именем *Агрипины*. Меньшой брат его Алексей также окончил жизнь иноком *Александром*.

Сыновей у Федора Даниловича было два: *Василий* и *Даниил*. Первый из них у современников прозывался *Василием Красным*. В то время как достославный отец его отражал войсковые нападки поляков на русские земли государства Литовского, Василий Красный противодействовал дипломатическим

Замок Острозьких в Острозі.
Гравюра XIX ст.

Краків. Гравюра XVI ст.

притязаниям Польши на целое государство Литовское, которые в XV веке усилились чрезмерно, взамен притупившегося оружия. На этом дипломатическом поприще и прославился он еще 1431 года в Вильне при избрании Свидригайла и в переговорах при осаде Луцка. Спустя 15 лет, при новом великом князе Казимире Ягелловиче, Василий Острожский особенно настаивал на отказе его от польской короны, с чем и был послан на Петрковский сейм. Хотя же в следующем, 1447, году этот великий князь литовский согласился наконец быть вместе и королем польским, но с тем условием, чтобы поляки отказались навсегда от своих притязаний на Волынь и Подолье. Василий Красный в свите старого Свидригайла находился и при коронации юного Казимира.

В своем городе Остроге князь Василий поставил большую каменную ограду, которой остатки и ныне еще видны. Он также укрепил и другие города свои — Заславль и Дубно. Ему приписывают и сооружение в Остроге великолепной церкви Богоявленской. Впрочем, уцелевшие на ее опустелых стенах числа указывают на других строителей. Если начало ее — в 1321 году*, то ее первое построение (разумеется, деревянным зданием) могло принадлежать еще князю Дмитрию Юрьевичу. Другое, славянское число, если разобрано верно (7031), означает 1523 год, и тогда сооружение или обновление Богоявленской церкви принадлежит князю Константину Ивановичу, о котором говорят, что он перенес гроб своего деда Василия из Острога в Печерскую Лавру. А скончался князь Василий Федорович 1453 года.

После него Острожское владение разделилось между двумя сыновьями. Князь Юрий Васильевич, исторически известный с 1456 года, стал владельцем города Заславля, по которому как он, так и его потомство назывались князьями Заславскими или Жеславскими. Надо, однако же, отличать эту волынскую русскую фамилию от литовских князей Заславских или Ижеславских, так называвшихся по древнему городу Изяслав-

*
Полагаюсь на статью
г. Перлштейна, напечатанную
в «Чтениях» 1847 года.

Руїни замку Острозьких
в Острозі. Гравюра XIX ст.

лю, построенному Владимиром Великим в Полоцком княжестве для Рогнеды, во имя ее сына (ныне местечко Заслав Минской губернии). Потомством *Ивана Васильевича* продолжался род князей *Острожских*. Этот князь известен битвами с татарами и построением Троицкой церкви в Межиречье Острожском. Женат он был на украинской княжне Глинской, родившей ему того славного князя *Константина*, гробнице которого кланяемся мы в великой церкви Печерской.

Надгробная статуя представляет лежащего рыцаря — изображение, приличное для князя Константина после многолетней жизни. Прежняя надпись, бывшая до лаврского пожара в 1718 году, состояла в следующих словах: «Константин Иоаннович князь Острожский, воевода Троцкий, гетман Великого княжества Литовского, по многих победах от смерти полягши, zde погребен, лета от Р. Х. 1533, имей лет 70; одержав побед 63»*.

*
Как в этой надписи, так и во всех писаниях польских кончина Константинова полагается в 1533 году, но по «Литовской метрике» она означена в 1530 году.

Начав служебное поприще еще при Казимире, он был с 1498 года уже литовским гетманом. В последний год XV века возгорелась война у Александра Казимировича с его тестем Иоанном III Васильевичем. Древняя междоусобица удельных русских князей обратилась с XIV века в борьбу двух половин Руси: Западной и Восточной, в тяжбу двух новообразовавшихся государств: Литовского и Московского. Но при начале Александровой борьбы с Иоанном князь Константин не посчастливилось; потерпев страшное поражение на р. Ведроше 1550 г. 14 июля, он стал, без малого на семь лет, пленником московским. В эти годы усилился и возвысился в Литве блистательный князь Михаил Львович Глинский, которого Менгли-Гирей называл первым молодцем в государстве. Но по смерти Александровой он встретил неприязнь к себе в новом государе литовском, Жигимонте Казимировиче. Тогда Михаил Глинский с многочисленным родом своим передался

на сторону московскую, замышляя отнять у Литвы землю Киевскую.

Но в ту пору бежавший из Москвы князь Константин явился в своем отечестве великим богатырем, и первым подвигом его было успешное противодействие дяде своему Глинскому. Затем следовали его победы над татарами, из которых особенно знамениты две: под Вишневецом 1516 года и на Ольшанице близ Канева 1527-го. Государь литовский Жигимонт старался всячески отличать и награждать своего светлоуруженного князя: щедро наделял его именьями, титуловал его *наивысшим гетманом Литовским*, возвысил в звание воеводы Троцкого, почтил его небывалыми еще торжественными въездами в обе столицы свои: в Вильну и Краков, по примеру древних героев римских; а однажды в знак особенного отличия пожаловал его королевским правом приложения печати на *красном воску*.

Будучи в полной славе и власти, князь Константин стоял крепко за права Восточной православной церкви; сооружал храмы в Вильне, Новгороде-Литовском и своем острожском владении, где основал несколько новых монастырей, благотворя и прежним; особенно же он был усерден к монастырю Печерскому. Туда и перевезен был его гроб сыном *Илиею*. Там была погребена и первая его супруга, кн. *Татиана*, дочь князя Семена Юрьевича Гольшанского*.

Нечего и говорить, как величали его литовские и польские писатели, называя *русским Сципионом, вождем всех веков достойнейшим* и проч. В заключение приведу слова из истории, писанной новым гражданином Волынской земли знаменитым московским беглецом князем Андреем Михайловичем Курбским. «А о тех волынцах не только в хрониках мужество их описуется, но и новыми повестями храбрость их свидетельствуется, яко мало прежде и о других рехом, егда быша

*

Княгиня Татиана скончалась вскоре после 1520 года, и от нее у князя Константина остался сын Илия; а его сын *Василий-Константин* и дочь *София*, родившаяся до 1528 года, были от второй жены, княгини Александры.

Єзуїтський монастир
в Острозі. Гравюра XIX ст.

**Костянтин Костянтинович Острозький.
Портрет першої половини XVII ст.**

в вере православной, пребываваши по обычаям мерным, и к тому имеюще над собою гетмана храброго и славного *Константина*, в православных догматах светлаго и во всяком благочестии сияющего, яко славни и похвальни в делах ратных явишась, отечество свое обороняюще».

Письмо четвертое

По смерти князя Константина Ивановича владельцем Острога был старший сын его Илья, староста Браславский и Винницкий; а малолетний княжич Константин, в крещении Василий, оставался при своей вдовствующей матери, Александре Семеновне, дочери князя Слуцкого, получившей себе в вено от покойного мужа город Туров. В этой прародине князей Острожских и вырастал будущий последний представитель их славы и доблести.

Между тем Илья Константинович в 1539 году вступил в брак с Беатою Костелецкою, дочерью бывшей королевской наложницы Катерины, воспитанною и процветавшею при дворе корыстолюбивой и безнравственной королевы Боны. Года через три после того умер князь Илья, поручив опеке королевича Жигимонта Августа свою малолетнюю единственную дочь Елисавету, или Алжбету, известную по своей злополучной трагической судьбе... И кто же в ней виновнее? Своенравная ли Беата, которой хотелось владеть огромным наследством своей дочери? Молодой ли князь Константин Константинович, который помог князю Дмитрию Сангушку обвенчаться на своей юной племяннице, чтобы и ее, и Острожское владение вырвать поскорее из рук ненавистной для него ляховицы?

Или же король Жигимонт Август, так немилостиво осудивший на изгнание Дмитрия Сангушка, придерживаясь гнусного обвинения, сочиненного на заказ Станиславом Чарниковским? Нашелся и другой угодник, Мартын Зборовский, который настиг убежавшую чету уже не в своей, а в чешской земле, в Яромире, и не остановился умертвить Сангушка (1554 г.) и вместе с его головою доставить алчной Беате ее овдовевшую дочь... И для чего же? Чтобы августейший опекун выдал ее насильно за любимого им поляка Гурку, несмотря уже и на отчаянное сопротивление ее матери... Бедная Алжбета! Не доставшись любившему ее князю Семену Слуцкому, оставшись вдовою и после немалого ей Лукаша Гурки, она явилась, уже безумная, к своему дяде в Острог, где и скончалась. А выживтая отсюда Беата благоденствовала еще на Волыни, в местечке Янушполе, пока не женился на ней (после 1563 г.) Серадский воевода Альбрехт Лаский, который, не могши с нею ужиться, заточил ее навеки в своем венгерском замке Кезмарке.

Медаль с портретом
К. К. Острожского. XVI ст.

Костянтин Іванович
Острозький. Портрет
1620—1621 рр.

*
Тут з іронією: Божественна
комедія! — Ред.

Ровно через десять лет после того как происходили во Львове осада Беаты Острожской и насильное взятие оттуда ее дочери для поляка Гурки, Жигимонт Август разыграл в Люблине другую драму, более важную: он расшиб свое Литовское государство на составные части и каждую порознь присоединил к королевству Польскому. И наш древний первопрестольный Киев со всею Южною и Северо-Западною Русью стал достоянием Польской короны... *La divina comedia!**

Нельзя не подивиться тому постоянству, с каким поляки в продолжение 180 лет достигали всячески этой вожаделенной для них Люблинской унии, предначатой еще во время облапошенного ими короля Ягелла Ольгердовича. Литвины обрадовались было Ягелловской унии как дружественному союзу двух самостоятельных государств для взаимной обороны от общих врагов; потешались данными им польскими гербами... И возненавидели поляков, разглядевши, что они написали себе как заповедь усвоение, претворение, втеление Литвы в Польшу! И уж как ни бились Монивиды, Радивилы и другие паны-рады литовские, чтобы устранить от себя поляков «как заграничников и чужеземцев», но не смогли и не сумели уберечь Гедиминова наследия от рокового поглощения Польшею; оно совершилось в 1569 году державным содействием Ягеллова правнука, расслабленного и бездетного Жигимонта Августа.

Была возможность избежать этого поглощения, именно на Люблинском сейме, если бы и князь Константин Острожский, воевода Киевский, и князь Александр Черторыйский, воевода Волынский, и все представители южнорусских земель не согласились на отлучение их от Великого княжества Литовского и присоединение к королевству Польскому и тем поддержали бы несогласие литвинов на Люблинскую унию. Тогда бы и Польша, по смерти своего последнего литвина — Ягеллончика, оставшись сама при себе, в своих собственных старопольских пределах, при своем тогдашнем обращении из католичества в протестантство, — может быть, она еще и пришла бы в самосознание и устроилась бы в государство крепкое... Но между Литвою и Русью не оказалось уже единомыслия; а Польша, обуянная успехом своего напряженного стремления превратить в себя уже разрушенное для нее Литовское государство, сама погибла с шумом на его громадных обломках.

Великолепный князь Константин Константинович, согласившийся неохотно на Люблинскую унию, оставался воеводою Киевским, маршалом Волынской земли и старостою Владимирским еще около сорока лет и нагладелся всякого настроения в новосоставленной *Речи Посполитой польской*. Он видел, как быстро отлетала от нее та *свобода вероисповедания*, которою так славен в ее истории век Жигимонта Августа, которую этот «прирожденный государь Литвы» подтвердил и на прощанье со светом, в 1572 году, означенном в истории Европейского Запада *Варфоломеевскою ночью*. И не странно ли! Свободная в выборе королей Речь Посполитая, волновавшись первым избранием более полутора лет, выбрала себе в короли участника Варфоломеевской ночи 22-летнего Генриха Валуа, который через четыре месяца бежал из Кракова тайком, как тать ночной, увезя с собою в Париж польскую корону... «Ночью избран, ночью приехал и ночью уехал», — замечает современник.

Со скорбью видел князь Острожский, как иезуиты, приглубленные королем Баторием для распространения «свободных наук» в Польше, заткали ее своею хитромысленною паутиною и водворили в ней *дух верогонения*, проявившийся так сильно в правление Жигимонта III Вазы, который руководился ими от юности своей и до смерти. Не исполнилось и четверти века после Люблинской гражданской унии, как уже введена была державным насилием этого короля *церковная уния Брестская*, терзавшая западнорусский народ целых два века, до самого конца Польши (1596—1796).

Беата Острожка.
Копія XVII ст. з портрета
1539 р.

Олександр Острозький.
Портрет XVIII ст.

«Отож уния: лежит Русь с поляками», — говорил коронный гетман Конецпольский, указывая на трупы во время Переяславской войны с козацким гетманом Тарасом, 1630 года. Раздор в Руси и народная ненависть к полякам были неизбежным последствием этой иезуитской унии, предпринятой в пополнение римской паствы, потерпевшей великий урон от Реформации.

Как же действовал князь Острожский во второе сорокалетие своей жизни? Подобно своему герою-отцу он неоднократно поражал орды татарские, насылая на них и подвластное ему козачество украинское*; а в 1579 году, когда победоносный Баторий двинул сильные полки против Иоанна Грозного, наш воевода Киевский прошел грозою по Северной земле до окрестностей Смоленска. Но не военные дела составили его именитость в истории; он стяжал себе бессмертную славу как великий поборник православия, как защитник и утешитель православного западнорусского народа, когда настало новое гонение от воспрянувшего в Литве и Польше латинства и бояре киевские могли говорить своему князю, как в древней «Песни о полку Игореве»: «Уже снесся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю!»

*

«Но вскоре козаки туркам и татарам отомстиша за сие; ибо в року 1575 посланы бывше от Киевского воеводы з Черкас и з Канева чолнами, Днепром, на орды нападаша и много побивше, плен взявше, возвратишася к своим з корыстями» (см. Летопись Грабянки).

Высокое значение князя Острожского признаваемо было всеми тогочасными людьми начиная с короля Батория, ставшего католиком из протестанта для польской короны. Он называл князя Острожского верховным хранителем и защитником православной церкви в Западной Руси. А чтобы слышать голос ближайших к нему людей, прочтем следующие строки из «Октоиха», изданного в Дерманском монастыре в 1604 году, т. е. за четыре года до кончины князя Константина Константиновича: «Иже в благочестии сияющ пресветлый князь, им же и его же ради Бог, в настоящих и мимошедших обстояниях же и бедах наших нас защищаше и утешаше, и достойную чюдеси божества своего силу в нем во утверждение благочестия святого являше; сей днесь старостию приклонен, о его же здравии вси купно молите Господа Бога, да обычного ради милосердия своего Бог, иже живота и смерти власть имеяй, и сему, яко единому от раб своих работающ ему в тцании благочестия, лет же и здравия приложит; сей бо, якоже вси есте днесь свидетели, время все живота своего, яко в любезных и сладостнейших ему трудех же и подвизах, ради умножения славы вышняго Бога, и в тяжких нуждах о еже сохранитися целу благочестию святыя соборныя опостольския церкви, усердно и любезно купно с нещадным ему изнурением имений иждив, и даже и до днесь раздраженное его сердце любовью еже о свободе и о мире православия не угасает, и еже о сем тцатися не престаает».

Люблінська унія.
Гравюра XIX ст.

Любопытны сказания, передаваемые позднейшими польскими писателями о великом богатстве вельможнейшего из князей — князя Острожского, о чрезвычайной пышности, бывшей при его дворе, и о прочем, — сказания иногда слишком уж приукрашенные. Но лучшим украшением при его острожском дворе, конечно, были училище и *типография*, заведенные им в 70-х годах XVI века. Острожское училище было первое на Руси *греко-славянскою* школою для преподавания «вызволённых, или вольных, наук», по примеру училищ латино-западных. Тут был ректором Кирилл Лукарис, достопамятный поборник и страдалец православия, бывший впоследствии патриархом Константинопольским и по проискам иезуитов утопленный в море 1638 года.

Должно быть, такую же школу завел у себя тогда и дворянский брат Острожского, князь Юрий Юрьевич Слуцкий, которому, как потомку старшего Ольгердова сына Владимира, был особенный почет в Сенате литовском: он занимал первое после Виленского бискупа место, выше прочих бискупов и всех сенаторов светских. Скончался он в 1579 году, погребен в Печерской Лавре.

Антонио Поссевино в своих донесениях папе Григорию XIII (1581 г.) говорит, что «князья Острожский и Слуцкий имеют свои типографии и училища, в коих сей раскол питается» (т. е. наша православная, восточная вера). Для нас это указание знаменитого иезуита важно, когда вспомним, что вслед за тем он назначен был от папы главным куратором иезуитских училищ в государстве Польском; что по его же представлению при иезуитской Виленской школе* были заведены и типография со славянским шрифтом для распространения католических книг в русском переводе, начиная с Катехизиса Каназиева, и особая семинария для русского юношества, на содержание которой папа Григорий назначил из своей казны по 1200 коронатов ежегодно.

Такова была забота о привлечении в католичество западнорусского юношества, особенно из высших сословий, — забота, увенчавшаяся впоследствии огромным успехом, да и в самом начале своем не бесплодная, как хвалился уже Поссевино, как писал со скорбью князь Курбский в ответном письме ко вдове князя Ивана Черторыйского, намеревавшейся отдать своего сына в училище Виленское.

Остережение Курбского было не напрасное: князь Юрий Иванович Черторыйский в конце 1596 года передал сестре своей Елене Горностаевой предковский православный монастырь *Пересопницкий*, а в 1598 году вместе со Станиславом Радивилом и другими сверстниками своими обратился к королю-миссионеру с просьбою о присоединении их к римскому костелу. Сам князь Константин Константинович Острожский имел несчастье, схоронив двух сыновей, Константина и Александра, оставаться еще пять лет при своем третьем сыне Януше, отступнике от православия.

Между тем как размножались в Западной Руси иезуитские школы, начиная с Полоцка, стали возвышаться и вновь

*
Иезуиты в первый раз были введены в Краков 1565 года Вармийским бискупом Станиславом Гозием, стоявшим на страже изнемогавшего в Польше латинства. Таким же стражем его в Литве остался Виленский бискуп Валериан Протасевич, который принял иезуитов, присланных от Гозия, и под прикрытием войсковым ввел их в Вильну в 1569 году, т. е. в году Люблинской унии. Тут они не замедлили открыть свое училище, возведенное (1579 г.) на степень академии Стефаном Баторием, который ласкал иезуитов, впрочем, не из сочувствия к ним, а как полезное для него на то время орудие. Светилом Виленской школы был красноречивый иезуит *Петр Скарга* — один из лучших польских писателей того времени, бывший после придворным проповедником и духовником Жигимонта III.

учреждаться православно-русские братства и обзаводиться училищами, высшими против своих прежних приходских школ, а также и типографиями. Еще в исходе XVI века явились православные братские школы: Львовская (1587), Виленская (1588), Брестская (1592), Могилевская (1596) — на подмогу школе Острожской. Таким образом воспиталось не одно поколение просвещенных людей — в залог русского православия и в отпор католичеству и униатству.

Из питомцев Острожского училища особенно памятен доблестный гетман Петр Конашевич-Сагайдачный, настоянием которого восстановлена была в 1620 году православная Киевская митрополия, четверть века сиротевшая без своего пастыря. Этот козацкий гетман оставил по себе бессмертную память и в Киевском Богоявленском братстве, где и погребен весною 1622 года.

У князя Острожского было в виду преимущественно просвещение духовенства, особенно волынского, над которым в его время начальствовали непутевые епископы: во Владимире — Феодосий Лазовский, а в Луцке — Иона Борзобогатый-Красенский. При воспоминании о них не льстиво оказывается похвала, написанная князю в предисловии к Новому Завету, напечатанному в Остроге 1580 года, где сказано: «Сияюще, яко цветорасльная ветвь благочестия, источник милости и рачитель богодухновенных догмат святыя соборныя апостольския церкви, распаем мноюю любовию, достохвально желание подвигнул еси, о благочестивый княже! паче же в нынешнее время, посреде рода строптива и развращенна, еже толиким нерадением к заповедем Господа нашего Ис. Христа супротивление приемлюще, растерзают немилостивне церковь Божию и возмущают нещадно стадо его...»

Понятно, что благочестивый князь, глубоко преданный православной церкви, помышлял о восстановлении ее к первобытной чистоте и целостности; и когда зашло дело о *соединении церквей*, он первый готов был на сие святое дело в том смысле, как о нем молит Всевышнего наша православная церковь, а не в смысле подчинения всех христианских церквей римскому папе, присвоившему себе главенство и пастыреначальство, принадлежащее единому Господу Христу.

Забываясь о просвещении, князь Острожский и в 1593 году в пунктах, приложенных в письме его к новопоставленному в епископы коварному сенатору Поцею, собственноручно писал, чтобы позаботиться, между прочим, «о закладании школ и наук вольных, а звлаца для цвиченя духовных; пильно потреба, жебыхмо мели ученые пресвитеры и казнодее добрые; бо за тем, иж наук нет, великое грубианство в наших духовных умножилось».

Так и через девять лет, когда уже свирепствовала нововведенная уния, князь Острожский отдал свой прадедовский монастырь Дерманский под киновию, или общежитие, и в своей записи о том (1602 г.) говорит между прочим: «Бегунов чернцов и чинови тому противных абы в том монастыре не приймавати; едно таковых, которые бы под тот порядок подлегать хотели и которые бы се зыйшли до науки; мают теж способнейшие до науки учится *письма словенского, грецкого и латинского*, от особ веры святое восточное будучих».

Кардинал Гозій. Фрагмент
картини Яна Матейка
«Люблінська унія». 1869 р.

В этот общежительный монастырь князь назначил тогда игуменом *Исаакия*, протосинкела Александрийского, отделил часть типографии и отрядил Острожского пресвитера *Дамиана*, старанием которого и напечатаны были здесь «*Октоих*» 1604 года, в лист, а в следующем году — «*Диалог о православной вере*» и «*Лист к Ипатию*» (Поцею), в четверть листа, писанные патриархом Мелетием.

Кроме *Дерманского Троицкого* монастыря, оставшегося при замке Острожском, были во владении князя еще монастыри: *Дорогобужский, Пречистенский, Дубенский Спасский, Дубенский Крестовский, Степанский Михайловский.*

Тоговременные князья Волыни усердно заботились об устройении православных монастырей в своих имениях. Так, у благочестивого князя *Богуша Федоровича Корецкого*, воеводы Волынского, были монастыри: *Корецкий Маренинский* и *Городиский*. Князь *Федор Андреевич Сангушко*, староста Владимирский и маршал Волынской земли, устроил у себя в 1542

году Мелецкий монастырь во имя св. Николая и т. д.

Князь Константин Константинович Острожский был весьма набожен и строго соблюдал православные обряды и обычаи своих предков. С наступлением Великого поста он уединялся обыкновенно в Крестовский монастырь, где в продолжение 20 лет был настоятелем святой муж *Иов Зализо*, вызванный князем из обители Угорницкой, впоследствии долго еще бывший игуменом Почаевского монастыря, где и почивают его нетленные мощи; скончался в 1651 году. (Не знаю, когда именно принял он схиму; будучи на Киевском соборе 1627 года, он подписался так: «*Иоанн Зализо*, игумен Почаевский».)

Вспомянем еще одного острожского питомца — блаженного *Афанасия*. Князь Константин Константинович в 1599 году назначил его игуменом в Межигорье и помог ему восстановить эту древнюю обитель, которая с той поры быстро возвысилась и была долго в великой славе и любви у народа малороссийского.

Петро Скарга. Фрагмент
картины Яна Матейка
«Проповідь Скарги». 1864 р.

Письмо шестое

В нынешнем письме я займу внимание Ваше книгами, изданными в Остроге. Большая часть их составляет уже чрезвычайную редкость, но книжные редкости попадают иногда неожиданно. Я уверен, что у многих здешних старожилов, особенно у священников, в бумажном хламе сохранились еще некоторые острожские издания, хотя и не полные. Доброе дело сделали бы они, если бы все, что найдется у них похожего на то, передали в библиотеку Острожского братства, в которой весьма прилично быть собранию здешних изданий. Для такого собрания и небольшой отрывок может быть пригоден, в пополнение собою других. А на первый раз, в основание такого собрания, скорее всего нашелся бы запас у книгособрателей московских... Из Москвы был и первый острожский книгопечатник — достопамятный гостунский диакон *Иван Федоров*, который вместе с *Петром Тимофеевым Мстилавцем* напечатал в 1562—1564 годах «*Апостол*» — первенец московской печати. Но тогдашние торгошники-книгописцы извели на них ересь, и они бежали в Литовскую Русь, принимавшую

охотно выходцев великорусских. То же было и с первоначальным печатником славянскими буквами *Швайпольштом Фиолем*, который в 1491 году напечатал в Кракове «Часослов», а потом «Псалтырь», «Октоих», «Триоди», но, обвиненный в ереси, удалился в Венгрию.

Гетман Литовского княжества Григорий Александрович Ходкевич, бывший предместник князя Острожского на воеводстве Киевском, приютил у себя московских книгопечатников и завел типографию в своем городке Заблудове (Гродненской губернии). Там они в 1568—1569 годах напечатали «Евангелие Учительное» и «Псалтырь». Но в том же 1569 году скончался благочестивый Литовский гетман. Тогда Петр Мстиславец перешел в Вильну, завел новую типографию у братьев Козмы и Луки Мамоничей и напечатал в ней 1575 года «Евангелие» и «Апостол». Впрочем, в Вильне еще прежде была типография, в доме бурмистра Якова Бабица, где неутомимый полочанин *Скорина* печатал с 1525 года «Апостол», «Псалтырь», «Акафисты» и другие первенцы печати западнорусской.

Между тем Иван Федоров, покинув деревню, подаренную ему Ходкевичем, перешел в Червоную Русь и в 1570 году начал заводить во Львове свою типографию. Тут он напечатал в 1573—1574 годах «Апостол» — первенец печати червонорусской. Вскоре после того он вызван был в Острог и начал устроить здесь новую типографию.

Вышеупомнутый доктор *Скорина* из Полоцка еще в первой четверти XVI века в доме Виленского бурмистра Бабица перевел на западнорусский язык Библию с латинской Вульгаты, которая и напечатана была по частям в чешской Праге 1517—1519 года иждивением виленского же гражданина Богдана Онькова. Эта «Библия Руска» (в четверть листа) предуготовила собою появление в печати и Библии на чешском языке (1555), и двух переводов ее на язык польский — один для католиков, изданный в Кракове 1561 года, другой для протестантов, напечатанный в Бресте 1563 года иждивением Николая Радивиля Черного, бывшего главным подвижником протестантства в княжестве Литовском. (У него в Несвиже 1562 года напечатан был «Катехизис для простых людей языка русского», сочиненный кальвинистом Симоном Будным со товарищи.)

В те поры князь Острожский предпринял издание церковнославянской Библии — бессмертного труда святых первоучителей славянских. Но полного списка ее не нашлось ни в одной славянской земле, кроме Москвы.

Оттуда и получил князь, около 1570 года, список Библии, выпрошенный для него у Иоанна Васильевича Грозного Михайлом Богдановичем Гарабурдою, писарем Литовского княжества, неоднократно исправлявшим посольство в Москву. Когда же при сличении многих списков открывались в тексте «не только разньствия, но и развращения», тогда князь Острожский послал искать еще других списков, на Западе и Востоке, в разных монастырях греческих, сербских и болгарских; он обращался и к патриарху Константинопольскому Иеремии, прося у него исправных списков Библии и знающих людей. После того по общему совету своих сотрудников князь Ост-

рожский избрал греческий текст 70 толковников и велел следовать ему при исправлении разнословий, и когда окончен был этот достопамятный труд, приступил к его изданию, и в начале 1580 года представлен был князю *Новый Завет с Псалтырью* впереди, в осьмушку — как первый плод от его печатного острожского дома.

Того же года напечатана была отдельно *Симфония*, в осьмушку, а наконец и полная *Библия*, в лист. Это первое издание Острожской Библии — величайшая редкость. Встречается обыкновенно второе ее издание 1581 года. В первом ее предисловии от имени князя изложена вышеприведенная история издания. Второе предисловие — о важности и пользе Священного Писания, равно как и находящиеся там стихи, сочинены *Герасимом Даниловичем Смотрицким*, который был у князя подскарбием и главным сотрудником по делам книжным.

Того же 1581 года напечатана «*Хронология*», в лист, сочиненная *Андреем Римшею* (которого стихи встречаются и в Литовском Статуте, изданном в Вильне 1588 года).

После издания означенных книг в Остроге знаменитый «друкарь Москвитин» возвратился во Львов, где и скончался 5 декабря 1583 года.

В том же году, в мае месяце, скончался на Волыни и другой знаменитый «Москвитин» — князь Андрей Михайлович Курбский, так много здесь потрудившийся в занятиях книжных, так ревностно увещавший своими посланиями здешний люд пребывать «в благочестии праотеческом» и остерегаться «от мысленных зверей». В своем завещании (24 апреля) он назначил первыми опекунами жене и своему сыну князя Острожского и его старшего сына Константина.

Между тем уже началась тревога от папистов — на первый раз по поводу нового григорианского календаря, не принятого православною церковью, — тревога, не утишенная и грамотами Батория. По этому случаю напечатаны были в Остроге 1583 года «*Листы патриарха Иеремии*», в четверть, и «*Диалог патриарха Геннадия*», в осьмушку. Герасим Смотрицкий издал потом свое сочинение «*Календарь римский новый*» 1587 года, в четверть. (Ему же принадлежат и сатирические «*Вирши*» на отступников.)

С 1588 года виден в Остроге новый деятель — пресвитер *Василий*. Он издал в том году два замечательные писания свои против мнений римско-католических: «*О единой истинной православной вере и святой апостольской церкви*» и «*Исповедание об исхождении Святого Духа*», в осьмушку. Вслед за тем были изданы тут две знаменитые в христианском мире книги: *Василия Великого «О постничестве»* (1594, в лист) и «*Маргарит*» *Иоанна Златоуста* (1596, в лист).

В эти годы кипело уже дело церковной унии, заправленной иезуитами при помощи королевской, на горе и соблазн православному народу Киевской митрополии и на пагубу королевству Польскому. Это тяжелое и темное дело довершилось наконец в октябре 1596 года, на соборе *Брестском*, или *Берестейском*, после которого еще с большим ожесточением продолжалась борьба православных людей, *неунитов*, с отщепенцами от православия, *унитами*, или *униатами*; она про-

Стефан Баторій. Портрет
1576 р.

1597 года, в четверть, в *Остроге* (а не в Вильне, как полагают обыкновенно). Она вышла под псевдонимом *Христофора Филалета*, а сочинил ее по поручению князя Острожского *Христофор Бронский*, как извещает трудолюбивый униат прошлого столетия *Стебельский*. Против этой книги в 1600 году издано было униатами очень бранчливое, но не дельное возражение под заглавием «*Антирризис*», на языке польском. Оно сочинено грекоуниатом *Петром Аркудием*, которого вывез из Рима *Ипатий Поцей* и которому дано было принадлежавшее *Жидичинскому Никольскому монастырю* поместье в *Пинском повете*, в обиду заслуженного *Львовского епископа Гедеоны Балабана*, бывшего вместе и архимандритом *Жидичинским*.

Между тем в *Остроге* были напечатаны в 1598 году «*Отпись на лист отца Ипатия*» (*Поцея*), в четверть, и так называемая «*Книжица в десяти отделах*», в осьмушку, содержащая в себе «*Листы патриарха Мелетия к православным*», между которыми помещен и лист самого князя Острожского.

Кроме этих полемических сочинений, изданы были в *Остроге* следующие богослужебные книги, под наблюдением вышеупомянутого священника *Василия*: «*Псалтырь с Часословом*» и тот же «*Псалтырь с воследованием*» 1598 года, в осьмушку, «*Часослов*» 1602 года, в осьмушку, «*Служебник*» 1604 года, в четверку, «*Молитвослов, или Требник*» 1606 года, в четверку.

должалась в полемике книжной. Еще в исходе 1595 года при отъезде в Рим *Терлецкого* и *Поцея* этот второй епископ — *фальшор* пустил в ход свою книжку «*Уния*», напечатанную в Вильне; а от православного *Виленского братства* знаменитый в нем проповедник *Стефан Зизаний-Тустановский* в начале 1596 года издал на западнорусском и польском языках «*Казанье св. Кирилла, патриарха Иерусалимского, об Антихристе и знаках его*». Эта книжка была посвящена князю Острожскому как главному противнику унии и защитнику православия.

После собора Брестского явилось краткое изложение его деяний, изданное со стороны православных в начале 1597 года на польском языке под заглавием «*Эктезис*» (*Ekthesis*); а с противной стороны вышла тогда же на польском языке книжка «*Оборона (Обропа) Брестского собора*», написанная иезуитом *Петром Скаргою*. В ответ на эту оборону издана была знаменитая книга «*Апокризис*», напечатанная в исходе

Последнею из книг, напечатанных в Остроге при жизни князя Константина, была «*Лекарство на оспалый умысл человекый*» 1607 года, в четверку. Она состоит из двух «Слов» св. Иоанна Златоуста и «*Тестамент*» Василия, царя греческого, сыну своему Льву Философу, в переводе с греческого языка на славянский и западнорусский; ее издал известный уже нам Острожский пресвитер Дамиан, принимавший деятельное участие в соборе Брестском. Там он наряжен был к митрополиту Михаилу Рогозе, который позднее всех прибыл в Брест, скрывался от свидания с православными и не явился к ним на собор. Отец Дамиан был родной брат славного козацкого гетмана *Северина Наливайка*, который, воротясь из похода против татар и в Венгрию, пошел в 1595 году на опустошение имений Терлецкого и других отступников от православия — на Волыни, в Полесье и Белоруссии; а потом, ставши в борьбу с коронным гетманом Станиславом Жолкевским, был полонен им под Лубнами и претерпел мучительную казнь в Варшаве 1597 года.

С каким негодованием и презрением козаки смотрели на униатов, можно видеть из следующего случая. Козацкий гетман Григорий Изапович в своем универсале 1610 года 29 мая из Запорожья объявлял всем, чтобы известного униата *Антония Грековича*, «где колвек здыбавши, як пса убити». И он впоследствии был утоплен козаками в Днепре (1618 года).

Между тем в Остроге 1612 года был напечатан еще «*Часослов*» (в малую восьмерку) двумя изданиями, различными не только набором, но и прибавочными статьями. Этот замечательный «Часослов» издан был повелением князя Януша Острожского, кастеляна Краковского, который хотя был уже католиком, но ради славы отца своего поддерживал еще и все его просветительные и благотворительные учреждения. Так и знаменитое училище Острожское хотя и пришло в упадок по смерти своего основателя, однако продолжалось еще и при Януше Острожском. Вот что говорится в «*Виршах*» Кассиана Саковича на погребение гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, изданных в Киеве 1622 года:

*Уродился он в краях Подгорских Премыских.
Выхован в вере церкви восточной з лет детинских.
Шол потом до Острога, для наук уцтивых,
Которыи там квитли, за благочестивых
Княжат, которыи ся в науках кохали,
На школы маетностей много фундовали:
Абы ся млодя в науках уцтивых цвечила,
Церкви и теж отчизне пожитечна была.
Дай Боже, бы тася там фундація тривала,
Жебы ся оттоль хвала Божия помножала!...*

Письмо седьмое

Святопамятный князь Константин Константинович Острожский скончался 1608 года 13 февраля в субботу Феодоровой недели на 82-м году жизни; погребен в Остроге, в замковой Богоявленской церкви, возле своего меньшого и любимого сына Александра.

В воспоминание его отцовской заботы об этом сыне прочтем следующее его письмо, сообщенное мне в 1840 году покойным историком Галицкой Руси Денисом Зубрицким:

«Братству Львовскому Успения Пречистое Богородицы Матере Божой о Господе радоваться и мирне здравствовать желаем. Не неведомо мною вам се есть, яко сын мой, князь Александр, восточник между зубами западных людей веры и науки и всего набожества усел, сиречь обитателем Ярославским се стал; гдеж помощи и ратунку в потверженью веры его от нас мети не может, скудости ради учителей, без них же и сами голодом страждем. Но понеже у вас большей обретається, молю вас, да не сице от вас поблизь суще небрежения ради, якож и Константин, сын мой, постраждет. Бога ради попечение всяко сотворете, да не имеют в нем части не единой езуиты. За што вам Бог Свою мзду отдаст, и мы з часом случится взаимствуем. За тым ваш мостей Господу Богу поручаем. Дан з Дубна року 1592 месяца декабря 1 дня. Ваш мостей зычливый приятель — Константин княжа Острожское, воевода Киевский, маршалок земли Волынское, староста Володимирский — власная рука».

Но князь Александр остался не доступным для иезуитов; да и старший брат Константин только временно увлекался ими, а потом прогнал их от себя и скончался 1595 года в православной вере своих предков.

Князь Александр Константинович водворился в древнем галицком городке Ярославе, женись на дочери Сандомирского воеводы Яна Костки, владевшего этим городом. Для отца своего он был отрадою и помощью в защите православной церкви. Так и в 1599 году, когда состоялась Виленская конфедерация православных с протестантами, на общую защиту от гонения латинян первыми *попечителями церкви* выбраны были со стороны православных три сенатора: князь Константин Острожский, воевода Киевский; князь Александр Острожский, воевода Волынский; князь Федор Сангушко-Коширский, кастелян Браславский и т. д.

В 1603 году обширное Острожское владение князя Константина* разделено было между двумя его сыновьями, и в том же году скончался князь Александр, отравленный своим слугою... Вот заметка о нем, напечатанная в «Октоихе Дерманском»:

«В лето 1603-е декабря 2-го дня преставился благочестивый князь Александр, воевода Волынский, сын благоверного князя Константина; великий плач и жалость отцу же и чадом остави; наипаче же христианом, вси бо бяху чающе помощь тем получитьи в бедах и гонениях, одержавших Христову церковь».

После него остались два сына — *Константин* и *Иван* — и три дочери, бывшие в замужестве: одна за князем Любомирским, другая за Замойским, третья за Ходкевичем. Овдовевшая княгиня его *Анна*, которую называли обыкновенно «княгиней Ярославскою», была ревностною католичкою и любительницею иезуитов; по их проискам она по смерти мужа отогнала от своих сыновей и от Ярославской церкви бывшего здесь учителем и проповедником *Лаврентия Зизания-Тустановского*, который еще в 1596 году в Виленском братстве издал свою «*Грамматику Словенску*» и некоторые другие книжки**.

Кажется, в 1608 году княгиня Анна заставила своих сыновей причаститься в Ярославском костеле и воспеть «Te Deum

* Владение *Острожское* состояло тогда в 25 городах, 10 местечках и 670 селениях, кроме приписанных к разным монастырям и церквам (в том числе г. Александров принадлежал к Печерской Лавре).
Сверх того князьям Янушу и Александру Острожским принадлежало еще владение *Тарновское*, оставшееся от матери их княгини *Софии*, дочери графа Станислава Тарновского, кастеляна Краковского. Были у них еще и литовские поместья, купленные отцом их в Литве. Недаром была пословица: *богатый, як Острожский*.

** Лаврентий перешел из Ярославля к княгине Анне Ходкевичевне Корецкой, которая по смерти своего мужа, князя Якима, пускалась в разные

Петро Могила.
Копія XVIII ст. з портрета
першої половини XVII ст.

laudamus!»* Однако впоследствии, когда их дядя Януш, не имевший сыновей, учреждал троекратно свою пресловутую Острожскую *ординацию* и назначал в наследники своих племянников под условием быть католиками, то оба они отказались от богатого наследства. Вскоре после того, воротясь из путешествия по чужим краям, они померли в Люблине — Константин в 1618 году, а через год, в тот же день и час, меньший брат Иван**

А в 1620 году скончался и Януш Константинович, погребенный в Тарнове. На этом князе пресекался знаменитый род Острожских. Наследником Янушевой ординации стал его зять, князь *Александр Иванович Заславский*, бывший недолго воеводою Киевским и скончавшийся в августе 1629 года вскоре после смерти своей княгини Ефросины.

Наследницею другой половины Острожского владения, Александровой, осталась дочь его княжна *Анна*, или *Галшка*, *Острожская*, на которой и не замедлил жениться знаменитый воевода Виленский *Карл Ходкевич*; но он скоро простился со своею прекрасною и добродушною Галшкою, назначенный в гетманы для Хотинской войны 1621 года. В той войне уже в последний раз воевал козацкий гетман Сагайдачный и вернулся в Киев к своей жене Анастасии, обремененный новы-

верования и исповедания, но потом возвратилась к православию и была ревностною его подвижницею и защитницею. Этой княгине посвящал свои писания наш знаменитый проповедник Леонтий Карпович. В числе духовных лиц, бывших на Киевском соборе 1628 года, подписан и «Лаврентий Зизаний Тустановский, протопопа Корецкий».

*

«Тебе, Боже, хвалимо!» — католицкий гимн. — *Ред.*

**

Любопытно сказание о двукратном предречении их смерти, но в том виде, как оно сохранилось в записках Петра Могилы (см. в Прибавлениях к «Киевским Епархиальным Ведомостям» за 1861 год).

*
 Посвященный 1620 года
 патриархом Феофаном грек
Аврамий в епископы
 Туровские и Пинские,
Исаакий Борисович —
 на епископию Луцкую
 и Острожскую — были живы
 и в 1633 году; но они
 не были допущены на свои
 кафедры, занятые униатами,
 и находились в Киеве.

ми, смертельными ранами; а новобрачный коронный гетман Ходкевич и не вернулся: он заболел и умер в Хотине 24 сентября и уже на другой год перевезен был в Острог попечением своей молодой вдовы. Княгиня Ярославская была безотлучно при своей тоскующей дочери; а вскоре приблизились к ней и утешители-иезуиты. Для них воеводина Анна основала в Остроге 1624 года большой коллегиум. Но кровь Острожских сильно еще говорила в ней; гробницы отца и деда напоминали еще внятно о благочестивых предках... и она предпринимала даже восстановить заново в своем городе Турове православную епископию* — по грамоте Жигимонта I, данной прадеду ее, князю Константину Ивановичу.

Когда же в начале 1633 года на избирательном сейме новый король Владислав IV подтвердил права и вольности Киевской православной митрополии, и был избран на том сейме в епископы Луцкие и Острожские известный своею преданностью православию волынский обыватель *Александр Пузына*, переименованный в *Афанасия*, — тогда иезуиты острожские подействовали уже решительно на Анну Александровну и овладели ее душою. В конце того же года, обозревая свою епархию, епископ Афанасий посетил Острог, но кафедральная замковая церковь была заперта для него шестью замками, и Острожский староста Адам Буяновский объявил приказ своей госпожи, чтобы не признавать его за владыку и не допускать к церквам, находящимся в ее городах и селах. А в 1636 году произошла в Остроге возмущившая здешний народ история, которую я передам словами современной летописи Львовской.

«В том же року, на свята великоднии, з недели на понеделок у Острогу пани воеводина, дочка княжны Ярославской, пошедши до замку, казала себе гроб отворити и, добывши склепу, где лежало тело отца ея, и казала его взяти, которое юж было згнило, только кости; которыи взявши, казала их помыти, и посвятити езуитам, и отвезти до Ярославля, до матки своей; и казала провадити из церкви, кгда Русь звывкла, на память звитязства Христа Спасителя нашего, с крестами, с корогвами триумф коло церкви отпраовати, абы с того напасть на Русь чинити; и так учинили много злого христианству».

Прошло еще два года, и все имения, которыми так щедро были наделены от князя Константина училище Острожское, и типография, и госпиталь, и монастырь Дерманский, — все они были уже в руках иезуитов...

Но прошло еще десятилетие — самое тяжкое для православного народа Киевской митрополии — и явился грозный отмститель за все ее обиды и напасти, *Богдан Хмельницкий*, поощренный к восстанию самим королем Владиславом. Тогда украинское козачество, разлившееся до Днестра и до Ворсклы, нагрянуло и на Острог в августе 1648 года, и знаменитый коллегиум был пущен «дымом до неба». Подобно ему и все иезуитские коллегиумы, бывшие в Киеве, Переяславе и других малороссийских городах, потерпели тогда опустошение.

А в январе 1654 года вся Малороссийская гетманщина, состоявшая при Богдане из воеводств Киевского, Черниговского и Браславского, отложились от Польши и присоединилась к государству Московскому в общий состав Русского мира. Этим *Переяславским* соединением Киевской земли с Москов-

скою dokonчено было ее Люблинское соединение с Польшею, продолжавшееся около 85 лет. Припомню, что переяславская присяга гетмана Богдана и всей войсковой старшины (8 января) совершена была в той соборной Успенской церкви, которую поставил князь Константин Константинович Острожский на месте древней церкви Мономаховой на княжем дворе.

Того же 1654 года скончалась Анна Острожская-Ходкевича. В одной из расписанных горниц запустелого Острожского коллегиума, лет за двадцать, было еще ее изображение в виде католичкой монахини. Списать бы для памяти это изображение внуки Константиновой как последней ветки княжеского рода Острожских...

Над прахом достоправного воеводы Киевского величавым памятником возвышается опустелая соборная церковь Бого-явленская. Мне кажется, что при назначенном уже возобновлении этой благолепной церкви справедливо было бы устроить придел во имя *царя Константина*, которое повторялось в четырех последних поколениях князей Острожских. Хорошо было бы и в нашем Острожском Кирилло-Мефодиевском братстве совершать ежегодную память о *просветителе Острожском*...

На этом бы мне и кончить; но вспомнулось, что во имя св. Кирилла и Мефодия учредилось и в Париже братство, и притом братство иезуитское, которое уже обзавелось и типографией со славянскими шрифтами... Старая песня, *по замышлению Поссевино!* На эту песню мы можем сказать *старыми словами* нашего приснопамятного гетмана Сагайдачного:

«Мають отцы езуиты и все духовенство костела римского и без нас, православных, кого до унеи своеи наворочати и присвояти, — тех народов, которыи отнюдь не ведают и не верят в Христа Господа, плотию в мир пришедшаго. А мы, православныи, древних святых апостольских и отческих преданий и догматов без жадной унеи и схизмы придержавши, не отчаеваемся нашего спасения и блаженного живота вечного».

Киевские Епархиальные Вedomости. 1866, № 3, 4, 6, 7, 9, 10. Окреме видання — Киев, 1866

Исторические письма о козаках приднепровских

К М. В. Юзефовичу

Письмо первое

Благодарю Вас за третью часть Вашего «Архива Юго-Западной Руси», которую я только что дочитал и весьма ею усладился. С лишком сто актов о козаках до Богдана Хмельницкого... какое важное приращение для истории козацкой Украины, в той именно ее половине, которая особенно нуждается в современных актах для своего пополнения и поправления! Насколько она пополняется и поясняется этою частию Архива, то можно видеть уже из предисловной статьи г. Владимира Антоновича, представляющей собою обильное новыми подробностями обозрение исторической судьбы нашего южнорусского козачества до Богдана Хмельницкого. Читая эту статью с большим любопытством и вниманием, я нашел, что она была бы гораздо лучше и для Вашего Архива удовлетворительнее, если бы вполне отвечала своему заглавию: «Содержание актов о козаках, 1500—1648 гг.», то есть если б автор представил в ней собственно те выводы, какие из данных актов получаются для истории. Но ему захотелось предпослать свой особенный взгляд на происхождение козацкого сословия в Приднепровской Руси и провести этот взгляд через все содержание актов.

Для этого он начал еще с того отдаленного времени, как на Руси водворились князья варяжские; а подойдя на 12-м листе к началу XVI века, он предлагает картину первоначального козачества и козацкого гетманства, какая представляется с его точки зрения и по его личному разумению. Эта картина показалась мне несходною с историческою действительностью: почти все тогдашние лица и события являются тут или не в своем виде, несвоевременно, или неуместно; таким обра-

зом весь первый период нашего козачества — до гетмана Косинского (до 1591 года), и без того уже затемненный производом прежних летописателей, покрывается новым туманом. А как это случилось в издании Киевской Временной Комиссии, состоящей под председательством Вашим, то я и хочу с Вами побеседовать о статье г. Антоновича для прояснения исторической истины об украинских козаках XVI века.

Существенная особенность мнения г. Антоновича состоит в следующем положении: «От времени появления в истории до Люблинской унии козаки живут под управлением князей из дома Гедимины, сохраняя и развивая под их правлением свое общинное устройство».

Это положение опровергается уже тем, что главные козацкие предводители и распорядители, бывшие в первые тридцать лет XVI века, — Предслав Ланцкоронский и Евстафий Дашкович, были не князья; а в 1534 году козацким гетманом был «неякийсь козак Венжик Хмельницкий», по выражению нашего летописца Грабянки. Что же касается до князей Димитрия Вишневецкого и Евстафия Ружинского, то их гетманство Грабянка полагал уже после Венжика Хмельницкого, между ним и Свирговским. Имея в виду этот порядок козацких вождей, я могу сказать утвердительно, что некоторые из князей Гедиминова дома были предводителями козацкими и до Люблинской унии, и после нее, — только не «на правах князя», а зауряд с лицами всякого сословия и вперемежку с ними; при том же это было уже во второй половине XVI века, а в первой и не было козацких гетманов из князей.

Таким образом, появление некоторых князей в ряду вождей козацких не оправдывает собою мнения г. Антоновича о пребывании козачества нашего под управлением княжеским до Люблинской унии. Да и сам он говорит, что от реформы все прочие князья Гедиминовичи потеряли «лучшую из своих привилегий — право начальствовать общинным ополчением» (т. е. козаками); что в тридцатых годах XVI века «выборное начало торжествует окончательно над элементом княжеским, и в военачальники выбираются козаками уже не князья, но люди такие, которые выдаются личными дарованиями, а не генеалогическими правами». Такое управление у козаков выборными людьми не княжеского происхождения, назначаемое г. Антоновичем около 1534 года, состоит в очевидном противоречии с его же положением о правлении князей Гедиминовичей над козаками до Люблинской унии, т. е. до 1569 года. Не правда ли?

После этого общего замечания войдем в частное рассмотрение начиная с первых годов XVI века, к которым относится первый акт Вашего Архива. Что же касается до последней четверти XV века, когда являются на Днепре козаки, то мы оставим ее пока в стороне, не видя еще ниоткуда ни одного тогдашнего начальника козаков, ни тогдашнего их устройства, хотя и не сомневаемся, что оно было у них общинное, так же как и у мещан, и у всего посполства южнорусского. К тому же в Киевском акте 1499 года, где впервые упоминаются козаки, они являются на Днепре не в войсковом деле, а в промысле чумацком как торговцы рыбою (см. Акты Зап. Рос., т. 1, № 170).

Г Антонович говорит: «Значение козаков как ратных общинных людей, в зависимости от различных князей Гедиминовского дома, подтверждается выражениями о них современников. Так, в одном из прилагаемых актов мы видим, что козаки, жившие в Черкасах, называются (не позже 1503 года) козаками князя Дмитрия (Вишневецкого). У Стрыйковского при рассказе о нападении татар 1516 года есть известие, что целый отряд их был уничтожен козаками князя Вишневецкого».

В обоих этих случаях г. Антонович видит славного рыцаря Дмитрия Вишневецкого и полагает, что козаки были из его удела. Но я думаю, что помянутые здесь лица: «князь Дмитрий» — не Вишневецкий, а «князь Вишневецкий» — не Дмитрий. Взглянем на оба свидетельства порознь.

В архивном акте (№ 1), писанном около 1502 года, называются поименно некоторые черкасские козаки (Митенко, Мандрыка и проч.), и между ними различаются одни «Щуровой роты», другие — «князя Дмитрия». Первое название, конечно, от имени ротного или сотенного начальника черкасских козаков — Щура. Так и в Богданово

гетманство многие сотни разных полков на-

зывались еще по именам своих сотников, напри-

мер в полку Черкаском: сотня Шубцева, сотня Драгилова и т. д. Что же касается до козаков князя Дмитрия, то нельзя согласиться с г. Антоновичем, чтобы это был князь Дмитрий Вишневецкий и чтобы эти черкасские козаки были из его родового удела.

Приднепровские города Черкасы и Канев, первоначальные рассадники козачества украинского, всегда принадлежали к Киевскому княжеству, которое в XIV веке было уделом Владимира Ольгердовича, а в XV возвращено было его сыну Олельку и внуку Симеону. Эти Киевские князья назначали в Черкасы своих наместников. (Из них известен, например, Свиридов, которого Симеон Олелькович посылал определять по урочищам границу Литовского княжества от р. Морахвы до Очакова, а оттуда до р. Донца и Тихой Сосны.) Когда же по смерти Симеоновой, 1471 года, Казимир Ягеллович обратил Киевское княжество в воеводство и настали воеводы Киевские, тогда в Черкасы и Канев назначались наместники великокняжеские (Кмита Александрович, Сенько Полозович); а при Жигимонте I начались старосты черкасские и каневские (Евстафий Дашкович, Василь Тышкевич и т. д.).

Дмитро Вишневецкий
(Байда). Портрет XVIII ст.

Таким образом, ни козаки, ни мещане, ни все посполство черкасское не могли принадлежать к уделу князей Вишневецких; их родовой удел со времен Витовта был на Волыни, где и гнездо их Вишневец; и не видно еще ни одного современного свидетельства, чтобы у этих князей до половины XVI века были имения в Украине Приднепровской. А г. Антонович наделяет Дмитрию Вишневецкому в родовой удел приднепровские земли не только в Черкасском и Каневском полках, но и в Переяславском, где не было владений даже и у Еремии Вишневецкого, обладавшего огромною Вишневецчиною в Восточной Украине, от Полтавы до Прилук и до Домонтова включительно. Он говорит: «Потомки Кобыты — Дмитрия Ольгердовича (родоначальника князей Вишневецких, Заславских, Корецких и Ружинских) утвердились в Южной Волыни, а также в земле Киевской по обеим сторонам Днепра, южнее Киева». Такое отчуждение южной половины Киевского княжества от Владимира Ольгердовича и его наследников в пользу Кобытовых мне кажется несправедливым, равно как и самое родословие, причисляющее к племени Кобытову не только князей Корецких, потомков другого Дмитрия Ольгердовича, не Кобыты, но и князей Заславских, из которых одни (Волынские) составляли отрасль князей Острожских, а другие (Минские) были внуки Евнута Гедиминовича. К потомкам Кобытовым, кроме князей Вишневецких и Збаржских, принадлежали еще Порицкие и Воронежские; и все это были князья на Волыни, к обывателям которой принадлежали и князья Ружинские.

Тут, кстати, сделаю родословную заметку о нашем герое, Дмитрии Вишневецком. Напрасно Несецкий и другие польские писатели усыновляют его Александру Михайловичу Вишневецкому, от которого пошла так называемая королевская линия этих князей. В современных памятниках он именуется Дмитрием Ивановичем, а потому надо его причислить в княжескую линию Вишневецких, которая пошла от Ивана Михайловича. Родными братьями Дмитрия Вишневецкого были: Андрей, староста Браславский, а потом Волынский; Константин, староста Житомирский, и юный Жигмонт, питомец и любимец Жигмонта Августа, известный своею печальною смертью (1552 года в Кенигсберге от неловкого выстрела в честь польского короля, бывшего в гостях у князя Альбрехта; бомба ударила в голову Вишневецкого, и мозгом его обрызгало короля).

А какой трудный был последний год жизни Дмитрия Вишневецкого, 1563-й: перебежав от Иоанна Грозного опять к своему королю, он пошел с четырьмя тысячами войска до-

Євстафій Дашкович
(Дашкевич). Гравюра
Яна Матейки. 1880-ті роки

бывать обещанной ему короны молдавской; предательски достался в плен воеводе Томже и, переданный от него в руки турок, нашел себе мученический венец в Цареграде. Сколько же ему было тогда лет? Положим, даже 70; очевидно, что в 1502 году он был еще таким отроком, который никак не мог быть козацким вождем и которого ни за что не назвали бы в современном акте просто князем Дмитрием. Название князя одним личным именем — это такая честь, какой удостоивали тогда лишь немногих заслуженных мужей. Так, в писаниях первой половины XVI века князем Константином называется великий литовский гетман Константин Иванович Острожский (ум. 1533). Например, в описании волынских замков 1545 г. сказано: «Перемиль — замок с селами — выпросил князь Константин для князей Вишневецких». Оттуда же видно, что родовое владение Дмитрия Вишневецкого было в повете Кре-

Замок у Вишневці.
Гравюра XIX ст.

менецом: Подгайцы, Окнины, Кушнин, Лопушна и проч. Там же означено, что в числе разных обывателей того повета, находившихся лично при описании Кременецкого замка 25 июля 1545 года, был и князь Дмитрий Иванович Вишневецкий. А в статье г. Антоновича сказано, что «Дмитрий Вишневецкий переехал к Василию III Иоанновичу и предложил ему присоединить свой удел к Великому княжеству Московскому». То есть он переехал еще до 1533 года, в котором скончался царь Василий Иоаннович...

Но возвратимся к архивному акту о козаках черкасских. Кого же надо разуместь под помянутым при них «князем Дмитрием»? Не иного кого, как воеводу Киевского, князя Дмитрия Путятича (ум. 1503), о котором и в Густынской хронике под 1501-м годом сказано так: «И посла [Шахмат] до Дмитрия князя, воеводы Киевского». Само собою разумеется, что не-

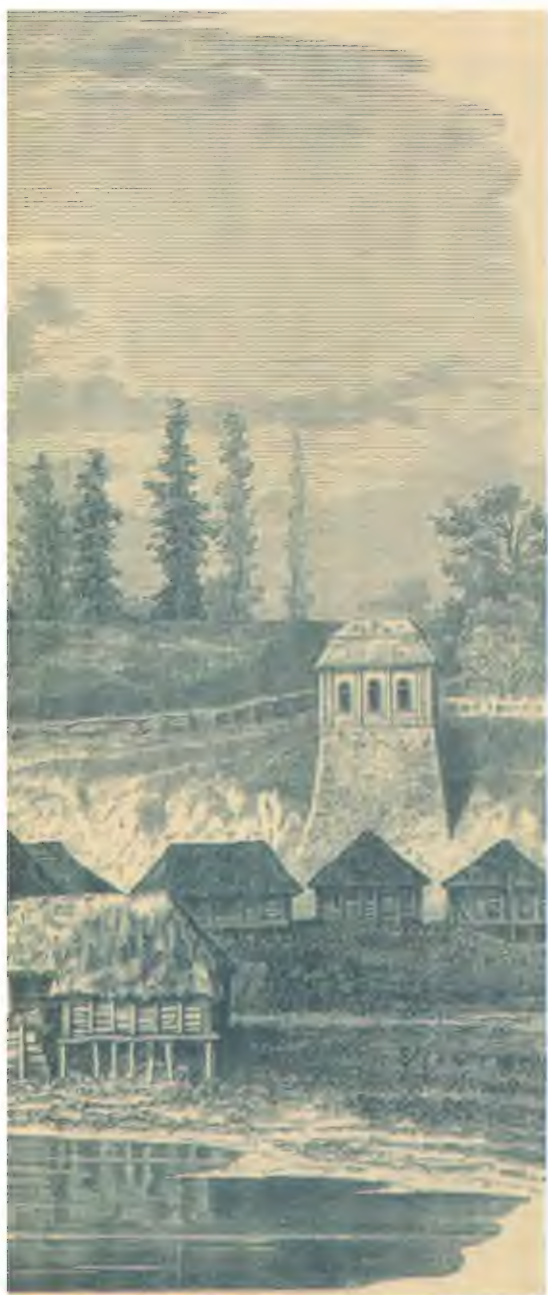
которая часть козаков черкасских названа именем этого князя не потому, что она была из его родового удела, а по своей службе у него как воеводы Киевского, вероятно, при Киевском замке, бывшем на горе Киселевке. (Известно, что козаки в том веке жили и служили по замкам украинским.)

Итак, первый архивный акт ничего не дает в пользу мнения г. Антоновича о происхождении и пребывании козаков под властью князей Гедиминовичей. Обратимся к свидетельству Стрыйковского о «козаках князя Вишневецкого» 1516 года. В строгом смысле этого свидетельства нельзя признать за «выражение современника», потому что Стрыйковский был современником Батория. Впрочем, из его отрывочного упоминания, приведенного г. Антоновичем, не видно еще, чтобы те козаки 1516 года были из родового владения князя Вишневецкого и чтобы он был начальником их «на правах князя». Вероятнее, что те козаки составляли охотное войско, на тот час служившее князю

Исторические письма
о козаках приднепровских

Герб Корибутів-Вишневецьких. 1632 р.

Вишневецькому, подобно тому как весною 1556 года триста каневских козаков со своими атаманами Млинским и Михайлом Есковичем пристали на Днепре к дьяку Ржевскому и с его великорусскими козаками под Очаковом побили татар и турок. Сторонний историк весьма мог тех запорожских козаков назвать козаками дьяка Ржевского. Что же касается до самого князя Вишневецкого, упомянутого при козаках 1516 года, то в нем можно видеть не Дмитрия, а разве деда его Михаила Васильевича, который со своими двумя сыновьями принимал участие в знаменитой победе над татарами, одержанной князем Константином Острожским под Вишневцом (или, точнее говоря, под Лопушною), 1511 года. Сыновья его, Иван и Александр, участвовали и в другой знаменитой победе князя Константина над татарами, одержанной 1527 года у Ольшаницы (в Белоцерковщине). Но внуки Михаила Вишневецкого, в том числе и Дмитрий, не видны на военном поприще во всю

Януш Вишневецький.
Портрет кінця XVII ст.

первую половину XVI века из писаний того времени. Не прежде как в 1556 году Дмитрий Вишневецкий становится вождем днепровских козаков на славном издревле острове Хортице. Вот современное о том свидетельство из летописания московского:

«Того ж месяца [сентября] приехал ко царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси от Вишневецкаго князя Дмитрея Ивановича бить челом Михайло Ескович, чтоб его государь пожаловал, а велел себе служить, а от короля из Литвы отъехал и на Днепре на Хортицком острове город поставил, против Конских Вод, у Крымских кочевищ. И царь и великий князь послал к Вишневецкому детей боярских, Андрея Щепотева да Нечая Ртищева, да того ж Михаила с опасною грамотою и с жалованьем»*

*

Привожу эти слова
из 5-й книги «Истории»
Татищева, изданной
О. М. Бодянским 1848 г.

После этого ясного и неопровержимого свидетельства нечего бы и говорить уже о козацком гетманстве Дмитрия Вишневецкого в первой четверти XVI века. А г. Антонович из старой ошибки, сделанной нашими летописцами в прошлое столетие, делает новую, еще большую. Истолковав неверно два вышерассмотренные свидетельства, он говорит: «Из этого уже явствует ошибка ученых, занимавшихся историею козаков: они, принимая предводителей козацких этого времени за преемственных козацких гетманов, ставят время гетманства Предслава Ланцкоронского между годами 1500 и 1512, Дмитрия Вишневецкого — между 1512 и 1514 и Евстафия Ружинского — между 1514 и 1534. Между тем мы видим из приведенных нами мест, что Дмитрий Вишневецкий упоминается как начальник козаков и раньше, и позднее этого времени, в котором указывают его гетманство». Но не все же наши историки указывали это гетманство между 1512 и 1514 годами. Еще Грабянка полагал Дмитрия Вишневецкого после Венжика Хмельницкого; так полагали и Миллер, и Бантыш-Каменский, и Евгений (в «Киевском Синописе»), и другие. Вольно же было нашему приснопамятному земляку и приятелю Маркевичу возобновлять старые ошибки, в том числе и перемещение Дмитрия Вишневецкого с Евстафием Ружинским из второй половины XVI столетия в первую, и постановку их между Ланцкоронским и В. Хмельницким**. А г. Антонович, отвергая Маркевическое преемство Ланцкоронского, Вишневецкого и Ружинского, ставит их одновременно каждого в своем уделе от самого начала XVI века; а потом повествует об упадке небывалой княжеской власти над козаками, происшедшем будто бы от реформы Ружинского, и о том, как недовольный этою реформою Вишневецкий переехал к Василию Иоанновичу и предложил ему свои родовые приднепровские земли...

Тут же у него сказано: «Попытки великороссиян овладеть Сиверскою и Черниговскою землею в 1534 году были отражены Ружинским и Киевским воеводою Немировичем». Но дело было наоборот. Сиверская земля, как известно, в продолжение XVI века и в начале XVII принадлежала государству Московскому. В 1534 году попытка овладеть ею была со стороны нового литовского гетмана Юрия Николаевича Радиви-ла, который и посылал туда, под Стародуб и Чернигов, Киевского воеводу Андрея Немировича с королевским конюшим Василием Чижом (см. Акты Зап. Рос., т. II, № 181). Тогда же

А. Монастирский.
Запорожец. 1932 г.

**

Об этой перестановке
я недавно еще говорил
в моих письмах
к Н. И. Костомарову, напе-
чатанных в «Основе»,
1861 г. (см. письмо 9-е
о Введении к «Летописи
Самовидца»).

«приходили литовские люди, воевода князь Александр Вишневецкий, а с ним многие люди к Смоленску к посаду, да и посад было зажгли», — сказано в Царственной Книге на стр. 39.

Вслед за тем г. Антонович говорит: «Старания самого Вишневецкого [Дмитрия] утвердиться то на Хортице, то на Правобережной Украине, где он завладел было на время Черкасами и Каневом в 1537 году, побудив жителей этих городов к восстанию против королевского старосты, оказались тщетными».

Но тут опять напрасное применение к Дмитрию Вишневецкому современного акта, напечатанного в Архиве под № 2. Дело состоит в следующем. На место знаменитого Черкаского и Каневского старосты Евстафия Дашковича назначен был в 1536 году Василь Тишкевич (бывший впоследствии воеводою Подляским). Черкасцы и каневцы взбунтовались против

Запорізький козак.
Літографія першої половини
XIX ст.

Исторические письма
о козаках приднепровских

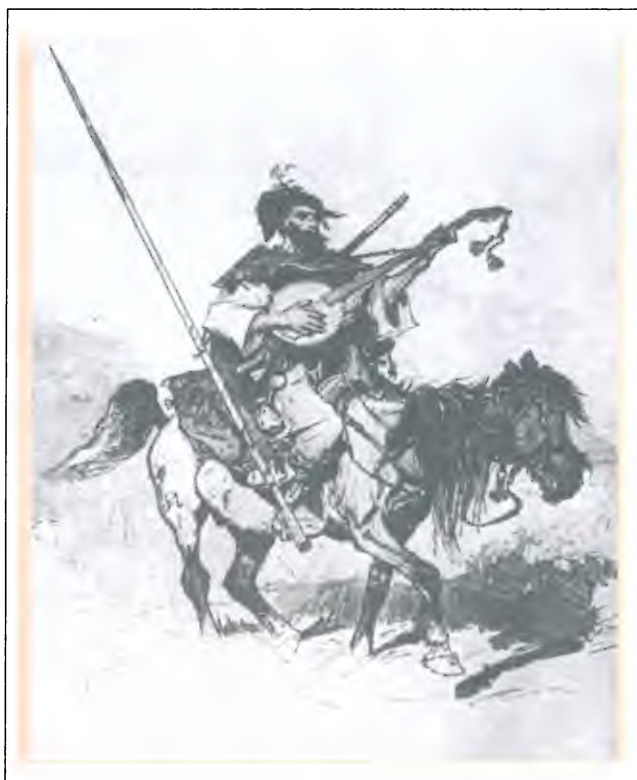
Тишкевича, а виновником этого бунта, по голосу современников, был Ян Петрович Пенько, королевский чиновник, находившийся при тех замках. Получив об этом королевский лист, Пенько явился в Краков к королю и уверил его в своей невинности, говоря, между прочим, что «ничего о том не ведает, с чего тое бунтованье их выросло и для которых причин против старосты его милости они то вчинили». Таким способом Пенько не только успел получить королевскую оправдательную грамоту 1537 года (напечатанную в Архиве), но и назначен был в Черкасские старосты вместо Тишкевича. Однако

Ю. Глоговський.
Український козак. 1834 р.

черкасцы были недовольны и им и жаловались королю, что он «кривды великие и утиски чинит и новины вводит». По этому случаю приезжал в Черкасы Киевский воевода Немирович и уладил дело своею грамотою 1539 года (напечатанною во 2-м томе Актов Зап. Рос. под № 195). Не знаю, кто именно — Оникий Горностай или уже другой кто — был Черкаским и Каневским старостою в 1557 году, когда Дмитрий Вишневецкий перешел из Запорожья в Черкасы и Канев. Во всяком случае нет никакого основания приписывать ему то возмущение черкасцев и каневцев, которое было за двадцать лет против старосты Тишкевича.

Ю. Брандт.
Український козак. 1870 р.

Не менее ошибочным я нахожу и то, что сказано у г. Антоновича о Михайле Вишневецком. Он говорит: «Летописи называют преемниками Ружинского (Евстафия) людей незнатного происхождения; это Венцеслав Хмельницкий, Свирговский, Федор Богдан, Шах, Подкова, Скалзуб и т. д. — вот гетманы, которые после Ружинского выдвигаются из толпы по ее выбору и наследуют власть Гедиминовичей. Бывшие князья долго еще не желают отречься от прежних прав своих, и заявление этих прав мы встречаем в лице двух из них: 1) брата Дмитрия Вишневецкого, Михайла; 2) Михайла Ружинского. Первый после бегства брата из Москвы пребывал в верности к Иоанну IV и успел возвра-

тить себе, пользуясь расположением жителей к своему роду, города Черкасы и Канев. Он удерживает титул гетмана козацкого и в этом качестве участвует в войне великого князя Московского с восставшею Астраханью 1569 и 1570 годов, между тем как Украйною управляет выборный гетман Свирговский».

Откуда взялось сведение о верности Михаила Вишневецкого царю Московскому? Напротив, из современных известий видно, что весною того же 1563 года, в котором Дмитрий Вишневецкий бежал к королю, двоюродный брат его, Михаил Вишневецкий, с запорожскими козаками и белгородскими татарами напал на Сиверскую область и произвел там разорение. Об этом нападении «ротмистра князя Михаила Вишневецкого» царь жаловался королю от 10 июля через гонца своего, дворянина Андрея Клобукова, которому поручено было разведать о бежавшем князе Дмитрие*. Вскоре после того Черкасы и Канев достаются в распоряжение князя Михаила Александровича Вишневецкого — потому что король назначил его в старосты Черкасские и Каневские. В этом звании летом 1659 года он отправляется — не в Астрахань, а в Люблин, на дело соединения земли Волынской с Польшею**, по совершении которого он получает еще новое звание — кастеляна Киевского. Что же касается до гетманского титула, то из всех наших историков только у Кониского да вслед за ним у Маркевича Михайло Вишневецкий полагается гетманом с 1569 года до 1574-го, с которого, по единогласному признанию всех летописателей, был гетманом Свирговский (или Свирчовский). Откуда же г. Антонович взял, что Свирговский управлял Украйною еще в 1569 и 1570 годах как «выборный гетман», а Вишневецкий был тогда только с «титолом гетманским», удержанным по притязанию на прежние права князей Гедиминовичей предводить ополчениями? Что же касается до астраханской победы Вишневецкого, то она весьма требует подтверждения известиями современными, а без того остается еще делом сомнительным, несмотря на всю защиту его покойным Маркевичем. Задавшись мыслию о «прежних правах» Гедиминовичей над козаками и об упадке их княжеской власти, г. Антонович не хочет допустить их в число выборных гетманов козацких. Таким образом у него и князь Михайло Ружинский в 1585 году только «удерживает титул гетманский», захватывает власть над козаками, «опираясь на прежние свои права»! «Впрочем, — говорит он, — власть его, должно полагать, была и незначительна и кратковременна, так как ни одна хроника не записала его имени в числе гетманов козацких, и вышеприведенный акт составляет единственное в этом отношении указание».

Этот акт 1585 года, ныне напечатанный в Архиве под № 7, давно уже вычитан в гродской Житомирской книге Н. Д. Иванишевым, от которого и я узнал о нем лет за семь и принял к сведению новооткрытого гетмана, князя Михаила Ружинского. Называют его в этом акте «гетманом козаков запорожских» войт, бурмистр и радцы, и все поспольство города Киева; ясно, что он был настоящий признанный гетман Запорожский. Его власть над козаками была, конечно, полная гетманская, и не «кратковременная», но продолжавшаяся и в 1588 году, в котором низовые, т. е. запорожские, козаки со

* См. в «Чтениях» 1860 г., кн. IV переписку между Россиею и Польшею, составленную Николаем Бантыш-Каменским (стр. 218).

** См. «Жизнь Курбского», изд. Н. Д. Иванишевым 1849 г., т. 1, № 7.

своим гетманом, князем Ружинским, были во Львове, как это видно из современной записки, помещенной в «Хронике места Львова», изданной Денисом Зубрицким 1844 года.

Итак, гетманство Михаила Ружинского надо признать в 1585—1588 годах. А был он из князей Волынских, которым дорогу на Запорожье открыл Дмитрий Вишневецкий, пришедший туда козаковать в 1556 году. Он первый из князей Гедиминовичей стал гетманом козацким. Его начальство над собою признали те же запорожские козаки (или «черкасы каневские»), с тем же атаманом своим, Михайлом Есковичем, что весною того года приставали к дьяку Ржевскому и с ним ходили под Очаков. С ним-то Дмитрий Вишневецкий того же года, «о Покрове, город взял Ислам-Кермен, и людей побил, и пушки вывез к себе на Днепр в свой город». А в следующем году, весною, сказано в летописании московском, он писал к государю, что «царь Крыма Девлет-Гирей и с сыном и со всеми людьми крымскими приходил под его город на Хортицкой остров и приступал 24-го [мая] и Божим милосердием, и царя и великаго князя именем и счастием, от царя отбил, и побил у царя многих людей лучших, и пошел царь от него с великим соромом». А в октябре 1558 года «писал из Черкас да из Канева к царю и великому князю князь Дмитрей Иванович Вишневецкий, что он с Днепра с Хортицкаго острова пошел потому, что корму не стало у него и козаки от него разошлись, а царь Крымской пошел на его город, да Турского люди многие в судех, да волохи, а он за кормом не сел в город, а пришел за Черкасы и Канев, и государь как велит? И царь великий князь писал ко князю Дмитрию Ивановичу, а велел ехать к себе, а Черкасы и Канев велел королю отступитца, потому что царь великий с королем в перемирьи. В ноябре князь Дмитрей Иванович к царю и великому князю приехал служить, и царь государь его пожаловал великим своим жалованьем и дал ему отчину город Белев со всеми волостями и селы, да в оных городех села подклетные государь подавал и великими жалованьи устроил...» На том и кончилось его двухлетнее гетманство над козаками запорожскими.

Письмо второе

Оставим на время князей, бывших вождями козацкими, и посмотрим на первоначального подвижника приднепровской козаччины, на Евстафия Дашковича. Не странно ли, что у наших старших летописателей прошлого столетия, от Грабянки до Кониского, нет и помину о Дашковиче?.. Зато Шафонский и Ригельман ставили его первым гетманом козацким; но Маркевич признавал его только первым атаманом запорожским; на самом деле Дашкович был не гетманом и не кошевым атаманом, а старостою Черкаским и Каневским, да к тому еще (в тридцатых годах) державцею Пропойским и Чичерским и в этих званиях заслужил себе имя славного козака.

О его происхождении говорят и Немцевич, и другие польские писатели, что он был из простолюдыя, из овручских подданных князя Острожского; но это едва ли справедливо. Будь он «простой хлоп», не было бы у него «власного отчизного селища Гроздова», которое он в Киеве отписал монастырю Пустынно-Никольскому, и родная сестра Овручского кмётка Богдана Дашковичевна не была бы женою пана Бориса Тишкевича, а после него — пана Андрея Немировича, воеводы Киевского. Дашкович мог быть слугою князя Константина — это иное дело. В многочисленной прислуге Константинова сына, великолепного воеводы Киевского, встречались князья.

Что касается до статьи г. Антоновича, то в ней Дашкович приписан к овручскому мещанству и отпущен к запорожцам. «Между ними, — говорит он, — в начале XVI века скитался беглый мещанин из Овруча Евстафий Дашкович; приобрев влияние своею храбростию и сметливостию, он возымел мысль образовать из своих товарищей-беглецов устроенное общество с совершенно оригинальною организацией. Дашкович начал с того, что отправился в Польшу и там, на сейме в Петрикове в 1511 году, когда штаты Речи Посполитой рассуждали о средствах предохранить южнорусские земли от набегов татар, предложил как лучшее и самое дешевое средство — признавать войском Речи Посполитой приднепровских скитальцев и поручить им охранение границ. Предложение было принято, и Сигизмунд I согласился признать законность войска, образовавшегося без его ведома, и поручить ему стражу границ Речи Посполитой; в награду же за эту услугу он подарил козакам земли, никому доселе не принадлежавшие, лежавшие между Бугом и Тясмином, Самарою и Калмиусом. Вестником этого королевского распоряжения был сам же Дашкович; для выходцев оно имело значение амнистии и безопасности личной со стороны польского правительства, и потому они охотно сгруппировались около Дашковича и приняли предложенное им устройство, которое и состояло в развитии до возможных пределов общинных начал».

Козацькі шаблі

Но ведь это небылица, которую можно бы уже и не писать у нас в нынешнее время. Статочное ли дело, чтобы на Великом сейме 1511 года делал такие предложения беглый мещанин и чтобы, доверяясь такому представителю еще не устроенных беглецов и скитальцев, Жигимонт I так уже и поручил охранение границ своего государства и подарил столь обширные земли?.. Сколько тут ошибочного: от скитания Дашковича под видом беглого мещанина и до сейма Великого, который в 1511 году был не в Петрикове, а в Берестье! По известиям современным, Дашкович виден от самого начала XVI века, с 1501 года, в котором Московский великий князь Иоанн III Васильич после победы Ведрошской посылал своих воевод «литовския земли воевати». И вот «приидоша воеводы ко Мстиславию ко граду ноября 4-го в четверток, и сrete их из града князь Михайло Ижеславский, зять княже Юрьев Лутвеньевич, да великаго князя Александра Литовского воевода Остафей Дашкович...»

Козацкий одяг XVIII ст.

Спустя год или около того князь Василий Семенович Рязановский рассказывал, «что наместник Кричевской Остафей Дашкович вступается в волость Прикладни и в деревни прикладненские...» (см. Акты Зап. Рос., т. 1, стр. 322). А в 1504 году королевский гонец Матвей Кунцевич в Москве предлагал, чтобы отдан был бежавший из Литвы со многими дворянами воевода Остафий Дашкович. На это дьяк Болдырь Паюсов дал Кунцевичу такой ответ, что «по перемирным договорам велено выдавать татя, беглеца, холопа, раба и должника; а как Дашкович чиновный человек греко-российской веры и добровольно принял службу, то выдан быть не может».

Там, на государевой службе, и находился Дашкович до 1508 года, до той знаменитой грозы, которую поднимал в Литве князь Михайло Львович Глинский. Тогда великий князь Василий Иванович «прислал ему на помоч Остафия Дашковича, онного славнаго козака, который ся был до него передал, як мел обычай, с двадцати тысячами людей московских ездных», — по словам старого «Летописца южнорусского». А в августе того 1508 года Жигимонт I, наряжая из Смоленска посольство к Менгли-Гирею, писал между прочим следующее: «А тому зрадце нашему Глинскому людей его в тот же час многих збито, а останок их с Остафием Дашковичом вси к нам прибегли» (см. Акты Зап. Рос., т. II, № 41).

Вот где и чем был в начале XVI века подлинный, исторический Дашкович. Ему как человеку известному и опытному, пришедшему вновь «на службу господарскую», Жигимонт I мог поручить охранение границ государства и, по его представлению, дать козакам права на приднепровские земли, никем еще не заселенные.

Несправедливо вменять Дашковичу первоначальное собрание и устройство запорожских выходцев. Товариство Запо-

Запорізька Січ. Малюнок
XIX ст.

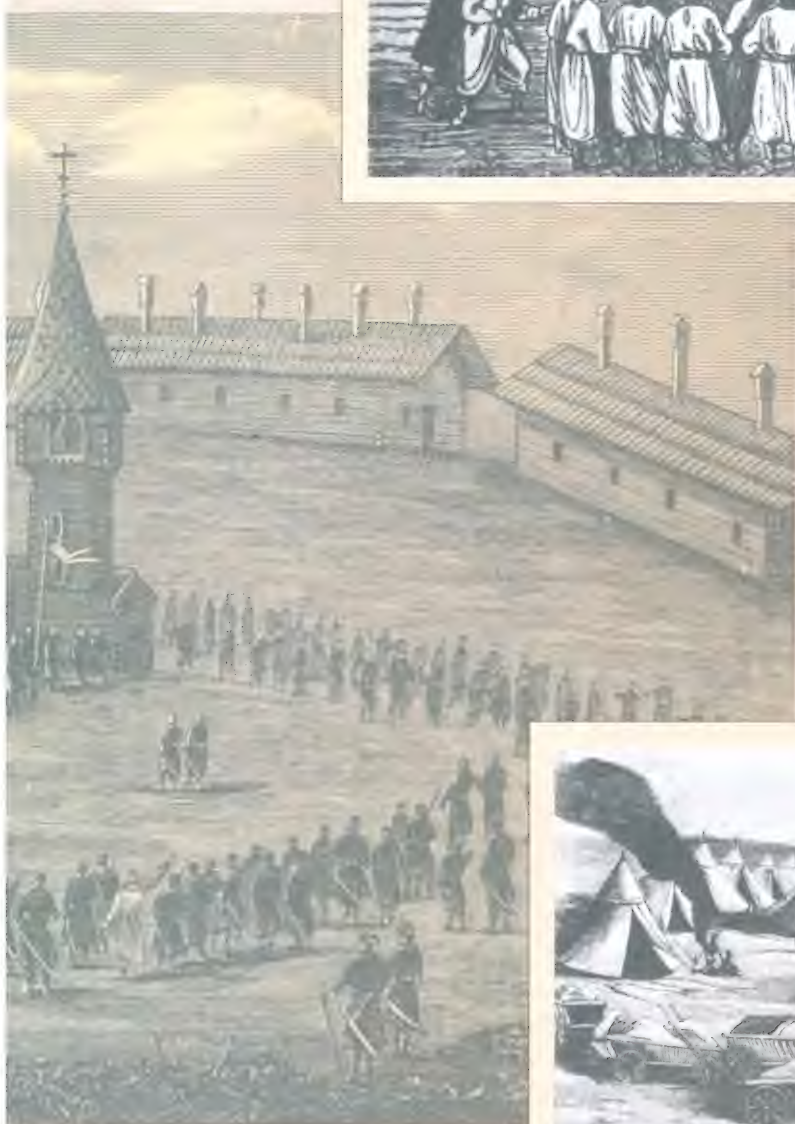
Запорізький зимівник.
Гравюра XIX ст.

Церква, рада і курені
у 1773 р. Гравюра XIX ст.

Т. Калинський. Запорізька рада. 1778—1782 рр.

Козацький табір. Гравюра XIX ст.

рожское, со своим общинным устройством и со своими атаманами, существовало еще прежде, чем Дашкович вернулся из Москвы и стал на Руси Киевской.

Начто умножать сказки о первоначальниках козачества? Довольно и той, которую от самих запорожцев слышал и записал в прошлом столетии князь Мышецкий про знаменитого стрельца и атамана Семена, который со своего Семенова Рога на Бугском лимане приходил на Украину, к Лысянке, Медведовке и другим местам с сотнею своих товарищей и набрал тут себе войска более двух тысяч и после похода на Дунай водворился на Очаковской стороне, на Днестре, особым улусом.

Начто говорить и то, будто Запорожье при Дашковиче «состояло не более как из двух тысяч человек». Ведь это число относится только к известному предложению, которое сделано было Дашковичем 1522 года на вальном сейме Городенском: чтобы днепровские острова застроить крепкими замками и постоянно содержать там 2000 вооруженных пеших козаков да еще сто четыре конных.

Запорожцы нередко собирались вокруг Дашковича в его походах и битвах и, вероятно, приняли от него некоторые правила к улучшению своего быта и порядка; но в отношении к Запорожью мог быть ему совместник — другой козацкий вождь — Предслав Ланцкоронский. А как староста Черкасский и Каневский, Дашкович около четверти века (до 1536 года) был главным распорядителем и подвижником козачества в Украине Приднепровской. Тут ему совместниками могли быть разве Киевские воеводы (князь Юрий Александрович Гольшанский да Андрей Якубович Немирович). И, конечно, не иному кому, как доблестному Дашковичу тогдашнее козачество обязано своим усилением и распространением на Украине Приднепровской. Он упрочил бытие нашего козачества как особого сословия в народе малороссийском. Он был первым строителем и Чигирина — будущей родины и гетманской столицы Богдана Хмельницкого.

Современным Дашковичу козацким вождем был Предслав Ланцкоронский, о котором все наши старшие летописцы прошлого столетия поминают как о первом гетмане козацком. Сказание о нем, взятое из польского историка Мартына Бельского, внесено еще в хронику Густынскую и состоит в следующем: «В лето 1516 Жигмонт король посла Предслава Лянцкорунскаго на Украину собирати люду и такожде татаром пакостити; он же, собрав охотников скилка сот, пойде с ними аже под Белгород и тамо забра множество товара и коней, и овец татарских и турецких, и возвратися с ними. Татаре же и турци, собравшися, гониша по них и постигоша их под Очаковом у Овидова озера, и бишася с ними; но наши поразиша их и со великим добытием во здравии возвратишася».

Вот поход Ланцкоронского к Белгороду и битва его под Очаковом 1516 года как событие историческое. К этому известию предпослано такое замечание: «В сие лето начашася на Украине козаки». Таким образом, у польского историка, а за ним и у нашего составителя Густынской хроники началом козачества на Украине полагаются те охотники, с которыми Ланцкоронский совершил поход к Белгороду и Очакову 1516

года. Но известно положительно и документально, что в Приднепровской Украине, в Черкашине, были козаки еще до Жигмонта I, да и в Запорожье также было козачество гораздо прежде 1516 года. Между тем летописное сказание и тут обращается в следующую сказку:

«И потом бранилюбивый сей народ, засмаковавши себе здобич, наставиша себе старейшину спосреде себе, нарицаемаго козака, от него же и сами потом козаками нарекошася, и начаша сами часто в Татарскую землю ходити, и даже доселе не престають пакости творити татарам и туркам. А старейшину себе избирают спосреде себе мужа храбра и смыслена, по своему древнему обычаю; живут же всегда на Запорожью, рыбы ловяще, их же без соли на солнцу сушат; а на зиму расходятся кождо во свой град, только з скилко сот оставляют на курене стерещи стрелбы и чолнов, а на лето паки собираются. И сим образом козаки начало свое приыша».

Сказка сказкою, но летописное замечание «о начале козаков» нельзя ли принять с таким ограничением, что в 1516 году начались козаки на Украине Приднестровской, в Браสลавщине, где до того года не видно козачества ни из каких показаний современных? Как бы ни было, впрочем, а сказание Мартына Бельского было классическим местом, на котором основывался и Коховский (1683 г.), и писавший под его влиянием (около 1710 г.) наш украинский летописатель Грабянка. У него так говорится сначала, что «в року 1516 Жигмонт I охотного воинства от козаков и поляков собра, посла их под Белгород... и от того времени козаками нарицахуся, аще кто и поляк бяше, си есть свободное воинство, яко без найму, своею волею на татаре хождуаху». А потом у него сказано: «В року 1506 был первым козацким гетманом Предслав Лянцкронский; а в року 1534, будучи гетманом Запорозким, некийсь козак Венжик Хмельницкий розбил великую орду в Полще под Заславем; по нем был гетманом Дмитрий князь Вишневецкий, а по нем Евстафий князь Ружинский» — и ни слова о них более. Ясное дело, что здесь у Грабянки 1506 год при Ланцкоронском поставлен ошибкою, вместо 1516-го. А между тем этот ошибочный 1506 год пошел надолго у нас как начальный год козацкого гетманства. С этим годом стоит первый гетман Ланцкоронский и в известном «Собрании гетманов», и во введении, приделанном к «Летописи Самовидца», заимствованном, очевидно, из летописи Грабянкиной; у Шафонского, Ригельмана 1506 год приложен к первому гетману Дашковичу, а Ланцкоронский поставлен вторым гетманом, с надлежащим 1516-м годом. Но в «Истории Руссов» Конисского, а за ним и у Маркевича гетманство Ланцкоронского начинается с 1500 года, а прекращается 1512-го.

Но в «Описании» Симоновского (сочиненном вслед за прекращением Гетманщины) сказано так: «Первой козацкой гетман (по новоизданной и выпечатанной в Гамбурге 1763 года «Истории о Российском государстве» на немецком языке, чрез доктора Бишинга) был князь Богдан Рожинский, которому король Баторий в вечное и наследственное владение пожаловал город Терехтемиров». Так и Миллер говорил, и Бантыш-Каменский повторил (1822 г.), что Богдана Ружинского «можно почитать первым Малороссийским гетманом». Вот краткая история о начале козацкого гетманства в летописании

Морський прапор Війська
Запорізького. XVIII ст.

малороссийском — до Маркевича включительно, который так горячо нападал на Бантыша-Каменского, стоя горою за начало Гетманщины и гетманства с 1500 года! Сущность дела в том: назывались ли у современников или не назывались гетманами козацкие военачальники, бывшие до Батория? Дело в титуле; но ведь немалая тогда велась тяжба из-за титула и между великими князьями — Московским и Литовским. Невоенного человека, гетмана Разумовского, Екатерина II переименовала в фельдмаршала; а через четверть века она наименовала Потемкина «великим гетманом козацких Екатеринославских и Черноморских войск». Но наша братия — историки — не имеют права ни жаловать в гетманы, ни разжаловать давно прошедших военачальников козацких. Ну если Грабянка наименовал Ланцкоронского первым гетманом от себя так же самопроизвольно, как Шафонский и Ригельман — Дашковича!

Если любознательность наших историков могут занимать имена, года, деяния царей и цариков татарских, царей и цариц Босфорских, то для нас тем более должны быть занимательны вожди и начальники нашего козачества, историческая жизнь которого так дорога и важна для памяти народной и которое доньше живо в своих потомках — козаках малороссийских и черноморских. А мы и до сих пор не добыли себе верного знания о предшественниках Богдана Хмельницкого; они и доньше не перестают быть игрищем произвола научного и недоучного. В пользу гетманства Ланцкоронского можно указать на универсал Богдана Хмельницкого 1655 года 15 января, данный Низовому Запорожскому войску в подтверждение прав, жалованных королем Баторием 1576 года. Там о Самарских землях сказано: «где еще до гетмана Прецлава Ланцкорунскаго козаки запорожские свои зимовники мевали». Но в 1775 году, когда шло роковое дело о Запорожье, Миллер опровергал подлинность сего универсала, представленного запорожцами в копии. Предоставляю Вам с Н. Д. Иванишевым решить, прав ли был Миллер. Во всяком случае были Ланцкоронский гетманом или только старостою Хмельницким, его козацкое военачальство должно быть полагается не ранее как с 1516 года.

Козацкое ополчение, предводимое им в том году к Белгороду и Очакову, состояло из набранных им на Украине охотников (*voluntarii*). Это совсем не то, что представляет г. Антонович, будто и Ланцкоронский в своем уделе был начальником общинного ополчения на правах князя. Для Ланцкоронского он изменяет свое основное положение о Гедиминовщине и говорит, что «первые гетманы козацкие ведут свой род исключительно от Гедимины или от великокняжеских ленников!» А в удел дворянскому роду Ланцкоронских назначает он Браславщину, где был Браславский козацкий полк — будто бы еще до 1516 года.

По Вашему желанию возобновляю мою письменную беседу с Вами о козаках. В самом деле, надо же мне кончить разбор нового мнения о *происхождении козачества*, предложенного г. Антоновичем в его предисловной статье к «Архиву Юго-Западной России» 1863 года.

Для нашего козачества приднепровского он предложил первоначальный век благосостояния его под кротким управлением различных князей Гедиминова дома, будто бы имевших здесь свои *уделы* в конце XV века и в начале XVI. Из этих *князей-гетманов* он называет только Дмитрия Вишневецкого, Евстафия Ружинского да еще кого-то из князей Корецких.

Тот век благосостояния козаков у него кончается около 1534 года — со смертью героя Ружинского. Тогда настает пора окончательного торжества *выборного начала* над *элементом княжеским*: гетманами становятся из толпы, по ее выбору — Венжик Хмельницкий и другие лица незнатного происхождения — и наследуют власть Гедиминовичей. Но и между самими князьями-гетманами была борьба за козаков, когда Евстафий Ружинский *объединил* собою и увлек под свою власть все южнорусское козачество, разрозненное по их уделам; они противодействовали, протестовали перед Жигимонтом I против *реформы* Ружинского, но тот своими *многочисленными победоносными* походами против татар и турок успел доказать на деле, сколь полезную военную силу могут доставить государству козаки, соединенные и правильно организованные им в *двадцать* полков...

На самом же деле ничего этого не было; да и самого князя Евстафия Ружинского не было в Приднепровской Руси во всю *первую* половину XVI века, так же точно, как и Дмитрия Вишневецкого не было на Приднепровье до *пятидесятих* годов того века.

Что касается до князей Корецких, то из них от начала XVI века известен *Федор Иванович Корецкий*. В 1508 году, когда Жигимонт I раздавал разным лицам Великого княжества Литовского обширные имения князей Глинских, перешедших в сторону московскую, князь Федор Иванович выпросил и себе в Киевском повете село *Суцаны*, принадлежавшее Ивану Глинскому. С той поры князья Корецкие стали владельцами и в воеводстве Киевском, но в том конце его, где тогда еще не было козачества; да и не видно ниоткуда, даже из позднейшего летописания малороссийского, чтобы Федор Корецкий или знаменитый сын его Богуш были на гетманстве козацком.

Историческое недоразумение о гетманстве князя Дмитрия Вишневецкого разрешено уже в моем первом письме. Теперь очередь беседе нашей о князьях Ружинских.

Не знаю, почему эти князья отнесены у г. Антоновича к потомкам Кобыты Ольгердовича. У польских историков и генеалогов давно утвердилось мнение Окольского, что князья Ружинские были потомки Наримунта Гедиминовича. Такого мнения был, по свидетельству Кобержицкого, сам Роман Ру-

жинский, именовавший себя *Наримундовичем* (как Вишневецкие звались *Корыбутами* по своему предку).

Таким образом, и мнение Папроцкого о происхождении князей Ружинских от Корията Гедиминовича оставлено заштатным. Но его сказание о *четырёх* князьях этой фамилии принято в историю как сказание современника. В своих «*Гербах рыцарства польского*», изданных 1584 года, Папроцкий называет *Михаила Ружинского* и трех его сынов: *Кирилла* (или *Кирика*), *Богдана*, бывшего гетманом низовых козаков, и *Николая*.

К этим четырем у Окольского и Несецкого прибавлено еще два: *Дмитрий Ружинский*, бывший полковником при князе Сангушке в Московской войне 1567 года; *Роман Ружинский*, более всех знаменитый по Московской войне Смутного времени, в продолжение которой и скончался он 8 апреля 1610 года.

Тут напрашивается на воспоминание *Агам Ружинский*, подвизавшийся вместе с Романом в войне Московской, бывший с ним и во Львове, где они 1600 года вписали имена свои в книгу Львовского православного братства. Но нам надобны не эти Ружинские последнего поколения, а те, что были в первой половине XVI века; нам надобен Евстафий Ружинский... Вооружитесь терпением выслушать, и я расскажу Вам, как этот князь объявился мне мало-по-малу по старописьменным памятникам.

Еще в 1840 году, когда издавался мой «*Киевлянин*», я старался знакомиться поближе с давнопрошедшими людьми Южной Руси и для того пересматривал между прочим и старые церковные *помянники* Печерской Лавры и других монастырей киевских. Там не раз встречалось мне следующее вписание: «Род князя Евстафия Ружинского — Евстафия, Анну, Фому, Меркурия, Романа». Но отсюда можно было усмотреть только то, что Роман Ружинский был меньшей сын Евстафия.

В 1841 году получил я для «*Киевлянина*» из Львова, от покойного Д. И. Зубрицкого, в собственноручном его списке два акта: завещание гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного 1622 года и письмо князя К. К. Острожского, писанное им в Киеве 1581 года к своему киевскому наместнику князю *Остафею Ивановичу Ружинскому*. Вот он где: в Киеве, воеводским наместником, или подвоеводым, 1581 года. Тогда стало для меня ясно, что если он был козацким гетманом, то не иначе как означено было в летописи Грабянки, где сказано, что после Венжика Хмельницкого (известного в 1534 году) «был гетманом Дмитрий князь Вишневецкий; а по нем Евстафий князь Ружинский» (т. е. после 1558 года). Но нельзя было не взять во внимание и того, что *Евстафий Ружинский* не принят в число козацких гетманов ни Симоновским, ни Бантышем-Каменским, ни Евгением, которые взамен того принимали князя *Богдана Ружинского* в лице славного *Богданка*, бывшего козацким гетманом в 1575 и 1576 годах.

Когда же издана была г. Иванишевым «*Жизнь князя Курбского*», обильная современными актами, тогда двумя из них объяснился мне род князей Ружинских. Особенно послужил к этому *реестр* обывателей Владимирского повета, приведенных в июне 1569 года к присяге на Люблинскую унию

Запорожці у розвідці.
Гравюра 1893 р.

королевским комиссаром Яном Фалибовским. Тут оказалось три семьи князей Ружинских: 1) Григорий, Евстафий, Михаил и Дмитрий *Ивановичи*; 2) Стефан и Михаил, не названные по отчеству (то были, по моему соображению, *Федоровичи*); 3) княжна Василиса со своим потомством (признаю это явною ошибкою писца в гродской Владимирской книге и читаю так: княгиня *Васильева* со своим потомством).

При совершении присяги Михаил и Дмитрий *Ивановичи* Ружинские объявили, что брат их *Григорий* служит у князя Романа Сангушка на Украине в Речице*; а другой брат их, *Евстафий*, служит у Черкаского и Каневского старосты князя Михаила Вишневецкого и едет с ним к его королевской милости в Люблин. Т. е. наш герой в 1567 году был подстаростою Черкаским, или наместником старосты Черкаского и Каневского Михаила Александровича Вишневецкого, с которым ездил на сейм Люблинский.

Тогда же Стефан Ружинский объявил при совершении присяги, что его брат *Михаил* на ту пору оседлости не имеет, потому что заложил весь свой участок и поехал к приятелям в Польшу. Я вижу теперь, что не Михайло Иванович Ружинский, человек семейный и степенный, а этот другой, бездомный *Михайло Ружинский*, ездивший к своим приятелям в Польшу, отправился впоследствии козаковать на Запорожье и там был *гетманом* в 1585—1588 годах, как это пояснено в моем первом письме на основании свидетельств современных.

Двоюродный брат его, князь Евстафий, в 1573 году находился на своей родине; марта 16-го он был в Берестечке, на съезде волынских обывателей для выбора депутатов, которые должны были ехать в апреле под Варшаву на элекцию нового короля; к числу депутатов принадлежал и Евстафий Ружинский (см. «Жизнь князя Курбского», т. 1, № 15). Вскоре после

*
Т. е. он был тогда Речиц-
ким наместником Романа
Сангушка, воеводы
Браславского и державцы
Речицкого.

того он поступил опять на службу — в воеводские наместники князя К. К. Острожского. На этой должности он виден с 1575 года по актам Межигорского монастыря, у которого он отнял было некоторые земли. Вот кем был подлинный, исторический князь Евстафий Ружинский — *подстаростою Черкасским*, потом *подвоеводым Киевским*; а на его гетманство козацкое не нашлось и доныне подтверждения современного или стародавнего.

В Грабянкиной летописи, сочиненной около 1710 года, в первый раз у нас поставлен в числе козацких гетманов *Евстафий Ружинский*, между Дмитрием Вишневецким и Свирговским (т. е. между 1558 и 1574 годами). Не знаю, кто такой около 1730 года переставил Вишневецкого и Ружинского в первую четверть XVI века, дав им место между Ланцкоронским и Венжигом Хмельницким. В таком неправильном порядке, с одними именами, без годов и деяний оба князя поминались у нас и в «Собрании гетманов», приложенном к летописи Грабянкиной, и во введении, приделанном к «Летописи Самовидца», и в других летописных произведениях. В таком же виде оба князя достались и под руку, написавшую «Историю Руссов».

В этой знаменитой «Истории», весьма замечательной со стороны художественной, малороссийская Козаччина XVI и XVII веков представлена с тою же поэтически-своевольною перестройкою исторической действительности, с какою и Гоголь в своем «Тарасе Бульбе», и Шевченко в своих «Гайдамаках» изображали избранные ими эпохи. О дознании и соблюдении верного исторического факта у всех троих не было и заботы!

А. Кандауров.
Виклик на герць

Даровитому історику, укrywшeмyся под славным именем Георгия Кониского, хотелось наполнить целое XVI столетие всплошь *гетманами*, узнанными им в неполном числе и неверном порядке: и вот у него назначаются самопроизвольно определенные годы гетманства — Ланцкоронскому с 1500 года, Дмитрию Вишневецкому — по 1514, Евстафию Ружинскому — по 1534 и т. д. Понятие о *Гетманщине*, предназначеной Петром Конашевичем-Сагайдачным и потом созданной Богданом Хмельницким, в которой гетманы были не только военачальниками козацкими, но и правителями страны, это понятие было наведено историком и на первых гетманов козацких XVI века. Тут Дмитрий Вишневецкий славится гражданскими добродетелями, поправляет разоренные города и прочее и за то стяжает имя *отца народа*; преемник его Евстафий Ружинский является сильным подвижником и преобразователем козацкой Украины, по подобию Богдана Хмельницкого... А мы и поверили! Когда же показался у нас в первый раз подлинный князь Евстафий Ружинский, с вышепомянутым письмом князя Острожского 1581 года, тогда главный редактор Археогра-

Н. Зубрицкий.
Облога Почасва турками.
Фрагмент гравюры початку
XVIII ст.

фической комиссии, блаженной памяти Иоанн Григорович, сделал к тому письму такое примечание: «Должно заметить, что Киевский воеводский наместник, князь Евстафий Ружинский, о котором в этой грамоте говорится, — *другое лицо*, а не козакий гетман того же имени. Последний жил в первой половине XVI века и управлял Запорожьем в 1514—1534 годах*».

Но посмотреть бы в самом источнике, из которого взят Маркевичем этот гетман, — в «Истории Руссов»: «По кончине гетмана князя Вишневецкого в 1514 году выбран гетманом князь Евстафий Ружинский, который с молодых лет, обучаясь и вояжируя долго в чужих краях, а паче по Германии и Франции, приобрел в разных науках, а особливо в военной, великое знание. И первым его старанием было произвести в Малой России *реформу* войскам»...

В самом деле, тут на гетманстве и Дмитрий Вишневецкий, и Евстафий Ружинский — совсем *другие лица*, а не те их соименники, которые действительно были в пределах Днепровских во второй половине XVI века. Об этих последних стоило бы еще поразведать в затворах Киевского центрального архива, а тех призрачных двойников их, подвизавшихся только на страницах летописных, пора бы уже и в отставку...

Хотелось бы дознаться еще об отце Евстафия — князе Иване Ружинском. О нем приметил я современное упоминание — в «Описании волынских замков» 1545 года, где названы почти все тогдашние князья Волыни, где мы видели уже и князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, присутствовавшего в Кременце. В том описании замков в числе обывателей Владимирского повета вы найдете «князя Ивана, княгиню Васильеву и княгиню Федорову — *Ероговицких*», а в другой раз они названы *Роговицкими*. Так напечатано и в тексте, и в указателе, приложенном к 4 тому «Памятников». Но таких князей — Роговицких или Ероговицких — и не слыхано. Это очевидная ошибка, сделанная через два с половиною века по недосмотру кременецкого присяжного писаря Годзиминского, давшего в 1793 году выпись этого важного акта, которая принадлежала покойному К. К. Свидзинскому и напечатана в «Памятниках». Подлинное чтение вышеприведенного места должно быть такое: «князя Ивана, княгиню Васильеву и княгиню Федорову *Ружинских*»: на это прямо указывают поместье этих князей Ружин во Владимирском повете, означенное в том акте, а также отцовское имя знакомых уже нам четырех братьев *Ивановичей*. Таким образом, открылось для меня еще одно поколение князей Ружинских, принадлежавшее первой половине XVI века и состоявшее из князей *Ивана, Василия и Фегора*. Из них в 1545 году один Иван был в живых; а после тех двух оставались две вдовствующие княгини, носившие на себе имена их, которые и до нас донесли. Одни имена... но они дают собою знать, что княжеский род Ружинских и в первой половине XVI века принадлежал к обывателям земли Волынской, а не Киевской, что находившийся во владении этих князей Ружин Владимирского повета, а не иной, был родимым гнездом их, от него же и их прозвание.

*

См. *Акты Зап. Рос.*, т. III, примечание 76, а также Маркевича «Историю Малороссии», т. V, с. 149.

Я представил Вам ясное свидетельство, что Евстафий Ружинский, так же как и Дмитрий Вишневецкий, находился в Приднепровской Руси во второй половине XVI века и что оба эти князя занесены в первую четверть того века ошибкою позднейшего летописанья малороссийского. Подобные ошибки случаются и в новейших работах исторических. Вот, например, первый том «Актів Южної і Західної Росії», изданный Археографическою комиссією 1863 года под редакцией Н. И. Костомарова. Там под № 57 находится «1510 г. королевска грамота Киевскому воеводе князю Юрью Ходкевичу». То же повторено и в оглавлении. Но знаменитые Ходкевичи, так же как и Радивилы, не были в то время князьями. Григорій (а не Юрій) Александрович Ходкевич был воеводою Киевским в 1554—1556 годах. А в 1510 году на Киевском воеводстве был князь Юрій Александрович Гольшанский, на имя которого (только без означения фамилии) и дана была та королевская грамота.

На первый взгляд, не великая важность, что историческое лицо поставлено не на своем месте; но ошибочная постановка бывает иногда основой больших недоразумений и напрасных построений исторических, как это случилось с нашим Евстафием Ружинским в «Истории Руссов».

Как трудно отрешиться от всего, что есть вымышленного в этой обаятельной «Истории», даже и при нарочитом неблагоприятии к ней, то видно на книге самого г. Костомарова «Богдан Хмельницкий». Там, по случаю разных баснословий о похоронах Ивана Золотаренка, к которым прибавилось нечто

Яничари на параді

Командири гармашів

и в «Истории Руссов», г. Костомаров укоряет Кониского в «обыкновении выставлять собственные гипотезы за истину», а между тем сам выставляет за истину одну из самых крупных исторических гипотез — *реформы* призрачного гетмана Евстафия Ружинского, которые у г. Антоновича получили новое фантастическое представление...

Но прежде чем остановиться над этими *реформами*, я должен заявить Вам мое сомнение об «Истории Руссов»: в самом ли деле она есть сочинение Георгия Кониского? Не напрасно ли помыкается его имя за недостатки ее со стороны фактической и превозносится за ее достоинства со стороны художественной, за которые сам Пушкин назвал Кониского *великим живописцем*?

Достопамятный муж знаком был хорошо со старинными актами, относящимися к истории церкви в Западной России, и обладал большою начитанностью польских исторических писателей: о том свидетельствуют нам его книга «Prawa i wolności», изданная 1767 года в Варшаве, и небольшое сочинение его об унии, изданное в «Чтениях». Да и мог ли Кониский без историко-фактического запаса вступить на то поприще, на котором подвизался с такою славою! Его историческое познание неизбежно отозвалось бы в сочиненной им «Истории», какого бы ни была она направления и духа. А в «Истории Руссов» совсем не видно близкого знакомства ни с современными актами, ни с польскими историками, ни с главнейшими малороссийскими летописями: все взято не из первых рук, как будто понаслышке, и перестроено на свой лад, без соблюдения верности и точности исторического факта. Не по характеру Кониского, мне кажется, было сочинять такую «Историю» и предлагать ее депутату Полетике на то важ-

Яничарський ага

Командири яничарів

ное дело, на которое она требовалась, и с теми архипастырскими уверениями, о которых говорится в предисловии не известного нам лица. О Кониском известно то, что он сообщил «Краткий Летописец» Василию Рубану, который и напечатал его в 1773 году с дополнением, написанным А. А. Безбородьком. Сомнительным кажется мне и то, что Григорий Андреевич Полетика — человек ума положительного, знакомый с лучшими малороссийскими летописями, в том числе и с Величковою, мог предпочесть им не исправную со стороны фактической «Историю Руссов» и придержаться ее в своих деловых справках и писаниях, как это в наше время сделал автор «Украинских мелодий» в своей «Истории Малороссии».

Надо бы дознаться об известности «Истории Руссов» депутату Полетике и его сношениях с Кониским. Трудолюбивый митрополит Евгений не упоминает об этой «Истории» в числе сочинений Кониского даже и при втором издании своего «Словаря духовных писателей». Бантыш-Каменский не знал ее при первом издании своей «Истории Малой России» в 1822 году. Он воспользовался при втором издании знаменитою «Историєю», когда она была уже в ходу, во многих списках, которые — подобно «Горю от ума» — распространялись все больше и больше, пока не напечатал ее О. М. Бодянский в «Чтениях» 1846 года. Мне сдается, что «История Руссов» сочинена не известным для нас автором, укрывшим свое имя под двумя малороссийскими именитостями, дабы сказать в предисловии, что прошедшая через эти «отличные умы история» «кажется быть достоверною»!

Теперь обратимся к реформам воображаемого гетмана Ружинского. В книге г. Костомарова (по поводу которой были мои письма и к нему, и к М. П. Погодину) написано следующее: «После Ланцкоронского избираемы были гетманы из знатных русских фамилий. При одном из них, Ружинском, учреждено было чинопачение — *генеральная старшина*: есаулы, судьи, писаря, обозные. Число козаков быстро увеличивается. Козацкое сословие населяло земли, занимаемые теперь губерниями Киевскою, Полтавскою и южною частью Подольской, и разделялось на *двадцать* полков по обеим сторонам Днепра».

Тут в книге г. Костомарова ссылка на «Историю Руссов», а в этой «Истории» читаем следующее: «Гетман Ружинский, по изволению короля Сигизмунда I, пресекая своевольства и нестроения, учредил в Малороссии *двадцать* неперемненных полков, по *две тысячи* каждый, назвав их по городам знатнейшим, как-то:

Киевский, Черниговский, Сиверский, Переяславский, Кальницкий, Кропивянский, Острянский, Миргородский, Каневский, Черкасский, Чигиринский, Уманский, Корсунский, Браславский, Полтавский, Гадяцкий, Нежинский, Лубенский, Прилуцкий, Винницкий.

Каждый полк разделен на *сотни*, названные также по городам и местечкам» и т. д.

При первом взгляде уже на эти благоустроенные полки они оказываются невероятными. Мог ли воображаемый гетман по изволению своего господаря учреждать в 1514 году неперемненные двухтысячные полки Черниговский, Сиверский и

Нежинский в чужой области, принадлежавшей государству Московскому, которое в ту пору было в сильной борьбе с Великим княжеством Литовским? Вот уже из оных двадцати полков убывают *три*; а за ними и четвертый полк — *Острянский*, потому что в старостве Остерском, которое нам подробнее других известно по памятникам XVI века, нет и признаков двухтысячного там козачества. То же должно сказать о полках Восточной Украины: *Полтавском, Гагяцком, Миргородском, Прилуцком*; нет и намека в современных писаниях, чтобы там было многотысячное число козаков во всю первую половину XVI века. То же самое и с другого конца — в Украине Подольской: три полка в 1514 году — *Браславский, Виницкий, Кальницкий* — такая же невероятность, как и сопредельный с ними полк *Уманский*. А в «Истории Руссов» Евстафий Ружинский устраивает в 1514 году еще пять полков охочеконных, по пятисот человек в каждом, и по устройении таким образом малороссийского войска идет в 1516 году в поход под Белгород и в Очаковские степи., т. е. Ружинскому приписан и расписан поход Ланцкоронского*, отодвинутого на гетманство к 1500-му году!

Так и все деяния призрачного героя Ружинского заимствованы от других лиц и от учреждений позднейших.

Установление в козачестве *генеральной* старшины взято от гетманства знаменитого Богданка, или Богдана Михайловича, Ружинского, при котором «в лето 1576, за Стефана, короля Польского, козаки в лучший еще строй учинены... и начаша по гетмане быти *обозные, судьи, асаулы, полковники...*», как сказано в летописи Грабянки. До того же времени, сколь мне известно на этот час, нигде в современных памятниках не встречаются эти козацкие чины, даже и *полковники*, потому что и самое установление *реестрового* козачества и постоянных *полков* на Украине относится к реформе Баториевой. До нее же видны пока только *роты*, или сотни, козацкие; видны *атаманы* у козаков, выходивших из Украины на Запорожье, да главный начальник над ними — *гетман*.

Сорокатысячное число реестрового козачества взято, очевидно, из договора Зборовского 1649 года. От той же эпохи перенесены и *двадцать* полков — *те самые*, что перечисляются в «Истории Руссов» под 1650 годом как полки будто бы возобновленные и пополненные Богданом Хмельницким. Тут эти двадцать полков при проверке их, которую мне удалось сделать в 1850 году подлинною книгою «*Реестров войска Запорожского*», оказываются весьма не исправными.

Первая порча в реестре *шестнадцати* полков, установленных Богданом Хмельницким после Зборовского мира, произошла 1683 года в знаменитой летописи Коховского. Там нечаянно пропущен полк *Белоцерковский* с тогдашним полковником *Михайлом Громыкою*. Вместо полка *Прилуцкого* (с полковником Тимофеем Носачем) назван небывалый полк *Острянский*, долго сбивавший с толку дееписателей малороссийских, Киевский полковник *Антон Жганович* превращен в *Агамовича*, а Каневский полковник *Семен Савич* — в *Павича* (Pawicius). Миргородский полковник *Матвей Гладкий* переименован в *Максима*.

Со всеми этими неисправностями, и главное с недочетом одного, Белоцерковского, полка Богдановы полки переведены

*

При Ланцкоронском (ум. 1531) было козачество в обширном воеводстве Браславском, но не в таком же большом числе. Можем назвать и по имени *Дмитра Базаровича*, козака-звенигородца, получившего в 1546 году утвердительную грамоту на принадлежавшие ему два хутора: Соколов и Мильковцы. См. любопытную брошюру, напечатанную 1862 года в Венеции под именем «*Awulsa Hunania*» (т. е. Спорные места Уманщины).

Зішестя Святого Духа. Ікона з Потелича.
Кінець XVII — початок XVIII ст.

были у нас из книги Коховского в летопись Грабянкину. Еще более попортились они в «Кратком Летописце», изданном 1773 года Рубаном, из которого долго был заимствован и в последующие сочинения о Малороссии неверный *пятнацати-полковый* список. Он положен в основание и тому *двадцати-полковому* списку, который составлен наобум в «Истории Руссов» собственно к гетманству Богдана Хмельницкого, к 1650 году, а отсюда перенесен и к реформе Евстафия Ружинского, к 1514 году. Таково происхождение тех небывалых в правление Жигимонта I двадцати козацких полков с сорокатысячным числом реестрового козачества! А они между тем перечислены и приняты в соображение и в «Исследованиях» самого Погодина...

Подвизались эти воображаемые полки со своим призрачным гетманом и в «*Старожитностях польских*» (1843 г., в статье Морачевского), и в «*Истории козаков*» Чарновского — с легкой руки Мацеевского, издавшего для своих соотечичей извлечение из «Истории Руссов» и сказавшего, что в ней «содержатся такие *факты*, какие и не снились нашим историкам» (Мацеевский сказал правду!). Наконец, в «Исследовании» г. Антоновича тот князь Евстафий Ружинский доходит до *пес plus ultra**. Поставленный на гетманство *одновременно* с Дмитрием Вишневецким и Предславом Ланцкоронским, он является между ними как вождь гомерический и с двадцатью полками своими совершает *многочисленные победоносные* походы против татар и турок в правление Жигимонта Старого... Но все это должно исчезнуть с лица козацко-украинской истории,

«Как обман, как упоенье,
Как прелестный призрак сна...

*
До крайнощів. — *Ред.*

Письмо пятое

После критического осмотра, сделанного в предыдущих письмах, можем разобрать теперь мнение г. Антоновича о происхождении козачества — по составным его стихиям начиная с главной, с *элемента гедимино-княжеского*.

Мы удостоверились, что на первых порах исторической известности приднепровских козаков, с конца XV и до половины XVI века, не видно ни одного *гетмана* из княжеских родов, причисляемых генеалогами к потомкам Гедимины; а потому не для чего принимать в жизни приднепровского козачества ни того решительного торжества народного выборного начала над элементом княжеским, какой положен около 1534 года, ни предложенной до этого года поры *благосостояния* козацкого под кротким управлением *различных* князей Гедиминова дома. Для представления себе такой поры надо обратиться ко временам, бывшим до 1471 года, когда вся земля Киевская (с Черкасщиною и принадлежавшими к ней Днепровскими порогами и с землею Переяславскою) составляла *одно удельное княжество*, принадлежавшее Гедиминову внуку Владимиру Ольгердовичу, возвращенное потом сыну его Алек-

Козаки розважаються.
Картина XIX ст.

сандру, или Олельку, а по нем доставшееся его сыну Симеону Олельковичу, княжившему здесь до кончины своей, до 1471 года. Но при тех князьях Гедиминовичах не видно еще козачества приднепровского ни из каких свидетельств исторических; следственно, то была пора исторической неизвестности приднепровских козаков. Исторически известными становятся *козаки* на Украине уже после 1471 года, когда Киевское княжество обращено было в *воеводство*. А князей Гедиминовичей не было тогда ни между *воеводами Киевскими*, ни между *наместниками Черкасскими*, от которых в ближайшей зависимости были тогдашние приднепровские козаки, выходившие из своей Черкасщины и вниз Днепра на Запорожье, и вверх Днепра до Киева, и далее.

У князей Вишневецких, Ружинских, Корецких и других Гедиминовичей не было тогда в здешней стороне владений ни родовых, ни выслуженных, а об их *углах* в Киевском воеводстве и говорить нечего. Когда в 1496 году в семье Казимиrowой было домогательство, чтобы великий князь Литовский Александр дал своему брату Жигимонту *угел* в земле Киевской, он так отвечал брату своему Альбрехту, королю Польскому: «панове рада великаго князства Литовскаго и вся земля того ни которым обычаем не хотят дозволити и допустити».

Князья Вишневецкие, Ружинские, Корецкие в те поры росли и множились на Волини, где и родимые гнезда их — *Вишневец*, *Ружин*, *Корец*; и были они лицами посторонними для первоначального козачества приднепровского, не принимавшими никакого участия не только в его *происхождении*, но и в дальнейшей судьбе его даже до половины XVI века. Итак, гедимино-княжеский элемент не имеет никакого значения в происхождении приднепровского козачества, которое и явилось в истории без него, и развилось не под его влиянием. Развилось оно в правление Жигимонта I под начальством *Евстафия Ивановича Дашковича*, бывшего *старостою Черкас-*

ким и Каневским с 1508 до 1536 года. К тому времени относятся и первое *гетманство* у козаков, начавшееся в 1516 году с *Предслава Ланцкоронского*. И когда началось запорожское гетманство вслед за коронным гетманством польским (начавшимся с *Николая Каменецкого*), тогда прежний Литовский гетман, князь Константин Иванович Острожский, был уже с титулом *наивысшего гетмана* (были вскоре после того еще *нагворные* гетманы Литовские).

Если бы княжеский элемент Гедиминова дома имел такое важное значение в происхождении козачества, какое придано ему у г. Антоновича, то козачеству и быть бы на Волыни, из общинного люда, находившегося под властью различных княжеских родов. Но на Волыни, столь изобильной князьями всякого рода, там-то и не было козачества. Не показывает ли это, что княжеский элемент был не способствующим, а препятствующим к происхождению козачества?

Обратимся к другому, народно-русскому началу — к *общинному устройству*. На него г. Антонович обратил справедливое внимание, а приложил его к делу следующим способом.

Чтобы открыть возможно больший простор к усилению общинного порядка в народе приднепровском и поставить его в прямое соотношение с воображаемыми здесь князьями Гедиминовичами, он выселяет отсюда несколько раз сословие древнерусских *бояр*.

Чтобы умножить население здешних общинников, он переселяет сюда общинников волынских, покидающих свой край вследствие усилившегося там владельческого гнета.

Для усиления отваги в приднепровском люде он ставит на вид постоянную опасность здешнего края от набегов татарских.

А для всего этого он полагает резкое различие Волынской земли от Киевской, происшедшее в половине XV века, оттого будто бы, что в 1434 году Подолье, а спустя *двадцать* лет и Волынь, были отторгнуты от Литвы и присоединены к Польше.

Против этого преждевременного присоединения Волынской земли от Литвы к Польше я возражал уже особою статьею в моем «*Украинце*» 1864 года. Там показано, кажется, ясно, что в половине XV века Волынь была окончательно утверждена за Литвою и оставалась за нею до самой Люблинской унии 1569 года. А потому напрасно положено у г. Антоновича, будто в половине XV века на Волыни русские бояре получили широкие права *шляхетства* польского, а сельские общины были ими вконец подавлены и низведены на уровень польского *посполства*, и вследствие того бояре *отхлынули* с Приднепровья на Волынь ради широких прав польского шляхетства, а сельские общинники бежали из Волыни в привольные места приднепровские.

Но здешним боярам не для чего было перебираться на Волынь, ибо как владельческие права, так и служебные обязанности этого упавшего в Южной Руси сословия были одни и те же на Волыни и в Приднепровье; Казиминова грамота 1457 года об уравнивании с правами Польской короны относилась ко всем областям Великого княжества Литовского. Все уставы, где идет речь о боярах — от Казимирова 1468 года до выданного в 1557 году Жигимонтом Августом, относились ко всему Великому княжеству Литовскому.

Бояре, жившие в Черкасщине и во всей земле Киевской, пользовались теми же правами относительно подданных им людей, какими пользовались князья и все *паны*, что подтверждено было и грамотою Александра Казимировича, данною 1495 года Черкасскому наместнику Кmite Александровичу.

Бояре, жившие на Волыни, так же как и бояре приднепровские, отбывали обязанность слуг *путных* и *панцирных* — и не только господарских или великокняжеских, но и просто княжеских слуг, при переходе государственных имений в частное владение разных князей. Это было и в первой половине XVI века. А во второй половине того века сословие волынских бояр в отношении к своим помещикам-князьям спускалось иногда на уровень *поспольства*! В том удостовериться можно, переглядев поголовно всех бояр, упоминаемых в «*Описании волынских замков*» 1545 года, в «*Жизни князя Курбского*» и в инвентарях, помещенных в 3-м томе «*Памятников*».

Между тем, несмотря на трехкратное выселение бояр из Приднестровья, предложенное в исследовании г. Антоновича, раз — после нашествия Батыева; в другой — после нашествия Гедиминова (когда, по его словам, «элемент боярский, уже раз разогнанный и ослабленный монголами, вследствие литовского завоевания почти окончательно исчезает в Приднестровской Руси»); в третий раз — в половине XV века, по случаю одного присоединения Волыни к Польше, — несмотря на все это, современные акты нам показывают, что и в половине XVI века *бояре* все еще жили в Приднестровской Украине и в самой *Черкасщине* вместе с *козаками*, нисколько не мешая развитию и усилению этого народного сословия, а вероятно, еще способствуя тому своим переходом из упавшего боярства в возрастающее козачество.

Таким образом, по указанию исторической действительности надо бы устранить из Приднестровской Руси на Волынь не бояр, а князей Гедиминовичей до половины XVI века (подобно тому как семейство Симеона Олельковича по его смерти перемещено было из Киевской земли в Пинскую).

Появление тех волынских князей в нашем козачестве и водворение их на Украине Приднестровской началось уже во второй половине XVI века.

Относительно *сельских общин* на Волыни, что они не были «вконец подавлены» еще с половины XVI века, можно указать на известную статью г. Иванишева, которая вся основана на общинах, существовавших на Волыни во второй половине XVI века и в начале XVII. Собрания сельских общин Луцкого повета даже назывались *вечами* в 1564 году, как и в древнее время. Что касается до бегства волынских селян на Приднестровье вследствие владельческого гнета, то я, не имея в виду положительных сведений об этом для XV века, приведу Вам следующее место из «*Описания волынских замков*» 1545 года. Князья и земяне, желая уравниения своих волынских *дворищ* со *службами* литовскими, говорили тогда о своем жительстве на пограничье и о *вольностях* подданных людей на Волыни, что если бы кто из них «в чем малом от панов своих был притеснен, на он же час, тоуж години прочь идет на границы лядский до короны Польское».

Возьмем, наконец, третье и самое важное условие, вызывавшее собою народ на козачество: татарские набеги. Волынская земля была так же в постоянной опасности от них, как и земля Киево-Переяславская. «Тут, на Волыни, — говорили те же князья и паны, — будь или нет перемирие с татарами, а мы редко сседаем с коней... Много братьи нашей до неприятельской земли в руки поганския взято!» Спусти четыре года, как они это говорили, т. е. в 1549 году, был новый татарский набег на их землю, и взят был в полон князь Вишневецкий с княгинею в его селе Передмирке. Видите, не было на Волыни недостатка и в этом условии козачества, а козачества там не было. Не ясно ли отсюда, что *начало общинное*, находясь под непосредственным господством элемента княжеского, не дает из себя козачества и при набегах татарских?

На этом можно, кажется, и кончить разбор мнения г. Антоновича о *происхождении козачества*.

Этим мнением воспользовался уже г. Коялович в своих «Лекциях по истории Западной России». Заимствовав некоторые существенные черты, он исключил элемент княжеский, но странным способом: поставленных одновременно на гетманство князей Гедиминовичей и с ними Ланцкоронского (этого *сердечного ляха*, из пределов Краковских), г. Коялович обратил в обыкновенные *дворянские роды*, уцелевшие в небольшом числе на Руси Приднепровской. Вот что сказано у него в конце одиннадцатой лекции о бытии нашего *приднепровского козачества* с конца XV века:

«Сильное в малороссийском племени общинное устройство давало возможность легко и скоро составлять самобытные, независимые военные общины, которые выступали против неприятеля. Этому помогала также малочисленность в Малороссии людей высшего сословия, для которого жизнь была очень неудобна. Немногие жившие здесь *дворянские роды* поневоле сближались с народом, проникались его стремлениями и становились во главе козацких отрядов в качестве их гетманов. Такими гетманами *одновременно* бывали в разных местах Малороссии: *Вишневецкие, Корецкие, Конецпольские* (т. е. Ланцкоронские?), *Рожинские*. В XVI веке, когда Крымское царство очень усилилось, все козацкие группы стали сливаться и народные начала начали получать *решительный перевес*. Гетманы *чаще и чаще* (!) являлись по избранию народа» и т. д.

Но Ланцкоронские, Вишневецкие, Ружинские были козацкими гетманами *разновременно*, в продолжение всего XVI столетия, а не в начале его и в конце XV, и *не одновременно*: это исторический призрак, от которого следует отказаться и г. Антоновичу, и его последователю г. Кояловичу. Не правда ли?

Листы 1 та 2 — День. 1863, № 44, 46; листы 3—5 — Киевлянин. 1865, № 23—25

Сказание о гетмане Петре Сагайдачном

Несмертелнои славы достойный гетмане,
Твоя слава в молчаню негда не зостане;
Поки Днепр с Днестром многорыбные плынути
Будут: поты деятельности теж твои слынути.

Из книги «Вирши» 1622 г.

О нем узнал я из вкладной
надписи на рукописном
Евангелии, подаренном
козаками 1660 года в полко-
вую Переяславскую Воскре-
сенскую церковь, где нахо-
дится оно поныне.

*

После Наливайка, сожженного на площади варшавской 1597 года, на Украине промелькнуло два или три козацких гетмана, не замеченных бытописанием. Таков был, например, гетман *Гаврило Кортневич**, находившийся 1600 года в земле Молдавской, где и запорожцы со своим кошевым атаманом *Косткою* помогали тогда полякам против волохов. Вслед за тем и украинские, и запорожские козаки своим участием в Шведской войне и наездами на Лифляндию оказали немалую услугу Польше. При том же у Польши зачиналось большое дело с Москвою; а потому не дивно, что козачеству в 1601 году даровано было от короля прощение и возвращение разных прав и вольностей. Ободренные этим запорожцы не замедлили выбрать себе гетмана, по стародавнему обычаю — вольными голосами, и выбрали *Петра Конашевича Сагайдачного*.

**

В поминании о гетмане
Сагайдачном в старом по-
мяннике Михайловского мо-
настыря записано:
«Помяни, Господи, души раб
Своих: Петра, Конана...» и
проч. Во второй половине
XVII века известен *Григорий
Сагайдачный*, бывший коше-
вым атаманом Запорожской
Сечи. Без сомнения, к нему,
а не к гетману Петру,

Сей достопамятный муж был родом из Подгорья Червонорусского, сын самборского шляхтича Конана, или Конаша, Сагайдачного**. Образование свое получил он на Волыни, в знаменитом училище Острожском, которое под исход XVI столетия было средоточием и рассадником возрождавшегося просвещения южнорусского. По окончании наук в том училище Сагайдачный поступил на службу в Запорожское войско и там за свою *рыцарскую дельность* почтен был от козачества выбором в старшины и наконец в гетманы.

По следам прежних козацких вождей Сагайдачный со своими запорожцами беспрестанно воевал татар и турок на

море и суше и своими неотразимыми победами грозно прославил свое имя. В длинном ряду тех побед, к которому принадлежит и взятие Варны в 1605 году, особенно славилось взятие города Кафы в 1606 году. Там Сагайдачный погромил 14 тысяч мусульман, перетопил и пережег их *каторги*, т. е. галеры, освободил множество пленных христиан и навел страх на самого султана.

Запорожское товариство так охотно и неутомимо подвигалось в те времена на Черноморском Юге не из одной добычи: его устремляло туда и освобождение христиан, томившихся тысячами в плену мусульманском, и

*...тая козацкая слава,
Що по всьому свету дыбом стала,
Що по всьому свету степом розляглась-простяглась,
Да по всему свету луговым гомоном роздалась,
Туреччине да татарщине добрым лихом знати далась*.*

А между тем как Сагайдачный громил татар и турок, Польша устремлялась и нападала на Московскую Русь, обуреваемую тогда смутами самозванств и междуцарствия. Гетманы польские наводили на нее и украинских козаков; впрочем, Москве тогда было гораздо тяжелее от своего собственного, великорусского козачества.

В том страшном беззастенчивом Русской земли истомленная Москва провозгласила своим царем польского короля Владислава в августе 1610 года и уже находилась в распоряжении поляков. Но король Жигимонт III, захотевший тут и себе власти, не сумел удержать Мономахова венца за своим сыном и простоял его под Смоленском: народная вера и сила Великой Руси взяла верх над польским насилием, освободила свою белокаменную Москву, и в ней воцарился юный Михаил Федорович Романов.

Пятый год уже царствовал на Москве избранник народный, как Владислав собрался наконец явиться на Русь и взять вооруженною рукою утраченное для него царство. В ту пору и Сагайдачному довелось обнажить меч на единоверную Москву. За это историк Бантыш-Каменский налагает на славного гетмана «укоризны потомства». Но историку не должно забывать, что Киевская Русь принадлежала тогда Польской короне, и Запорожское войско звалось «войском его королевской милости», что Сагайдачный шел на Москву не для себя, а в помощь своему королевичу, все еще именовавшемуся царем Московским. При том же нашествии Западной Руси на Восточную со времен Батория были уже принадлежностью роковой борьбы Польши с Москвою, а не прежнею самопроизвольною уوبيцею разрозненных частей Русского мира.

«В поле съезжаются, родней не считаются», — говорит русская пословица; и Сагайдачный, идучи войною к Москве, не мог же быть *фельдмаршалом мира*, как называл себя впоследствии знаменитый украинец, любимец Елисаветы**. Грозный гетман с 20-тысячным войском выступил в поход весною 1618 года. Прежде всего он осадил и взял город Ливны, полонив и воеводу тамошнего, князя Никиту Черкаского. Затем взял он хитровоенным приступом город Елец, при чем воевода Андрей Полев, которому «осадное сидение было не за

относится известная запорожская песня о *Сагайдачном*, «шо проминяв жинку на тютюн да люльку». Об этом я подробно изъяснил г. Срезневскому в моей статье о *гетмане Сагайдачном*, напечатанной в «Москвитянине», 1843, № 10. Там я опровергал и другие недоумения позднейших писателей о нашем гетмане. А что он был *дворянского*, а не *низкого*, происхождения, как написал в «Истории» своей Бантыш-Каменский, об этом, кроме современника Ерлича, пишет и Величко в своей летописи.

*

Из украинской думы
«Поход на поляков 1637 г.»
См. мой «Сборник украинских песен», ч. I. Киев, 1849, с. 59.

**

Генерал-фельдмаршал граф
Алексей Григорьевич
Разумовский.

**Петро Сагайдачний.
Портрет XVIII ст.**

*
Описание московского похода взято мною из «Летописи о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей» (СПб., 1772).

обычай»*, был убит, а жена его досталась в полон. Тут же добычею козацкою стало и московское посольство в Крым со Степаном Хрущовым и подьячим Семенкою Бредихиным. После Ельца осажден был жестокими приступами город Михайлов, при чем михайловцы не щадили своих голов.

Навстречу Сагайдачному отряжены были царем Михаилом из Пафнютьева монастыря к Серпухову князя Дмитрий Пожарский, освободитель Москвы, и Григорий Волконский. Но в их неустроенном войске произошло разладье и волнение, и козаки их пустились на грабеж; князь Пожарский сильно заболел и по приказу царскому воротился в Москву; а Сагайдачный, осилив москвитян при переправе через Оку, приближался к Москве тихо и беспрепятственно по Каширской дороге. Когда передовые отряды его показались у Донского монастыря, бояре выступили из Москвы со всею ратью; но «грех ради наших, — говорит летопись, — ужась их взя, и они бою не поставиша». Запорожское войско прошло спокойно мимо Москвы к королевичу, стоявшему в семи верстах от столицы.

Тогда Владислав отрядил своего полковника Чаплинского к Переяславу-Залесскому, но тот без удачи нападал на Троицкую Лавру и через день или два был убит от троицких служек. Осада Москвы поручена была королевичем гетману Сагайдачному, и для приступа назначена была ночь под праздник Покрова. Два перебежчика («французские немцы») предупредили об этом Москву, и она поспешно укрепилась у всех ворот. Судьба ее была в опасности, ибо войско в ней было малочисленно. К полуночи Сагайдачный со всем своим войском был уже у Арбатских ворот, и уже выломаны были петардою ворота Острожные. Но при первой стычке с москвитянами гетман прекратил осаду... Отчего же? Оттого, я думаю, что осада Москвы была ему не по мысли; в противном случае, как ни любил он сберегать своих козаков и как ни силен мог быть первый отпор ему от москвитян, но, привыкший к победам и взятию городов, имея у себя под рукою надежное и многочисленное войско, грозный гетман не покинул бы так скоро начатого дела. Его козацкое сердце могло смутиться от той мысли, что он начал крушить единовенную ему русскую столицу для того, чтоб отдать ее в руки иноверца... И, может быть, такое раздумье пришло к нему в тот самый час, когда Москва звоном колоколов своих позвала православный народ к заутрене на праздник Покрова, и руки осаждавших ее козаков невольно поднялись на крестное знаменье. В тот час благочестивый гетман, уже исполнив свой подданныческий долг взятием меньших городов и приступом к самой столице, мог безукоризненно отойти от молящейся Москвы... Впрочем, это мое личное мнение; в летописи московской говорится следующее:

«Едва Бог сохранил царствующий град Москву; помощью же Пречистой Богородицы, славного ея Покрова, тех литовских людей от города отбиша, и многих людей у них побиша; гетман же отыде прочь и ста опять в таборах... Государь же поставил храм каменной, по обету своему, во имя Покрова Пречистыя Богородицы, во дворцовом селе Рыбцове» (что называлось и селом Покровским). В память того же случая есть и придел Покрова при Арбатской церкви Николы Явленного, устроенный также царем Михаилом Федоровичем.

Изведав новую неудачу, Владислав потребовал съездов, которые происходили на речке Пресне. Однако на тех съездах мирный договор не состоялся. Тогда Владислав, отрядив Сагайдачного на Калугу, сам двинулся под Троицкую Лавру. Но там и подавно не было ему удачи, а между тем лютый мороз и голод становились невмоготу; и московский поход Владислава кончился первого декабря Деулинским перемирием на 14 с половиною лет, причем Москва поплатилась своему обыденному царю уступкою Польше Смоленска с Черниговом и другими городами сиверскими. Тогда и Сагайдачный со своими *черкасами* (так называли запорожских и украинских козаков москвитяне) выступил из Калуги, причем триста козаков воротились к Москве «на государево имя».

Выступая в поход на Москву для Владислава, считавшегося у поляков русским царем, Сагайдачный, конечно, помышлял уже о соединении Киевской Руси с Московскою. Но этому соединению суждено было совершиться под властью не чужеземного иноверца, а православнорусского царя, и при-

том тогда уже, когда и Москва успокоится и окрепнет после своих роковых бурь, и Киевская Русь, подобно ей, своим «соединением и укреплением против поляков» освободит себя от их тяготы и будет самостоятельной. А чтобы достичь этого Киевской Руси, ей надо было сперва восстановить свою православную митрополию. Вот подвиг, предстоявший Сагайдачному как главе козачества. Ибо с той поры как над Южной Русью отяготела уния и осиротила ее православную церковь, южнорусскому козачеству выпал жребий: явиться представителем и защитником обиженного народа своего и отстоять свою праотеческую веру от гонения и насилия западного.

Но козацкое ополчение гетмана Наливайка и его гибель показали, что в ту пору для Украины еще безвременна была борьба с Польшею. В то время была еще и надежда, что козацкою заслугою Польской короне можно облегчить злополучную участь народа украинского и его церкви. Эту надежду поддерживали разные королевские привилегии и сеймовые конституции; но они составлялись и писались обыкновенно тогда, когда Польской короне наставала нужда в козачестве, и редко были исполняемы на самом деле. Дух вражды устами иезуитов непрестанно шептал в уши полякам верогонение и неразумную гордыню; и только грозное имя Сагайдачного сдерживало еще их разъярение на православных украинцев. Можно сказать, что достопамятный гетман был хранительным щитом Украины и сделал для нее все, что только можно было сделать тогда подданному польского короля, не поднимая оружия на поляков, как это впоследствии пришлось сделать Богдану Хмельницкому, когда пропала уже вся надежда и все терпение долготерпеливого народа.

Воротясь из похода московского в 1619 году, Сагайдачный обратился вновь с просьбою к королю о восстановлении прав Восточной церкви в областях южнорусских. Жигимонт обещал, но обещание его не исполнялось, и внутренний раздор, произведенный унией, не унимался.

Вероятно, к этому времени принадлежало то не известное нам писание Сагайдачного об унии, которое канцлер Сапега в письме к Иосафату Кунцевичу называл *прегражденным*.

В это же время поминуются в бытописании два козацких гетмана: *Кушка*, попавший в плен туркам, а вслед за ним *Бородавка*, которого увидим после. Не видно, однако, были ли это только *наказные* гетманы или же поставлением их коронный гетман Жолкевский думал по-прежнему забрать в свою власть украинское реест-

Петро Сагайдачный.
Гравюра 1622 р.

ровое козачество и убавить возраставшую в народе силу и власть гетмана Сагайдачного.

Между тем пять тысяч запорожцев под конец 1619 года ходили на крымских татар и разбили их по сю сторону Перекопа под самую стеною и освободили множество пленных христиан. По этому случаю Сагайдачный нарядил атамана Петра Одинца в посольство к Московскому царю с предложением служить ему своими головами против общего врага христианства. Козацкие послы с гетманскою грамотою к царю и с двумя татарскими языками приехали в Москву в конце февраля 1620 года; приняты были ласково и милостивно; однако у самого царя они не были, ибо тогда была Масляница. Их принимал боярин и наместник Коломенский князь Дмитрий Михайлович Пожарский. «Не оскорбляйтесь, — говорил он, — что не видели есте очей его царского величества: вы есте пришли к Москве перед постом, а в пост у великого государя нашего никакие послы и иноземцы не бывают; а ныне царское величество едет молиться к святым местам и велел вас отпустить». Козаки обдарены были деньгами, камками, тафтами, сукнами и шапками; и послано было Запорожскому войску от царя «легкое жалованье триста рублей», а на грамоту гетманскую царь отвечал своею грамотою, данною 21 апреля 1620 года.

В то же время Иерусалимский патриарх Феофан возвращался из Москвы, где он (23 июня 1619 года) посвящал на патриаршество Филарета Никитича, отца Михайлова. По дороге от Путивля посетил он новоустроенную обитель Густынскую под городом Прилуками. Козаки с гетманом Сагайдачным проводили его в Киев, поместили его на Подоле, в братстве Богоявленском. «Аки пчелы матицу свою, тако святейшаго отца и пастыря овцы словесныя от волков противных стражу», — говорит Летописец Густынский*. Тогда настала важная година в жизни православного народа, подвластного Польше: со всех сторон стекался он в Киев, чтобы увидеть святителя Иерусалимского и принять от него благословение и совет. И много в продолжение того лета было в Киеве совещаний и дум у всех людей, как светских, так и духовных; и казалось, сама земля Русская сочувствовала им своим потрясением**. Гетман Сагайдачный и другие православные просили патриарха, чтобы поставить им митрополита и епископов на места, занятые униатами. Но Феофан колебался, опасаясь короля, преданного иезуитам, и не имея согласия от патриарха Царьгородского, которому издревле была подвластна митрополия Киевская.

Между тем настала большая необходимость для Польши в гетмане Сагайдачном: без него она потерпела в том году страшное поражение от турок под Цецорою, где убиты были и горделивый томитель Москвы и козачины коронный гетман Жолкевский, и любимый им козак, Чигиринский сотник Михайло Хмельницкий, отец Богдана. Польша немедленно задумала двинуться вновь против турок всеми силами, под главным начальством королевича Владислава; и на совет об этой войне позван был в Варшаву Сагайдачный — «справца великий и добрый, на которого много полагались в совете; и как он советовал, на то соглашались паны гетманы и королевич

Сказание о гетмане
Петре Сагайдачном

Герб Війська Запорізького.
1622 р.

*
«Летописец о первом зачатии и создании святыя обители монастыря Густынского» напечатан 1848 в «Чтениях Моск. общ. ист. и древн.». Из этого Летописца я заимствовал все подробности о местах, месяцах и днях посвящения митрополита и епископов, переменив только 1622 год, ошибочно показанный в Летописце, на 1620. (Там же ошибочно показано митрополитство Исаян Копинского с 1633 года, а митрополитство Петра Могила — с 1635-го: первое началось с 1631, а второе с 1633-го.)

**
«Тогда же и земля тряслася в неделю о пешпорной године», — говорит Летописец Густынский. «В той же час в день суботный земля ся трясла о године 20 же, из окон шибы выпадали, шкляннице из столов спали, и люде в страху были великом», — говорит Львовская летопись, напечатанная в «Русском историческом сборнике», т. III, 1839. Там это описано под 1619 г., но ошибочно, вместо 1620, а сказанное за тем под 1620-м годом, принадлежит к 1621-му.

*

Записки Якіма Олизаровича *Ерлича*, дворянина Киевского воеводства, ведены с 1620 по 1671 год на польском языке и в подлиннике названы *Летописцем*. Жаль, что до сих пор никто не издал их: в них много любопытных заметок для истории.

его милость», — говорит современник Ерлич*. Запорожскому гетману поручено было военачальство над всем козачеством. «Я на твою опеку посылаю моего сына», — говорил ему король. Сагайдачный радостно спешил в Киев; и здесь он решил просить патриарха исполнить то, чего так давно ждал и чего так желал теперь православный народ южнорусский.

И вот, в Богоявленской церкви, в четверг 6 октября патриарх Феофан с Неофитом, митрополитом Софийским и с Авраамием, епископом Стагонским посвятил на епископство Перемышльское *Исайю Копинского*, который лет за шесть был вызван из 15-летнего отшельничества своего в пещере Антониевой, на устроение Густынского монастыря и уже третий год был игуменом Межигорским. А в следующее воскресенье, 9 октября, в великой церкви Печерской совершилось посвящение в Киевские митрополиты *Иова Борецкого*, игумена Михайловского, который особенно любим был в народе за свою добродетельную жизнь и славился ученостью. Тогда же на епископство Туровское и Пинское поставлен грек *Авраамий*, епископ Стагонский; а в начале декабря по выбору и прошению вильнян посвящен в архиепископы Полоцкие Мелетий Смотрицкий, недавний архимандрит Святодуховского Братского монастыря в Вильне.

Так восстановлена была в 1620 году православная Киевская митрополия после 25-летнего сиротства.

В январе следующего года патриарх Феофан простился с Киевом. Зима стояла крепкая. Остановясь на отдых в козацком Терехтемировском монастыре, патриарх посвятил тамошнего архимандрита *Иезекииля Курцевича* на епископство Владимирское и Берестейское. Из Терехтемирова митрополит Иов со всеми епископами и гетман Сагайдачный с тремя тысячами козаков, и множество других людей духовных и светских провожали патриарха до волошской границы.

Во время отдыха в городе Белой Церкви посвящен был на епископство Луцкое и Острожское *Исакий Борискович*, игу-

Кафа. Гравюра
1640-х років

мен Чернчицкий, ученик патриарха Мелетия, около 20 лет находившийся на Востоке и на Афоне. Вслед за тем Феофан со своими провожатыми гостил три дня в городе Животове у благочестивого князя Стефана Четвертинского и там посвятил *Паусия Ипполитовича* на епископство Холмское и Белзское.

Наконец, в городе Буше они расстались, и много печали и плача было при разлуке. «Поучаше бо тогда святителей своих, — говорит Густынский Летописец, — содержатися истиннаго благочестия, смирения и любви; скорби же и гонения со всякою покорою переносити; такожде и все благочестивое воинство благословяше, ставше на торжищи посреде града, всем во слух глаголаше им с зельным усердием поучение, тоже молитвы прощальныи и раздрешительныи, преклонным им всем главы своя ниц на землю; по сем увещевая их, дабы от того времени не ходили на Москву, на род христианский, бранию».

С наступлением лета приспевал срок похода Хотинского. В августе 1621 года Сагайдачный с 40-тысячным козацким войском был уже у Днестра. Во Львове он свиделся с королевичем Владиславом как *директором* Хотинской войны.

Польского войска коронный гетман Ходкевич успел собрать 57 тысяч, а именно: конников в железных латах 12 тысяч, панцырников 4 тысячи, пехотных поляков 30 тысяч, пруссов и поморян 8 тысяч да наемных утров 3 тысячи, да еще с королевичем пришло под Хотин 30 тысяч. А неприятельская сила состояла в 300 тысячах турок и в 100 тысячах татар; и когда явился там Осман, хвалившийся «в войске козацком снедати, а в обозе польском обедати», то немедленно зачались сражения. Первая схватка произошла 2 сентября, еще до прибытия Владислава.

Турки с первых дней напирали особенно на козацкий обоз, стоявший на челе к обозу султанскому и укрепившийся окопами. Но козаки после жарких пушечных перепалок дали наконец сильный отпор и, гонясь за ними, ворвались было в турецкий обоз и только потому не овладели им вполне, что коронный гетман отказал в подмоге. Такая неправда произвела ропот в козацком войске. Но Владислав, уведомленный о том гетманом Сагайдачным, поспешил нарядить депутатов, в числе которых был известный историк Яков Собеский, кастелян Краковский, отец храброго короля Яна. Он произнес в козацком обозе убедительную речь, после которой гетман Сагайдачный со старшинами склонился на их сторону, и козаки утихомирились. Они радовались тою вестью, пришедшею 6 сентября, что товарищ их, Богдан Хмельницкий, ходивший особо с 10-тысячным козацким отрядом на Черное море, разбил и потопил 12 турецких галер, а остальные преследовал до самого Царьгорода и навел страх на царьгородцев, окутивши их пороховым дымом*. А между тем 7 сентября в польском обозе обезглавлен был гетман Бородавка, по военному суду, за ту вину, что он с трехтысячным отрядом козаков опоздал явиться под Хотин, гонявшись в походе за добычею. Через три дня после того и королевич, и коронный гетман заболели лихорадкою, продолжавшеюся две недели. Владислав оправился, но Ходкевич умер 24 сентября. Нельзя не вспомнить здесь и того, что в числе воевавших под Хотин

*

Об этом черноморском промысле говорится и в королевском листе Сагайдачному 1622, янв. 12 и в *диаруше* Титлевского, и у Твардовского. Итак, напрасно пишут, что Богдан Хмельницкий, взятый под Цецорою в полон, оставался в нем два года.

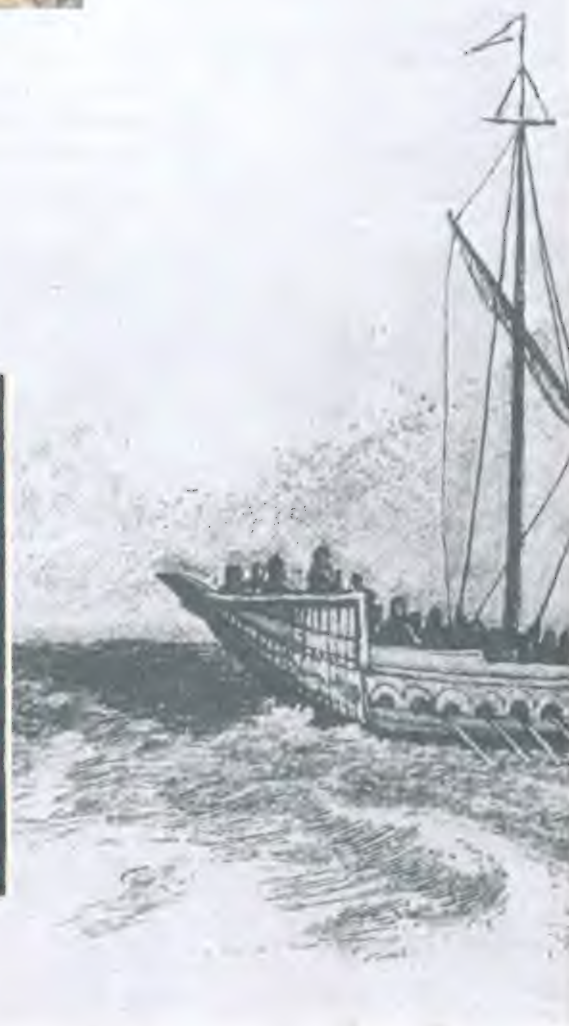

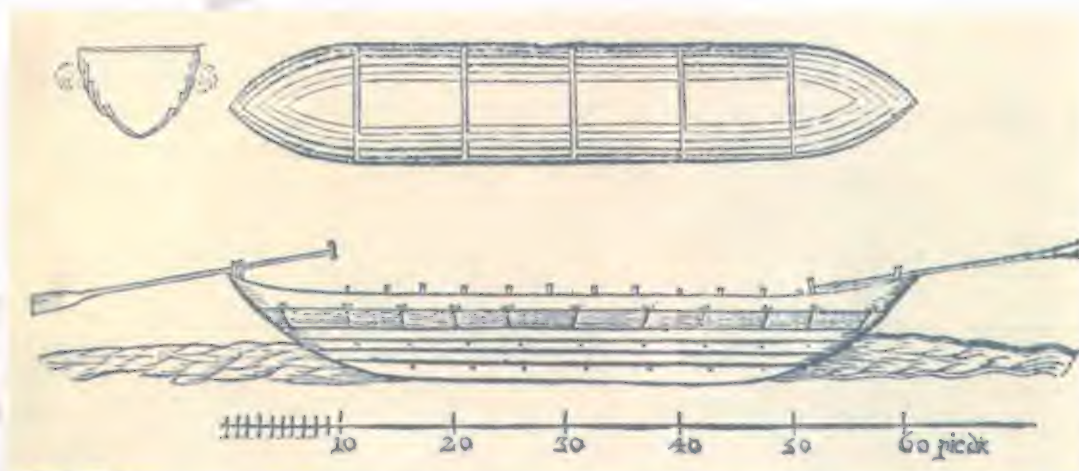
Марія Єгипетська
в козацькому човні.
Фрагмент лемківської ікони.
Друга половина XVII ст.

Сутичка запорожців
з турецькою галерою
(за О. Сластіоном)

Здобуття Кафи. Гравюра
1622 р.

Козацька чайка
(за Г. Левассер де Бопланом)

Битва на Чорному морі.
Турецька мініатюра початку
XVII ст.

Турецька зброя XVII ст.:
ніж і шабля у піхвах

в рядах польских был *Петр Семенович Могила*, 24-летний воеводич Молдавский, через четыре года постригшийся в монахи печерские.

Война Хотинская длилась пять недель и кончилась тем, что грозный Осман, несмотря на многочисленность своего войска, пожелал мира, который и заключен был 8 октября на условиях, выгодных для Польши.

Октября 12-го польское войско на поле битвы выстроилось наподобие орла с распростертыми крылами, и на челе его стал Владислав, облеченный в порфиру поверх блестящего вооружения. К полудню турецкий царь вывел свое войско и, построив его в виде полумесяца, стал в его челе. В таком строю два войска простояли недвижимо около часа друг против друга. А между тем султан послал огромного слона и отборного коня в дар королевичу, а Владислав послал ему в дар тоже нарядного коня да две пушки отличной работы. Наконец турки наклонением своих вый и с ними знамен своих простились с польским войском, а поляки откланялись турецкому войску поклоном своих голов.

И когда турки отошли восвояси, Владислав отправил из своего главного обоза раненых и больных, выступил из старых окопов на свежее место и принялся торжествовать свою победу. Славянорусская народная поэзия издревле изображала битву свадебным пиром. У поляков это происходило в лицах. Они выезжали на войну, как на свадебный праздник, в блеске и роскоши, и любили воевать со всею прохладою яств и напитков; не то что в козачестве, любившем суровую простоту жизни и долго державшемся старого обычая своего: не пить вовсе вина во время войны.

Пируя весело свою победу, Владислав послал в козацкий обоз, стоявший на выстрел из лука от обоза польского, множество харчей, навезенных из окрестных городов и сел; а на попойку козакам прислал 25 больших бут волошского вина, 48 бочек меду, отысканного в Каменце, и 24 большие куфы горелки. Для гетмана особо присланы были, кроме разных яств и сластей: 7 анталов лучшего венгерского вина, бочка рейн-

Турецькі порохівниці XVII ст.

ского, небольшая бутя котнарского да погребец с дюжиною полугарнцевых золочено-серебряных фляжек, наполненных разными лекарственными водками. Но Сагайдачному тогда было не до напитков и сластей — он лежал на одре болезни под тяжелыми ранами. Соболезнуя о том, Владислав прислал ему свою кармазиновую палатку, подшитую зеленой венедскою адамашкою.

По окончании восьмидневного пира на рассвете 21 октября ударили в бубны к походу. Владислав, полюбивший козачков и полюбленный ими, прибыл с полуторастами всадников в козацкий обоз проститься с гетманом и Запорожским войском. Выказав благодарность свою за их щирую и верную службу, он подошел к Сагайдачному, приподнятому с постели и поставленному на ноги, и возложил на него драгоценный *щирозлотный канак* на фиолетовой ленте, украшенный с одной стороны королевским портретом и рубинами, а с другой — гербовым одноглавым орлом и сапфирами. Потом, увидав пароконную простую кибитку, вымощенную сеном и подушками и прикрытую коврами, он догадался, кому она приготовлена, и, пошутив над нею, велел поскорее привезти свою *лектичку* с балдахином из зеленого с золотыми цветами таби на на паре легких коней в золоченых шорах и подарил ее больному гетману на дорогу; а на прощанье назначил к нему еще своего придворного доктора-француза.

Того же дня выступили в поход. Сагайдачный по желанию Владислава оставил недели на три под Хотинем пять тысяч отборного козацкого войска для сторожи, а остальных распускал по домам в продолжение возвратного похода. Сам же он прибыл в Киев перед Филипповскими заговенами, без триумфов и парадов; его, полумертвого, встретила и приняла в своем доме только плачущая жена его Анастасия, урожденная Повченская.

Мелетій Смотрицький.
Портрет XVIII ст.

По представлению Владислава король Жигимонт, признавая всю заслугу козацкого войска, прислал ему в Киев со своим придворным подскарбием наградные деньги да королевскую хоругвь, булаву в три тысячи талеров и золотую цепь в пятьсот талеров гетману Сагайдачному с похвальною королевскою грамотою, данною в Кракове 12 января 1722 года. В той грамоте между прочим сказано: «Мы, довольные вашею преданностию и усердием к Нам и ко всей короне Польской, которые вы показали военными подвигами вашими под Хотинном, изъявляем вам и всему войску нашему Запорожскому милость Нашу и признательность, которую во всех потребностях и нуждах войска охотно оказывать обещаем; и сколько оказал вам некогда милости и расположения славный предшественник Наш найяснейший Стефан Баторий, король Польский, умножением прав и вольностей ваших, Мы не отречемся даровать вам против того вдесятеро, чего пожелаете от Нашей милости. Теперь

же, награждая малым подарком упомянутое мужество ваше и труд под Хотинном, посылаем из Нашей казны королевской чрез придворного подскарбия 400 тысяч битых талеров, которые должны быть разделены поровну и розданы 50 тысячам всей черни войсковой, как тем, которые были под Хотинном, так и находившимся на военном промысле с Хмельницким на Понте Эвксинском, не минуя родичей и вдов товариства козацкого, положившего свои рыцарские головы в военных действиях сего года. При том особо вашей гетманской милости со всею старшиною посылаю 4 тысячи червонцев, которые разделите между собою по справедливости и усмотрению вашему».

В ответ на то, выражая благодарность свою королю, в письме от 15 февраля гетман Сагайдачный изобразил в нем и ту скорбь души своей, которая присоединялась к его страданиям телесным.

«А любо, — писал он, — з стороны высокодумных и велможных их милостей панов коронных — Вишневецких, Конечпольских, Потоцких, Калиновских и иных на Украине, власной предковечной отчизне нашей власть свою неслухне роспростирающих, повевают на нас, войско Запорожское, холодныи и неприязненныи ветри, хотящии славу нашу в персть вселити и нас, братию свою, верных Вашего найяснейшого Величества и всей короне Полской слуг, в подданство и ярмо работническое себе безбожне наклонити; однак уповаем, же кгда Ваше Величество восхощет и повелит, то внет бури и ветри оные престанут и в тишину преложатся. И не так нам есть жалостно на панов преречонных, яко на их старо-

сток, нецнотливых сынов и пьяниц, которые ни Бога боятся, ни премощных Вашего найяснейшего Величества монарших мандатов слушают; бо скоро я, гетман, по указу Вашего Величества на Хотенскую военную службу з козаками з Украины выйшол, тогда они, старостки, зараз козачок бедных зачали на всякие роботизны, без жадного обзору и призрения, часто выгонити, бити и вязнями неслухающих мордовати; що тяжко и жалосно козакам, з службы Вашей монаршой военной, з ранами еще неугоенными и червей полными повернувшим, было от жен и матерей своих слышати, и слезы з очес их точащиеся видети... Ваше же найяснейшее королевское Величество, яко отец милостивый и пан наш найласкавший, и по сем коротком донесеню нашем может своевольных старосток и праволомцев (которые на особливом реестрику выражаются) усмирити и покорити; а козаков бедных от их безбожных насильств, напастей и тяжестей защитити и освободити. Кгдыж, если они, козаки, не получают в том Вашего королевского найяснейшего Величества призрения и респекту, то же бы що новое от них (як уже и пошемруют) не уродилося и огня гневного (чого не дай, Боже) не запалило; в який час, уже не на козаков, але сами на себе и на своих пьяниц старосток велможныи их милость панове польскии нарекати и жалковати мусели бы».

Чувствуя приближение свое к кончине, Сагайдачный в последних числах марта отпустил от себя королевского придворного доктора со следующим прощальным письмом к королю.

«Найяснейший королю полский и наймилостивейший мой пане!

Поворочаючи з-под Хотеня додому, любю Светлейший Ксёнже принц Владислав, наймильший Вашего Королевского Величества сын, а мой найласкавейший добродей, для улечения смертельных ран и болезней моих придал мне лекаря своего, однак изнемогают там все того лекаря лекарственныи медикамента и дощепы, где ядовитыи пострелы бесурманскии, в тело мое потрафивши, все майстерства лекарственныи упредили, и смертотворный яд свой внутрними действиями во все составы и жилы мои розливши, латвую и уже видимую не ко животу, но ко гробу устрояют мне дорогу; бо чим далей, тым барзей изнемогаю и до кончины приближаюся. Для чого, не смеючи болшей и доктора Вашего найяснейшего Королевского Величества при себе удержовати, з достодолжным служебничим за него благодарением отпускаю его до двору Вашего найяснейшего Королевского Величества.

Сам теж приближаючися ко дверем гробным, отдаю под ноги Вашего найяснейшего Королевского Величества найнижайший остатний уклон мой; и уже не надеючися болшей видети в жизни сей найяснейшего лица и ласкавых ку себе очес Вашего Королевского Величества, последним листовным пожегнанем жегнаю превысокие Вашего найяснейшего Королевского Величества наймильшого сына Вашего, моего же директора и найласкавшего добродея светлейшого Ксёнженца принца Владислава персони. Где яко упрейме зычу, абы Господь Бог всемогущою силою сохранил Вашего найяснейшего Королевского Величества и наймильшого сына вашего принца Владислава здоровье, при щасливых

Студенти
Киево-Могилянської
академії. Гравюра 1713 р.

всегда Ваших и державы Вашея, короны Полския сукцессах; так и прошу покорне Вашего найяснейшого Королевского Величества прощения, в чем бы колвек згрубил и погрешил, яко человек, пред найяснейшим Вашого Величества маестатом.

Пан доктор Вашего найяснейшого Королевского Величества, будучи при мне в Киеве чрез час немалый, яко присмотрелся добре безпрестанным многих козаков, от панов полских и их старосток разными способами оскорбленных и бедствуемых, сквиркам, плачам и опеляциям, до мене заношенным; так о всем том может ретелне словесно донести Вашому Величеству, если Ваше найяснейшее Величество рачит его о том спытати и милостиво послухати. А я, монаршие Вашего Королевского Величества нозе смиренно обнявши, покорне и слезне прошу, дабы тое козакам творимое бедствие и озлобление превысоким и грозным Вашего найяснейшого Величества мандатом было запрещено и ускромлено. Особливе уния, за милостивым Вашого найяснейшого Королевского Величества позволением теперь з Руси чрез святейшого Феофана патриарха Иерусалимского знесенная, абы впредь в той же Руси никогда не обновлялася и своих рогов не возносила. Мають абовем отци езуиты и все духовенство костела Римского (и без нас, православных) кого до унии своеи наворочати и присвояти, тых народов, которые отнюдь не ведают и не верят Христа Господа, плотию в мир пришедшого. А мы, православныи, древних святых Апостолских и Отческих преданий и догматов без жадной унии и схизмы придержащися, не отчаеваемся нашего спасения и блаженного живота вечного.

Сии две мои, верного Вашего Королевского Величества слуги, желания, ежели рачиш и наймилишим детем своим по себе милостиво прикажеш учинити и непременно всегда заховати, то и панование их и целой Короны в тишине и благовременном от всех неприятельских наветов покои завше будет и преизбудет; чего я и повторе всеусердно желаю, з Киева, марта числ последних, року 1622.

Вашому найяснейшому Королевскому Величеству верный и найнижший слуга

Петро Конашевич Сагайдачный, гетман Войска Запорозского».

Хотинским походом гетман Сагайдачный довершил военное поприще свое и последние пять месяцев жизни посвятил преимущественно заботам и печалям об успокоении и внутреннем благе Украины. Особенно обратил он свое попечение на Боявленское Киевское братство, в которое записался он со всем Войском Запорожским* и пожертвовал несколько тысяч на обновление Боявленского монастыря и на содержание братской школы, почему и называется *ктитором* Братского монастыря**. Не забыл Сагайдачный и о своей Заднепровской родине и отказал полторы тысячи золотых червонных на школу братства Львовского. Определив вклады и другим монастырям, церквам и школам и назначив опекунами жене и повинным своим митрополита Иова и будущего своего преемника в гетманстве Олифера Голуба и совершив по долгу благочестия последние обряды христианские на Страстной и Светлой седмицах, славный гетман окончил жизнь на Проводной неделе 10 апреля. Погребен в Братском монастыре, при училищной церкви. Над телом его при погребении двадцать студентов произносили стихи, сочиненные тогдашним ректором Кассианом Саковичем, а на могильном камне ему вырезано было следующее надгробие:

*Тут зложил Запорозкий гетман свои кости,
Петр Конашевич, ранний в войне: для волности
Отчизны, кгда нань турцы мощно натурали*

*

Не разумея, что значило записаться в православное братство, Энгель в своей «Истории» сказал, будто Сагайдачный постригся в монахи; и эта ошибка через «Историю»

Бантыш-Каменского распространилась и у нас. Но Сагайдачный в монахи не постригался!

**

Например, в летописи малороссийской (помнится, Грабянкиной) сказано: «Року 1622 Петро Сагайдачный, славный гетман Запорозский и великий защитник православной веры, любитель и ктитов Братского монастыря» и т. д.

*И пострелов смертельных килка му задали:
Которыми зраненый, живота доконал,
Веры Богу, и Кролю, и войску доховал.
И умер, боронячи мира ойчистого:
За што узыч му, Творче! неба вечистаго,
Як ревнителю веры благочестивоц,
В которой был выхован з молодости своей.
Року тисеча шесть сот двадесять второго,
Погребен в монастыри брацтва Киевского,
На который тисячий килка оферовал,
Аже бы там науки фундовано, жагал.*

Теперь не видно уже в Киевском братстве этого надгробного камня; не знает никто даже и места, где почил прах достопамятного гетмана; уцелел только большой золочено-серебряный ручной крест, обсаженный девятью камнями, с такою надписью на рукояти: «Року 1622 дал сей крест раб Божий Петр Конашевич Сагайдачный Гетман Войска Его К. М. Запорозского до церкви святого Богоявления Господня в дом Братский на отпущение грехов своих».

Киевлянин. 1850

О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке

Письмо к М. А. Грабовскому

особенным вниманием прочел я статью Вашу, помещенную во 2-м томе «Записок» г. Кулиша. В ней, как видно, Вы думали положить оливковую ветвь мира на могилу давно отжитой старины польско-украинской — могилу, о которой можно сказать словами народной песни:

*Вся кровцею обкипила.
Ой якою? Козацькою,
Вполовину из ляцькою.*

Касаясь польско-украинских междоусобиц и смут, особенно Хмельниччины, Вы говорите: «Я не вступаюсь несколько за лица, над которыми разразилась буря народного восстания; но из уважения к исторической истине желал бы установить какие-нибудь общие оправдания и обвинения как одной, так и другой стороны». Да, она-то, всем нам любезная и вождеденная историческая истина и должна служить нам, потомкам, оливною ветвью мира после долгой и кровавой междоусобицы наших предков! Вы не раз в своей статье указываете на разные недостатки всех прежних историй о войнах польско-козацких; и я с Вами согласен; и со своей стороны, в разных статьях моих, касавшихся истории Малороссии, я указывал на погрешности, в ней ведущиеся и нередко толпами из книги в книгу переходящие. Но от тех же недостатков не свободна и Ваша статья, при всем уважении Вашем к исторической истине. Вы говорите: «Мы должны стоять выше логики козацкой». Но для чего же Вы не стали выше логики

антикозацкой? А без того, устанавливая общие обвинения и оправдания для обеих сторон, Вы слишком много переложили оправдания на сторону польскую!

Пробегаю слегка по всем струнам народной жизни и ударяю forte только на две (на *бесчинство* польских жолнеров, квартировавших на Украине, и на *строгие меры* польского правительства к обузданию козачества от наездов на Туреччину), Вы думаете заглушить ими говор истории о том, что польское правительство и владельцы украинских имений угнетали Украину. Вы говорите: «Смею сказать *утвердительно*, что ни административного гнета, ни гнета, проистекающего из права владельческого, при тогдашнем положении дел *быть не могло*. Напротив, не следовало бы забывать *добра*, которое *сделали Украине поляки*».

«Нет худа без добра», говорит пословица; и как в нашей памяти о прошедшей жизни все тяжкое и лихое отсекает большую частью на дно, а наверх всплывает преимущественно доброе, то прежде всего и хочется услышать от Вас: какое именно *добро*, сделанное *поляками* Украине и нами забываемое, Вы нам напоминаете?

В ответ на это Вы продолжаете: «*Литвины* прогнали из этой страны татар; поляки эти безлюдные степи почти вновь заселили». Далее, желая напомнить нам справедливость господства Польши над Украиною, Вы говорите: «Это *господство* не было ни у кого похищено, ни отнято силою — разве только у татар. Обладание Южною Русью было со стороны *Польши* ни завоеванием, ни порабощением, а напротив — *освобождением* этой земли».

Да, *литовцы* со своей стороны *освободили* Малороссию от татар. Но Вы продолжаете: «Отнятые у азиатских дикарей и очищенные от них пустыни *поляки* мало-по-малу заселили, *упрочив безопасность русичей*, остававшихся на своих пепелищах, в лесах, болотах и байраках, и заохотив разбежавшихся в другие земли возвратиться на родину».

Так вот что называете Вы *добром* Украине от *поляков*: старую песню ошибочных историй о мнимом запустении и безлюдьи Украины, порабощенной татарами, о небывалом заселении ее почти вновь *поляками*! Эту песню пора бы уже позабыть, а Вы ее выставляете нам как *добро*, сделанное *Украине поляками*!

Чтобы рассеять этот исторический призрак и установить надлежащий вес для разбора свидетельств о тогдашнем запустении и заселении Украины и получить надлежащую меру для суждения о господстве Польши над Украиною, припомним и установим эпохи ее исторической жизни с той поры как она утратила свою древнюю великокняжескую *самостоятельность*.

- I. Эпоха *татарской* власти над всею Украиною — от нашествия Батыева на Киев, 1240 года, до освобождения Киева Гедимином, 1320 года, — всего 80 лет.
- II. Эпоха *литовской* власти — от присоединения Украины к Великому княжеству Литовскому Гедимином, 1320 года, до половины 1569 года, когда Украина (старанием и волею Жигимонта Августа) приняла *соединение* (унию) с короною Польскою — всего 249 лет.

III. Эпоха польской власти — с половины 1569 года, когда Украина стала в составе *Речи Посполитой* польской, до приведения Богданом Хмельницким всей Украины под *державу Русскую*, в январе 1654 года, — всего 85 лет. (А если эпоху польской власти считать до восстания Хмельницкого и кончины Владислава IV в 1648 году, то всего 79 лет.)

IV. Эпоха *раздвоенного* бытия Украины: *Восточной* — постоянно под властью *русскою*; *Западной* — сперва в колебании между Россией и Польшею, в продолжение 57 лет; потом (после договора Прутского 1711 года) в постоянной принадлежности Польше до конца ее королевства (1795).

В пределах этой исторической рамы и не смешивая эпох, мы можем рисовать картину украинской жизни исторически верную. И здесь тотчас становится ясным, что все относящееся к населению Украины до половины 1569 года, не должно быть приписываемо *полякам*. Освобождение от татар принадлежит великому князю *Литовскому* Гедимину. Под властью преемников его и их Киевских наместников, или удельных князей Киевских, — Украина *два с половиною века* жила отдельно от Польши, хотя некоторые великие князья литовские, принимая на себя польскую корону, были вместе и королями польскими. Но Украина в эти два с половиною века (как и в прежнее 80-летие татарщины) не оставалась *безлюдною пустынею*; украинский народ не сидел так долго на своих пепелищах, в лесах, болотах и байраках. Разоряемые по временам от татар города и села если и залеживались иногда впусе, то заселялись опять своим же народом, украинским, не покидавшим своего отечества. Что города и села Украины по обеим сторонам Днепра в продолжение литовской эпохи не оставались впусе, то видно и по некоторым старым спискам городов, и по отдаче их великими Литовскими и удельными Киевскими князьями разным лицам и монастырям в вотчины*; видно еще из того, что почти все города и села Киево-Переяславской земли, поминаемые древнерусским летописанием в XII и XIII веках, существуют доньше под теми же своими древними именами, иногда несколько измененными**. Временные запустения городов и сел украинских, как от набегов татарских, так и по древнему праву простонародья на вольный переход из одной отчины в другую, видны по старым актам и в *третью* и в *четвертую* эпохи малороссийской жизни, когда было влияние *поляков* на заселение, а иногда и на опустошение городов и сел украинских (например, город *Черкасы* сожжен 1537 г.); а потому и в эти две эпохи не одним *добром* поминать могут *поляков* города и села украинские.

Итак, заселения, бывшие на Украине до соединения ее с Польшею 1569 года, несправедливо приписывать *полякам*; и Украина до этого времени, от времен Гедимина, не должна быть представляема «безлюдною пустынею». Нашествие Менгли-Гиреево на Киев и окрестные волости (1482 г.) было едва ли не опустошительнее, чем нашествие Батыево; но и после Менгли-Гирея возобновление Киева и окрестных волостей произведено было не *поляками*, которых и нельзя назвать тогдашними *колонизаторами* Украины: до 1569 года они могли быть разве *колонистами*.

*
Например, князь Витовт дал *Глинск*, *Глинку* и *Полтаву* в отчину татарскому князю Лексе, родоначальнику князей Глинских, а город *Остер* с принадлежащими к нему селами *Черниным*, *Выполозовым* и другими отдал князю Митьку Секире, и прочая.
Я не могу представить, чтобы все то были пустыри; да если бы на тот час, когда они были жалованы, и были пустырями, то немедленное за тем население их свидетельствует, что на всех по-лосах Украины была *людность*, готовая для заселения возобновляемых городов и сел.

**
Например, город *Боровый* ныне *Боровица*; город *Дерновый* по Киевской летописи (или Древен по севернорусским писаниям) ныне *Деренковец*; город *Желнин* по-нынешнему *Жовнин*; *Заруб* — по-нынешнему *Зарубинцы*; село *Янцино* под Переяславом ныне *Яненки* (Малые) и т. д.

Г. Руликовский в примечаниях к Вашей статье приводит любопытную выписку из ревизии Житомирского замка 1545 г.*, по которой видно, что там владельцами тогда были все «*дворяне южнорусского имени и греко-российского исповедания*», как и Вы утверждаете справедливо. «Они-то, — говорит Ваш комментатор, — заселили Украину по грамотам польских королей, жалованным им за заслуги общему их отечеству, Польше, под которою разумелось все, что не принадлежало державам соседним». Но ведь Польша до 1569 года не была еще общим отечеством поляков и украинцев; Украина принадлежала еще к составу Великого княжества Литовского, интересы которого так часто шли врозь с интересами Польши. Не будем же приписывать полякам и Польше того, что по всей очевидной справедливости относится к самой Киево-Переяславской Руси, к ее удельным князьям Киевским и к великим князьям Литовским (независимо от того, были или не были они королями Польскими). Два с половиною века прошло от конца татарщины до начала польщизны на Украине: и в этот литовский период ее жизни не должно вносить произвольно ничего стороннего и лишнего.

Тем менее можно допустить дальнейший вывод г. Руликовского из ревизии Житомирского замка: «Что же сказать о более украинских землях около Киева, Черкас и Уманя? Оне были тогда в полном смысле слова *дикою степью и пустынею*». Мне кажется, что этого никак нельзя сказать особливо о земле около *Киева и Черкас*. Временами и здесь, как и везде, бывали отливы народонаселения, запустение городов, сел и пашен, но вслед за тем происходили приливы народонаселения, возобновление городов, сел и земледелия. Так, в Черкасщине в XIV и XV веках ею правили Черкасские *наместники* удельных киевских князей, жаловавших там села разным лицам (например, Олелько жаловал село *Родивоново* князю Феодору Глинскому). Следственно, там не была такая «дикая степь и пустыня». Вы тоже говорите о пожаловании в той стороне королями Александром и Казимиром разным лицам земель — иногда с двумя или тремя подданными. Следовательно, и тогда все-таки не было «безлюдной пустыни», а к тем двум-трем подданным, конечно, сходилось немедленно народу больше. Но в XVI веке, в правление Жигимонта I, когда Черкасским и Каневским *старостою* был Остафий Дашкович, как *многолюден* тогда был тот край от Чигирина до Канева и как был крепок тогда замок Черкасский! Пожалование разным лицам в разных местах Украины *пустошей, пустынь, запустелых городищ, селищ, дворищ* с малым числом *подданных* и совсем без *людей*, свидетельствует только о беспокойном и тяжком положении Украины в те времена, а не показывает ее *безлюдья*; быстрое население возобновляемых городов и сел свидетельствует о всегдашнем *многолюдстве* Украины; но оно было *передвижное*, сколько «за беспокойем от татар», столько и по вольности перехода из одной волости в другую.

Впрочем, этот исторический предмет требует еще новой и подробнейшей разработки, как и вся вообще история Малороссии в три первые эпохи ее жизни, с нашествия Батыева.

Вы упоминаете и о «*влиянии поляков на первоначальное образование Запорожского братства*», говоря, что на это

*

У него обмолвкой сказано: «В царствование Сигизмунда Августа», но тогда княжил еще отец его, Жигимонт I, по малой населенности вокруг Житомира, бывшей в 1545 году, нельзя еще *заключать*, «как ничтожна была *первоначальная* населенность края». Сам Руликовский из той же ревизии приводит свидетельство, что «Житомир и его окрестности в царствование Казимира были довольно *многолюдны*, а села сидели на своих селищах». А после, в 1545 году, люди уже не смеют «на селищах перед татары жити» и живут под защитою Житомирского замка! Подобные отливы народонаселения бывали часто на всех полосах Южнорусской земли, по обеим сторонам Днепра. Например, из ревизии *Остерского замка*, составленной при Жигимонте Августе, видно, что в трех милях от замка «пашню опущено за беспокойем от татар»; а в числе замковых сел означено «село Жуки человек было *одиннадцать*, алеж *пять* их сее зимы, после Коляд, пошли прочь».

А. Дюрер. Татарин.
Початок XVI ст.

«есть много указаний». Прошу Вас указать мне их; я их еще не знаю и полагаю доселе, что поляки не имели влияния на первоначальное образование товариства Запорожского.

Устройство козачества на Украине Вы также приписываете влиянию поляков, прибавляя, что это «факт, давно признанный историей». Но признание такого факта принадлежит к ошибкам истории. Козачество на Украине повелось и распространилось еще в первую половину XVI века, в княжение Жигимонта I, и главным устроителем Черкасщины был Остафий Дашкович, пра-

Ю. Брандт. Татарин
з награбованим.
Друга половина XIX ст.

вославный русин. О сподвижнике его, первом козацком гетмане (с 1506 года) *Предславе Ланцкоронском* я не знаю положительно, какого он был рода и исповедания (но эту фамилию имели и православные русские люди). Последующие гетманы — *Венжик Хмельницкий* и кн. *Дмитрий Иванович Вишневецкий* — тоже были не поляки, а православные русины, как и *Самийло Кишка*, гетманством своим принадлежавший, кажется, первой половине XVI века. Козачество украинское, или *городовое*, и козачество *запорожское*, или *низовое*, существовали задолго до 1569 года, с которого можно вести начало исторического влияния поляков на Украину.

О причинах
взаимного ожесточения
поляков и малороссиян.
бывшего в XVII веке

Перекоп. Гравюра XVII ст.

Остановимся же теперь на этой *третьей* эпохе и прежде всего откажемся навсегда от изветшалога и неправильного мнения, будто поляки *населили мало-по-малу пустыни Украины*, отнятые у азиатских дикарей литовцами! В последнюю четверть XVI века возобновлялись и устроялись многие города Украины после новых опустошений татарами (не означенных определенительно в истории); но они возобновлялись по большей части людьми *рускими*: Чигирин, Корсунь — князьями Вишневецкими, Богуслав, Канев — князем

Рейдери — турецькі прикордонники

Сіпаги — турецькі кіннотники

Янушем Острожским, Сквиря — князем Ружинским и т. д. В Полтавщине состоялась тогда огромная *Вишневецчина* — вотчина князя Михайла Вишневецкого, перешедшая от него к сыну его Михайлу Михайловичу. Новые владельцы на Украине, бывшие из природных поляков, конечно, населяли свои поместья, но из готового и подручного народонаселения украинского; а эти новые их заселения были в то же время запустением других мест на Украине, покидаемых вольнопереходным народом.

А чтобы поляки «упрочили безопасность русичей» (от татар), как утверждаете Вы, то не было ли здесь наоборот? Не щитилась ли Польша Южною Русью от татарвы? Татарские набеги бывали нередко и в XVII и даже в XVIII веке. Упрочить безопасность Южной Руси от татар суждено было не Польше.

Еще Вы говорите, что поляки заохотили русичей, разбегавшихся в другие земли, возвратиться на родину. Каких это эмигрантов южнорусских Вы разумеете? Вы говорите о князьях южнорусских и южнорусском *дворянстве*, «возвратившихся из *скрытных* и *отдаленных* мест, куда загнали их татары». Объясните мне эту историческую загадку!.. Именно в *третью* эпоху украинской жизни и начались выходы украинского козачества и простонародья из своей родины на земли Московского государства. В 1582 году появились наши *черкасы* в путивльских пределах. В 1611 году перешло 10 000 наших козаков на Донец. Но особенно в *десятилетие*, прошедшее от Острианицы до гетманства Хмельницкого (1638—1648), в которое так непосредственно и крепко распоряжались и начальствовали поляки над козачеством украинским, тогда сколько тысяч приднепровского народа переселилось в Слободскую сторону! Да и в гетманство Богдана Хмельницкого, в 1651 году, когда по силе Белоцерковского договора поляки снова стали возвращаться на Украину, как много тогда украинского народа покинуло свою родину и перешло в слобожане!

Между тем Вы говорите: «Я уж сказал, что *господство* Польши над Украиною было *справедливо*; теперь прибавлю, чего никто до меня не произносил: что оно было *благотворно*. Это новое мнение не требует новых доказательств. Состояние Украины до Хмельницкого, ее населенность и богатство говорят о том *слишком убедительно*».

На это я замечу, что и самая *справедливость* господства Польши над Украиною требовала бы с Вашей стороны более ясного показания и раскрытия. По «логике козацкой» это *господство* признавалось не совсем законным и не совсем справедливым. Киево-Переяславская Русь, или Украина, приняла *соединение* с Польшею в одну *Речь Посполитую* на праве людей *равных с равными, вольных с вольными*: «*jako rownych do rownych i wolnych do wolnych ludzi*», — сказано в Акте соединения 5 июня 1569 года. Это коренное условие, поставленное и узаконенное Актом соединения, предполагает *равенство* обеих сторон в составе *Речи Посполитой*, а не *господство* одной над другою. Потому-то и видим обыкновенно, что козацкое рыцарство, признавая вполне свое *подданство* Польскому королю как главе политического тела, признавая обязанностью своею служение Польской короне наравне с поля-

ками, не признает, однако, законным и справедливым насильственного над собою *господства поляков*. И чем *добровольнее* было соединение Украины с Польшею как равных с равными и вольных с вольными, тем незаконнее и тяжелее должно было казаться для украинцев *господство* над ними поляков. Я говорю это, собственно, для пояснения «логики козацкой», не входя в рассмотрение того, действительно ли оное *соединение* было выражением доброй воли и желания со стороны Литовского княжества и Киевской Руси. Вспомните, чего стоило Польше добиться этого «добровольного соединения», сколько воды ушло от первой к тому попытке до совершения дела, и что отвечали соединяемые каждый раз полякам на их предложения!

Что же касается до Вашего утверждения, будто господство Польши над Украиною было *благотворно*, то указанное Вами *состояние* Украины до Хмельницкого нисколько не говорит в его пользу.

Разве это *благотворное господство*, когда в ближайшие к гетманству Хмельницкого десять лет (1638—1648) украинское народонаселение бежит тысячами из своей родины, а в предыдущие десять лет оно погибает тысячами в битвах с поляками при непрестанных ополчениях гетманов Тараса, Сулимы, Павлюка, Остряницы, Гуни — ополчениях, не удерживаемых никакими казнями? Тут против *благотворности* польского господства говорит сама история.

Вы в доказательство упоминаете еще о *народных песнях* и обычаях украинских, что они «почти столь же *дороги* для поляка, как и для малороссиянина». Это явление, конечно, утешительное, но оно говорит в пользу нас, утихомиривших потомков, а не в пользу враждовавших между собою предков наших (да будет им пером земля!). Как один из старейших между собирателями народных песен и малороссийскими этнографами (порадованный некогда Вашим прекрасным разбором моего второго издания «Украинских песен» в Вашей достопамятной книге «*Literatura i Krytyka*»), я позволяю себе решительно противоречить Вам именно содержанием и духом украинских песен, относящихся ко временам от Наливайка до Хмельницкого включительно. В тех песнях, как и в песнях *четвертой* эпохи малороссийской жизни, где только идет речь об отношении Украины к Польше и полякам, там их *господство* оказывается вовсе не милым для украинцев; и по песням никак нельзя сказать того, что Вы сказали теперь по этому поводу: «Такое развитие духовной жизни в Южной Руси не иначе могло совершиться, как *под влиянием любви и свободы*». Нет, не свобода, а насилие от поляков, не любовь, а ненависть к полякам высказываются беспрестанно в песнях народа украинского в продолжение двух столетий. И если собрать воедино все отрывки народно-украинских песен о ляхах, тогда какой грозный голос народной поэзии будет против справедливости и *благотворности* польского господства над Украиною! А народные пословицы и поговорки представляют неутешительное к ним дополнение. «За наши грехи надходят ляхи» — говорили в свое время русины; «Щоб же я тричи ляхом став, коли то неправда!» — и теперь еще говорит украинец, а другой при этом тотчас останавливает его замечанием: «Чоловиче, схаменись! Помни на свою душу, не запропащай

Н. Орда. Летичівський замок. 1860-ті роки

ее!» А что народ украинский смотрел на всех поляков одинаково, то высказал он в пословице: «На один копыл дидько всех ляхов кроив».

Вы говорите, все к тому же: «Дух подавления другой народности был чужд полякам; напротив, единственную силу политической системы соединения разноплеменных провинций составлял у них дух *терпимости* и какой-то великодушной *гордости*, которая не только не позволяла им отнимать у кого-нибудь что-нибудь, но заставляла что-нибудь придавать от себя; и это всего яснее выражается в *добровольном соединении Литвы с Польшею*».

Но если взять и то, где всего яснее, по-Вашему, выражается Вами сказанное: разве при *соединении* 1569 года не отнято было у Литовского княжества давнее достояние оно — земля Киевская, приумноженная от него целым *Запорожьем* (которое было прежде землею Половецкою, или Команскою)? Разве уступлена была Литве принадлежавшая ей Волынская земля, за которую шла у них такая долгая и неуступчивая тяжба? И разве довольною осталась Литва тем «добровольным соединением»? А что придали *своего* поляки Украине, присоединившейся к ним непосредственно, отдельно от княжества Литовского, с которым она в продолжение *двух с половиною веков* составляла одно сильное государство западно-русское? Великодушием ли означалась на Украине та великодушная *гордость* поляков, которую, впрочем, нельзя не признать в других случаях и отношениях? А что придали они *своего* Галицкой, или Червоной, Руси, так давно ими завладенной и донныне оторванной от русского мира?.. Что же касается до

«духа терпимости», то его-то нельзя назвать *единственной* силою, которою держала Польша Украину в политической системе своего королевства. Будь он у поляков, вся Украина могла бы остаться в соединении с Польшею не 85 лет только — и каких лет? — в продолжение которых было столько кровавой междоусобицы, приведшей всю Украину к освобождению себя от Польши и к переходу под державу Русскую. Был дух терпимости у поляков, пока они домогались *соединения* с ними Украины, но что пользы было в той терпимости для Украины, еще не имевшей прямого соприкосновения с Польшею? А когда совершилось *соединение* их в одно политическое тело — духа терпимости не стало скоро, и особенно с той поры как новоизбранный король Жигимонт III со своими душевладельцами-иезуитами начал поднимать в Польше католичество, добровольно покинутое в том веке столькими поляками и литвинами для реформаторства. Иезуиты были мастера своего дела, и с возобновлением католичества в поляках они влили в них *дух нетерпимости и верогонения*, равно как и в ту часть южнорусского шляхетства, которую они успевали ловить в свои хитролестные сети.

И здесь-то *главная* причина того *разрыва* между Україною и Польшею, который и Вы назвали «неизбежным». Вы сами проговорились было о том в начале своей статьи, когда, поставляя на первом плане картины Вашей *бесчинства польских жолнеров*, сказали, «что на Украине они распоряжались точно так же, а может быть и хуже того. В провинции отдаленной, богатой и несколько пустынной, населенной народом *иноплемнным* и *иноверным*, польский жолнер становился, без сомнения, еще наглее, нежели в глубокой Польше».

В самом деле: такое ужасное и безумное глумление польских жолнеров над украинским народом, какое видно из универсала Остряницы и которое было тем больнее, что было по свежим следам тех казней, какие Потоцкий совершал по всей Украине 1637 года, по взятии Павлюка, — могло ли оно не произвести нового и немедленного восстания, в продолжение прежних? Но объяснять восстание Хмельницкого, по-Вашему, «всего более насилием и сумасбродством польских жолнеров» я нахожу приемом, не согласным с историческою истиною. В десятилетие, прошедшее от Маслодавской комиссии до гетманства и восстания Богдана, было и другое, тяжкое для всей Украинской Руси, дело: назначение полковников во все козацкие полки и комиссара вместо гетмана — из *поляков*. Но козацкий рыцарь Хмельницкий и тут был еще десять лет терпеливо покорен войсковою властью — так же как и при выдаче Павлюка под Боровицею, где он подписал договор, будучи тогда *войсковым писарем*. Еще и в 1647 году Хмельницкий, будучи тогда *Чигиринским сотником*, ходил со своим полковником-поляком против татар, сделавших набеги на Чигирин. А между тем какие оскорбления и обиды терпел тогда этот заслуженный в Речи Посполитой воин, терпел не от квартировавших на Украине польских жолнеров, а от подстаросты Чигиринского и от других должностных распорядителей Украиною, терпел, не находя себе суда и расправы даже и в Сенате!

Вы говорите: «Все мы давно уж знаем, что Запорожье поднялось по случаю *частных обид*, нанесенных Хмельницкому польскими урядниками». По случаю — так, но ведь в мире

Ю. Коссак. Польський
вояк-рейтар. Кінець ХІХ ст.

нередко великие дела начинались от малых случаев... Как бы что ни было велико само по себе, а если оно еще не пристало к сердцу всех и каждого или хоть большинства, то оно не в силах поднять целого народа, как одного человека. Запорожье поднималось не раз на поляков и до Хмельницкого, и не всякий же раз поднималось оно по случаю *частных обид*. Так, Сулима восстал за построение Кодацкой крепости Конечпольским.

Но возвратимся к Богдану Хмельницкому. После стольких *частных обид* ему бежал он на Запорожье — не для того только, чтобы избавиться от тюрьмы и, вероятно, смерти, назначенной ему прихотливою волею магната (Потоцкого); он бежал, имея в своих руках «королевские листы», благоприятные для козачества и Украины, которые затаил было недруг своей отчизны асаул Барабаш и которые замысловатым случаем достал Хмельницкий. Этою-то силою, то есть *королевскими листами*, и поднял он Запорожье на восстание, на которое так единодушно откликнулась вся Украина, потерявшая наконец все свое воловье терпение. А что королевская воля была тогда в разладе с большинством вельможных польских панов, что король сам поощрял козаков защищать вооруженною рукою свои права от поляков, то относилось к дезорганизации Польского королевства, которая тогда начиналась уже ощутительно.

О причинах
взаимного ожесточения
поляков и малороссиян,
бывшего в XVII веке

Личные обиды, особенно если они касаются большинства лиц, составляющих общество, — такие обиды, какие терпел Богдан Хмельницкий, один из разумнейших и храбрейших воинов козацких, так верно служивший двум королям своим и Польской короне около 30 лет на море и на суше, — если такие обиды продолжают сплошь да рядом несколько десятилетий, тогда они составляют сумму, вполне достаточную для народного протеста всей Украины, в улику *неблагодарности* польского над нею *господства*. А Вы говорите о войнах Хмельницкого: «очевидно, что эти войны могли только вспыхивать в то время, когда край находился в цветущем состоянии, когда он был *богат*, можно сказать даже *свободен*, и раздражен только такими *единичными* или *местными* обидами, о каких мы только что говорили». При таком представлении, пожалуй, можно подумать, что украинское козачество и простонародье с жиру бесились и были уж чересчур обидчивы и самолюбивы! Но в самом деле о тогдашнем господстве поляков над Украиною можно сказать ее же поговоркою: «Залили сала за шкуру!» А тогдашнее *богатство* Украины было для нее «чужая корысть». У Чигиринского козацкого сотника негодный подстароста Чигиринский отнимал отцовское село его, достопамятное в истории *Суботово*; большая половина нынешней Полтавщины работала на роскошество отступника от православия Иеремии Вишневецкого, а моя родимая Бубновская сотня обливалась потом на упитание иезуитов переславских...

Ю. Коссак. Польські
військові музиканти.
Кінець XIX ст.

Вы хотите снять еще один тяжеловес с польской чаши, стараясь доказать, будто *не было* тогда и даже *не могло быть* «гнета», происходящего из права владельческого. Но ведь давно сами польские латинисты сложили вирши:

*Clarum Regnum Polonorum
Est coelum Nobiliorum,
Paradisus Judaeorum
Et infernus rusticorum**

В «золотой век» Жигимонта Августа настал железный век для простонародья южнорусского.

Относительно владельческого права, что из него мог простекать сильный *гнет* для простонародья, я припомню здесь, что еще в 1557 году предоставлено было помещику и его управляющему безответное право казнить своих крестьян смертию; а через три года после соединения Украины с Польшею, т. е. 1572 года, издано было постановление, запрещающее жа-

*
Светлое царство поляков
есть небесное царство
для панов, рай для жидов
и ад для мужиков.

ловаться подданным крестьянам на своих помещиков. Относительно действительно бывшей тяготы я укажу все на то же, можно сказать, общее место писателей наших — «Описание Украины» Боплана, современника Хмельницкого; это свидетель сторонний и не пристрастный к украинцам, воевавший против них по службе своей в рядах польских. Из писателей польских сошлюсь на великолепные и, можно сказать, классические «Климатеры» Коховского. А из украинских свидетельств я приведу Вам слова славного гетмана Сагайдачного, не поднимавшего оружия на поляков* [...]

*
Див лист Сагайдачного
королеві Сигізмунду III
від 15 лютого 1622 р.
(с. 162—163). — *Ред.*

Эти слова достопамятного гетмана, так верно служившего королю и короне и вместе так много радевшего для православия Украины и ее просвещения, показывают нам ясно, что велик был тогда на Украине *гнет владельческий*, простиравшийся беззаконно даже на козачество, и что он действительно был одним из поводов к новому восстанию козачества на поляков, которое и началось вскоре по смерти Сагайдачного. Согласно с гетманом, обвиняющим более *старосток*, чем самих вельможных панов, гласит и украинская простонародная поговорка «Не так паны, як ти пидпанки». Но то все-таки не оправдание панам, что они не самолично, а посредством своих подстаросток томили народ. А эти ненавистные *жиды-арендари*, которым давались от польских панов такие страшные и оскорбительные права над владельческими имениями, простиравшиеся даже на жизнь подданных крестьян и на православные церкви!.. До *соединения* с Польшею жидам не было такого життя на Украине; и еще в Статуте Владислава-Ягелла Ольгердовича (1420) верно сказано было о жидях, что от них «христианство убожело».

Вы говорите: «Смело можно сказать, что преднамеренной идеи угнетения Украины оно (польское правительство) *никогда не имело и иметь не могло*».

Зачем же говорить это, когда в правление Жигимонта III настало угнетение православных и других диссидентов в

Польський король в оточенні сановників. Гравюра XVI ст.

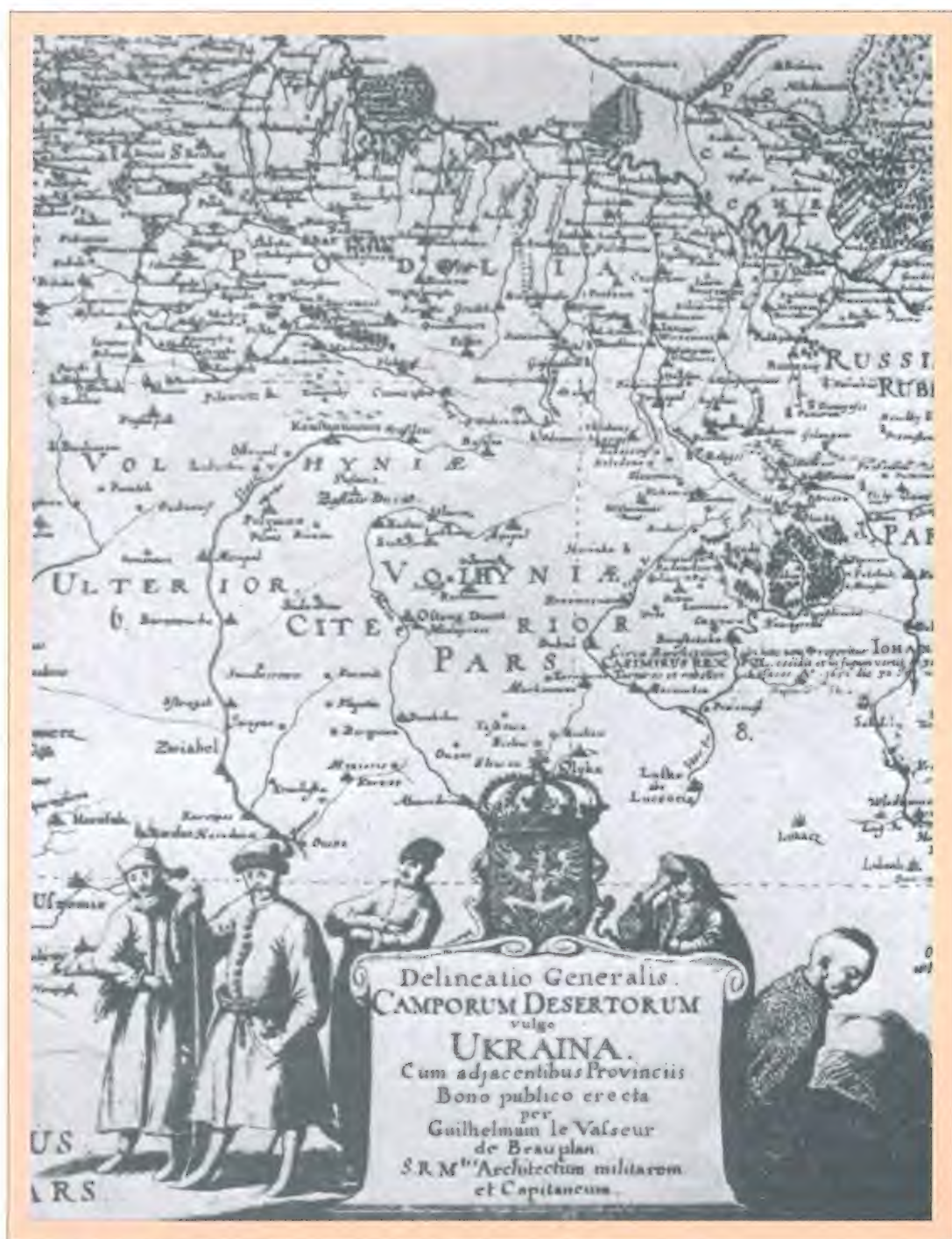

Засідання польського сейму.
Гравюра 1620 р.

пользу католиков — именно по *преднамеренной идее*! Разве без преднамерения было, например, королевское повеление не пропускать патриарших послов в 1593 году? Или королевский универсал 1596 года, запрещающий строить православные церкви, и некоторые другие повеления, притеснительные для православных?.. Но Вы в своей картине прошедшего совсем не упоминаете об этом; и самая уния, бывшая яблоком раздора между православными и католиками, у Вас поставлена вдали и в таком освещении, при котором она не имеет своего подлинного вида, а главнoдействующие лица — иезуиты — совсем у Вас не видны. Вы говорите, что народ украинский, «раздраженный жолнерами и строгими мерами», придал значение угнетения и насилия между прочим и желанию правительства польского «соединить Южнорусскую церковь с Римскою. Эту несчастную унию предали проклятию и малороссияне, и большая часть писателей польских, но она требует еще внимательного и беспристрастного рассмотрения». Действительно требует, дабы все видели ясно и существо ее, и всю ее историю в Юго-Западной Руси; требует тем более, что знаменитые иезуиты в своих сочинениях позволяли себе не только преднамеренное перетолкование, но и вымыслы небы-

Київський уніатський
митрополит
Кіпріян Жоховський.
Портрет 1680 р.

Фрагмент мапи України, складеної Г. Левассер де Бопланом. 1648—1650 рр.

валых событий. И еще незабвенный Иннокентий 1840 года в Киеве собирал прилежно все, что было печатано и писано об унии, предполагая соединить все то в одно издание под заглавием «Памятник унии». В IV томе «Актів Юго-Западної Росії» напечатано несколько не известных дотолі и очень важных материалов для истории унии. Сверх того, много драгоценных и не известных доселе актов об унии выбрано из городских книг трудолюбием профессора Иванишева (да не унедлит обнародованием их!).

Между тем Вы продолжаете: «Я не могу здесь о ней распространиться ради одной важности и обширности предмета; скажу только одно: что задачею унии было *устройство иерархии*, а не *перемена вероисповедания*; но принятая в последнем смысле она сделалась оскорбительна и ненавистна для народа».

Но уния и не могла быть иначе принята всеми православными, ибо главное и первое ее условие было признание *главенства и непогрешительности Папы Римского*; а это есть уже существенная *перемена православного исповедания*, которое признавало и признает главою Церкви *Иисуса Христа*.

Задачею унии, говорите Вы, было «*устройство иерархии*», т. е. иерархии *Римской*; и она, конечно, весьма нуждалась в том после Реформации, от которой был такой большой ущерб в пастве Папской. Но устройство Римской иерархии посредством унии было *задачею расстройства* нашей *православной иерархии* или *митрополии Киевской*, подлежавшей от первого начала своего к *патриаршеству Константинопольскому*. На это расстройство Жигимонт III как король Польский не имел никакого права; напротив, он обязан был поддерживать и охранять ее устройство. И в какое же время вздумал он привлечь к Римскому престолу митрополию Киевскую: когда родная и ближайшая ей митрополия Московская возвысилась на степень особого *патриаршества*!

Оскорбительною и ненавистною для народа, для всех сословий южнорусского народа сделалась уния потому, что она и подготовлена, и объявлена была без участия и согласия народа, что она вводима была мерами насильственными, незаконными и притеснительными для всех православных. Можно ли было такому важному делу, как *соединение* Киевской православной иерархии с Римско-католическою, совершиться без соборного совещания и согласия всех патриархов православных? А оно совершилось не только без их согласия, но и вопреки желанию южнорусского народа обманным действием двух самозванных, не от Руси посланных в Рим епископов — *Терлецкого* и *Поцея* — да третьего отступника от православия — митрополита *Рогозы*, которые все три настроены были к тому от короля посредством соблазнитель-иезуитов да таких насильников, каким был, например, Луцкий староста Александр Семашко в 1590 и 1591 годах. Подробности той подготовки и все ведение оной, до самого дня объявления унии на Брестском Соборе (1595 года, окт. 9) были так нечестны и наглы, что должны были возбудить глубокое негодование и презрение во всей Южной Руси начиная с первого предстателя ее и поборника князя К. К. Острожского, воеводы Киевского. Но несмотря на народный протест против унии, она была введена *насильственно*, с утеснением православия в земле Южнорусской. Эта несчастная уния и была главною виновницею раздора между Польшею и Україною. Раздор этот знаменовался не одними ополчениями козачества, но и войною духовною, первоначальником которой был он же, святопамятный князь К. К. Острожский.

Монастир кармелітів
у Бердичеві. Гравюра XIX ст.

Вы говорите, что уния «служила знаменем, которое каждый козацкий предводитель выставлял перед народом, чтобы освятить в его понятиях предпринимаемое восстание». Положим и так, но это показывает уже, что значила она для православного южнорусского народа. Она была искренно названа «наибольшим утеснением» в универсале Острияницы (1638 г.), поднимавшем народ на новое восстание. Так же точно главным злом и поводом к раздору признавали унию козацкие вожди и в своих мирowych с поляками, соглашаясь взаимно на *искоренение унии*, как, например, в договоре Зборовском 1649 года. Чтобы показать, как ей не рады потом были и поляки, и козаки, я приведу следующие слова об унии из «Комиссии Гагяцкой» (1658 г.), столь благоприятной для поляков: «А тоей веры, которая есть *противная вере Греческой православной*, которая *раздор между Римским и Старогреческим законом умножает*, никто из духовных и мирских сенаторского и шляхетного станов — церквей, монастырей строить, восстанавливать и умножать, так в добрах духовных, яко королевских и собственных наследных, яким-нибудь образом не имеет и силою сей комиссии не должен будет вечными часы».

За двадцать лет перед тем (1638) молодой гетман Острияница в универсале, поднимавшем народ к восстанию на поляков, говорит: «А що *найбольше*, же и хвала Божия в церквах православных — от тех неприятелей наших, отщепенцов и геретиков ляхов, *хощет и усиливается переменити и до заблуждения римского на унию обернути и гвалтовне преклонити*». Это *гвалтовное* (насильственное) преклонение на унию и ле-

жало на сердце у всей православной Украины как горе, наибольшее всех прочих. Так и старый гетман Сагайдачный, главный виновник восстановления православной Киевской митрополии (1620 г.), — он в своем прощальном, предсмертном письме к королю Жигимонту III в марте 1622 года говорит: «*Особливе уния, за милостивым Вашего найяснейшого Королевского Величества позволением теперь з Руси чрез святейшого Феофана патриарху Иерусалимского знесенная, абы впредь в той же Руси никогда не обновлялася и своих рогов не возносила. Мають абовем отци иезуиты и все духовенство костела Римского (и без нас, православных) кого до унии своєї наворочати и присвояти, тых народов, которыи отнюдь не ведают и не верят Христа Господа, плотию в мир пришедшего. А мы, православныи, древних святых Апостольских и Отческих преданий и догматов без жадной унии и схизмы придержаясь, не отчаеваемся нашего спасения и блаженно-го живота вечного*».

Как ожесточены были козаки на первых униатских пастырей, которые, став отступниками от православия, были злейшими хулителями и гонителями его, о том и говорить нечего. Это раздвоение Юго-Западной Руси в религиозном отношении на унитов и неунитов было великое зло, происшедшее от господства Польши над Юго-Западною Русью. А как и со стороны католической уния была первым способом и действием к подавлению православия в Киевской и всей Юго-Западной Руси, то в исторической картине прошедших смут и междоусобиц уния должна стоять на первом плане.

Если бы она объявлена была мирно, как зазывная фигура на заселение новой *слободки* в панском владении людьми вольноприходящими, тогда дело было бы совсем иное. Но уния кинулась на Киев пуще татар, посягая на подавление православной веры, составлявшей издревле первейшую свя-

Н. Орда. Єзуїтський колегіум у Вінниці. XIX ст.

Іван Підкова. Польський
малюнок XVII ст.

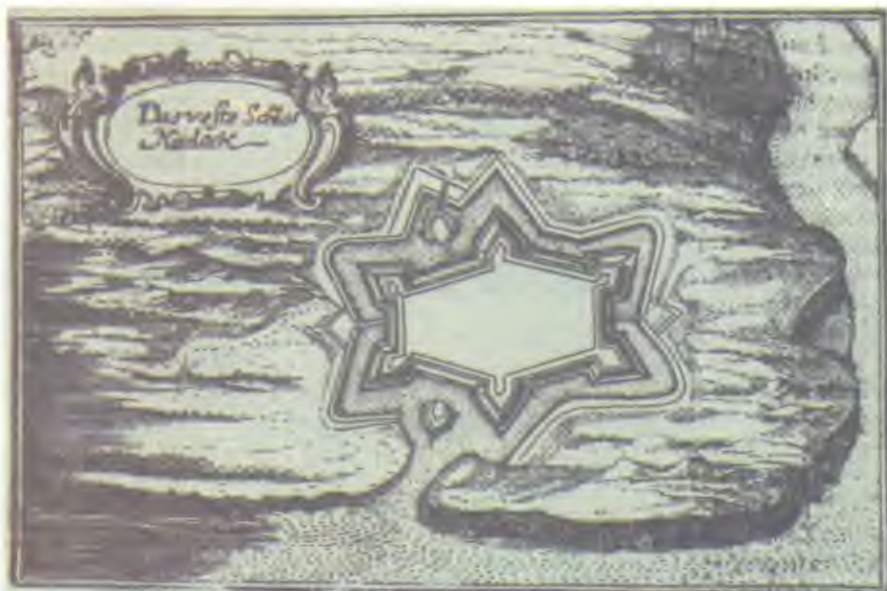
тынню жизни для человека южнорусского. И потому-то уния, равно ненавистная для всех православных, встретила себе отпор во всех сословиях южнорусского народа. И каждый своими способами, кто во что горазд отстаивал православную церковь от разнообразного на нее нападения со стороны католической и униатской. Шла не одна войсковая борьба козацкая, но и умственная борьба книжная — та и другая во взаимной связи. А между тем в усиление утесняемого православия устроились новые монастыри и возвышались прежние, собирались новые церковные братства, заводились новые школы и типографии. Сталь, бьющая о камень, высекала искры, и возгоралось вновь просвещение православно-русское, задремавшее в Киевской земле во времена ее литовства. Вот разве где *благодарная* сторона тогдашнего господства Польши над Украиной, хотя и неожиданная, не желанная для первой.

Умственное образование — его назвал бы я в ответ на Ваши слова «неужели между Украиной и Польшей не было никакой разумной внутренней связи?» Но, к сожалению, и эта *разумная внутренняя связь* Польши с Украиной скоро стала вся в руках иезуитов.

Вы, между прочим, говорите: «Обратим здесь внимание на одно весьма важное обстоятельство, которое наши историки упускают из виду: почему знаменитые южнорусские патриоты, как *Острожский*, *Вишневецкий*, *Кисиль* и вообще все дворянство Южной Руси, дворянство большею частию родовое русское и православное, или «благочестивое», *держали сторону поляков*? Что ни говори, а украинские смуты были не что иное, как *войсковые бунты, мятежи черни, домашняя война*».

Нет, это не так; и в наших «Историях» (не выключая и моих исторических статей о Малороссии) не упускали из виду этого обстоятельства; но оно с нашей точки зрения совсем не таким являлось, каким Вы его представляете. Знаменитейшие патриоты и все православное дворянство Южной Руси в рассматриваемой нами смутной борьбе (в *третью эпоху*) не

Кодацька фортеця.
Гравюра 1687 р.

держали стороны поляков против остальных сословий украинского народа; напротив, они были на стороне, преследуемой католичеством польским.

Поглядите на выписки из актов Луцкого Крестовоздвиженского братства (первоначально обнародованные мною в «Киевлянине», книге 2-й), на почаевскую запись Анны Гойской 1597 г. (помещенную в 3-й книге «Киевлянина»), на акты Киевского братства (изданные в «Памятниках Киевской комиссии», книге 2-й); из них очевидно, как единодушно и одностойно соединялось южнорусское дворянство со всеми прочими сословиями своего народа в отстояние православной церкви от гонений польско-католических и униатских. Припомните *Виленскую Конфедерацию* 1599 года, в которой значнейшее православное дворянство Южной Руси соединилось с протестантским дворянством Литовского княжества на odpor первому и жестокому насилию польско-католическому. Это гонение так подробно и разительно в том патриотическом акте*, а подписались на нем первыми: из православных — князь Константин и сын его Александр *Острожские*, Федор *Сангушко*, Адам и Михаил *Вишневецкие*, Аким *Горецкий*, Кирилл *Ружинский* и проч., а из евангеликов — князь Криштоф Радзивил, Андрей Лещинский, Иван Абрамович, Криштоф Зенович и проч.

В самих ополчениях козацких на поляков едва ли не всегда принимало участие дворянство южнорусское по давней привычке своей вступать в ряды козацкого рыцарства. Сколько южнорусских дворян воевало против поляков под гетманскою булавою Богдана Хмельницкого: от войскового писаря *Ивана Выговского* до Сосницкого сотника *Михаила Жураховского* (в 1649 г.). Да и со стороны была тогда от южнорусского шляхетства помощь козакам против поляков. Известнейший пример — князь *Афанасий Пузына*, православный епископ Луцкий и Острожский, снабжавший пушками и порохом отряды Хмельницкого, воевавшие на Волыни.

Не забудем и той части православного южнорусского шляхетства, которое, придерживаясь козацкой стороны Богдана, вместе с ним перешло под державу Русскую, о котором в его договорных статьях, именно в статье 3-й, сказано: «*Шляхта*, которые в России обретаются, и веру (*т. е. присягу*) по непорочной заповеди Христове тебе, великому Государю нашему, твоему Царскому Величеству учинили, чтоб при своих шляхетских вольностях пребывали и меж себя старших на уряды судовые обирали и добра свои и вольности имели, как при королях польских бывало; чтоб иные, увидя таковое пожалование твоего Царского Величества, клонилися под область и под высокую руку твоего Царского Величества со всем миром христианским». Итак, не все южнорусское дворянство было на стороне поляков.

Вы называли из этого времени *Кисиля* и *Вишневецкого*. Но престарелый воевода *Агам Кисиль* был на стороне поляков как единственный сенатор, оставшийся из православных; да и разыграл же он забавную и вместе жалкую роль обоюдника, о котором говорили тогда, что у него «русская кость обросла польским мясом». А князь *Иеремия Вишневецкий* в те поры, будучи уже отступником от православия, был вместе и от-

*

Сей акт в переводе на русский язык с польского напечатан митрополитом Евгением в «Описании Киево-Софийского собора и Киевской иерархии» 1825 г.

ступником от своего русского рода-племени, был «русского поколения лях», как выражается о нем Летопись Львовская; и он был не только на стороне поляков, но (потеряв свою огромную *Вишневецчину* при восстании Хмельницкого) он был злее поляков в преследовании козачества и всех православных (как обыкновенно бывает, что отщепенец злее всякого другого против того, от чего он отложился).

Впрочем, на стороне поляков были в те поры и некоторые козацкие старшины, обязанные полякам за свое старшинство; таковы были генеральные асаулы *Ильяш** и *Барабаш*. Конецпольский успел было рассорить *реестровых* козаков с *запорожцами* и, взяв первых крепко в свои руки, он умел действовать ими против запорожцев (например, при вероломном взятии Сулимы, при одолении Павлюка). Но ведь это было в *тридцатых* годах XVII века; и по этим случаям нельзя же сказать, что во всей польско-козацкой борьбе реестровое козачество держало сторону поляков! Притом это козачество как «войско его Королевской Милости» и поневоле должно было держаться стороны могучего Конецпольского, будучи тогда подчинено ему как гетману коронному.

Но когда не стало Конецпольского, как только настал гетманом Богдан Хмельницкий, тотчас все изменилось; и что было собрано и послано от поляков против него, стало за него, истребив преданных полякам Ильяша и Барабаша. Вы сами говорите справедливо, что этот поворот реестровых козаков на поляков был «неизбежен». Но Ваши слова, что реестровые козаки во время Острияницы (1638) «стояли еще крепко за поляков», дают такой вид, будто они и задолго прежде стояли крепко за поляков против запорожцев. Повторяю для ясности, что это было уже позднейшим явлением; тем не менее, однако, это было важным *началом* того *междоусобия* в козачестве и того *раздвоения* в целой Украине, для которых настоящая пора приспела уже по смерти Хмельницкого — уже в *четвер-*

тую эпоху исторической жизни Малороссии. Тогда и дворянство православно-русское, оставшееся под короною Польскою, почти все переродилось в дворянство польско-католическое; а в *третью* эпоху произошло только начало этому перерождению — но начало все-таки важное, причинявшее тогда для всей остальной православно-русской стороны столько скорби, а для многих и ненависти к отступникам от предковской веры и народности русской. И это превращение стольких лиц из знатнейшего южнорусского дворянства в поляков-католиков не может же Южная Русь считать для себя *добром*, происшедшим от влияния и господства польского!

Во всяком случае, Ваше утверждение, будто в той польско-украинской борьбе знаменитые *южнорусские патриоты* и вообще все *южнорусское православное дворянство* держали сторону

*
Ильяш Караимович
(Армянчик), бывший
«знатным товарищем»
в полку Переяславском,
назначен старшим над реест-
ровым козачеством —
от Потоцкого, во время
войны с Павлюком в конце
1637 года.

Адам Кисіль. Копія XVIII ст.
з портрета XVII ст.

поляков, не согласно с историею. Несправедливо и Ваше ограничение тогдашних украинских смут одними «*войсковыми бунтами, мятежами черни*». В тех смутах главным и постоянным делом было *отстояние православной восточной веры от нападений католико-униатских*; и в этом отстоянии своего православия, равно драгоценного для всех сословий, принимали живое участие *все сословия* южнорусского народа: и дворянство, и духовенство, и козачество, и мещанство, и простолюдине, или посполство.

В кругу той всеобщей и разнообразной борьбы козацкие восстания, которые для поляков, конечно, были «*войсковыми бунтами*», для православно-русской стороны были «*крестовыми походами*». По каким бы частным случаям и поводам они ни возникали (дело истории разобрать и определить эти случаи с точностью), но «*важнейшим, наибольшим, особливым*» побуждением в них постоянно было *отстояние* своего древнего православия от насилия униато-католического. Все прочее сходилось, сосредоточивалось в этом, ибо в этом была главная *сущность* той долгой смутной борьбы польско-украинской, начавшейся вместе с зачатием унии в девяностых годах XVI века. *Обида православия* была *главною*, самую чувствительною, горшею обидою для всего южнорусского народа, при которой все остальные обиды были уже *второстепенными* и без которой всякая из остальных обид, как бы ни велика была, была бы сноснее. То была *душа* всего...

К числу второстепенных обид принадлежит и вторая из двух, поставленных Вами на первом плане, т. е. *строгие меры* правительства к удержанию козачества от набегов на Туреччину. Но это относилось собственно к *запорожцам*, или *низовцам*, и бывало только по временам, ибо чаще само польское правительство возбуждало запорожцев на татар и турок и нуждалось в их козацкой для того силе. Да и как можно было воздержать Запорожье от набегов на татар и турок, когда оно на том состоялось и выросло, и татарва была у него всегда, как смерть, за плечами! [...]

В заключение мне остается сказать еще о *замечании* на Вашу статью издателя и переводчика ее. Г. Кулиш говорит в начале: «И сам г. Грабовский *впадает в односторонность и преувеличение*, говоря, что для украинцев *ляхами, неголяшками и ополячившимися панами* были все те, кто желал порядка и спокойствия и у кого было что *заграбить*». Это сказал он справедливо, однако и сам он *впадает в односторонность и преувеличение*, ибо в основу своего исторического взгляда он принял Ваше одностороннее представление польско-украинской борьбы «*войсковыми бунтами, мятежами черни*»; но у

Надгробок Адама Киселя
в Низкиничях на Волині.
1653 р.

него это развито в направлении, противоположном Вашему, в направлении *антишляхетном*.

По его понятию, «в украинском простонародье в *необыкновенной* степени было развито *сознание своей человечности*, а *шляхетное устройство* Речи Посполитой диаметрально противоречило этому сознанию». Из этой противоположности «и родилась страшная международная ненависть в Речи Посполитой; и в этом смысле Малороссия и Польша представляют едва ли не *единственный* пример войны из-за *оскорбленного чувства человеческого достоинства*, к которому примешались другие оскорбления и обиды, уже в качестве горючих материалов, бросаемых в готовое пламя».

Но, возведя историческое дело к самому отвлеченному началу — к *сознанию своей человечности* в украинском простонародье, г. Кулиш тотчас свел оное к более ощутительному и историческому началу — к *народности*: «Две совершенно *противоположные национальности* столкнулись на почве, занятой польскою политическою системою, и, исполнив предназначенное им свыше обоюдное дело *на пользу человечества*, доказали друг другу, кажется, слишком ясно свою *несовместность*». Тут выходит противоположность *ляха с русином*, которая не совсем совпадает с тою противоположностью — *шляхтича с простолюдином*; да и в Южной Руси с древнего времени было же свое высшее сословие, до распространения в ней шляхетства польского.

Но односторонность принятого от Вас представления борьбы польско-украинской означалась ясно в следующем представлении Гетманщины, возникшей при Хмельницком: «И этот народ, выйдя под предводительством Хмельницкого из рабского общественного состояния, *отделяясь от собственного дворянства*, то есть лишаясь *сословия просвещенного, знакомого с администрацией и политикой*, в тот же самый момент образовал у себя своеобразное правительство с судопроизводством и расправою на всех пунктах земли Южнорусской, с почтовым сообщением административных распоряжений, с *громадскими мужами* в каждом самом малолюдном селе, с представителями сословий для решения важных общественных дел и с верховным трибуналом, которого президентом был избирательный гетман, ограниченный голосами генеральных старшин».

В этом более идиллическом, чем историческом представлении тогдашней Гетманщины «единомышленным гражданским обществом, показавшим в малороссийском народе присутствие высших гражданских понятий» преувеличено гражданское его благоустройство и представлено новорожденным в один момент то, что было готовым запасом в Малороссии от ее прежней действительной жизни (как-то: и гетманство избирательное, и генеральная старшина, и судопроизводство, и громадские мужи, и почтовые сообщения); а главное — несправедливо то, будто народ *отделился* тогда «от собственно дворянства», *лишился «сословия просвещенного, знакомого с администрацией и политикой»*. Что часть малороссийского *шляхетства* осталась в тогдашней Гетманщине, о том уже выше упомянуто: о нем говорится в Договорных статьях Хмельницкого, и на утверждение прежних прав его испроше-

на была особая царская грамота, данная 1654 года, 27 марта. Виновник возрождения Малороссии, Богдан Хмельницкий, был человек весьма просвещенный и весьма знакомый с администрацией и политикою: его-то умом, доблестью и властью в народе состоялась тогдашняя Малороссия в единстве особого гражданского общества, и к нему вполне шла украинская пословица «До булавы треба головы»; и как только не стало этой головы козацкой (1657 г.), тотчас одностойная Малороссия пошла врозь.

*Той направо, той наливо,
А все братья — то-то диво!*

Из ближайших при гетмане Богдане дельцов и двигателей Малороссии *Иван Остафьевич Выговский* — из шляхетства волынского — и *Павел Иванович Тетеря* — из шляхетства киевского — принадлежали к числу образованнейших людей своего времени; равно и генеральный судья *Самийло Богданов*, и генеральный асаул *Демко Многогришний*, и секретарь Хмельницкого *Самийло Зирка*. Да и большая часть тогдашних полковников — от *Антоня Ждановича* киевского до *Ивана Ничипоренка* или *Золотаренка* нежинского — были также люди письменные и весьма способные Хмельницкому для его переговоров с Москвою, Польшею, Турциею и прочими соседними землями. Наконец, в картине г. Кулиша пропущено целое «просвещенное сословие» — южнорусское *духовенство*, которого вовсе не лишился, а напротив — весьма держался народ малороссийский, которое в половине XVII столетия стояло уже на высокой степени просвещения, в уровень просвещения западноевропейского. Довольно назвать тогдашнего Киевского митрополита *Сильвестра Косова* и тогдашнего ректора Киево-братской коллегии *Лазаря Барановича*, которые притом оба были из рода *шляхетного*.

Русская Беседа. 1857, кн. IV

Письма о Богдане Хмельницком

До будаки тебе головы.

Украинская пословица

Письмо первое

Когда мы с тобою, любезный академик*, доканчивали в «Русской Беседе» ученую распрю нашу за древность малороссийского народа и языка в земле Киево-Переяславской, тогда ты написал мне вот что: «Богдан был великий человек; память его драгоценна малороссиянину; но на славный его подвиг можно и должно смотреть с различных сторон: одна сторона — Московская, другая — Киевская. Я рад поговорить с тобою о Богдане, когда кончится издание превосходного, кажется, труда г. Костомарова».

*
Листи 1—5 адресовані
М. Погодіну. — Ред.

Спасибо за такие речи! Но труд г. Костомарова издан был весь того же 1857 года, в восьми номерах «Отечественных Записок»; а теперь перед нами уже *второе, пополненное* его издание, в двух томах (СПб., 1859 г.). И если ты все еще рад поговорить со мною о Богдане, то я и подавно рад беседовать о нем с тобою — не потому только, что мне как «щирому малороссиянину» драгоценна память достославного гетмана, не потому только, что историческая беседа с тобою не одному мне, но и читателям нашим, конечно, бывает в назидание, небесплодное и для науки; но еще и потому, что теперь именно мне хочется этою беседою отвлечь лишний раз твои мысли от современности — и не в глубокую древность Руси, в которую ты и сам постоянно уединяешься, а только в XVII век, на берега моего родимого Днепра-Славутицы... Сладко окунуться в волнах минувшего бытия, когда бываешь утомлен и занылен действительностью современною...

Обо всем, что относится к жизни Москвы и Великой Руси, ты говорил всегда с таким живым разумением и чувством русской души: говори же мне о нашем Богдане, глядя на великий подвиг его с твоей *московской* стороны; пусть увижу я: в чем ты полагаешь различие этой стороны от нашей *киевской*?

А мой взгляд на Богдана тебе известен, особенно из двух статей моих, помещенных в «Русской Беседе» 1857 года, т. е. из «Воспоминания о Богдане Хмельницком» (кн. I) и письма к М. А. Грабовскому «О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян в XVII веке» (кн. IV). При моем киевском взгляде на славный подвиг Богдана я и здесь, в Москве, когда в виду Кремля люблюсь великолепным памятником Минина и Пожарского, всегда говорю себе: зачем же и до сих пор нет ни в Киеве, ни в Переяславе подобного памятника освободителю Малороссии от того же самого ига, тяготевшего над нею еще более и долее, чем над Москвою! И если уже не попеклись о том Разумовские, Завадовские, Безбородьки, Трощинские и другие малороссияне, то хоть бы вы, великороссияне, вздумали наконец выплатить этот долг своей благодарной памяти славному гетману, руками которого вся Малороссия, Восточная и Западная, оторвалась от Речи Посполитой Польской и примкнулась к Москве, в общий состав Русского мира...

Я думаю, что мой киевский взгляд на Богдана сойдется с твоим московским в одно *русское* воззрение, — так же, как Московская и Киевская Русь — две стороны одного *Русского мира*, надолго разрозненные и даже противостоявшие друг другу, сошлись *воедино* — усилиями Богдана. Его постоянное устремление к Московской Руси во все продолжение своей шестилетней многотрудной борьбы с поляками; его усилиями совершенное отторжение целой Малороссии от Польской короны и присоединение к державе Русской; его крепкое настояние и деятельное участие козацкими силами в отвоевании Смоленска и всей Белоруссии Москвою от Польши; и то, что в 1654 году царь *Великой* России стал царем *Малой*, а вслед за тем и *Белой* Руси, и положено было тогда счастливое начало великому историческому делу — *воссоединению всей Владимировой Руси*, и поныне еще не вполне dokonченному: все это дает Богдану полное право, чтобы память его была драгоценною и для великороссиянина, и для всей Руси.

Р. С. Ты был оратором при открытии памятника Карамзину; не помнишь ли, во что обошлось сооружение памятника? А я припомню тебе вот что: когда целая Малороссия поступила под Русскую державу, то Чигиринское староство осталось по-прежнему на булаву гетманскую, а город *Гадяч* со всеми угодьями, составлявший имение королевское, пожалован был в вечность гетману Хмельницкому и его потомкам царскою грамотою 1654 года, марта 24 дня. Впоследствии Гадяч поступил в число ранговых гетманских имений, которые были пожалованы в потомственное владение графу К. Г. Разумовскому при увольнении его от гетманства, 1764 года. Но в 1785 году императрица выкупила в казну город Гадяч с волостью, где считалось крестьян 9948 душ мужского пола, заплатив 596 880 рублей, т. е. по 60 рублей за душу.

*
Она начинается с заглавия
«Летописец о начале войны
Хмельницкого».
Предостерегаю тебя,
что вводное начало
приделано к ней позднее,
не ранее как во второй
четверти прошлого
столетия, и взято
сокращенно из Летописи
Грабянки, с малыми
переменами. Это я могу
доказать тебе, как дважды
два четыре. Потому,
ссылаясь на Летопись
Самовидца, не должно
цитовать из этого введения,
дабы не приписывать
писателю XVII века того,
что написано в XVIII.

Любимец и предстатель народа своего, краса и слава козачества южнорусского, Богдан Хмельницкий был любимым героем и малороссийского летописанья — и от первой летописи заднепровского козака, прозванного *Самовидцем*, и до последней истории Малороссии, сочиненной прилуцким помещиком *Н. А. Маркевичем*. Помянутая летопись XVII века* и две старшие летописи прошлого столетия, т. е. *Грабянки* (1710) и *Величка* (1720), как видно по их заглавиям, и начались, собственно, как сказания о войнах Хмельницкого с поляками, а потом уже обратились в сказания о последующих десятилетиях. «История Малороссии» Маркевича, написанная в 1840 году, представляет в себе живой и увлекательный рассказ о гетманстве Хмельницкого, напоминающий иногда художественность первоначальника малороссийской истории Кониского; но, к сожалению, новый историк слишком придержался старого историка со стороны фактической и напрасно старался поддерживать многие ошибки его, которые были уже безвременны после «Истории» Бантыша-Каменского (1829), — истории, конечно, мертво-холодной и небезошибочной, но много обогатившей историю гетманства Богдана сведениями документальными, из Московского архива заимствованными.

Между тем именно с сорокового года начался для нас прилив исторический обнаружением памятников русских и польских, которые или совсем были не известны, или доступны были для весьма немногих. В том числе издано много памятников и об эпохе Хмельницкого, которые вызывали собою нового деятеля на новое повествование о Богдане, удовлетворительнейшее всех прежних. И кому же было взяться за это дело, как не тому молодому преподавателю русской истории в университете св. Владимира, который с такою любовью и трудолюбием работал над изучением истории и этнографии малороссийского народа! С удовольствием вспоминаю тот вечер у г. Костомарова в начале 1846 года на Старом Киеве, когда он прочел мне только что написанное им введение к истории Богдана Хмельницкого... (Тогда же я впервые увидел и твою драгоценную Летопись Величка, которая поручена была для издания г. Костомарову от Временной комиссии.) И вот через тринадцать лет я с наслаждением прочел уже всю его историю, уже во *втором* издании.

Русская публика достойно вознаградила своим вниманием прекрасный труд г. Костомарова, который, как объясняет автор, и написан «не в виду систематической истории, а рассказа; не для ученого круга специалистов, а для публики». Такая форма сочинения дала возможность автору придать истории всю занимательность романа и через то провести в массу читателей богатство сведений о столь любопытной и важной эпохе в русской жизни, каково девятилетнее гетманство Богданово; а с другой стороны, эта форма дала возможность автору принимать в свое сказание множество таких подробностей, которые ярко и живо обрисовывают характер и жизнь народа малороссийского и польского во взаимной ро-

BOHDAN CHMIELNICKI EXERCITUS
ZAPOROVIEŃ PRÆFECTUS, BELLI SERVILIS AUTOR
REBELLUMQ COSACCORUM ET PLEBIS UKRAYNEN
DUX.

Guilhelmus Hondius Hæga Batavus SRM^o Chalcographus Gouvier. Cum consilio SRM^o Gledici auctore.

ковой их борьбе, но от которых, вероятно, воздержалась бы всякая систематическая история, и самая художественная. Никто из писавших о Богдане не захватывал еще под свою руку такого множества источников, и особенно польских, как г. Костомаров, а потому в нынешнем труде его история о Бог-

В. Гондіус. Портрет Богдана
Хмельницького. 1651 р.

Богдан Хмельницький. Портрет XVIII ст.

дане Хмельницком получила новую прибыль и для ученого круга специалистов.

На твой вопрос мне о достоинстве труда г. Костомарова я скажу: его «Богдан Хмельницкий» хорош, как широкий днепровский луг в ту пору, когда красуется он длинными рядами свежих травных покосов после удачной *косовицы* и благовременной *гребовицы*. Но за привольною и веселою работою *косарей* и *гребцов* настает спешная и тяжелая работа *тягальников* и *кидальников*, чтобы уготованное благоуханное сено сложилось плотно в стройных скирдах. Чего бы и хотеть, если бы за эту окончательную уборку взялся сам хозяин занятого и уже скошенного им луга, на котором ему уже знакомы каждый бугор и каждая ложбина.

Эпоха гетмана Хмельницкого, да и сам великий Богдан, стоят того, чтобы трудолюбивый г. Костомаров поработал над ними сызнова, чтобы, пересмотрев и перебрав *критически* весь богатый запас, им собранный, сложил бы его в новую *историю Богдана Хмельницкого*, равно удовлетворительную для публики и для ученого круга специалистов. Ибо в каком бы виде ни была изложена история эпохи Богдановой — в виде романического рассказа или систематической истории, для публики ли, для круга ли ученых, или для круга учеников малых и больших, — везде равно требуется и предполагается *историческая живая истина*; а для ее достижения необходимы *точность* и *верность исторического факта*, потому что это есть основание, без которого не может состояться прочно никакое дело историка. Мы хотим и требуем от истории, чтобы в ней давно минувшая жизнь являлась *живьём* пред очами нашими; а для этого необходимо, чтобы каждое историческое событие и лицо было познано и представлено верно, в его подлинном виде и на своем месте, как *было* оно на самом деле.

Сего есмы искали — а потягнем!

Письмо третье

Пишу мои критические замечания собственно для тебя как для историка, а потому и стану иногда входить в такие подробности, которые для большинства читателей могли бы показаться лишними и мелочными, но они будут пригодны для всех изучающих эпоху гетмана Хмельницкого, следовательно и для самого г. Костомарова.

Приступая к повествованию о Богдане, он говорит: «Двое козацких старшин возвышались тогда перед другими как достойнейшие первенства по службе и по уважению в козацком сословии, но различные, по замечанию современника, и по уму, и по нраву. Первый был *Иван*, или *Ильяш*, *Барабаш*, полковник Черкасский и вместе с тем генеральный асаул. Родом он был *армянин*, но воспитан в Украине... Другой был *Зиновий-Богдан Хмельницкий*, *войсковой писарь*, природный русский...» Здесь у г. Костомарова сделано одно лицо из двух таких лиц, которые никогда еще не смешивались, но различа-

лись во всех «Историях», даже до «Очерка истории Малороссии» г. Соловьева, в шестой главе которого сказано: «Наказным гетманом был в это время какой-то *Барабаш*» и далее: «Хмельницкий с помощью какого-то *Ильяша Ормянчика*...» Но в письме пана синдика Львовского от 4 июня 1648 года сказано об этих двух козацких старшинах определительнее: «Реестровые козаки, которые отправились было водою против Хмельницкого, пристали к сему изменнику, умертвив двух известных своею верностью к Республике полковников — *Ильяша и Барабаша*» (Памятники Киевской Комиссии, т. I, отд. III, № 10).

Предложу тебе несколько биографических подробностей об этих двух лицах.

Ильяш Караимович принадлежал к товариству Переяславского полка; и в конце 1637 года, когда восстал запорожский гетман Павлюк и велел поймать и расстрелять Переяславского полковника *Савву Кононовича*, выбранного реестровыми козаками в гетманы, и завязалась жаркая война Кумейская, — в те поры *Ильяш* стал Переяславским полковником и получил от Потоцкого старшинство над козачеством реестровым. Полковником Переяславским оставался он до конца следующего 1638 года, когда во все шесть полков поставлены были полковники польские. *Ильяш* тогда получил звание генерального асаула, в котором и оставался до смерти. С ним вместе другим генеральным асаулом был *Леонтий Бубновский*, а потом — *Иван Барабаш*. Фамилия *Ильяшева* — *Караимович* — показывает, что он был сын или внук караима; но в Летописи Самовидца сохранилось народное прозвание ему *Ормянчик*, данное по близости двух племен.

Иван Барабаш принадлежал к товариству Черкаского полка, в котором он был сперва сотником, а в сороковых годах стал полковником и вместе генеральным асаулом. Этим чином он подписался 1645 года на двух книгах, наданных им в черкаскую церковь Рождества Богородицы. Из тех надписей я узнал, что его звали *Иваном Дмитриевичем*, а знаменитую жену его, паню Барабашиху, — *Софией*, и что у них были два сына — *Григорий* и *Степан*. (Очевидно, что Запорожский полковник *Яков Барабаш*, который в 1658 г. подвизался вместе с Мартыном Пушкарем против Выговского, был сын не Черкаского полковника.)

Фамильное имя *Барабаш* (так же, как и *Булюбаш*, *Кочубей*) обличает татарское, а не армянское происхождение. Впрочем, наши народные малороссийские художники любили в старину сблизать неприятные для них народности. Так, например, в церкви *Гарбузинского* монастыря на острове р. Роси есть старая картина Страшного Суда, на которой между *табашниками*, *люлешниками* и другими грешниками представлена особая группа с таким надписанием:

*Жиды, турки и вермене,
Пойдуть в огонь все ог Мене.*

Шабля
Богдана Хмельницкого

Но отчего же, спросишь ты, г. Костомаров смешал два исторических лица в одно?

Я полагаю тому две причины. Во-первых: у польского историка В. Коховского Барабашу дано имя *Ильяша*, т. е. Ильи, вместо Ивана. Во-вторых: известная история о том, как Хмельницкий *штучным способом* достал королевские грамоты у Барабаша черкаского, в Летописи Самовидца отнесена к *Ильяшу переяславскому*! Это один из тех случаев, как ложно бывает иногда свидетельство современника, и притом добросовестного, каков заднепровский козак-летописец. А таких случаев из эпохи Хмельницкого можно привести немало, даже очень много. Вот, например, Переяславский полковник *Кречовский* (у Коховского поставленный Чигиринским), которому поручено было схватить Хмельницкого, но который оказал ему столько приязни и стал на его стороне, и потом, тяжело раненный в битве с Радзивилом, принесен был полумертвый в его стан и там скончался: все это в современной летописи православно-русского киевского дворянина Ерлича возведено на Чигиринского полковника *Закревского*, и он незаслуженно называется там *изменником*, так же как и канцлер Оссолинский. Ерлич держался антивладиславской аристократической партии, ненавидел Хмельницкого и все козачество.

Что касается до Коховского, лучшего из историков польских, писавших об эпохе Хмельницкого, то у него беспрестанно являются козацкие рыцари или не со своими именами, или не со своими фамилиями. Так, знаменитый обозный войсковой *Иван Чернота*, или *Чорнята*, у него назван *Еразмом*, по чему и у нас начиная с Грабянки зовется он *Герасимом*. Известный Миргородский полковник *Матвей Гладкий* у Коховского, а за ним и у наших историков зовется *Максимом*. Каневский полковник *Семен Савич*, по-латыни *Savicius*, у Коховского опечаткою названный *Pavicius*, у Грабянки преобразился в *Павицкого*, а у г. Костомарова — в *Павича*. Знаменитый *Антон Киевский* вместо настоящей фамилии своей *Жганович* (а по-великорусски — *Жганов*), под которою он встречается в памятниках современных, у Коховского называется *Агамовичем*, и под этим не собственным именем он с легкой руки Грабянкиной является уже полтора ста лет у всех наших историков, и в книге г. Костомарова.

Не велика важность, кажется, назвать историческое лицо не его именем, но от этого-то небрежения о точности и верности исторического факта и выходят такие ошибки, какая случилась у г. Костомарова, что Иван Барабаш явился у него *двуличным*, как мифический Янус.

Бунчук та булава

Гетьманське перо,
прикрашене дорожінним
камінням

*
При Богдане родимый
его город *Чигирин* стал
столицею или резиденциею
гетманскою вместо городов
Черкас и Корсуня.

**
Этот Демко есть Демьян
Игнатович Многогришный,
который впоследствии был
полковником
Черниговским, а наконец и
гетманом Малороссийским.

Это Иван Остафиевич
Выговский, бывший тоже
гетманом.

У него встречаются: *Чигиринский* полковник Федор Якубович и *Вешняк*, полковник *Черкасский*, а ведь это один и тот же полковник! Второе место у г. Костомарова взято из современного дневника Смяровского, где сказано определительнее: «один из полковников, Федор Весняк, старший полковник Черкасский». Тут ошибка только в имени полка: надо было сказать — *Чигиринский*; а был Вешняк старшим полковником потому, что Чигиринский полк считался старшим, ибо при нем числится и сам гетман с войсковою (генеральною) старшиною*. Потому и в Книге реестров Войска Запорожского, писанной в исходе 1649 года, реестр Чигиринского полка начинается так:

«Е. М. пан гетман Богдан Хмельницкий.
Тимош Хмельницкий.
Михайло Лучченко, асаул войсковый.
Демко**, асаул войсковый.
Иван Остафиевич***, писарь войсковый.
Федор Якубович, полковник Чигиринский.
Андрей Пилипович, асаул полковый.
Васько Литвиненко, асаул полковый.
Данко Костенко, хоружий полковый...» и т. д.

Полковником Черкасским в те поры был Ясько Воронченко (или Воронко), у г. Костомарова названный Яковом Воронченком. Но Ясько значит Иван (как и назван Воронченко у Кониского), уменьшительная форма имени Яков — Яцько.

Полковник Корсунский Лукьян Мозыра у Коховского называется то Мозырою, то Мрозовицким (Mrozowicius), откуда и в Летописи Грабянки вышло два лица: Мозыра и Мороз (в издании Туманского названный еще Козарою). Очевидно, что на Корсунском полковничестве был не Мороз и не Мрозовицкий, а Мозыра: потому не для чего и искать в Корсунском полковнике Морозенка, песенного героя Козаччины. В гетманство Богдана было несколько Морозенков в разных полках, но из них один только подходит к песенному герою, а именно обозный Кропивянского полка Нестор Морозенко, предводительший нередко этим полком при отлучках полковника своего Филона Джеджеля, или Джаджалия, который у г. Костомарова именуется Джаджалыком, а в современных польских писаниях — Дзялаком!

В моем «Известии о летописи Грабянки» (см. в «Москвитяине», 1854 г.) и в «Обозрении городских полков и сотен, бывших на Украине» (см. в «Вестнике Географического общества») я имел терпение разобрать и поправить многие ошибки Коховского, перенесенные в летописание малороссийское, но г. Костомаров моими поправками, как видно, не воспользовался. Доколе же нам повторять ошибки писателей польских? Зачем и новейшим польским писателям вносить в свои сочинения ошибки наших русских историков (как это сделал г. Чарновский в книге своей «Украина и Запорожье», 1854 г.)? Не век же меняться нам неправдою! Пора принятись нам соединенными силами за добытие исторической истины во всей ее чистоте и ясности! Но обратимся к Хмельницкому.

Р. S. Тебе, книголюбцу, сообщу библиографическое сведение о «Книге реестров Войска Запорожского», на которую

иногда ссылаюсь. Эта книга, без сомнения, есть первоначальный подлинник *реестров*, составленный для войсковой канцелярии осенью 1649 года; в разных местах ее встречаются приписки и поправки руки Выговского. В моих руках она была несколько недель в 1850 году, за что обязан я владельцу ее, Андрею Яковлевичу Стороженку (сконч. 1858).

Реестры всего Войска Запорожского писаны в два столбца на 449 нумерованных листах. На обороте последнего листа печать войсковая и собственноручные подписи гетмана *Богдана Хмельницкого* (одна по-русски, другая по-польски) и войскового писаря *Ивана Выговского* (по-польски). В начале два заглавных листа, на обороте первого — герб Хмельницкого с 8-стишною подписью:

*Старожитность, то тилко як бы обновила,
Же векопомность явно зновуся відкрила
Клейнот, котрый Хмельницких дом приоздобляєт
В мужности, в правде, в вере мощно утверждает,
Не див; бо Абганк знак есть щогрой поволности;
Крест за фермамент веры Хмельницких, мужности
Незвятияжный Кролю в християнском панстве!
Кгы поволность Хмельницких маеш у подганстве.*

Второй лист занят следующим заглавием:

«Под счастливым панованьем найяснейшого, а за помочю Божею незвятияжного Иана Казимера, з Божое ласки короля Полского, великого князя Литовского, Руского, Пруского, Мазовецкого, Жмудского, Инфлянского, и Шведского, Кгдского, Вандальского, дедичного короля — волности од е. к. м. и речи посполитое здавна наданные Войску Запорозкому и теперь апробованные, а за реименту гетманского през урожноного пана Богдана Хмельницкого, гетмана Войска е. к. м. Запорозкого реестра всего войска перегляду споряженные року 1649 месяца октоврия дня 15. Roku 1649».

По этой книге я составил достоверный список *16-ти полков Малороссии*, установленных Богданом Хмельницким после Зборовского мира, — и этим списком я предложил (1854 г.) заменить ошибочный *15-полковой список**, столько раз повторенный в продолжение полутора десятилетий в разных сочинениях.

*
Главные ошибки его:
пропуск *Белоцерковского*
полка и название
Прилуцкого полка
Острианским.

Полки и их полковники к 1650 году

1. Чигиринский — Федор Якубович (Весняк).
2. Черкасский — Ясько Воронченко.
3. Каневский — Семен Савич.
4. Корсунский — Лукьян Мозыра.
5. Белоцерковский — Михайло Громыка.
6. Уманский — Иосиф Глух.
7. Браславский — Данило Нечай.
8. Кальницкий — Иван Федоренко.
9. Киевский — Антон Жданович.
10. Переяславский — Федор Лобода.
11. Кропивянский — Филон Джаджалий.
12. Миргородский — Матвей Гладкий.
13. Полтавский — Мартын Пушкаренко.
14. Прилуцкий — Тимофей Носач.
15. Нежинский — Прокоп Шумейко.
16. Черниговский — Мартын Небаба.

На целый месяц отбился я от моих писем к тебе, да и теперь возвращаюсь лишь на одно письмо. Повевает уже весною... И мне пора уходить от вас на Днепр, чтобы там застать еще хоть конец весны украинской... Взглянем же на Хмельницкого, каким он выведен в рассказе г. Костомарова на сцену 1646 года.

Изобразив одного из двух тогдашних козацких старшин (Ильяша—Барабаша), автор продолжает: «а другой был Зиновий-Богдан Хмельницкий, *войсковой писарь*, природный русский». Зачем же тут «войсковой писарь»? Богдан Хмельницкий был «*сотник* на тот час *Чигиринский*» (см. Летопись Величка, т. I, с. 37). Это подтверждается и Летописью Самовидца, где сказано: «в Чигирине месте мешкал *сотник* Богдан Хмельницкий». Да и в *Реестре козацких обиг* 1647 года сказано так: «в прошедшем году, когда Хмельницкий ехал подле *своего полковника* навстречу татарам, которые сделали было набег на Чигирин...» (Памятники Киевской комиссии, т. I, отд. I, № 1).

Тут выражение «*подле своего полковника*» обозначает в Богдане Чигиринского *сотника*, не более.

Да и сам г. Костомаров не уверен, что Хмельницкий был когда-нибудь *войсковым писарем*, ибо на следующей странице он говорит, что Хмельницкий, воротясь из Запорожья на Украину, «стал служить в службе городовых козаков; он получил в ней чин *сотника*, а *потом* занимал место между войсковыми старшинами, как говорят некоторые, генерального писаря». Эти *некоторые* (как видно по цитате) были Миллер и Кониский.

Впрочем, Хмельницкий действительно был *войсковым писарем*, но гораздо прежде 1646 года, и то лишь на несколько месяцев. Он стал войсковым писарем в декабре 1637 года, на место *Федора Онушкевича* и *Степана Догоринского*, когда взят был гетман Павлюк под Боровицею. Это видно из подписи *Богдана Хмельницкого* на козацкой присяге, которая сохранилась в тогдашних градских книгах, а также и в печатном «Дневнике» Оскольского о войне Кумейской. *Потом*, в следующем 1638 году, был уже другой войсковой писарь, а Богдан остался в скромном звании *Чигиринского сотника*, в котором и продолжал службу до 1648 года.

Но возвратимся к началу его службы, по рассказу г. Костомарова.

«Отец Зиновия, Михайло Хмельницкий, служил в козацкой службе сотником» — и только. Но тут не мешало бы сказать определительнее: *сотником Чигиринским* (Летопись Грабянки, с. 33); а к этому следовало бы прибавить и то, что Михайло Хмельницкий, будучи близким человеком к гетману Жолкевскому, был и *Чигиринским подстаростою* — в той должности, которую через 20 лет после него занял негодяй *Чаплинский*, обидчик и враг заслуженного Богдана. Сам Богдан в своем письме к королю Яну Казимиру, писанном 1649 года в лагере под Зборовом, говорит: «Всем известна моя верная служба вместе с отцом моим, блаженной памяти Михаи-

лом Хмельницким, *подстаростою Чигиринским*, который, служа всей республике и славной памяти родителю Вашему, королю Сигизмунду, пал в битве под Цецорою» (Памятники Киевской комиссии, т. I, отд. 1, № 84).

Г. Костомаров говорит далее: «Окончив учение, он [Богдан] служил конюшим у *какого-то* пана Потоцкого и за неосторожную выходку чуть было не погиб. Пан, напившись пьян за обедом, хотел на потеху собеседникам отрубить голову Хмельницкому, против которого был предупрежден; но Хмельницкий, предуведомленный заранее товарищами, убежал в Сечь, где, по выражению летописи, не жалел своего лба ни на поле, ни на море и был в большой чести у запорожской братии».

Этот рассказ извлечен из сказания, которым начинается Летопись Величка и которое там взято «з повести певной шляхты польской». Но эта повесть так баснословна, что ее совсем не следовало принимать в наше время (подобно тому как не следовало г. Скальковскому доверять тому польскому пану, который уверял, будто он сам видел, как в 1768 году был посажен на кол Мельхиседек Значко-Яворский, — Мельхиседек, благополучно живший до 1809 года)!

Вельможный пан Потоцкий у Величка назван определенно — «фундатором замку Бродского», и по этому признаку можно было определить, какой это Потоцкий. Но дело вот в чем: г. Костомаров говорит: «за неосторожную выходку чуть было не погиб». Эта выходка состояла в следующем ответе Богдана на вопрос вельможного пана о Бродском замке: «що рука людская сделает, то тая ж и зопсовати может!» Ясное дело, что здесь применен к Потоцкому и к Бродскому замку тот известный ответ Богдана, который он сказал гораздо позднее гетману Конецпольскому на его вопрос о крепости Кодацкой. См. об этом у г. Костомарова на странице 58, где сказано в заключение: «Вспоминая слова Хмельницкого, *паны погрозвали* и его в участии (с Сулимою). Под конец жизни Конецпольский говорил: «Жалко, что я оставил в живых такую беспокойную голову!» При этом я не могу не напомнить, что Броды принадлежали тогда гетману Конецпольскому, который там и окончил свою жизнь в начале 1646 года.

Г. Костомаров продолжает: «*Через несколько времени* он воротился в Украину, женился на русской девице Анне Сомковне и стал служить в службе городовых козаков».

Тут необходимо было определить, хотя бы приблизительно, когда воротился Богдан на Украину из Запорожской Сечи, дабы яснее себе представить две половины догетманской службы его — одну в Низовом Запорожском Войске, а другую в городском козачестве. Но г. Костомаров, сказав неопределительно, что Богдан воротился на Украину «через несколько времени», говорит далее: «В сражении с турками под Цецорою, где был убит знаменитый польский военачальник Жолкевский, Хмельницкий лишился старого отца и был взят в плен, где, однако, *был недолго* и выкуплен за пленных турок».

Это Цецорское сражение происходило в октябре 1620 года. Таким образом выходит, будто Хмельницкий воротился из Запорожья на службу в украинском городском козачестве еще до 1620 года. Притом же г. Костомаров, приняв пленение

Польський король
Владислав IV.
Портрет XVII ст.

Богдана Хмельницького на Цецьорському сраженні (як обыкновенно приймають), своєвольню скоротив термін полону, який продовжувався *два роки*. Це *скорочення* полону зроблено для того, щоб можна було прийняти в розповідь знамените Чорноморське діло Богданово *1621 року*. Попередні історики, приймавши *двохлітній* полон Богдана на Цецьорі (наприклад, Грабянка, Бантыш-Каменський), пропускали зовсім Чорноморську перемогу 1621 року; інші, приймаючи цю перемогу (наприклад Величко), зменшували про полоненні Богдана на Цецьорі. Ригельман у своєму повіствуванні уладив діло так: прийняв *двохлітній* полон з 1620 року, Чорноморську перемогу переставив

Письма о Богдане Хмельницком

назад, на 1618 год! Но эта победа была в августе 1621 года: это факт достоверный и потому непременимый, — равно как и то, что Богдан пробыл в плену *два года*, ибо об этом свидетельствует он сам в вышеупомянутом письме к королю 1649 года. Сказав о службе отца своего и смерти его на Цецоре, он потом говорит о себе: «А я, отведенный в плен, *два года* содержался в тюрьме и, по милости Божией получивши свободу, навсегда остался в рядах войск республики, служил верно».

Итак, ошибка прежних историков состояла в том, что они отдали Богдана на двухлетний плен в октябре 1620 года на Цецорском сражении, а Бантыш-Каменский прибавил к этому, что там, на Цецоре, Богдан показал *первые опыты* своей храбрости!.. В какие именно года был он в плену, об этом нет современного свидетельства (вероятно, это было еще до 1620 года), но его военные подвиги начались, конечно, не с октября этого года, если в августе 1621 года он был уже победоносным вождем десяти тысячного козацкого отряда запорожцев на Черном море — разбил и потопил 12 турецких галер, а остальные преследовал до самого Царьгорода (во время Хотинской войны, на которой прославился гетман Сагайдачный); видно из этого, что Богдан Хмельницкий в 1621 году был уже опытный, надежный сечевик.

Г. Костомаров продолжает о Богдане: «После того несколько раз он бился с татарами, а в 1629 году привел королю двух пленных волошских князей».

Это известие у нас началось с Летописи Грабянки, где сказано: «...но и по выкупе, ходячи в чамбулы, Орду бивал и языков до кроля привождал, а в року 1629 двох Кантемиров живо до кроля привел» и т. д. Это известие с разными вариациями повторялось у нас полтора столетия, но я крайне удивился, что оно нашло место и в рассказе г. Костомарова. У него под рукою в числе источников были и Летопись Ерлича, и «Старожитности» Амвросия Грабовского; а при этих двух пособиях легко было разобрать, что в этой знаменитой поимке двух Кантемиричей летописатель обманулся созвучием имен: героем той битвы, в *сентябре 1629 года*, был не *Богдан Хмельницкий*, а *Степан Хмелецкий*, хорунжий Браславский, с которым вместе подвизались там и козаки с тогдашним гетманом своим *Григорием Савичем Черным*. Хмелецкий был за то повышен в воеводы Киевские (на место князя Александра Заславского, умершего в том году 4 августа); однако он не успел воспользоваться воеводством, ибо 16 февраля 1630 года скончался в Баре. А что же делал тогда Богдан Хмельницкий?.. Продолжая свою службу в Запорожском товаристве, он совершил в 1629 году новый знаменитый поход Черноморский

**Польський король
Ян Казимир. Гравюра 1649 р.**

Ю. Коссак. Станіслав
Жолкевський під Цепорою.
Гравюра XIX ст.

к Царюгороду, но этот его поход для всех историков наших был заслонен вышеприведенным подвигом Хмелецкого!

О Богдане как запорожце всего важнее для меня свидетельство современного ему запорожца — славного кошевого атамана *Ивана Сирка*. Вот что говорит он о Хмельницком в своем письме к крымскому хану Селиму от 23 сентября 1675 года, исчисляя Черноморские походы козацких вождей:

Ю. Коссак. Похід
Богдана Хмельницького
з Тугай-беєм. 1885 р.

«По нем [т. е. по *Конашевиче-Сагайдачному*], року 1621, тож пред гетманством своим, Богдан Хмельницкий, на морю Чорном воюючи в своих моносилах, многие корабли турецкие опановал и благополучно до Сечи повернулся; потом, року 1629, браття наши запорожцы, з певным вождем своим, воюючи в чолнах по Евксинопонту, коснулись мужественно и самих стен Константинопольских, и оные довольно мушкетным

Письма
о Богдане Хмельницком

Ян Матейко.
Богдан Хмельницкий
і Тугай-бей під Львовом.
1885 р.

окутивши дымом, превеликий султанови и всем мешканцам цариградским сотворили страх и смятение, и некоторые од-леглейшии селения константинопольские запаливши, тож щасливе из многими здобычами до Коша своего повернули».

Этим походом на Царьград, 1629 года, *певный вождь* Запорожский, кажется, и покончил свою службу в Низовом войске и, возвратясь в свою родную Чигиринщину, женился на переяславке Анне Сомковне, стал служить в городском козачестве, и в этой службе прошло еще около 18 лет догетманской его жизни.

Переходя к подробному повествованию о ее последних двух годах (т. е. с половины 1646 года), г. Костомаров предположил характеристику Богдана, написанную под наитием польского историка Коховского и завершенную такими его словами о нелюбом для него герое Козаччины: «Его лице, сияющее и кроткое, скрывало дух беспокойный, склонный к волнению и было подобно светлому льду, подернувшему гнилую болотную воду». Эту «гнилую болотную воду» я выведу тебе на свежую воду Днепровскую в следующем письме, которое напишу тебе уже с Михайловой Горы. Прощай!

Письмо пятое

О ПРИЕЗДЕ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО В КИЕВ ИЗ ЗАМОСТЬЯ

Что же ты не отзываешься, любезный академик, на мои первые письма к тебе о Богдане Хмельницком, тобою же вызванные? Без того — мои дальнейшие письма будут только критикою книги г. Костомарова. Читал ли ты в 122-м номере «С.-Петербургских ведомостей» его «Объяснение»? На днях я послал в те же «Ведомости» ответ мой на первую половину объяснения, относящуюся к сподвижникам Хмельницкого, а о второй половине, относящейся к самому Богдану, мне следует поговорить с тобою. Но на этот раз, чтобы не начинать с того, о чем было уже говорено, я возьму подальше; мне развернулась книга г. Костомарова на 289-й странице, где начинается речь о прибытии Хмельницкого в Киев от Замостья. То был один из достопамятнейших дней в жизни Богдана и в жизни поднятого им народа, который торжественно встречал в Киеве своего победоносного гетмана, совершившего в продолжение полугода целый круг блистательных побед своих над ляхами. Какой богатый предмет для историка-художника! Но в книге Костомарова, как нарочно, картина этого прибытия Богдана в Киев бледна в художественном отношении, неверна и неполна в отношении историческом.

«Хмельницкий прибыл в первых числах января 1649 года в Киев».

Это неверно. Историк взял из «Дневника» Мясковского эту ошибочную подробность его, не воспользовавшись другими подробностями, необходимыми для картины украинского героя в киевском торжестве. В «Дневнике» сказано: «Через

План Замостя

Валахию, миновав Константинополь, он (патриарх Иерусалимский) прибежал сюда в Киев, где его застал Хмельницкий, только что возвращавшийся победителем и триумфатором от Замостя, *в первых числах января*. Г. Костомаров взял эти числа, не переложив их на старый штиль, которого он держался, на который у него переложены и числа того же дняника польских комиссаров. Но и по новому штилю Хмельницкий прибыл в Киев в последних числах декабря 1648 года, именно 27 декабря, в воскресенье после вечерен: так отмечено в Летописи киевского дворянина Ерлича (т. I, с. 72), с прибавлением, что киевляне вдвое или вдесятеро более радовались и воздавали почесть гетману Хмельницкому, чем когда-либо воеводам. Я уже говорил тебе, что Ерлич ненавидел Хмельницкого и все козачество; но его определительное показание о времени приезда Богданова в Киев заслуживает полного вероятия, ибо он (как сам говорит на с. 69), бежав от козаков *до ясу* и пришедши в Киев пешком, сидел в Печерской Лавре с самого августа, по приязни к нему тогдашнего архимандрита *Иосифа Тризны*. В «Дневнике» Мясковского вышел ошибочный расчет дней оттого, может быть, что Хмельницкий в Переяславе говорил комиссарам: «Було много часу трактовати зо мною... И на останок под Замостем и як од Замостя *шесть недель* ишов я до Киева». Но Хмельницкий в разгоряченной речи своей польским комиссарам легко мог и обмолвиться неделею, как это нередко случается не только в изустной речи, но и в письменном изложении. Вот хоть бы и в книге г. Костомарова (на с. 45) Хмельницкий показан при осаде Смоленска *в 1635 году*.

Есть и документальный след тогдашнего пребывания Богдана в Киеве — его универсал Печерскому девичьему монастырю, напечатанный в 5 томе «Актов, относящихся к Запад-

ной России». Из него видно, что Хмельницкий тогда в Киеве занимался, между прочим, и вопросом крестьянским (говоря по-нынешнему). Но к нашему вопросу этот универсал идет, собственно, тем, что он «дан в *Киеве*, дня *28 декабря року 1648*». Итак, принимая определительное показание Ерлича и переводя его на старый штиль, я полагаю, что Хмельницкий прибыл из Замостья в Киев *17 декабря 1648 года*.

Г. Костомаров продолжает: «При звоне колоколов, при громе пушек, при радостных восклицаниях многочисленного народа предводитель со всеми старшинами въехал торжественно в полуразрушенные Ярославовы Золотые Ворота, и у стен Святой Софии был приветствуем митрополитом и духовенством; бурсаки Академии и училищ пели ему латинские и украинские стихи».

«Дневник» Мясковского дает нам более полную картину. «Сам патриарх с тысячью всадников выехал к нему навстречу из города, а здешний митрополит дал ему подле себя место в санях с правой стороны. Весь народ, вышедши из города, вся чернь приветствовали его речами и песнями, как Моисея, спасителя и избавителя народа от рабства ляхского, находя в имени *Богдана* доброе предзнаменование и называя его *Богоданным*. Патриарх дал ему титул *светлейшего князя*. Из всех пушек и других орудий в замке и городе раздавалась пальба». Выключить *патриарха* с тысячью всадников, встречающего за городом победоносного гетмана — значит отнять много торжественности у картины въезда его в Киев. «Бурсаки пели ему латинские и украинские стихи»: тут ничего нет особенного — кому они не пели их? У г. Костомарова не принято именно то, что в речах академических вызвано было самим случаем, что составляло принадлежность и особенность этого торжества: оборот слов об имени *Богдана** и сравнение украинского избавителя, которое не упущено и в картине Коховского, — «украинский Моисей» — и которое долго отзывалось в малороссийских писаниях названием «*ляцкого египетского ига*».

*

У Бантыша-Каменского было мнение, будто Зиновий Хмельницкий с этого времени и принял имя *Богдана*. Но он и на Боровицкой присяге козацкой 1638 года подписался «войсковый писарь Богдан Хмельницкий».

Взамен того г. Костомаров дополнил свою картину козацким плачем, взятым из Грабянки: «Козаки, говорит русский летописец, заплакали, увидя красоту церквей Божих столицы святого Владимира, на землю опроверженную».

Грабянка сочинил этот неуместный плач о киевских храмах в подражание Коховскому, который в заключение своей нарядной картины Богдана не упустил случая нарисовать Киев (Коховский — удивительный рисовальщик, как московский Зорянка в портретах). Нечего было плакать при торжественном въезде Богдана тем козакам, которые часто бывали в Киеве и к нему пригляделись. А те козаки, которые не видели Киева лет десять или двадцать, те могли заплакать разве от умиления, что древние храмы киевские, лежавшие в вековых развалинах или бывшие в руках униатских, уже воздвиглись и обновились попечением пламенного Могилы и других ревнителей святыни церковной. Заплакать с печали могли тогда иезуиты, доминикане да бернардины — о своих коллегиях, конвентах и костелах, пострадавших того года и в Киеве от мести народной.

Далее говорит г. Костомаров: «Сам гетман очень был грустен; что-то странное явилось в его характере: он то постился и молился, по несколько часов лежал ниц перед образами в храме, то советовался с колдуньями, которых держал при себе три, и, пьяный, пел думы своего сочинения; то был ласков и ровен в обращении со всеми, то суров и надменен; козачество все прощало ему».

И в этих чертах — все пребывание Богдана в Киеве! Историк Хмельницкого продолжает: «Из Киева он уехал в Переяслав*. Там ожидал его митрополит Коринфский *Иоасаф*, носивший имя патриарха в Украине. От лица всего православного мира на Востоке он приносил ему поздравление и побуждал его на новую войну против ненавистного папизма. Он вовсе не был пастырь, как говорят о нем современники-поляки, а какой-то изгнанник**. С благословения этого архиерея Хмельницкий вступил в брачную связь с прежнею своею женою, отнятою Чаплинским...» и т. д.

Невероятно, чтоб на Украине называли тогда все патриархом не патриарха, — даже Хмельницкий, который через четыре года отпустил со своим письмом в Москву другого патриарха — того *Афанасия Сидящего*, которому на поклонение ходит русский народ во Мгарский монастырь под Лубнами. На самом деле тут ошибка самого г. Костомарова, не разобравшего, что был тот патриарх Иерусалимский, и то, что делось в Киеве, он перенес на Переяслав; а патриарха — лучше было назвать его хоть *Евдоксием*, как он назван у Коховского, чем ставить на его место другое лицо — Коринфского митрополита *Иоасафа*!

Ведь сам же Хмельницкий говорил 13 февраля в Переяславе комиссарам: «Мене патриарха в *Киеве* на ту войну благословил, дав мени шлюб з моею жонкою и розришив мене од грихов, хоч я и не сповидався***, и велив кончати ляхов: як же мени не слухати великого и святого владыки, головы нашего и гостя любого!» Само собою разумеется, что патриарх, благословляющий козацкого гетмана *кончать* ляхов, был для них лицом ненавистным; и не удивительно, что Мясковский осыпает его злословием в своем «Дневнике». Еще с дороги, в своем письме из Новосёлок, говоря о перемене, происшедшей с Хмельницким, он сказал: «Причиною тому — *патриарх Иерусалимский*, который от него (Хмельницкого) был принят с честью и отпущен в *Москву*, за что он дал Хмельницкому титул русского князя и сравнивал его с Константином Великим». В «Дневнике» он называет патриарха «изгнанником из земли Иерусалимской, беглецом, отлученным церкви» и т. п. Желчными красками рисует он пребывание Хмельницкого в Киеве; однако же историку можно различить, что ложь и что истина и выбрать подробности, подходящие к делу; например: «В продолжение нескольких дней патриарх вел с Хмельницким тайные переговоры и потом отправился в Москву; наперед, однако ж, уехал Хмельницкий: патриарх провожал его за город». Но когда он вслед за тем прибавляет: «Ходила молва в Переяславе, что в Москве патриарх был принят дурно; хитрая Москва узнала самозванца и обманщика», — то очень ясно, что эта вздорная молва распушена была поляками. Историк Русской церкви и в наши дни говорит так: «...скоро по-

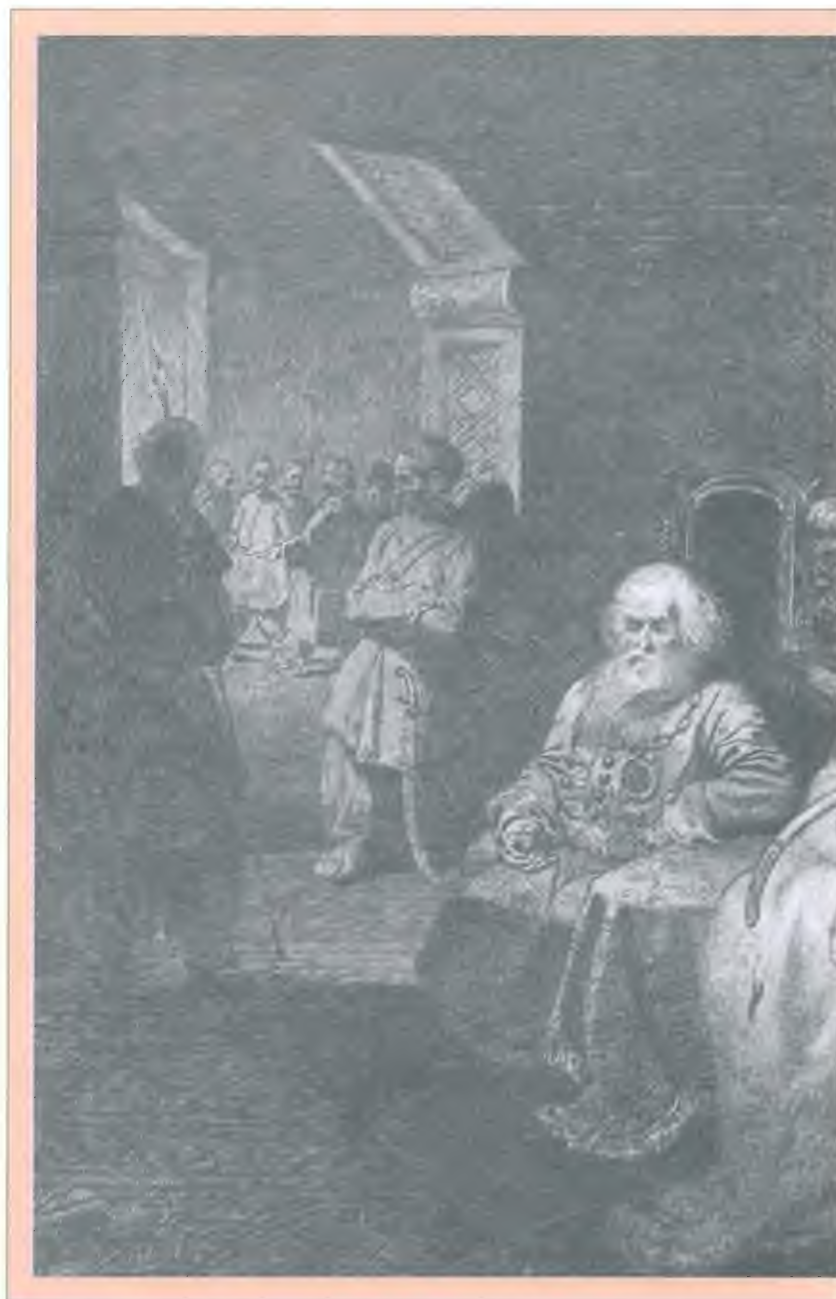
*

Тут ссылка на Летопись Грабянки; но откуда взят митрополит Коринфский — на это нет ссылки. У Грабянки показан в Переяславе патриарх Константинопольский.

**

Тут ссылка на «Дневник» Мясковского, но там это сказано о патриархе Иерусалимском.

У Костомарова (т. I, с. 319) эти слова неправильно переведены: «хоч я сёго не сповидався»; тут речь об *исповеди*.

Т. Шевченко.
Дари в Чигирині 1649 року.
Офорт 1844 р.

слал Господь сильного учителя; в 1649 году прибыл в Москву Иерусалимский патриарх *Паисий*». Со дня торжественного въезда своего в Москву (который был *января 27-го*) патриарх Паисий был принимаем с должною почестью и оставил там по себе добрую память своим участием в делах просвещения и церкви — равно и в Киеве, во вторичное свое пребывание на возвратном пути. Известна его грамота Киево-братской коллегии, данная *23 мая 1649 года*.

Попросить бы нам князя М. А. Оболенского, чтобы он выбрал из греческих дел Московского архива и обнародовал все, что найдется там о путешествии Паисия в Москву через Киев. Тогда, может быть, открылось бы, в чем именно состояли

те «тайные переговоры», которые вел он в Киеве с Богданом Хмельницким.

В Летописи Григория Грабянки (писанной около 1710 года) сказано, что Хмельницкий из Киева отправился в Переяслав «и оттуда посла в Чигирин и поят себе (за позволением *Цареградского патриарха*) в жену куму свою старостину Чигиринскую Чаплинскую, еще мужу ей живу сущу; сия бо под час гонения на Хмельницкаго от ляхов упроси мужа своего, да испустит Хмельницкаго из темницы». Здесь все-таки видно позволение *патриарха*, хотя он ошибочно назван Цареградским вместо Иерусалимского. Так, в книге г. Костомарова (т. I, с. 29) сказано, что гетман Сагайдачный «убедил в 1620

году *Константинопольского патриарха* посвятить в Киевские митрополиты Иова», а то был *Иерусалимский патриарх* Феофан, столь памятный для Киева.

Гетману Хмельницкому в его киевское пребывание в декабре 1648 года было еще одно торжество — его тезоименитство. Из польского «Дневника» видно, что Богдан в день своего ангела стоял на первом месте и все выражали к нему благоговение. Обедню служил патриарх; и когда он причастил гетмана, объявив ему всенародно и без исповеди отпущение грехов, то вслед за тем стреляли из пушек. Тогда же патриарх разрешил ему брак с Чаплинской (бывшей на ту пору в Чигирине) и дал благословение на войну с поляками. Гетман подарил патриарху шестерню коней и тысячу червонцев.

В какой именно день были именины *Богдана* Хмельницкого? Я полагаю, на третий день Рождественских святок. У нас на Украине когда родится мальчик, то поздравляют с *Богданком*, а когда девочка — то с *Богданкою*, но личное имя *Богдан* было заменю греческого имени *Феодор* (Божий дар). В декабре месяце празднуется 27 числа память св. первомученика Стефана и св. *Феодора Начертанного*. Вот именинный патрон гетмана Хмельницкого. Всего вероятнее, что вышеозначенное торжество происходило в Печерской Лавре, где в тот день было храмовое служение, ибо при великой Печерской церкви и тогда была придельная церковь св. архидиакона Стефана, поставленная князьями Корецкими: так видно из «Тератургимы».

Письмо шестое

ОТВЕТ НА «ОБЪЯСНЕНИЕ» г. КОСТОМАРОВА*

*
Листи 6—18 адресовані
М. Костомарову. — *Ред.*

В 122-м номере «Санктпетербургских Ведомостей» напечатано «Объяснение» г. Костомарова, вызванное моими «письмами» к М. П. Погодину о *Богдане Хмельницком*, помещенными в первой книге моего «Украинца». Не хочу оставить без ответа это «Объяснение», дабы молчание мое не было принято за знак моего согласия на те промахи г. Костомарова, в которых он оправдывается. Я ограничусь первою половиною его объяснения, в которой идет речь о сподвижниках и сослуживцах *Богдана Хмельницкого*.

1. Прежде всего г. Костомаров уверяет меня, что он и не думал смешивать двух козацких старшин — Барабаша черкаского и Ильяша переяславского и т. д. Я очень верю ему; однако же, хотя и недуманно, а случилось это смешение в его книге, которое не прошло еще и в его «Объяснении». Он говорит, что Барабаша назвал он *Армянином*, следуя Самовидцу.

Но в Летописи Самовидца назван *Ормянчиком* не Барабаш; посмотрите рассказ ее на с. 7-й: «Под час бытности своей с козаком значным *перясловским*, с Иваном Ильяшем, а тот Ильяш барзо зычливый королевии...»; далее, на с. 8-й — «тое скрыто держали от полковников в *Перяслове...*»; наконец — «у гостях того *Ильяша Ормянчика*». Ясное дело, что у

Самовидца назван *Ормянчиком* тот Ильяш переяславский, а г. Костомаров понимает, что здесь говорится о Барабаше!

У Коховского назван Барабаш *Ильею* вместо *Ивана*: это просто ошибка, которой не следовало г. Костомарову ни принимать в своей книге, ни защищать в своем «Объяснении». Из современной заметки в Межигорском помяннике, а также из собственноручной записи Барабаша я знаю наверно, что его звали *Иваном*, по отчеству *Дмитриевичем*. Достоверно знаю и то, что современники под именем *Ильяша* разумели собственно Ильяша Караимовича переяславского. Для убеждения в том достаточно приведенного мною письма синдика Львовского (1648 года), где сказано: «умертили двух известных своею верностью к республике полковников — *Ильяша* и *Барабаша*». Ясное дело, что имя *Ильяш* есть отличительное для Переяславского старшины от старшины Черкаского. А имя Барабаш обличает не армянское, а татарское происхождение Черкаского старшины; впрочем, не с него, а разве с деда его, если не с прадеда, началась фамилия Барабашей на Украине.

Из сказанного очевидно, мне кажется, что в книге г. Костомарова на с. 41 надобно отнять от Ивана Барабаша имя Ильяш и следующие слова: «родом он был армянин, но воспитан в Украине. Уменьем, свойственным своему племени...»

Г. Костомаров объясняет, что, назвав Ивана, или Ильяша, Барабаша, он оставил в стороне Ильяша Караимовича переяславского, до которого ему не было дела. Конечно, он имел на то полную волю; но мне кажется, что если историк заговорил о козацких старшинах 1648 года и назвал нам Барабаша черкаского, то с ним неразлучно представляется уже и Ильяш переяславский — первый по старшинству генеральный асаул того времени, бывший *старшим* в реестровом козачестве еще 1638 года. Притом же, по сказанию Самовидца, ему, Ильяшу, дана была и у него в Переяславе хранилась королевская грамота козакам на построение челнов (что повторено и в Летописи Грабянкиной); а построение челнов козаками в ту пору было делом великой важности, потому и для историка было дело до Ильяша переяславского.

2. На мое замечание, что Черкасский полковник *Ясько*, т. е. *Иван Воронченко*, неправильно назван у г. Костомарова *Яковом*, в «Объяснении» он говорит: «Недавно в одной современной рукописи я прочитал явственно *Яцько*, а не *Ясько*, что согласно с другими источниками». Напротив, это *несогласно* с другими источниками! Переберите все малороссийское летописание, от Грабянки и Величка до Бантыш-Каменского и Маркевича: везде *Ясько* или *Иван*. В «Книге Войска Запорожского», писанной в октябре 1649 года, да и в других актах XVII века, мною виденных, везде писано *Ясько* или *Есько*. Итак, попавшееся в одной рукописи ошибочное написание *Яцько* не должно служить г. Костомарову предлогом к неправильному именованию *Ивана Яковом*.

3. Г. Костомаров говорит, будто я *укоряю* его за то, что он различает два лица — *Мороза*, или *Мрозовицкого*, и *Мозыру*, а сам признаю их за одно и то же лицо. В опровержение он напоминает о казни *Мозыры* в 1652 году и указывает на *Мрозовицкого*, бывшего в Гадяцком сейме 1658 года.

Мое замечание о Мозыре и Мрозовицком относится, собственно, к Коховскому, а к г. Костомарову относится вторая половина моего замечания о *Морозенке*, про которую в «Объяснении» не сказано ни слова. Объясню же сперва первую половину, опровергаемую г. Костомаровым, а потом и вторую, про которую он умалчивает.

У Коховского при описании Збаражской войны, бывшей летом 1649 года, два раза упомянут Корсунский полковник Мрозовицкий. Зная положительно из «Книги реестров», что осенью того 1649 года Корсунским полковником был Лукьян Мозыра и что в ту пору не было ни в Корсунском, ни в других полках ни сотника, ни полкового старшины Мрозовицкого, и наглядевшись вдоволь на переделки собственных имен, я пришел к такому мнению, что во второй половине 1649 года Корсунским полковником был Мозыра, которого имя кто-то еще прежде Коховского переделал на лад польского имени — в Мрозовицкого, точно так же, как украинский летописец Грабянка из этого Мрозовицкого произвел Корсунского полковника Мороза (а в издании Туманского Мозыра явился Козарою). В свою очередь и г. Костомарову пришлось угадывать имя Мозыры в Мокере Коховского (см. т. II, с. 195). Но из моего мнения о тождестве того Мрозовицкого с Мозырою никак не следует, чтобы я всякого Мрозовицкого принимал за Мозыру. И тот пан Мрозовицкий, который был на Гадяцком сейме 1658 года (и которому г. Костомаров тоже придает имя Мороза), есть лицо новопришедшее в Козаччине украинской, не принадлежащее к первоначальным сподвижникам Богдана. На мое мнение — одно опровержение; показать из современных актов, что летом 1649 года был Корсунским полковником Мрозовицкий или иной, а не Мозыра.

Обращаюсь к *Морозенке*, герою украинских народных песен, о котором до 1850 года я не знал, к какому историческому лицу его приурочить. Жегота Паули в своем львовском издании песен 1839 года удивлялся, что о *Морозенке* нет и помину в истории, и сказал: кто знает, не есть ли это Корсунский полковник Мрозовицкий? Это предположение повторил и г. Костомаров в 1843 году в своем магистерском рассуждении о русской народной поэзии, где на с. 138 сказано о Морозенке: «можно думать — Корсунский полковник Мороз».

В 1850 году, перечитывая «Книгу реестров», я встретил в ней нескольких козаков *Морозенков**, в том числе и *Нестора Морозенка*, бывшего в Кропивянском полку первым старшиною после своего полковника Филона Джеджеля, какими тогда были *Степан Пободайло* в Черниговском полку, *Иван Искра* в Полтавском и т. д. К этому историческому, подлинному *Морозенке*, без сомнения, уже можно было отнести то, что народная песня воспекает о своем герое — и поход под Пиллявцы 1648 года, и участие в Жванецкой битве 1653 года, и его роковую встречу с Ордою под Керебердою. С открытием исторического *Морозенка* (о котором я извещал 1854 года в моем «Известии о Летописи Григория Грабянки», напечатанном в «Москвитянине») прежнее предположение о тождестве песенного Морозенка с Корсунским полковником Мрозовицким должно было, мне кажется, остаться уже заштатным. Но в книге г. Костомарова этому предположению дана полная си-

*
В сотне Лютенской —
Супрун (т. е. Софроний)
и Трохим Морозенки, в сотне
Кропивянской — Онушко
Морозенко и проч.

А. Вестерфельд. Прием
Янушем Радзивілом послів
Богдана Хмельницького
у Києві 1651 року

ла достоверности положительной, так что в тех двух местах, где у Коховского назван *Мрозовицкий*, г. Костомаров заменяет имя его именем *Морозенка*; например, при описании Збаражской осады у него сказано: «Полковник *Морозенко* кинулся на помощь гадячанам» (т. I, с. 362). А при описании Жванецкой битвы 1653 года (где у Коховского нет уже *Мрозовицкого*) г. Костомаров говорит: «В этой стычке отличался *Морозенко* или *Морозовицкий*, бывший полковник Корсунский. С 1649 года имя его не упоминается. Где был он — не известно, но народная песня, воспевая дело под Жванцем, прославляет его подвиги» (т. II, с. 386). Наконец из «Объяснения» г. Костомарова оказывается, что он видит славного козака *Морозенка* и в том шляхтиче *Мрозовицком*, который с гетманом Выговским и другими участвовал в Гадяцком договоре 1658 года. На такое тождество я не могу согласиться.

4. Фамилия Кропивянского полковника Филона в известных мне малороссийских памятниках XVII века пишется обыкновенно *Джеджелий*, изредка встречается *Джаджалый* и *Джаджелей*. Первая форма постоянно ведется и в летописании малороссийском, и в актах XVIII века, она же употребительна и донине между козаками этой фамилии. Но в книге г. Костомарова Филон Джеджелий постоянно зовется *Джеджалыком*! В «Объяснении» он говорит: «Люди, знающие татарский язык, убедили меня в правильности формы *Джеджалык*, вместо других форм». Не вижу никакой ни надобности, ни справедливости переделывать на татарский лад козацкую фамилию вопреки ее народному употреблению, бывшему и нынешнему.

5. По «Книге реестров» я поправил фамилию Каневского полковника Семена, которая у г. Костомарова пишется *Павич* вместо подлинной — *Савич*. Но он в «Объяснении» говорит, будто *везде*, где ему случалось видеть фамилию этого полковника, она пишется *Павич*, а не *Савич*. Это оправдание несправедливо. Г. Костомарову частёхонько случалось видеть во всех малороссийских «Историях» *Семена Павицкого*, иногда с переменою на *Павинского* и даже на *Новицкого* (а началось это у нас с Грабянки, который взял имя *Павинского* из книги Коховского, где поставлено ошибочно *Pawicius* вместо *Sawicius*). Но г. Костомарову, я полагаю, случалось видеть и подлинного *Семена Савича*, когда он в самом начале 1651 года был в Москве посланцем от гетмана Богдана. Он-то и есть Каневский полковник, о котором идет у нас речь и который того же 1651 года убит в битве на р. Серете, у Симоновского под именем *Кононовича*, а у г. Костомарова под именем *Павича*.

6. Наконец, только об одном Киевском полковнике Антоне г. Костомаров сказал в «Объяснении»: «Я почти склоняюсь к мнению г. Максимовича, что он — *Жганович*, а не *Адамович*». Но отчего же г. Костомаров и тут только «почти склоняется» к моему мнению, когда я подлинную фамилию Антона киевского *Жганович* прочел в подлинной «Книге реестров» 1649 года? Чтобы совершенно преклонить г. Костомарова к моему мнению, мне остается сказать: 1) что Антонова фамилия *Жганович* известна мне не только из «Книги реестров», но и во всех современных памятниках, мною виденных, она пишется не иначе как *Жганович* (по-московски — *Жганов*); для примера укажу на два письма, Выговского и Юрия Хмельницкого, которые читал я в *подлиннике* и которые напечатаны в 3-м томе «Памятников, изданных Киевскою Временною Комиссиею»; 2) ни в гетманство Богдана, ни после него, до конца Киевского полка, не было полковника *Адамовича*: эта фамилия есть ошибка Коховского, взятая из него *Грабянкою* и повторяемая у нас полтора столетия — до книги г. Костомарова включительно; пора же заменить ее подлинною фамилиею, которая принадлежала знаменитому сотруднику Богдана; 3) *Антон Никитич Жганович* (под псевдонимом *Агамовича*) именуется Киевским полковником и после 1654 года; но с этого года Киевским полковником был уже *Павел Яненко*, или *Павел Янович Хмельницкий*; а его преемником с 1659 года был *Василий Федорович Дворецкий*.

Поверяя возражениями г. Костомарова критические замечания моих писем о современниках Богдана, я вижу, что только одно из них не вполне надежно, а именно мнение, что Корсунский полковник *Мрозовицкий* есть одно лицо с Лукьяном *Мозырою*; это мнение мое может быть устранено, если в современных свидетельствах найдется, что пред *Мозырою* летом 1649 года действительно был другой полковник Корсунский; и я с удовольствием тогда скажу: нашего полку прибыло!

СПОР О МАЛОРОССИЙСКИХ ИМЕНАХ

Да те все однако,
Що Яким, що Яков.

Из украинской гумы

Из Вашего «Ответа» мне, помещенного в 8-м нумере «Санктпетербургских Ведомостей», я увидел с удовольствием, что Вы согласились, наконец, принять подлинную фамилию Киевского полковника Антона — *Жданович*, вместо ошибочной *Агамович*. Я уверен, что Вы со временем согласитесь и на другое мое объяснение, что фамилия Каневского полковника Семена была *Савич*, а не *Павич*; ибо как в «Книге реестров», так и в «Московской записке» 1751 года написано явственно: *Семен Савич*. Малороссияне в старину вместо прописного *С* писали нередко *Σ*, но ни той, ни другой буквы нельзя принять за *П*; а латинские прописные буквы *S* и *P* так были писаны, что их легко смешать, и потому вместо *Sawicz* у Коховского поставлено *Rawicz*, *Rawicius*, откуда явились у наших историков *Павицкий* и *Павинский*.

Гораздо труднее нам решить вопрос о том, что значит личное имя Черкаского полковника Воронченка *Ясько* — *Иван* ли, как принимали Коховский и наши малороссийские историки, или *Яков*, как приняли Вы? Чтобы отменить прежний, общепринятый перевод и заменить его Вашим, новым, для того необходимо современное свидетельство, что имя Воронченка было не Иван, а Яков. Но такого свидетельства еще не нашлось, а потому старый перевод я предпочел Вашему новому, ничем еще не оправданному и для меня сомнительному. В «Ответе» своем Вы приводите против меня уверение многих коренных малороссиян, находящихся в Петербурге, в том числе гг. Шевченка и Кулиша, что они «не слыхали, чтоб народ когда-нибудь называл Яськом Ивана, что скорее это *Яков* или *Осип*, а не *Иван*».

Я уважаю малороссийскую пословицу «Громада — великий человек», но на Ваше громадское решение я не могу согласиться ни в одном из трех его положений. Мало ли чего мы не слышим ныне в устах малороссийского народа и не видим в его жизни, что слышалось и виделось в прежние времена! Слыхали ль Вы, чтобы какой-нибудь украинец именовался *Трояном* или *Дунаем*? А по «Книге реестров» 1649 года видны глинский козак *Троян Ивахно* и полтавский козак *Дунай Гуриченко*, — и я полагаю, что эти личные имена были переделаны на древнерусский лад из церковных имен *Троагий* и *Донат*. В числе тогдашних сотников были Березанский — *Полуян Быченко* — и Зенковский — *Жаган Татарищенко*. Но теперь эти личные имена уже вывелись и позабыты в народе; уже за редкость и такие имена, некогда очень любимые, как, например, *Гапон* (Агафон), *Савран* (Саверий), *Супрун* (Софроний), *Прись* (Евфросин), *Хурс* (Фирс). Повивальные бабки, принося новорожденное дитя на молитву к священнику, спрашиваются у него всех сколько-нибудь затруднительных и необыкновенных имен, которые называют они *крутыми*.

Вы полагаете, что *Ясько не Иван*. Однако ж Ясько Воронченко у Коховского переведен Joannes Wogonpczenko. Весьма может быть, что польский историк так перевел только по своемународному изменению имени Иван — Ян, Ясь, Ясько; но если и Кониский, и Рубан — щирые малороссияне прошлого столетия — называли Яська Воронченка *Иваном* (а за ними Бантыш-Каменский, Маркевич и другие), то из этого видно, что малороссияне прошлого столетия допускали польское изменение имени Иван, как и некоторые другие имена переменялись у них в польские формы (Лука в Лукаш и проч.). В гетманство Богдана был Киевским полковником софамилец его Павел Янович Хмельницкий, т. е. *Янов* сын, или *Яненко*; был и сотник Иченский *Иван Янович*. (При этом невольно вспоминаются и древний киевский старец *Ян*, прославленный Нестором, и знаменитая современница их, Всеволодова дочь *Янка*, и ее переяславское сельцо *Янчино* или *Янцино*, что ныне *Яненки Малые*.) Само собою разумеется, что украинец, именовавшийся *Яном*, назывался и уменьшительными видами этого имени. У меня есть народные песни, свадебные и купальные, записанные на Волини, в которых любимое этими песнями имя *Ивась*, *Ивашко* заменено *Ясем*, *Ясеньком*, *Ясюнем*. Итак, перевод Яська Иваном обличает *полонизм*, принадлежавший малороссиянам прежнего времени. Если бы не было у нас этого перевода, я также не назвал бы Яська Воронченка Иваном; но отменить этот давно существующий и общепринятый перевод нельзя, мне кажется, до тех пор, пока не найдется *современного* свидетельства о другом имени Воронченка (каких я Вам представил два об имени Ивана Дмитриевича Барабаша).

«Скорее это *Яков* или *Осип*», — сказано в Вашем решении. Что же из двух? По-моему, ни то, ни другое! Я никогда не слыхал в народе и не встречал в старых писаниях, чтобы Осипа называли *Яськом*, и полагаю, что это так же несвойственно, как было бы название Осипа *Ясилом*. По малороссийскому звукоизменению коренной звук *о* с ударением не переходит в *а* и *я*. Имя Иосиф у малороссиян изменялось в следующие формы: 1) *Иосип* (Йосип) и отсюда *Иосько*, *Иося*, а по украинскому изменению звука *о* в острое *и* — *Исько*. Есть у нас и фамилия *Ищенко*; 2) *Есиф* и отсюда *Есько*. Так в «Книге реестров» написан *Есиф Наталчич*, известный Овруцкий сотник, неправильно называемый *Напалищем*, *Напаличем* (так и в Вашей книге, а в «Старожитностях» А. Грабовского — Natulczysz: явная описка или опечатка вместо Natalczysz; 3) *Юсько* и даже *Юзько* — от польской формы *Юзеф*.

Что касается до имени *Яков*, то от него происходит настоящая малороссийская форма *Яцькó* или *Яцко*, столь же известная по памятникам XVI и XVII века, как и наше спорное имя *Яськó*. Так, между сотниками 1649 года были: Обуховский — *Яцко Красовский*, Лисянский — *Яцко Губиненко*, Березовский — *Ясько Хвилоненко*; а в Переяславском полку: Гелмязовский — *Яцко Иляшович*, Острианский — *Ясько Кошин* и три сотника с именем *Иван*. Тут уже становится приметно, что Ясько — не Иван и не Яков. Казалось бы, невелик переход от Яцка до Яська, но слышали ль Вы, чтобы на Украине

вместо *Грицько, Стецько, Процько* (Прокоп), *Луцько* (Лукьян) выговаривали *Грисько, Стесько, Просько, Лусько*? Нет, такое обращение *ц* в *с* не свойственно украинскому наречию, и потому вместо *Яцько* не может быть *Ясько*, и потому я сомневаюсь, чтобы *Ясько* Воронченко был *Яков*.

Что же, наконец, значит *Ясько* не по польскому, а по малороссийскому словоизменению? Ясное дело, что это не что иное, как *Яссон*. Это имя и теперь встречается изредка в народе, и по здешнему приднепровскому говору оно произносится *Гасон*, уменьшительно — *Гасько*. У меня в близком соседстве, только через Днепр, на краю Черкасского уезда есть живой *Гасон*, или *Гасько*. Вот так же и давний Черкасский полковник *Ясько*, по моему мнению, всего скорее был *Яссон Воронченко*, и я надеюсь, что в каком-нибудь современном «помяннике» или ином памятнике он найдется с этим именем, но предполагаю и такой случай, что переписчик XVIII века, не разобрав хорошо имени *Яссон*, прочел и написал: *Яков Воронченко*. Подобные переделки имен мне попадались нередко. Так, Миргородский полковник *Гладкий* у *Коховского*, а за ним и у всех малороссийских историков именовался *Максимом*, но из «Книги реестров» и из «Мгарского помянника» видно, что его звали *Матвеем*. Его сын *Григорий Матвеевич Гладкий* тоже был полковником Миргородским, но в «Безбородьковском списке» (в «Летописце» *Рубана*) значится *Евстафий Гладкий*: нет ли и тут ошибки в имени? Прощайте!

P. S. В моем «Украинце» на с. 159 сказано, что знаменитую панью *Барабашиху* звали *Софией*, — это ошибка, которую прошу исправить; ее имя было *Агафия*, как это ясно видно из «Межигорского помянника», а в собственноручной надписи *Барабаша* на церковной книге имя его жены затерлось от давности и потому прочтено было ошибочно. Кстати об именах жен. У Вас во 2-м томе на с. 207 о третьей жене *Хмельницкого* *Анне Никифоровне*, урожденной *Золотаренковой*, сказано: «Поляки не известно почему называют ее козачкой *Филиппихой*». Без сомнения, потому, что она прежде была женою козака *Филиппа*. Из «Заметок» *Миллера* известно, что ее сын, а *Богданов* пасынок, женат был на дочери *Полтавского старшины* *Ивана Искры*. А из *Ближнепещерного* и других *киевских помянников* известно мне, что *Анна Никифорова*, оставшись вдовою и после *гетмана Хмельницкого*, постриглась в 1671 году в монахини *Печерского девичьего монастыря* под именем *Анастасии Хмельницкой*.

Письмо восьмое

О СОБЫТИИ НА КОДАКЕ

Мои письма к *М. П. Погодину* о *Богдане Хмельницком*, напечатанные в «Украинце» 1859 года, вызвали Ваше «Объяснение», напечатанное в «С.-Петербургских Ведомостях» 1859

года № 122, и поставили нас в непосредственное сношение друг с другом. Я очень рад этому возобновлению, хоть и на письме, наших ученых бесед об Украине и уверен, что наша переписка или перекличка о ней во всеулышание будет не без пользы для *исторической истины*, из-за которой мы и бьемся.

О разногласии нашем относительно некоторых сподвижников Богдана мы достаточно, кажется, объяснились уже в «С.-Петербургских Ведомостях». За мною теперь обещанный разбор характеристики Богдана и ответная речь на Ваше о нем «Объяснение», ибо я считаю себя обязанным отвечать на каждое Ваше мне возражение. Начинаю мой разбор характеристики Богдана с происхождения на Кодаке, в котором его характер означился чертою резкою и выразительною. В Вашей книге это происшествие передано так:

«В самом деле, покойный Конецпольский имел случай заметить *свободомыслие* Хмельницкого. Построив крепость Кодак близ Днепровских порогов для укрощения козацких походов на чайках, он стоял раз на валу только что оконченного укрепления и гордо спросил окружавших козаков: «Каков кажется вам Кодак?» Хмельницкий, поглядывая искоса, отвечал ему по-латыни: «Что человеческими руками строится, то че-

ловеческими руками и разрушается». Через несколько времени новый козацкий гетман Сулима разорил польскую крепость. Вспоминая слова Хмельницкого, паны подозревали и его в участии».

Смелая выходка Богдана не могла не заподозрить его сильно в глазах Конецпольского, но это происшествие случилось уже на четвертый год после того как гетман Сулима разорил Кодацкую крепость и за то четвертован в Варшаве; а потому подозрение панов о соучастии Хмельницкого с Сулимою было неосновательное и напрасное.

Тут Вы сами вдалились в ошибку, сказавши, что Сулима разорил Кодацкую крепость через не-

Розанда Хмельницька.
Портрет XVII ст.

О. Іркліївський. Портрет
Юрія Хмельницького. 1749 р.

сколько времени после того как Хмельницкий сказал свое смелое слово о ней грозному Конецпольскому. Нет, Сулима разорил первоначальную Кодацкую крепость тотчас по ее построении, при котором Конецпольского и не было. Ссылаюсь в этом на самого строителя ее, Боплана; в «Описании Украины» он говорит: «На Кодаке в июле 1635 года был заложен мною замок, но после моего отъезда в августе месяце некто *Солиман*, предводитель мятежных козаков, возвращаясь с моря и видя, что замок преграждал ему путь, напал на оный врасплох и изрубил двухсотный гарнизон, состоявший под начальством полковника Мариона, родом француза...» Затем Боплан рассказывает о последующей войне с козаками, продолжавшейся до октября 1638 года, и возвращается к Кодацкой крепости: «По заключении мира великий и великодушный Конецпольский с 4000 воинов лично отправился на Кодак и оставался там до того времени, пока крепость не была приведена в оборонительное положение, т. е. около месяца». Дело ясное, что это было в 1639 году, что слова Хмельницкого были сказаны о возобновленной крепости; а оправдались они уже в 1648 году, когда Хмельницкий, ставши гетманом, послал нежинских козаков на взятие той крепости. Так разумел и Коховский, которому мы обязаны за сохранение этого замечательного анекдота о Хмельницком...

Я надеюсь, что Вы согласитесь со мною как в том, что слова Хмельницкого о Кодацкой крепости сказаны были 1639 года, так и в том, что возбужденное ими подозрение панов о соучастии с Сулимою было неосновательно. Так и многое приписано Хмельницкому *задним числом* — после того уже как он поднял Украину и Запорожье на поляков.

Наш украинский летописец Грабянка, сочиняя около 1710 года свою «Историю о действиях презельной брани» и заимствуя в нее многое из Коховского, событие Кодацкое передал так: «В то время (в року 1639) прилучися гетману коронному Конецпольскому в Кодаку самому быти, и козаком ему предстоящим (между ими же бе и Богдан Хмельницкий), тем ругаяся вкупе и хваляся о крепости Кодака града, рече: угоден ли вам, козаки, Кодак? Отвеща Хмельницкий языком латинским: что есть рукою сотворено, чтобы было не разоренно? Чего ради гетман удивися, вкупе зло мысляше о Хмельницком, вспомянув убо, яко во всех бранех козацких против ляхов и Хмельницкий бяше, обаче многия умроша, а он жив оста».

Тимофій Хмельницький.
Портрет XVII ст.

Откуда взялось это воспоминание Конецпольского? Очевидно, из того же Коховского, который говорит от себя, что Хмельницкий был участником в козацких восстаниях Тараса и Остряницы с Гунею, но избежал заслуженной кары. Наш летописец заблагорассудил это воспоминание польского историка переложить в голове самого Конецпольского и вместо участия Богдана в двух козацких восстаниях поставил его (что называется, *за одним заходом*) участником во *всех* козацких войнах против поляков. Вот с каким наращением и представлением о Хмельницком явилось в нашем летописании сказание о событии Кодацком. Справедливо ли это представление нашего летописца и может ли оно быть принято за действительность историческую, о том речь впереди; а здесь я хотел вывести только то: когда и как произошло у нас историческое мнение об участии Хмельницкого во *всех* восстаниях козацких на поляков. Это *Грабянка* переделал на свой лад сказание польского историка. А что у него тут переделка из Коховского, видно и на следующей за тем краткой характеристике Богдана: «Бысть бо Хмельницкий муж хитр в воинстве и разумен зело, ведый мысли лядския на козаков и их суетную клятву, рассмотрый их военные ограды и вся сия в сердце зле держаше, лице же светлостию покрываше, аки бы он на ляхи никого зла не мыслил, в сердцу же его зол совет бяше». Тут живопись двух разнородных стилей или пошибов: в первой половине — своя собственная, украинская; во второй — взятая из картины Коховского, отрывком из которой и Вы завершили свою характеристику Богдана. У Вас сказано: «Лицо его, сияющее и кроткое (говорит польский историк Коховский), скрывало дух беспокойный, склонный к волнению, и было подобно светлomu льду, подернувшему гнилую болотную воду». Не могу не заметить, что от малой перемены в словах подлинника вышло не совсем верное сравнение *духа беспокойного, склонного к волнению* — с гнилою болотною водою, которая представляет собою покой и застой. Отчетливая живопись Коховского едва ли допустила бы эту несоответственность... А для сравнения духа беспокойного, склонного к волнению, в козацком вожде всего скорее и ближе подошли бы склонные к волнению воды *своевольного* Днепра, как о нем говорится в народной песне:

*Жалкується лиман морю,
Що Дніпр робить свою волю:
Свої гирла прочищає,
Лиманови закидає.*

Как бы хотел я в эту минуту взглянуть на светлое лицо Богдана на том старинном портрете его, на который глядели, вероятно, и он сам, и его изобразитель Коховский! Я разумею портрет, гравированный гданским немчином Вильгельмом (фамилии не припомню) 1650 года, когда Хмельницкий был на верху своей славы.

Р. С. В моем известии о Грабянкиной летописи, напечатанном в «Москвитянине» 1855 года, я различал две ее редакции: одну (славянскую), изданную в Киеве 1854 года; другую, напечатанную в «Российском Магазине» В. Туманского 1793 года. В обозрении источников Вашей книги «Богдан Хмель-

ницкий» не упомянуты оба печатных издания, а показана рукописная «История о действиях презельной брани». Судя по этому заглавию и по многим сведениям, из нее приведенным, это летопись Грабянкина. Но у Вас иногда приводятся из нее очень любопытные сведения, каких нет ни в двух печатных изданиях, ни в других известных мне ее списках. Итак, Ваша рукопись составляет особую, третью редакцию этой летописи, полнейшую и доселе не известную? Весьма любопытно было бы Ваше подробное об ней известие.

В вышеупомянутой статье моей я высказал свое мнение, что историческое введение, находящееся при Летописи Самовидца, извлечено все из Грабянкиной летописи, вероятно, тем же лицом, которым написано продолжение Летописи Самовидца до 1734 года. Необходимым считаю об этом сказать наперед, ибо все, что говорится в том введении, я не признаю за свидетельство заднепровского козака XVII века, а отношу к Гадяцкому полковнику старшине Григорию Грабянке и к позднешему сократителю его сказания для Летописи Самовидца. Таким образом, известие о кодацком событии я полагаю заимствованным из Коховского сперва Грабянкою, а из него уже взятым во введение к Летописи Самовидца. Подробнее изложу мое мнение при ответе на Ваше *объяснение*.

Письмо девятое

О ВОСПИТАНИИ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО

Обращаюсь к началу характеристики Богдана, составленной Вами на 1646 год, к приезду на Украину канцлера Оссолинского. Вы говорите: «Сам коронный гетман Конецпольский, враг козацкого сословия, уважал его дарования, хотя смотрел на него с подозрением. Ни милости короля, ни ласки панов не переделали его в поляка, что случилось с другими южноруссами. От иезуитов, воспитавших его, получил он только ту скрытность, с какою умел хранить до времени задуманное, наружно улыбаться и показывать вид веселости и приязни, когда в душе кипела ненависть, — двоедушие, с каким следовал по двум противным направлениям, потакал двум партиям разом, делал два дела в одно и то же время и вместе с тем делал третье, ни для кого не проникаемое...»

Здесь Хмельницкий написан Вами в два света, по двоякому о нем представлению — своему собственному и заемному. В первом свете — он щирый украинец, самобытный и крепкий в своенародности, несмотря ни на какие соблазны и обаяния мира; в другом свете — он питомец иезуитов, преемник их двоедушия и скрытности. Посмотрим же на характер Хмельницкого с той и другой стороны.

Веками рождаются такие люди, как был Богдан у народа украинского, — предстатель его в истории, потому и природа южнорусского человека должна была явиться в нем своеобразно и полносильно. Не таким щирым украинцем и не на то родился он на свете, чтобы ему *ополячиться* от каких бы ни

Т. Шевченко. Смерть
Богдана Хмельницького.
1836— 1837 рр.

было милостей и ласк в свете, чтобы ему измениться в коренных свойствах души от влияния хитроумных иезуитов.

Многие южноруссы из поколения, современного Хмельницкому, перерождались в поляков вследствие религиозных и политических убеждений и увлечений, происходивших от воспитания их польскими иезуитами, от брачных связей с поляками и т. п. Но это случалось преимущественно с людьми высшего сословия, по большей части слабодушными, и всего менее — с украинцами. В сословии козацком, и особенно в печальное десятилетие, бывшее перед гетманством Хмельницкого, многие из его украинских сослуживцев совсем передавались на сторону польских панов и становились их угодниками и потаковниками из своекорыстных видов. Из числа таковых выше всех поднялись тогда в генеральные асаулы Иван Барабаш черкасский, украинец *татарского* происхождения, да Ильяш Караимович переяславский, прозывавшийся у козаков *Армянчиком*. Богдан Хмельницкий, щирый украинец, оставался преданным *своенародности*, за что не любили его польские паны и полковники, и комиссары, поставленные на Украине вместо козацких полковников и гетмана после войны Острианицкой (1638 г.).

Посмотрим, однако же, какие особенные *милости* и *ласки* были заслуженному Чигиринскому сотнику, чтобы им давать такой большой вес в его характеристике? Из Вашей книги видна только одна королевская милость Хмельницкому: сабля за храбрость, данная в войну под Смоленском (1634 г.). Правда, сам Богдан в письмах к Потоцкому и Шембергу (писанных в декабре 1647 года) говорит, что ему за его службы

Польской короне и всей Речи Посполитой король подарил участок земли в Чигиринском повете и утвердил своею привилегиею; об этом говорится и у некоторых поляков, например в «Истории о бунтах Хмельницкого»; но Коховский смотрел на это глазами Чаплинского и его покровителей и Богданово владение тою землею признавал незаконным. Что касается до панских ласк Богдану, то прежде 1646 года не видно их ниоткуда, кроме той разве, что Конецпольский, уважавший его дарования, не воспретил ему населять вольноприхожими людьми отцовскую слободу его Суботов, на что Богдан имел, кажется, законное право как сын подстаросты и сотника Чигиринского и сам сотник Чигиринский, бывший и войсковым, или генеральным, писарем. А с 1646 года, после приезда на Украину канцлера Оссолинского, полились на заслуженного Богдана такие панские ласки, от каких и поляки бегали на Запорожье и становились козаками.

Великою школою козацкой жизни была тогда Запорожская Сечь, из которой выходили и такие крепкодушные победоносные мужи, как гетман Сагайдачный, и такие бедовые головы, как гетман Павлюк, что стоял уже раз у варшавской плахи вместе с Сулимою, но, отпущенный тогда по просьбе турецкого посла, не унялся, опять пошел на огонь и погиб в муках на той же площади варшавской. Богдан Хмельницкий долго был со славою в той запорожской школе и, продолжая около 18 лет военную и депутатскую службу в реестровом козачестве между поляков и украинцев, выработал из себя великого деятеля и подвижника народного. Не ярославские *patres societatis Iesu**, а суровый долгий опыт жизни между различных огней научил нашего многодаровитого украинца тому искусству воина-политика, с каким он, ставши гетманом, разыграл свою великую роль на театре польско-русского мира, как он отчасти и сам говорил в Белоцерковском универсале, что примерами прежних гетманов научился он «осторожности и лучшого воинского управления».

Коховский, как художник классический, не мог иногда не полюбоваться героем Козаччины, забывая в себе на минуту *рыцаря польского*. Когда Хмельницкий после двух первых блистательных побед над поляками расположился табором под Белою Церковью и позвал к себе украинский народ своим универсалом, Коховский говорит: «*Chmelnicius tum, post Corsunenses Cannas — Annibal*»*. Но то было торжественное явление исторической жизни, там Хмельницкий во весь рост — и он ясен тогда для историка-художника польского; а козацкая душа Богдана была для него именно, как говорит русская пословица: чужая душа — потёмки. Коховский ненавидел Хмельницкого, глядя на него как на величайшего мятежника Польской республики и называя его *жестоким материубийцею*; и немудрено, если *внутренний человек* Богдана представлялся ему темным призраком иезуитского устройства; а навести протраву иезуитства на личность Богдана — значило наперед уже помутить ее героический блеск и для своего собственного на нее взгляда.

Если не ошибаюсь, мы одному Коховскому обязаны за известие, что молодой Хмельницкий учился сперва в киевской школе, а потом отдан был в *Ярослав к отцам-иезуитам*. Это

*
Тобто єзуїти. — *Ред.*

*
Приблизно: Хмельницький після Корсуня — як Ганнібал після Канн. — *Ред.*

известие, повторенное у нас Грабянкою и другими, для нас очень важно при совершенной бедности наших сведений о молодости Богдана; мы даже не знаем его лет, чтобы определить себе, когда он учился в Киеве, когда отдан в Ярослав и долго ли там пробыл. Но для меня весьма сомнительным кажется, чтобы Михайло Хмельницкий отдал своего сына в Ярослав отцам-иезуитам при тогдашней ненависти к ним у всего народа южнорусского. Если и пришлось ему отдавать своего Богдана после Киева в Ярослав, то скорее отдать было в ту латино-польскую школу, которая тогда процветала там независимо от коллегиума иезуитского; а польский историк, писавший о Богдане Хмельницком через четверть века после его кончины, весьма мог вместо одного ярославского училища называть другое, более известное в его время*.

*
Подобных замен одного места, года, лица другими можно привести множество из разных писателей. У Коховского, например, кончина Богдана положена в июне вместо августа, ставится небывалый полк Остерский вместо Прилуцкого и проч.

Если бы я знал, что молодой Богдан отдан был из Киева в Ярослав около 1600 года, тогда бы я поставил на вид еще одного *ярославского просветителя*, православно-русского: это Лаврентий Зизаний-Тустановский, бывший проповедником при церкви ярославской и учителем при сыновьях князя Александра Константиновича Острожского, а по его смерти (1603 г.) прогнанный оттуда по проискам иезуитов. Впрочем, и в те поры дети русских людей попадали в иезуитские школы, это могло случиться и с Богданом Хмельницким; а потому, хотя и под сомнением, я допускаю свидетельство Коховского, что Хмельницкий учился в Ярославе у *отцов-иезуитов* (если бы даже он отдан был туда из Киева — и не к ним, а к другим просветителям). Но я не могу согласиться с Вами называть ярославских иезуитов воспитателями Богдана; в нем не было того именно, чем отличались тогдашние питомцы этих хитроумных просветителей. Они отбивали у русских юношей любовь к своенародности и к неразлучному с нею православию, переводили их на католичество, а Богдан Хмельницкий был непреклонным поборником своенародности и православия. Питомцы иезуитов являлись приверженцами и почитателями своих учителей и их коллегиумов, а Хмельницкий был страшным гонителем и ненавистником иезуитов и их коллегиумов. Поэтому влияние коллегиума ярославского на Богдана после киевской школы (разумеется, Братской) я ограничил бы только умственным образованием, дальнейшим усовершенствованием его в *науках вызволенных*, которыми Южная Русь так охотно в том веке заимствовала во всех доступных ей училищах латино-западных.

Вы говорите, что Хмельницкий получил от иезуитов *скрытность* и *двоедушие*. Это немало, когда эти два свойства полагаются в основу его характера и даются ему как отличительные черты его общественной деятельности до 1647 года. Но я не могу признать такого восприятия от иезуитов крепкою и самобытною душою украинца Богдана. Если бы в нем и была, например, скрытность, и в большой степени, я признал бы ее за природное и доморощенное свойство его и не отнес бы ее к иезуитам, потому что и без их влияния скрытность была присущею большинству украинского народа, происходящую в нем из той *сосредоточенности* в себе, которая принадлежала к коренным свойствам украинского духа и характера.

Впрочем, Богдан Хмельницкий не скрыл своего *свободо-мыслия* перед Конецпольским на Кодаке — и в какую минуту! Когда грозный коронный гетман воображал, что успел уже *зануздать* тою крепостью своевольное козачество, *осегланное* на Масловом Ставу после войны Острияницкой! Хмельницкий не скрывал своей преданности и любви к *своенародности* перед польскими властями, поставленными тогда над козачеством. Да и прежде того, от самой коронации Владислава, он был открытым, известным для всех народным представителем и ходатаем о правах и вольностях Малороссии, попраных водворившимися и возобладавшими в ней поляками. Знали хорошо его с этой стороны и король, и канцлер, если на него преимущественно возлагали в 1646 году свое предприятие, если в следующем году король говорил ему: «Известно мне твое чистое сердце». Во всем этом не видно еще особенной *скрытности* в Богдане.

Но посмотрим, как основанный на иезуитском двоедушии и скрытности психический образ Богдана отражается и оправдывается в его исторической деятельности.

Письмо десятое

ОБ УЧАСТИИ ХМЕЛЬНИЦКОГО В КОЗАЦКИХ ВОССТАНИЯХ НА ПОЛЯКОВ

У Вас в характеристике Богдана сказано: «Не проходило мятежа, чтоб Хмельницкий в нем не участвовал: был он сподвижником Тараса Павлюка, Острияницы, возбуждал советом и одобрительною речью собратий против поляков, но не стоял на челе восстания, другим уступал первенство, и когда зачинщики расплачивались за смелость на плахе или колесе, на Хмельницкого никто не мог доказать. Услуги, оказанные королю, и видимая преданность Речи Посполитой отклоняли от него всякое подозрение».

Как же отклоняли всякое подозрение, когда сам Конецпольский «смотрел на него с подозрением»? Вот это и составляет для меня факт первостепенной важности, что Хмельницкий в подозрительных глазах таких немилостивых *современников*, как Конецпольский и его товарищ Потоцкий, не был признан участником в козацких восстаниях, бывших в *тридцатые* годы того времени. Ни под видимою преданностью Речи Посполитой, ни под услугами королю не укрыл бы он своего постоянного участия во всех козацких мятежах, если бы оно было. Впрочем, особенных услуг самому королю Хмельницкий, кажется, не оказал никаких, но он искренно был *предан* Владиславу и много надеялся на него для Украины, как и вообще козаки любили этого короля и на него всегда полагались. Поляков не любил Хмельницкий, но как *рыцарь* «Войска его королевской милости Запорожского» и как гражданин Речи Посполитой он оказывал ей *заслуги* очевидные и несомненные и мог с полным правом говорить Потоцкому (в вышеупомянутом письме от 29 декабря 1647 года): «Не выписую тут

праць и трудов моих для общего добра Короны Полской и целой Речи Посполитой... сам о них ведаешь, велможность ваша».

Я представил Вам в первом письме мой вывод о том, как у нас — одним почерком пера летописца Грабянки — Хмельницкий стал участником «во всех бранех козацких против ляхов». Почему бы и не стать?.. Но Хмельницкому тогда не дожить бы до своей *презельной брани* с ляхами. Он не принадлежал к так называвшейся *войсковой черни*, к толпе козацкой, после всякого восстания приводимой к присяге и прощаемой. Он был таким видным лицом в козачестве, что его приметили бы — не то что на челе или на крыле, но и в хвосте всякого восстания. Он был сотником и обывателем чигиринским, следовательно, был на глазах у старост и дозорцев Чигиринского старосты Конецпольского. И не могло же дело кончаться всякий раз только тем, что на «Хмельницкого никто не мог доказать». Нашлись бы на доказательство и между козаками такие людцы, как чигиринский товарищ Богдана полковой асаул Роман Пешта, который тотчас донес на него молодому Конецпольскому в 1647 году, как только он замыслил о восстании. Ведь были же — в угоду старому Конецпольскому — реестровые козаки для обманного взятия гетмана Сулимы из самой Сечи Запорожской. Ведь сами же чигиринцы по взятии Павлюка под Боровицею явились туда со своим полковником Дорошем и выдали Потоцкому Павлюкова полковника Сачка; сами же ирклевцы выдали тогда Киевского сотника Кизима, который потом рядом со своим сыном торчал на колу перед Киевским замком (на горе Киселёвке). А сколько буйных голов тогда в Переяславе и Нежине переказнил Потоцкий... И уж верно он не допустил бы Богдана под Боровицею ко званию *войскового писаря*, если б был он сподвижником Павлюка, как не допустил тогда Каирского, выбранного козаками в гетманы, а назначил им в старшие Ильяша переяславского. Где Вы нашли современное указание или хотя бы сказание XVII века, что Богдан был *сподвижником* Павлюка?

У Коховского сказано, что Хмельницкий участвовал в восстаниях Тараса и Остряницы с Гунею, но избежал *заслуженной кары*. Трудно поверить, чтобы Хмельницкий в ту пору избежал кары за два восстания. Допустим, что он на прощанье с Запорожским товариством мог поучаствовать в знаменитой *субботе*, заданной Конецпольскому гетманом Тарасом под Переяславом весною 1630 года*, и что это прошло ему безнаказанно. Но если бы потом, будучи уже в реестровом козачестве, Хмельницкий замешался в восстание Павлюка ли, Остряницы ли, ему бы не укрыться от очей Конецпольского и не избежать бы заслуженной кары. Его смелое слово Конецпольскому на Кодаке вряд ли могло пройти безнаказанно, если б он был участником и в одной субботе Тарасовой. Вероятнее, что участие в восстаниях Тараса и Остряницы приписано Хмельницкому уже впоследствии, задним числом, так же как и подозрение панов об участии его с Сулимою. Тут нельзя еще положиться на одно слово Коховского, — конечно, не им выдуманное, но пристрастно им повторенное. Иное дело, когда он говорит, что *нашел* он в *комментариях* Кумейской войны, что после нее Хмельницкий был одним из семи

*
В Вашей книге восстание гетмана Тараса положено в 1628 году, но я нахожу, что этот год у Грабянки поставлен ошибочно, и признаю верным 1630 год, как в Летописи Львовской.

депутатов козацких к королю. К этому прибавляет он, что Хмельницкий при том случае высмотрел внутреннее состояние Польской республики... Польскому историку, как видно, не известно было, что Хмельницкому уже прежде был гораздо удобнейший случай высмотреть внутренность республики, когда он был одним из козацких депутатов при избрании в короли и при коронации Владислава, да и после, в 1647 году, когда он был в Варшаве во время Майского сейма, на котором довершилось неистовое восстание панов против короля и канцлера, произошедшее на сейме прошлогоднем.

У Вас как будто ограничено участие Богдана во всех козацких мятежах — тем, что он «возбуждал советом и одобрительным словом собратий против поляков». Но поляки и сами тогда достаточно возбуждали против себя украинцев своими непрестанно возраставшими обидами, насилиями и неправдами, с чем вместе разгоралась все более неугасимая ненависть к ним и месть в сердцах козацких, особенно на Запорожье. Раздувать пылающий костёр — дело напрасное, но толкать своих собратий в огонь, самому от них отбегая, но укрываться во мраке, когда передовые смельчаки гибли на плахе, на колесе, на кольях — это дело бесчестное, несовместное со славною памятью Богдана. Когда повезли в Варшаву Павлюка и Томиленка, сподвижник их Сахно сам поехал за ними добровольно, чтобы разделить там одну с ними участь. Если Хмельницкий (как говорит Величко), ходячи с козаками запорожскими полем и морем, не закрывал своего пред неприятелем ока, за что у Войска Запорожского в особливой был чести и поваге, — то уж, конечно, не отстал бы он от них и теперь, если б был товарищем и советником их восстаний, не хотел бы терять своей чести и славы козацкой, своего доброго имени в отчизне:

За жизнь, за бедный гар — не изменюсь душой!

После того у Вас сказано: «Он при случае действовал даже против своих соотечественников». При каком же это случае? Может быть, у Вас есть в виду какие-нибудь особенные случаи из жизни Богдана до 1646 года, но они мне не известны. Я полагаю только, что нельзя придавать ему как темную черту его характера того, что для него и для других могло быть только лихою долею козацкою, только печальною необходимостью тогдашнего положения, устроенного Конецпольским, который, забрав в свои руки реестровое козачество, раздружил его с товариством Запорожским и противопоставил их друг другу. Само собою разумеется, что если бы Хмельницкий был сподвижником Тараса, Павлюка, Остряницы и Гуни, тогда он действовал бы против тех соотечественников своих — реестровых козаков, которые находились в битвах под командою Конецпольского и Потоцкого; а если бы он находился в этих рядах, тогда бы он действовал против соотечественников, находившихся под знаменами гетманов козацких. Избежать этой Сциллы — Харибды он мог только *неучастием* в тех междоусобных польско-козацких битвах, которые на ту пору, при тогдашнем разделении козачества, безуспешно истощали украинскую силу и только поощряли одолевающих поляков к еще большему унижению малорос-

Т. Шевченко.
Богданова церква
у Суботіві. 1845 р.

Руїни будинку Хмельницького
у Суботіві. Гравюра XIX ст.

Іллінська церква у Суботіві
(за Де ля Флізом).
Середина XIX ст.

сийского народа. Возможность к неучастию в тех битвах была для Хмельницкого — по многим другим его службам — походной, сторожевой, депутатской; но как было на самом деле, о том ничего нельзя сказать утвердительно, по недостатку *современных* указаний на боевое участие Хмельницкого в тех войнах польско-козацких. Без современных определительных свидетельств об участии Хмельницкого во всех козацких восстаниях — Тараса, Павлюка, Остряницы и Гуни — я смотрю на сказание об этом только как на *мнение* историков и по всем вышеизложенным соображениям не могу признать его справедливым. Если в глазах таких современников, как Конецпольский и Потоцкий, не признан был Хмельницкий сподвижником козацких гетманов, поднимавших оружие на поляков, то не нам, потомкам, взводить на него эту преждевременную вину против Республики Польской.

У Вас на следующей (47-й) странице сказано, что когда Оссолинский в 1646 году привез козакам вместе с королевскою грамотою их знамя и гетманскую булаву и преимущественно на Хмельницкого возлагал королевское предприятие, тогда он «сам отказался, до времени, от начальства и представил его Барабашу: он не хотел волновать умы слишком рано!» Какой же мудрёный выходит Богдан: не рано ему было волновать умы тихим омутом, лет за десять, за пятнадцать, под тяжелою булавою Конецпольского, рискуя потерять и свою голову на плахе и свое доброе имя в козачестве; а *слишком рано* показалось ему волновать умы теперь, когда давались ему в руки и гетманская булава, и козацкое знамя от самого короля, когда, как нарочно, не стало на свете и могучего томителя козаччины, старого Конецпольского, вскоре после женитьбы его на молодой жене (1646 г., 26 апреля). Будь у Хмельницкого «дух бурный, склонный к волнению», не упустил бы он такого благоприятного к тому случая. Прежде он *уступал первенство* смелым запорожским вождям, выходившим на поляков как на верную смерть — для спасения Украины и православной веры; теперь он *предоставляет начальство* Барабашу, своекорыстному угоднику польских панов и *недругу отчизны малороссийской*... Полно, так ли было на самом деле! Читаю Ваши последние слова в характеристике: «и бурную юношескую пылкость, и хладнокровную поступь рассудительного старца, и суровость и мягкосердие он умел употреблять, когда нужно было, и из всех его движений никто бы не узнал, что на душе у него».

Может быть, он и был таков еще до гетманства своего, искушенный опытом многотрудной жизни среди стихий разнородных, и его козацкая душа осталась задачею неразгаданною. К сожалению, нет у нас в виду ни его писем до 1646 года, ни его прежних бесед с козаками, записанных современными украинцами, чтобы можно было по ним сколько-нибудь дознаться, что было на душе у него, когда собирались козацкие ополчения на поляков под знаменами Тараса, Павлюка, Остряницы. Об этом можно сказать разве словами народно-украинской думы:

Тільки Бог святий знає,
Що Хмельницький думає-гадає!

В КОНЕЦ ХАРАКТЕРИСТИКИ БОГДАНА

При нынешней разработке архивных рудников и исторических россыпей Южнорусской земли могут еще найтись не известные доселе современные известия о Богдане Хмельницком, озарить неожиданным светом всю его догетманскую жизнь и изменить во многом наши о нем представления и соображения. Но из того, что *положительно* известно о ней теперь, для меня кажется вот что: служа около 18-ти лет в реестровом козачестве, Хмельницкий был у него в постоянном доверии и почитался разумным советником народным; в продолжение этого времени он не утратил и в Запорожском товаристве своей чести и славы козацкой, заслуженной в прежние годы; обе раздруженные половины козачества соединились в прежнее согласие одним Богданом и стали под его знамя единодушно за целостность своей отчизны малороссийской; всего этого достигнуть он мог только прямою доблестью и жизнью честною, а не лукавым двоедушием.

Звезда Хмельницкого взошла на Черном море, в то время как на Хотинском поле западала звезда старого Сагайдачного. Жизнь этого достопамятного гетмана, который, служа со славою Польской короне и всей Речи Посполитой, сделал для блага Украины все, что только мог он сделать тогда, не поднимая оружия на поляков, — она служила примером для Богдана Хмельницкого; его путем проходил он поприще своей *гогетманской* жизни мужественно и долготерпеливо как храбрый воин и честный гражданин Республики Польской, как добрый и надежный сын своей козацкой матери Украины. Но ему суждено было пройти еще своим путем поприще *гетманской* жизни и беспримерно совершить то дело, на которое безуспешно порывались другие украинцы в продолжение полувека. «Встала обида в силах Дажбожа внука». И когда наш заслуженный Чигиринский сотник, смертельно оскорбленный и поруганный от польских панов, потерявший все свое долготерпение и поощренный самим польским королем на «защиту Украины от поляков мушкетом и саблею» бежал на Запорожье и, укрепляясь на Днепровском острове, вел переговоры с Потоцким, — тогда современники-поляки заговорили так: «Вот что наделали жадность полковников и тиранское с козаками обхождение!» или: «Комиссия должна судить полковников и самого комиссара, которые наварили этого пива!» А они еще и не предвидели, как это пиво выпьется. А «Потоцкий — *розум жиноцький*» ускользнувшему от его рук Хмельницкому предлагал выйти мирно из Запорожья, *уверяя его своим словом*, что не спадет и волос с головы его... Поверил бы его слову Богдан после того как и Тарас, и Павлюк попали на варшавскую плаху, положась на такое же уверительное слово, и с козаками продолжалось то же, что в 1252 году случилось с князем Данилом Романовичем, по выражению древней Летописи Волынской: «Ляхове же обещалися, но не исполниша».

Ікона Покрови з портретом Б. Хмельницького.
Кінець XVII — початок XVIII ст.

Мой разбор характеристики Богдана кончен; смотрите и решайте, что в нем есть справедливого и что ошибочного; от последнего я отступлюсь охотно... А между тем перехожу к Вашему «Объяснению», чтобы сказать на него мое ответное слово о догетманской жизни Богдана.

Письмо двенадцатое

О НИКОЛЬСКОМ ПИРЕ ХМЕЛЬНИЦКОГО

Думалось повести речь о той шляхетской повести, как молодой Богдан бежал на Запорожье из Бродов от меча *какого-то пана Потоцкого*, а пришлось остановиться еще на той исторической были, как бежал на Запорожье из Чигирина старый Хмельницкий, когда над его головою повис меч коронного гетмана *Николая Потоцкого*. В нынешний день мне вспоминался знаменитый *Никольский пир*, заданный Богданом на утеху козацкой Украины ровно через десять лет после несчастливой битвы Кумейской. (Памятен был нынешний день и для Украины княжеской взятием нашего первопрестольного Киева Батыем.) Хочу побеседовать с Вами сегодня о Никольском пире Богдана — и вот по какому поводу: в Вашей книге он положен годом ранее, т. е. не 1647-го, а 1646-го, и не в Чигирине, а в Суботове, а я на такое назначение времени и места не могу с Вами согласиться. Там достопамятный пир устроен был для отобрания *штучным способом* у Барабаша затаенных им королевских грамот, и как только они очутились в руках Хмельницкого, ему нельзя было уже ни одного дня оставаться на Украине, и он поскакал с ними на Запорожье на рассвете 7 декабря, а прибыл туда 11-го. Итак, между днем Никольского пира и днем прибытия Богдана на Запорожье прошло только четыре дня, а в Вашем повествовании те роковые два дня раздвинуты на целый год. Против этого я представляю Вам следующие соображения и доводы.

1. Барабаш, одураченный на весь свет Хмельницким, не попустил бы ему оставаться целый год на Украине с таким опасным орудием, каким в руках его были те королевские грамоты. При содействии всех польских властей, да и сам не безвластный тогда над козаками, Барабаш немедленно отобрал бы те грамоты у Хмельницкого не *штучным способом*, а просто насилем, с каким Чаплинский отнял у Богдана отцовское его наследие Суботов и самого его обесчестил тюремным заключением.

2. Сам Хмельницкий, имея уже в своих руках вожделенную для него движущую силу на поднятие Запорожья и Украины на поляков, не мог не поспешать к достижению своей цели и не стал бы он бесполезно маяться целый год на Украине, отдаваясь на те невыносимые обиды и различные приключения, какие претерпел он в тот бедственный, *переломный* год

своей жизни, рискуя столько раз потерять ее ни за что, а через то лишит и Украину спасительной помощи, какая была у него и в нем.

3. Вы говорите, что Хмельницкий приступил к похищению грамот у Барабаша тогда, «когда узнал о неудачном конце королевского предприятия на сейме, когда нахлынули на Украину жолнеры, а Барабаш, потакая панам, казнил козаков смертью за малейший ропот для предупреждения больших преступлений и заговоров, — тогда Хмельницкий понял, что из этого всего выйдет окончательная гибель русского народа».

Хорошо, но Вы на все это даете только *десять* дней сроку, назначая Никольский пир на 6 декабря 1646 года: ведь тот Варшавский сейм, на котором королевское предприятие решилось таким неудачным концом, только *начался 25 ноября* того года.

4. Относя Никольский пир к 1646 году, Вы полагаете, что он дан был в *Суботове*, а после, когда этот хутор отнят был Чаплинским, Хмельницкий, «потеряв приют, жил где попало и собирался на Запорожье». По этому представлению Вы говорите, что Хмельницкий в письме из Запорожья к комиссару Шембергу просил его «взять под свое покровительство домашних слуг и *какой-то домик его в Украине*».

Но в письме Хмельницкого к Барабашу, того же числа (27 декабря) писанном, ясно сказано, что тот домик был в *Чигирине*; там и жил наш Чигиринский сотник по отнятии у него Суботова; в том доме Барабаш, упившийся крепко на козацком пиру, проснулся на другой день, когда хозяин скакал уже на Запорожье. Вот что писал он к Барабашу: «тешуся прето, же Господь Бог, ведый тайная сердец людских и всенародное украинское стенание, удостоил мя по желанию моему слушным способом з недишкретной неволи вашей вызволити и на вожделену до войска Запорожскаго свободу привезти оные привилеи королевские... А я при сем прошу вашей милости выбаченя, в чом не выгодилим ему в убогом дому моем, в Чигирине, на праздник святителя Христова Николая, и жем отъехал сюда на Запорожье без ведома и позволения вашего» (Величко, I, 33). Из этого насмешливого извинения ясно, мне кажется, что Хмельницкий и об освобождении грамот, и об угощении Барабаша в своем чигиринском доме в Николин день, и о своем отъезде на Запорожье говорит как о происшествии *недавних*, т. е. случившихся в декабре того же 1647 года.

Письмо тринадцатое

ПОВЕСТЬ О ПОБЕГЕ ХМЕЛЬНИЦКОГО ИЗ БРОДОВ

Обращаюсь к происшествию, которым начинается Летопись Величка и которое он заимствовал «з повести певной шляхты польской». Я сказал в письме к Погодину, что этой повести совсем не следовало бы принимать в историческое повествование о Хмельницком. Вы в своем «Объяснении» не

соглашаетесь со мною и полагаете, что если б к той повести не был примешан рассказ о Кодацком событии, то мне «не пришло бы в голову сомневаться в ее достоверности».

Много значит, из какого источника выходит известие. Рассказ о Кодацком событии, составляющий главную завязку той повести, передан в ней с таким лганьем, что и остальная половина ее становится от того весьма подозрительною. Легко сказать: знаменитый ответ Богдана Конецпольскому на Кодаке 1639 года перенесен в повести на молодость Хмельницкого; вместо Кодацкой крепости на Днепре поставлен замок Бродский; вместо Конецпольского Хмельницкий отвечает Потоцкому: «Ясневельможный мосце добродию! що рука людская сделает, то тая ж и зопсовати может»! Должно быть, потому явились и Броды со своим крепким замком, что они принадлежали коронному гетману Конецпольскому, который там и скончался весною 1646 года.

Защищая остальную половину повести, Вы говорите: «Правила исторической критики не требуют на том основании, что событие представлено с неверностями, отвергать его сущность, как скоро нет на это положительных доказательств».

Но я отвергаю остальную половину повести не по одному только подозрению, падающему на нее от первой половины; я отвергаю ее потому, что и в той *сущности*, которую Вы извлекли для своего повествования, вижу такую же переделку события действительного. Молодой Хмельницкий, предостереженный товарищами, бежит на Запорожье от *какого-то пана Потоцкого*, который, напившись пьян за обедом, хотел отрубить ему голову на потеху своим собеседникам. Я вижу ясно, что это не иной кто, как Николай Потоцкий, известный своим пьянством и распутством и своею охотою казнить украинцев, показанною им после войны Кумейской. Этот коронный гетман и хотел казнить Хмельницкого в исходе 1647 года и уже дал Переяславскому полковнику Кречовскому приказ взять его под крепкий арест и держать до дальнейшей резолюции, но Кречовский по приязни к Хмельницкому предостерег его, и тот бежал из Чигирина на Запорожье. Вот это происшествие и перенесено на молодость Хмельницкого — так же точно, как событие Кодацкое, сплетенное с ним в одну повесть. Если бы и не было в ней Кодацкого события, я и тогда усомнился бы в ее достоверности — потому именно, что в ней представлен побег Хмельницкого на Запорожье от меча Потоцкого — происшествие столь же известное, как первое. С тем и другим *историческая критика* должна допустить одинаково; и я не отступил, кажется, от ее *правил*, признавая эту повесть баснословною в обеих ее половинах, отвергая равно и завязку. Какую же сущность можно извлечь из нее для биографии Хмельницкого, столь скудной известиями о его молодости? Разве ту, что он служил *конюшим у какого-то пана* — если не у Потоцкого, то хоть у Конецпольского. Но из такого мутного источника, как эта повесть, едва ли надежно взять и эту подробность для истории Богдана.

В сказаниях, относящихся к Хмельниччине, современных и позднейших, польских и украинских, есть немало такого, с чего нечего взять для повествования *исторического*. Вот, например, хоть у того же Величка: какой живой рассказ о том,

как Чаплинский взят был козаками из Чигирина, привезен к Хмельницкому на Желтую Воду и там обезглавлен — в расстоянии нескольких верст от обоза польского, «дабы враг мира и покою не лежал с теми шляхетскими трупами, которые с его причины там на Желтой Воде свои от оружия козацкого всебедственно положили головы». И все это выдумка!

Письмо четырнадцатое

О ЦЕЦОРСКОМ ПЛЕНЕ И ЧЕРНОМОРСКИХ ПОХОДАХ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО

Приступаю к главному месту Вашего «Объяснения». Вы говорите: «Максимович укоряет меня еще и за то, что, говоря о плене Хмельницкого под Цецорою, я сказал, что он был в плену *недолго*, вместо того, чтоб сказать определительно: *два года*. Веря положительно Сирку, что Хмельницкий именно в 1621 году одержал над турками победу на море, Максимович увидел, что по этому расчету нельзя пробыть Хмельницкому два года в неволе, а сам Хмельницкий говорит о своем двухлетнем плене; Максимович смело прибегает к догадке, что Хмельницкий взят был в плен прежде Цецорского дела, и, как следует, свою догадку выставляет фактом, не подлежащим сомнению. Но Хмельницкий в своем письме изображает свой плен как следствие Цецорского сражения, тотчас помянувши о смерти своего отца на этой битве. Что делать с таким разноречием? Не допуская произвольных догадок, я счел за нужное ограничиться общим выражением «*недолго*» и теперь доволен тем, что так поступил: в приведенной выше рукописи под 1624 годом я нашел известие, что козаки возвращались из морского похода, где нанесли туркам ужасный вред около самого Константинополя. Полагаю, что морской поход Хмельницкого именно относится к этому времени или ранее несколько (в 1624 г. козаки воротились, а воевать могли в 1623), но не в 1621 г., а в письме Сирка просто ошибка, происшедшая, может быть, от переписчика копии этого письма. Но предположение, какую бы степень вероятности оно ни имело, еще не есть несомненная истина; во всяком случае думаю, что есть больше основания допустить последнее, чем то, которое предлагает Максимович».

Вы имели полную власть отдать своему предположению преимущество перед моим и назвать его более основательным; но зачем Вам было обо мне говорить, будто я свою *догадку*, что Хмельницкий взят был в плен *прежде Цецорского дела*, выставляю фактом, не подлежащим сомнению. В моем письме к Погодину на 172 странице «Украинца» сказано так: «В какие именно годы он был в плену, об этом нет современного свидетельства (*вероятно*, это было еще до 1620 года)». Видите: *вероятно* — и только! Моя догадка предложена на утверждение или на отвержение будущим историческим открытием. Чего доброго: может быть, откроется, что Хмельницкий *пробыл* два года в неволе спустя несколько лет после битвы

Титул Літопису Самійла
Величка. 1720 р.

Портрет Богдана
Хмельницького у Літописі
Самійла Величка

Цецорской! А пока откроется что-либо нового и определенного об этом предмете, я признаю *достоверным* и *положительным* только то, что Хмельницкий сам написал о себе в письме к королю, побежденному под Зборовом: что он пробыл в плену *два года*; а *вероятным* я нахожу, что это было еще до Цецорской битвы 1620 года, даже прежде, чем поступил Богдан на службу в Низовое Запорожское войско. Но этой *смелой догадки* моей никак не выдаю за *факт*, не подлежащий сомнению.

Я вполне согласен с Вами, что «*предположение*, какую бы степень вероятности оно ни имело, еще не есть несомненная истина», но не могу согласиться с Вами в том, что Черноморская победа Хмельницкого, означенная в письме Сирка 1621 годом, означена была *ошибочно*. Я вполне верю ему, что та победа была *именно 1621 года*. Да Вы и сами верили Сирку, когда в своей книге о Хмельницком принимали эту победу и называли ее блистательною: это ясно видно по Вашим ссылкам на те страницы Величка и Симоновского, на которых находится письмо Сирково. Что же Вас разуверило, заставило отрицать 1621 год и называть его в письме Сирка *просто ошибкою*? Неужели то, что Вы в упомянутом рукописном «Компендиуме» нашли под 1624-м годом «известие, что козаки возвращались из морского похода, где нанесли туркам ужасный вред около самого Константинополя»? Неужели только эта находка дала Вам уверенность, с какою Вы говорите: «Полагаю, что морской поход Хмельницкого именно относится к этому времени или несколько ранее (в 1624 году козаки воротились, а воевать могли в 1623-м), но не в 1621-м»? Других оснований в «Объяснении» не представлено. Посмотрим же, в какой мере основательно Ваше новое предположение.

1. Начать с того, что Вы нашли известие о таком морском походе козаков, о котором давно известно *положительно*, что он был именно 1624 года. Я сошлюсь в этом хоть на примечания Устрялова, приложенные к его переводу Бопланова «Описания Украины»; там на 138 странице сказано: «В 1624 году, пользуясь отплытием турецкого флота к Крыму, козаки пристали в миле от Константинополя, опустошили загородные дома, мызы» и т. д. Итак, Ваше предположение о возможности этого похода в 1623 году оказывается лишним и неоправданным. Напрасное оно и в том отношении, что заставляет запорожцев зимовать в морском походе, тогда как они свои черноморские походы совершали обыкновенно в одно лето и к зиме возвращались в Запорожье.

Вы полагаете, что морской поход Хмельницкого *именно* относится к этому времени, но не к 1621 году. Но разве нашли Вы в «Компендиуме», что Хмельницкий был в походе 1624 года? Кажется, ниоткуда еще не видно, чтобы он в нем участвовал. Итак, Ваше утверждение не имеет достаточного основания.

3. Но если бы и нашлось современное известие, что Хмельницкий действительно был в морском походе 1624 года, — это была бы новая прибавка к его запорожским подвигам; а первая победа его над турками 1621 года остается все в той же ненарушимой силе, как она поставлена в письме кошевого атамана Сирка — перед морским походом 1629 года.

4. Вы отрицаете теперь победу 1621 года, называя ее в письме Сирка *ошибкою*... Ошибки в годах встречаются бес-

престанно в старом и новом летописании малороссийском. Но разве ошибся и Самуил Зирка в своей надгробной речи Богдану, когда, вспоминая о его военных громах, от которых потрясались ясноцветная Сармация, и берега бурного Эвксинопонта, самые стены цареградские, сказал: «особливе року 1621»? Разве ошиблись и гетман Сагайдачный, и король Жигмонт III, когда в королевской грамоте, данной гетману после Хотинской войны, от 12 января 1622 года, сказано так: «Посылаем из нашей казны королевской чрез придворного подскарбия 400 000 битых талеров, которые должны быть разделены поровну и розданы 50 тысячам всей войсковой черни — как тем, которые были под Хотинном, так и находившимся на военном промысле с Хмельницким на Понте Эвксинском». А вот и самая первая весть о той козацкой победе на Черном море, записанная в «Дневнике Хотинской войны» так называемого Матфия Титловского:

«6 сентября. Избежа от обозов турецких козак некий, который седм лет в сарацинской пребывал неволе... Он же козак и возвещае, что в обозе своем турки проговоруят: дванадесять суден, узброенных арматою на море Евксинском, козаки емши потопиша, избывшии же в Константинополь убежаша, их даже до самых стен града козаки гоняще, всех цареградцов устрашиша; сея новины перваго провозвестителя гневом неистовящийся оттоманин повелел удавити; в день же грядущий заповеда к обозу поляков сильное готовить приступление. Тое же самое и турки многии, на страже ятии, единодушным согласиєм глаголюще, утверждаху».

Приведенные три свидетельства (за которые с благодарностью вспомянем Величка!) подтверждают показания Сирка о 1621 годе. Вам надо опровергнуть всех их четырех свидетелей и пятого — Твардовского, а без того Ваше отрицание не будет иметь достаточного основания.

Из всего сказанного видно, почему эту Черноморскую победу Хмельницкого я признаю таким же *гостоверным* фактом, как и *двухлетний* срок его плена. А как только я признал эти два исторические факта, для меня стало ясным, что начало Богданова плена напрасно полагается в битве Цецорской: она была в октябре 1620 года: следовательно, только за *девять* месяцев до победы Черноморской — этой *блистательной* спутницы войны Хотинской.

Вы говорите о себе: «Не допуская произвольных догадок, я счел за нужное ограничиться общим выражением «*недолго*» и теперь доволен тем, что так поступил». Не вижу, чем же тут быть довольным и на что Вам нужно теперь это неопределенное «*недолго*» вместо определенного самим Богданом: *два го-да*! Иное дело в Вашей книге, где Вы принимали и Цецорский плен, и Черноморскую победу 1621 года: тогда Вам необходимо было прибегнуть к сокращению двухлетнего плена, ибо другого выхода Вам не было. А теперь, когда Вы переставили Черноморскую победу на три года вперед (как некогда Ригельман переставлял ее за три года назад, на 1618-й), ничто не мешает Хмельницкому выдержать *двухлетний* срок своего плена. Избегая произвольных догадок, Вы вдалились в произвольное изменение двух исторических фактов, которые должны оставаться нерушимыми.

Зображення
Б. Хмельницького на стінах
Успенського собору
Києво-Печерської Лаври.
Кінець XVII ст.

признаєш Черноморську перемогу, тоді бачиш, що тут Цецорський полон тільки казючийся. Во всякому випадку, це таке місце в листі Хмельницького, яке допускає різне трактування. Але ті слова його листа, що він, «уведений в полон, перебував в ув'язненні *два роки*», не підлягають ніякому трактуванню і розногласію: це чистий і ясний факт, який і слід прийняти з його листа заздалегідь і залишити незмінним. Мнение про Цецорський полон є помилковим висновком з листа Богдана, зробленим Коховським. По крайній мірі для нашого літописання він є першим джерелом Цецорського полону, яким у нього позичився Грабянка для своєї «Історії», а з неї це повідомлення перейшло і до введення, прикріплене невідомим компілятором до Літопису Самовидця. Але ж у них немає і згадки про Черноморські походи Хмельницького (то ж у Бантыша-Каменського і у того, хто написав *старими словами* повість «Про те, що сталося на Україні», які додали ще і деталі, як молодий Богдан в Цецорській битві показав перші спроби своєї хоробрості, ворвався далеко в ворожий стан і т. д.). Так дивлюся я на походження і поширення думки про Цецорський полон; я відкидаю його як історичний привид, подібний різним іншим привидам, якими достатньо населена історія Козацької України і її представник — Богдан Хмельницький. Коли йде пошук

В «Українці» я звернув увагу на лист Хмельницького до короля 1649 року і пояснив, яким чином з цього листа виникло думка про Цецорський полон. Ви говорите в заперечення мені: «Але Хмельницький в своєму листі зображає свій полон як *слідство* Цецорської битви, тоді згадавши про смерть свого батька на цій битві». Ні, це *слідство* виведено вже польським істориком, не знавшим або не визнававшим за Богданом Черноморської перемоги 1621 року. В листі своїм Богдан говорить спочатку про службу свого батька і про його смерть під Цецорою, а потім за тим говорить про себе, почавши з свого полону, про звільненні з якого прийшов він до військової служби; його розмова про свій полон призвела до згадки про Цецору, що стосується до батька: отже і здається, що полон відбувся під Цецорою; але коли

о его жизни, для нас важны свидетельства современные, осммотренные и оправданные критикою. К числу их принадлежит отрывок из письма запорожца Сирка. Прочтем же слова этого «витязя сильного» о двух Черноморских походах Хмельницкого.

«По нем, року 1621, тож пред гетманством своим, Богдан Хмельницкий, на морю Чорном воюючи в своих моносилах, многие корабли турецкие опановал и благополучно до Сечи повернулся; потом, року 1629, браття наши запорожцы с певным вождем своим, воюючи в чолнах по Евксинопонту, коснулись мужественно и самих стен Константинопольских, и оные довольно мушкетным окуривши дымом, превеликий султанови и всем мешканцам цариградским сотворили страх и смятение, и некоторыи одлеглейшии селения константинопольские запаливши, тож щасливе из многими здобычами до Коша своего повернули».

Нельзя не заметить, что некоторые подробности и сами выражения Сирка (*превеликий страх и смятение*), относящиеся ко второму походу Хмельницкого, были отнесены у Величка к первому походу, а сам поход 1629 года ни у Величка, ни у последующих историков не был отнесен к подвигам Хмельницкого. Не знаю, согласны ли Вы с моим мнением, что у Сирка под именем «*певнаго вождя*» разумеется Богдан Хмельницкий, названный при первом походе. А если он был победоносным вождем запорожцев уже в 1621 году, то нельзя не предположить, что в Запорожское товарищество он поступил за несколько лет до битвы Цецорской.

Богдан Хмельницкий.
Портрет XVII ст.

О ПЛЕНЕНИИ ДВУХ КАНТЕМИРИЧЕЙ 1629 ГОДА

К историческим призракам я отношу и пленение двух Кантемировых сынов 1629 года будто бы Богданом Хмельницким. Хотя этот подвиг и утвержден за ним большинством малороссийских бытописателей, но в «Украинце» моем я передал этот подвиг по принадлежности *Стефану Хмелецкому*, ссылаясь на два современных о том свидетельства и объясняя ошибку нашего историка Грабянки созвучием двух имен. Вы в своем «Объяснении» не соглашаетесь со мною и защищаете принятое Вами мнение как сказание козака Самовидца, «близкого к этому времени и, вероятно, видевшего самого Хмельницкого: едва ли бы этот летописец мог обмануться созвучием имен».

Козак-Самовидец, без сомнения, видел Хмельницкого, — например, на похоронах Золотаренка в корсунской Рождественской церкви. Но сказание о поимке Кантемиричей находится не в самой Летописи Самовидца, а во введении к ней, которого я не признаю уважительным, ибо нахожу, что оно есть позднейшая выборка из «Истории» Грабянкиной, написанной спустя полвека по смерти Богдана. Во введении сказано: «Року 1629 Зиновий Михайлов сын Хмельницкий, при других верных службах своих в Королевстве Польском, двох Кантемиров живо до короля привел, за что имел у короля особливую милость, ибо из природы был разумен и по латыне изучен». Это отголосок Грабянкина сказания: «ходячи в чамбулы, Орду бивал и языков до кроля привождал, а в року 1699 двох Кантемиров живо до кроля привел (от которых король много о тайных замыслах турецких на ляхов известился), чрез что мевал у кроля милость великую, бо был с природы разумен и в науке языка латинскаго беглый».

Посмотрим теперь, как это происшествие передано в «Летописце» Ерлича, современного Богдану Хмельницкому. Там сказано, что Стефан Хмелецкий, разбивший Орду один раз под Тарнополем, в другой раз (в 1626 году) под Белою Церковью, в 1629 году вместе с козацким гетманом Гришком Черным разбил 8000 татар под Бурштином, и Кантемировых сынов — одного убито, а другого, живым взятого, королю отдал. Тут действует Хмелецкий (как и по другому свидетельству участника в том походе, которое напечатано в «Старожитностях» А. Грабовского), а у Грабянки тут действует Хмельницкий... Как же не признать, что это не иное что, как ошибочная замена первого имени вторым? А как легко было случиться этой замене, можно видеть на той же 36-й странице Ерлича, где поставлено один раз *Chmielecki*, а потом *Chmielnicki*! Такая описка и могла ввести в заблуждение нашего не слишком осмотрительного историка Грабянку, и он принял подвиги Хмелецкого за подвиги Хмельницкого, изменив по-своему и подробности, т. е. вместо названных определенно двух предыдущих побед над татарами — Тарнопольской и Белоцерковской — сказал общим выражением: Орду бивал... вместо одного живого, а другого убитого Кантемири-

ча привел к королю обоих живых... В моем первом письме к Вам я представил, как историк наш Грабянка переделал по-своему сказание о Кодацком событии, взятое им, очевидно, у Коховского, а составитель введения к Летописи Самовидца взял из Грабянки голую сущность этого сказания, отбросив всю художественную обстановку.

Вы говорите: «Если в летописи Ерлича говорится об участии в этой битве Гришки Черного, то это разве исключает Хмельницкого?» Непременно исключает, когда мы видим ясно, что имя *Хмельницкого* поставлено здесь только по ошибке — вместо имени *Хмелецкого*, героя той битвы. Вы спрашиваете: «Почему же с этими козаками не мог быть именно Хмельницкий»? Отвечаю: когда мы видим ясно, что имя Хмельницкого замешалось сюда только случайною ошибкою нашего историка, когда есть уже перед нами *действительность* о Хмелецком, то не следует предполагать здесь *возможности* о Хмельницком. Ведь это то же, что поход, бывший 1624 года, мог быть 1623-го. Кроме того, Хмельницкий весьма мог не участвовать в походе Хмелецкого, потому что он ходил тогда с запорожцами на море под Константинополь и задал там *превеликий страх и смятение* — слова Сирка, которые в Вашей книге отнесены к Хмельницкому, но с перемещением их от похода 1629 года на поход 1621-го.

Вы отыскиали в «Компендиуме», что «в 1629 году 6 ноября козаки запорожские отправляли пред королем посольство и привели множество пленных татар; а 11 ноября являлся к королю Хмелецкий» Что же? Эта отысканная Вами подробность служит только дополнением ко сказанию двух современников о победе Хмелецкого и нисколько не относится к Хмельницкому.

Изо всего вместе для Вас «кажется *достоверным*, что с козаками, бывшими у короля 6 ноября 1629 года и представлявшими ему пленников, находился Хмельницкий». Но я и в этом не вижу *достоверности*: она была бы тогда, когда бы в «Компендиуме» поименован был *Богдан Хмельницкий* (было несколько Хмельницких и в гетманство Богдана).

Из всего сказанного для меня остается *достоверным*, что победа над татарами и *Кантемиричами* 1629 года вовсе не относится к Хмельницкому; она принадлежит Хмелецкому и тогдашнему его сподвижнику гетману *Черному*; а вместо имени Кантемиричей и представления их обоих живыми королю будто бы *Хмельницким* справедливее вспомнить тот случай, что в 1646 году он отвез двух пленных татар кастеляну Краковскому (как это известно из «Памятников, изданных Киевскою Комиссиею»).

В «Истории» Грабянкиной после рассмотренных нами слов о Кантемиричах следует еще такое сведение о Хмельницком: «Изваживши король его разум, допустил себе за советника, ибо когда умыслил мстить на турчину за перешкожанную войну Московскую, будущую в року 1635 (т. е. в 1634) под Смоленском, то мимо своих сенаторов з ним радился и великий регимент морской всей арматы ему вручал». Вот новая задача, но решить ее не умею.

О ВВЕДЕНИИ К ЛЕТОПИСИ САМОВИДЦА

Вы ссылаетесь на это введение как на свидетельство *самого Самовидца*, современного Хмельницкому, а, по моему мнению, оно составлено кем-то другим, — должно быть, тем же, кто написал продолжение Летописи Самовидца до 1734 года.

По этому разногласию я считаю необходимым делом объяснить, на чем основано мое мнение. Оно основано преимущественно на очевидном сходстве введения, от начала и до конца, с «Историей» Грабянкиной, так что это введение представляется мне выборкою из Грабянкиной «Истории», сочиненной около 1710 года. Предположить бы наоборот, т. е. что козак-Самовидец прибавил впоследствии к своему «Летописцу» краткое историческое *введение*, а Грабянка распространил и пополнил его для своей книги. Но этого я не могу признать и допустить, находя во введении и у Грабянки такие подробности, каких не могу предположить в писании заднепровского козака, современного Хмельницкому. Тот «Лето-

Богдан Хмельницький.
Портрет XVIII ст.

писец о начале войны Хмельницкого» обличает в своем сочинителе козака грамотного, бывалого и разумного, но не книжного, писавшего по живому устному преданию, какое ходило в козачестве о событиях того времени. Ему ли было на старости вдаваться в составление исторического введения — от старого Владимира до современного Богдана. А Гадяцкий полковой старшина *Григорий Иванович Грабянка* был человек ученый и книжный, знакомый с малороссийским и польским летописанием. Сочиняя в молодые свои года «Историю о действиях презельной брани», он не только поработал над историей козацкого гетманства, но предпослал еще главу «О начале проименования козаков, от коего рода и племени купно же и древнейших их действиях сокращене». Затем следует у него сказание «Како Малая Россия подпаде лядскому игу», начинающееся одушевленным вопросом: «Откуда разделение царств и домов падение?»

1. С этого сказания позднейший составитель введения и начал свою выборку — от завладения Киевской земли *Гедимом*, т. е. Гедимином, и до Желтоводской битвы, о которой у Грабянки сказано, «что ся стало в року 1648 мая 2», а во введении — «что стало ся в року 1648 мая 2 дня». Мог ли это написать козак-Самовидец? Нет, у современных людей, пишущих по живой памяти, нередко случаются ошибки в годах, но числа месяцев и дни происшествий замечательных по большей части сохраняются верно. Возможно ли, чтобы козак-летописец, современный Хмельницкому, не знал, что Желтоводская победа была во вторник 8 мая, а Корсунская — в среду 16 мая? Он мог совсем не означать дней и чисел этих двух блистательных побед, как они и действительно не означены в его «Летописце», но уж никак он не мог здесь поставить 2 мая вместо 8-го. Эта ошибка или описка Грабянкина, которую скопировал позднейший составитель введения, повторявший и другие ошибки своего подлинника.

2. Так, в самом начале введения сказано, что со времени Гедимины, поставившего в Киевском княжестве наместника Миндовга, князя Ольшанского, «Литва обладала Киевом аж до смерти князя Симеона Омельковича, который церковь Печерскую, чрез 230 лет по Батыи пустовавшую, обновил. В 1340 году, по смерти князя Омельковича, король польский Казимир I княжение Киевское на воеводство переменял и всю Малую Россию на поветы разделил». Это взято почти слово в слово из Грабянки, который написал эту путаницу, не давши себе труда проверить и того, что чрез 230 лет по разорении Киева Батыем в 1240 году выйдет 1471-й год, в котором действительно скончался обновитель Печерской церкви Киевский князь Симеон Омелькович, а по смерти его, в следующем году, Казимир Ягеллович обратил Киевское княжество в воеводство.

Богдан Хмельницкий.
Італійська гравюра
XVII ст.

Наш историк торопливо приставил сюда Казимира Владиславича с 1340-м годом, в котором этот король завладел Галицким княжеством и обратил его, как полагают, в воеводство, называвшееся до последних времен воеводством *Русским*. Таким смешением двух разновременных Казимиров и двух воеводств — *Русского* и *Киевского*, несмотря на приведенные 230 лет после Батыя, Киевское княжество — у Грабянки, а за ним и во введении, и еще в некоторых писаниях прошлого столетия — обращается в воеводство 1340 года, т. е. 130-ю годами ранее, чем было. Но у малороссийских писателей XVII века оно полагалось верно — 1471 года. Не знаю, почему в Вашей книге оно положено 1476-го. Не опечатка ли это?

3. Грабянка в своей «Истории», помещая любопытную *«Суплеку до всей Речи Посполитой Польской от утесненного ляхами народа русского, поганную в року 1632»*, вспоминает при этом, что «и прежде от всей Руси много челобитных подавалось до королей полских, и князь Острозский Константин Иванович (ныне в Печерском з камня выбитый лежащий), будучи сам греческаго закона, до всего Сенату за творимыя Руси обиды суплековал». Здесь ошибка Грабянкина состояла в том, что он имел в виду заступничество за Русь князя Константина Константиновича Острожского, скончавшегося 1608 года и положенного в соборной церкви Острожской; а назвал отца его князя Константина Ивановича, погребенного в церкви Печерской 1533 года. Составитель введения взял этот отрывок из Грабянки и поместил его вслед за известием о кончине гетмана Сагайдачного в 1622 году в таких словах: «Около сих годов (!) князь Острожский Константин Иванович, которого статуя в Печерском монастыре имеется мраморная, за общенародныя обиды русския супликовал до всего Сенату». Тут в составителе введения обличается компилятор, совсем отличный и от козака-Самовидца, и от Грабянки.

4. К ошибкам Грабянкиной «Истории», перешедшим во введение, я отнес уже и Цедорский плен Богдана, и поимку двух живых Кантемиричей. Назову еще одну: это постановка в гетманы Тараса и его Переяславщины под 1628 год. Ошибка эта тоже повторялась не один раз в последующем малороссийском бытописании, до Вашей книги включительно. Тарас был гетманом после Гришки Черного, следовательно после 1629 г. Современный львовский летописец описал Тарасову войну под 1630-м годом, который подтверждается и другими современными свидетельствами, например «Тератургимою» Аф. Кальнофойского, где описано чудесное событие той войны при осаде Печерской Лавры поляками и немцами. Гетманство Тараса означено 1630-м годом и в том скудном списочке гетманов, который составлен Величком.

5. Этот списочек может служить свидетельством, как бедно было у нас в Малороссии в начале прошлого столетия познание о козацких гетманах, бывших до Хмельницкого. Но какая разница между Величковым списочком и тем, что за десять лет до него собрал и написал Грабянка! А во введении прибавлено еще два гетмана: *Семен Перевязка, 1632 г.*, и *Булюк, 1640 г.* Предположить ли, что они поставлены были во

введении козаком-Самовидцем, да Грабянка не захотел принять их в свою «Историю»? Но разве мог козак-летописец, современный Хмельницкому, написать следующее: «1640 року был еще гетман козацкий Булюк, на котором ляхи гетманство запорожское окончивши, наслали козакам вместо гетмана комиссаров и вождов своя Лядския державы, породы и веры»... и прочая?

Нет, современник Хмельницкого не мог не знать, что козацкое гетманство было прекращено после войны Острияницкой, что в конце того 1638 года поставлены были над козачеством комиссары и полковники польские. Это хорошо знали и Грабянка, и Величко. У Грабянки сказано, что после Острияницкой войны «поставиша над козаками реестровыми полковников, сотников и всю старшину лядския веры». Тут наш историк перехватил немного добавкою сотников и всей старшины, но сущность дела в том, что составитель введения выключил это место из сказания Грабянки о жестоких последствиях Острияницкой войны и отнес к прекращению гетманства на Булюке, 1640 года [...]

Что за гетман Булюк? По моему мнению, это наш завзятый Павлюк (или Павел Михнович Бут), в смутном представлении Пуфендорфа явившийся гетманом Балуком. Величко первый у нас воспользовался этим Балуком из Пуфендорфовой «Истории», напечатанной в русском переводе 1718 года, и включил его в свой список гетманов взамен недостающего там Павлюка, но поставил ошибочно между Тарасом и Сулимою, означив год его гетманства 1631 или 1637. Вскоре после Величковой летописи, например в том «Собрании гетманов», которое прилагается к «Истории» Грабянкиной, является Булук под 1640-м годом, но с удержанием и Павлюка под 1637-м, а Семена Перевязки еще нет; во введении являются уже и Перевязка, 1632 года, и Павлюк, 1637-го, и Булюк, 1640-го, что повторяется и во многих последующих писаниях малороссийских. Кажется мне, что эта прибавка может служить приметою о составлении введения не ранее как в тридцатых годах прошлого столетия.

6. Первые козацкие гетманы у Грабянки означены в таком порядке: 1) Предслав Ланцхоронский с 1506 г.; 2) Венжик Хмельницкий — 1534 г.; 3) князь Дмитрий Вишневецкий; 4) князь Евстафий Ружинский; 5) Сvirговский — 1574 г.; 6) Боганко — 1575 г.

Этот порядок верен, и за него мы с благодарностью вспоминаем о Грабянке. Но во второй четверти прошлого столетия кто-то изменил этот порядок напрасною перестановкою Вишневецкого и Ружинского перед Венжика Хмельницкого, т. е. из второй половины XVI столетия в первую*. В таком беспорядке первые козацкие гетманы находятся в помянутом «Собрании гетманов» и остаются почти во всем дальнейшем малороссийском бытописании прошлого столетия — в «Летописце» Рубановом, у Кониского, Шафонского, Ригельмана — и во всех списках гетманов, какие составлялись в Малороссии вдовольном числе на последях и на конце гетманства. Вот эта постанова князей Дмитрия Вишневецкого и Евстафия Ружинского перед Венжика Хмельницкого, т. е. до 1534 года, находящаяся и во введении к Летописи Самовидца, служит мне

* Подобные перестановки гетманов делались у нас и во второй половине прошлого столетия. Так, Иван Петрижицкий, бывший гетманом в 1632 году (как известно по его универсалам), у Ригельмана и в «Хронологии гетманов» переставлен за полвека назад, перед гетмана Шаха!

новым показателем, что оно составлено в *тридцатых* годах прошлого столетия, когда прибавлено к этой летописи и продолжение до 1734 года.

Приведенных мною доказательств, кажется, достаточно для пояснения и оправдания моего мнения.

Письмо семнадцатое

О ПОХИЩЕНИИ КОРОЛЕВСКОЙ ГРАМОТЫ У БАРАБАША

В дополнение к предыдущему письму надо мне разобрать еще особенный случай, который представляет резкое различие между введением и самою Летописью Самовидца, по которому было разногласие и у меня с Вами: это похищение Хмельницким королевских грамот у Барабаша. Во введении сказано: «Какий королевский лист Зиновий, да он же и Богдан, Хмельницкий достал фортелно у Барабаша во время [крестин] дитины его восприемником бывшего, вычитал пред козаками и усоветовал ступать на Запороже, и рушил декабря 7 дня 1647 года». Это очевидное извлечение из сказания Грабянки. Но в Летописи Самовидца, отменно от всех современных свидетельств и позднейших сказаний, вместо Барабаша поставлен Ильяш переяславский, и Хмельницкий у него похищает королевскую грамоту, хранившуюся в Переяславе. Ригельман так уладил дело, что заставил Хмельницкого звать к себе в гости и Барабаша, и Ильяша и посылать гонцов за грамотами и в Черкасы, и в Переяслав. Но такая гоньба за двумя генеральными асаулами не решает нам спорного дела. Предположить бы так, что Самовидец, написавши сперва сказку об Ильяше, во введении поставил настоящую быль о Барабаше; но тогда бы он выбросил из своей летописи сказку об Ильяше или же как-нибудь оговорился, как, например, Величко в своей летописи, приводя сказку о Тимоше Хмельницком: «же по смерти отческой (если то есть правда) Чаплинскую, мачеху свою, на воротах обвесил».

Вы в своем «Объяснении», желая согласить сказание введения о Барабаше и сказание самой Летописи Самовидца об Ильяше, говорите: «Я понимаю дело так, что здесь говорится об одном лице, именно о Барабаше». С этим заключением Вашим нет возможности согласиться, ибо слишком ясно и определенно сказано в летописи об *Ильяше*, значном козаке *переславском*, хранившем грамоту в *Переяславе*; и нету никакого вероятия, чтобы козак-летописец, современный Хмельницкому, мог об этом старшине и о Барабаше черкасском говорить как *об одном лице*: то были два старшие лица в тогдашнем козачестве! Но Ваши слова, что здесь говорится «именно о Барабаше», заставили меня передумать это дело и решить его заново.

Невозможно, чтобы современный Хмельницкому козак-летописец не знал, что королевская грамота похищена Хмельницким именно у *Барабаша*, в Черкасах. О том сам Богдан

Богдан Хмельницкий.
Портрет XVIII ст.

спустя полгода объявил малороссийскому народу в Белоцерковском универсале, говоря так: «Теды я, Хмельницкий, взявши Господа Бога на помощь и отобравши штучным способом у Барабаша привилеи королевские, мусилем сие военное з поляками зачати дело». Как же можно было козаку-Самовидцу написать в своей летописи такую небылицу, будто Хмельницкий отобрал грамоты у Ильяша переяславского? Нет, он в своей летописи не мог написать такой чепухи о деле общеизвестном; у него, конечно, было написано имя *Барабаша*, а какой-нибудь проказник переправил *Черкасы* на *Переяслав*, а имя *Ивана Барабаша* на *Ильяша*, отчего и стало «из *Иваном Иляшем*»...

Подобную штуку я заметил уже прежде на известном списке 15-ти полков (вместо 16-ти), на которые разделил Малороссию Хмельницкий 1650 года. Тогдашние числа реестро-

вых козаков каждого полка сохранились у Коховского. Какой-то проказник в прошлом столетии переправил числа в трех полках: в Черниговском вместо 996 — 9096; в Нежинском вместо 983 — 9083; в Кальницком вместо 2046 — 6046!

И с этими вздорными числами 15-полковой список, напечатанный в «Летописце» Рубановом, повторялся потом в исторических сочинениях о Малороссии Симоновского, Ригельмана, Бантыша-Каменского, Срезневского, Маркевича!

Так-то вышло и с похищением грамоты у *Ильяша* из *Переяслава*: с этими именами разошлась Летопись Самовидца во многих списках по Малороссии. Такой же список ее был и в руках Грабянки, ибо он в свое сказание о похищении грамоты у Барабаша прибавил еще грамоту «на робление суден водных, данную королевскому зычливцу Иляшу переяславскому»! Но известно положительно, как и в Вашей книге означено, что грамота королевская, в которой дозволялось козакам и строение челнов, дана была Барабашу, а на долю Ильяша досталось совсем другое: получение и исполнение приказа сжечь козацкие челны, 1638 года. Итак, теперь приспело нам дело до Ильяша Караимовича переяславского, состоящее в том, чтобы вычеркнуть его имя из Летописи Самовидца, отнять у него королевские грамоты и передать их по принадлежности *Ивану Дмитриевичу Барабашу* и жене его *Агафьи*. Черкаскому старшине не посчастливилось и в Летописи Ерлича, по крайней мере в тех списках ее, к которым принадлежит напечатанный Войцциким 1853 года. Там при сказании о королевском позволении и денежном вспоможении на построение челнов и морские походы,

данных козакам 1641 года, сказано: «давши им и их старшему, по имени *Дорошенкови*». Это явная ошибка: *Дорошенко* вместо *Барабашенка*.

По изложенному мною соображению я предлагаю восстановить подлинное чтение Летописи Самовидца таким образом:

«В Чигирине месте мешкал сотник Богдан Хмельницкий, козак ростропный в делах козацких военных и у писме вежливый, и часто у двора кролевского в посольстве будучий; и под час бытности своей с козаком значным черкасским з *Иваном Барабашем* (а той *Барабаш* барзо зычливый королеви его милости) и упросили писмо albo привилей на робление челнов на море мимо ведомости гетманов коронных, що и одержавши, тое скрыто держали от полковников в Черкасах». И далее: «бо маючи в дому своем у гостях того *Барабаша*»...

Согласны ли Вы признать такое чтение и тем порешить этот затруднительный случай в малороссийском летописании? А что в драгоценной Летописи Самовидца не все находится в исправности, я приведу еще два случая.

Ю. Глоговський.
Богдан Хмельницький.
Початок ХІХ ст.

Под конец 1656 года поставлено: «Тыло тое войско зостающее к Богу и ко Днепру ходило з сыном Хмельницкаго Тимошем на помочь господареву волоскому, тестеву Василиу Лупулу...» и т. д. Ясное дело, что этот отрывок попал не на свое место, конечно, при позднейшей переписке летописи: ему следует быть под 1653-м годом.

Под 1657-м годом сказано: «але Выговский... высылает полк Нежинский и Стародубовский у повет Полтавский на залогу». Здесь, по моему примечанию, Стародубовский полк поставлен обмолвкой, ибо этого полка не было еще в 1656 году; он установлен уже в 1663 году, когда стал гетманом Брюховецкий. В летописи надо поправить так: «высылает полк Нежинский и Черниговский».

Богдан Хмельницкий
(з альбому Де ля Фліза).
Середина XIX ст.

Письмо восемнадцатое О СОТНИЧЕСТВЕ ХМЕЛЬНИЦКОГО

Мне остается отвечать еще на одно место Вашего «Объяснения» — о сотничестве Хмельницкого и его генеральном и войсковом писарстве. Тут Вы позабавились над тем, что Богданово сотничество я назвал скромным званием. Вы говорите: «Что Хмельницкий прежде был писарем, Максимович не отрицает этого, но думает, что Хмельницкий по взятии Павлюка оставался в скромном звании сотника до 1648 года. Почему же знает это Максимович? Если Хмельницкий после своего писарства в 1637 году мог находиться в скромном звании сотника, то в промежутки от 1637 до 1648 года он мог из скромного звания сотника еще раз сделаться писарем и снова перейти в скромное звание сотника. Не только Миллер и Кониский, как говорит Максимович, но и Коховский называют его писарем».

Шутки в сторону, а дело вот в чем. Меня остановило в Вашей книге о Хмельницком следующее место: «он получил в ней (т. е. в службе реестровых козаков) чин сотника, а потом занимал место между войсковыми старшинами, как говорят некоторые, генерального писаря». Как говорят некоторые — и при этой оговорке ссылаются только на двух позднейших писателей — Миллера и Кониского; это показалось мне требующим подтверждения, что Хмельницкий действительно был

войсковым писарем, и определения, когда именно был он в этом звании, что и сделано мною в «Украинце»: я назвал Миллера и Кониского только потому, что Вы на них двух сослались; будь у Вас еще и *Коховский*, у меня сказано было бы, что Вы ссылаетесь на трех свидетелей; но Ваши оговорки («как говорят некоторые») все-таки заставили бы меня определять: когда же именно Хмельницкий был писарем? Оказалось, что не было той постепенности, какую и Вы дали, что был он сотником сперва, а *потом* занимал место в войсковой старшине в звании писаря. Так представлять мог Миллер, оставивший его писарем до самого гетманства, но в старой козащине не раз случалось, что полковник становился сотником и просто *товарищем*. По моему примечанию, Хмельницкий стал войсковым писарем *по взятии Павлюка* под Боровицею, т. е. в половине декабря 1637 года; это видно мне из того, что Боровицкую присягу 15 декабря подписал «писарь Богдан Хмельницкий»; а до той поры, в продолжение Павлюковой войны, были войсковыми писарями прежний *Федор Онушкевич*, а потом *Иван Догоринский*.

Определив таким образом, когда началось писарство Хмельницкого, я заметил и то, что оно продолжалось весьма недолго, ибо под конец Острижницкой войны, т. е. в половине следующего 1638 года, был уже другой войсковой писарь, а Богдан Хмельницкий оставался по-прежнему *Чигиринским сотником*. Был ли он в другой раз войсковым писарем, на это нет у меня в виду современных определительных известий. Возможности к тому я не отрицаю, но действительности не вижу, потому и не признаю. А между тем вижу, что Хмельницкий и под конец своей догетманской жизни был в звании *сотника*, например в 1647 году, когда он со своим *полковником* ходил из Чигирина против татар. Величко, писавший под влиянием «Дневника» Зирки, говорит, что Хмельницкий был *на тот час сотник Чигиринский*. А всего важнее для меня, что козак-Самовидец знает его и называет *Чигиринским сотником*. Вот почему я и оставляю его в этом звании с половины 1638-го и до конца 1647-го, не имея еще *положительного известия*, чтобы он в промежуток этих лет был войсковым писарем.

Вам непременно хочется, чтобы на 1646 год, к приезду канцлера Оссолинского, Хмельницкий не был сотником, а войсковым писарем. Вы говорите: «И кажется очень правдоподобно, что Хмельницкий занимал чин войскового писаря в то время как Оссолинский вел с ним и с Барабашем переговоры; иначе странно было бы предположить, что канцлер с таким важным государственным делом, для которого нужны были люди с весом и влиянием на козачество, обратился к сотнику одного из украинских полков. Очень могло быть, что Хмельницкий после неудачной развязки Владиславова предприятия возвратился в свою сотню».

Ничего *странного* не вижу я в предположении, что Оссолинский, когда ему нужны были люди с весом и влиянием на козачество, обратился к Чигиринскому сотнику Хмельницкому. Таких *сотников* не было ни прежде, ни после в Украине

Козацкой... Что могла прибавить к именитости заслуженного Богдана в козачестве лишняя чиновная ступенька? Если бы в 1646 году он оставался даже не сотником, а просто *товарищем* Чигиринского полка, и тогда бы Оссолинский к нему первому обратился с поручением от короля, который давно знал его и у которого, без сомнения, он первый в козачестве был на примете. Оссолинский, как сказано было в Вашей книге, доверил тайну двора не только Барабашу и Хмельницкому, но и еще некоторым козакам. В каком же чине представили те козаки на совете канцлера? Уж верно, не старше сотницкого! Богдан Хмельницкий, будучи Чигиринским сотником под конец Острияницкой войны, наряжен был тогда в депутаты к самому королю от всего Запорожского Войска; а тут, в приезд канцлера к козакам с тайным поручением от короля, мало Хмельницкому быть сотником, надо быть ему войсковым писарем, как будто прибавка этого чина много значила в глазах канцлера! Личность Богдана и его заслуга козачья значили все для Владислава и Оссолинского, и для козачества, — добавлю Вашими словами: «сам Конецпольский, враг козацкого сословия, уважал его дарования»... Итак, пока не откроется современного свидетельства, что Хмельницкий в сороковых годах был войсковым писарем, оставим его в скромном звании Чигиринского сотника, в каком знает его современное козачество под конец его догетманской жизни.

Листы 1—4 — *Украинец*. 1859, с. 147—174; лист 5 — *Русская Беседа*. 1859, кн. VI; листы 6 и 7 — *Санктпетербургские Вестомости*. 1860, № 8, 103; листы 8—18 — *Основа*. 1860, кн. 2, 5

Бубновская сотня

Град Дубков

В пределах Золотоношского уезда Полтавской губернии находятся восемь старинных русских городов, которые, впрочем, уже не считаются городами: Жовнин (по-старинному Желнин), Буромка (по-старинному Буромля), Иркилев, Крапивна, Глемязов (по-старинному Гелмязов), Пищана, Домонтов и, наконец, так называемый Дубков... Это последнее имя известно только из московской «Книги Большого Чертежа», из которой перешло и в новые географические сочинения. Но землеведцы наши не знали, где именно был этот надднепровский «град Дубков» и что с ним случилось. Наконец г. Спасский в 1846 году, издавая вновь «Книгу Большого Чертежа», решил так, что «Дубково ныне не известно». И в самом деле, нет ни слуху, ни памяти о городе Дубкове в тех местах, где ему следует быть по указанию знаменитой московской книги, а в ней сказано ясно: «От Канева вниз по Днепру град Дубков, на Московской стороне Днепра. А ниже Дубкова две мили на Днепре град Домонтов, а под ним пала река Супой на Московской стороне... А ниже Домонтова по правой стороне Днепра, на речке на Мошне, от Днепра три версты, град Мошна Вишневецкого».

Это место в «Книге Большого Чертежа» есть классическое для меня как для жителя того Поднепровья, о котором здесь идет речь и которое как на ладони видно из моей нагорной хаты — с Каневом, с Мошнами и со Святославскою башнею, поставленною на Заднепровской горе князем Воронцовым. По направлению к ней, прямо на полдень, на левой стороне Днепра виден мне и наш искомый град, верстах в 16 ниже Канева и в семи верстах выше Домонтова. Он известен здесь под тем же именем, каким он всегда здесь назывался, под которым значится и на географических картах начиная с Боплановой карты Украины до новейших карт Полтавской губернии. Это имя — Бубнов. Московские писцы «Книги Боль-

шого Чертежа» переделали это имя, вероятно, сперва в Дубнов, а там уж и в Дубков, подобно тому как имя Гелмязов переменялось у них сперва в Елмазов, а там и в Алмазов.

Что касается до польских географических карт, то они городок Бубнов называют обыкновенно Бобновкою. То же и на Блавиановской карте Днепра: там Бубнов называется Bobnowkiј, Прохоровка — Pokorowko, а вместо Решетки поставлено Rozetki!

До 1782 года, когда Малороссия разделялась еще на полки и сотни, Бубнов считался сперва городом, а потом сотенным местечком Переяславского полка. К Бубновской сотне причислялись три села: Прохоровка, Сушки и Бубновская Слободка с принадлежащими к ним хуторами и землями. Примыкая одною стороною к Днепру, Бубновская сотня с других сторон окружена была сотнями: Леплявскою, Гелмязовскою, Пищанскою и Домонтовскою. Всей земли она занимала, примерно сказать, около ста квадратных верст.

На этом участке русской земли давно уже ведется общественная жизнь русского человека, и много здесь близкого лично для меня в разных отношениях. Потому я желал привести себе в известность прошедшую жизнь Бубнова и его сотни — тем более что истории русской недосужно было останавливаться над таким уголком Руси, где общественная жизнь ее работала тихомолком, не выдаваясь ничем особенным из своего обиходного круга. Свет истории, как лучи утреннего солнца, озаряет прежде всего вершины да крупные выпуклости народного бытия, а то, что у подошвы его, то остается надолго в тени и нередко вовсе исчезает из памяти людской. Но я люблю прохладу таких укромных уголков земли Русской; люблю расспросить смиренного, но забытого труженика Руси обо всей прошедшей жизни его, посмотреть на все, что от нее уцелело, и помянуть с ним нашу родную старину...

Первые времена Бубновской сотни

Городовое бытие нашего Бубнова является на свете истории в половине XVI века, в ту молодую пору днепровского козачества, когда оно воевало татар и турок под знаменем своего гетмана, князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, укрепившегося на острове Хортицком. В 1554 году этот знаменитый витязь, перейдя из Запорожья в Черкасщину и Каневщину, укреплял здешние места надднепровские. Тогда поставлен был над Днепром, как сторожевой козак, и городок Бубнов в крепостных валах, которых остатки есть и теперь возле бубновской церкви.

Вишневецкий еще в ту пору вызывался прилучить к Московскому царству все Поднепровье. Но Москва тогда была еще молода и не довольно окрепла в страданиях, чтобы принять на свои руки Украину с «древнею матерью городов русских». Украина в то время принадлежала еще к составу западнорусского княжества, называвшегося Великим княжеством Литовским. Но в 1569 году Польша домоглась наконец «гражданской унии» этого княжества с ее королевством в одну Речь

Т. Калинський. Український
сотник. 1778—1782 рр.

Посполитую. Украина стала принадлежать к Польше, но не лежала к полякам душа украинцев. Известно, что еще древним киянам представлялся бес «в виде ляха»: такая странная мечта возникла, вероятно, с появлением в Киеве Болеслава Храброго, который был так «велик и толст, яко и на кони немогий сидети»; к тому же он явился в Киеве (1018 г.) как союзник и тесть Святополка Окаянного и осквернил своим сладострастием Владимирову дочь, княжну Предиславу. О свадьбе Святослава Всеволодовича, бывшей 1143 года, так говорится в Летописи Киевской: «и скупшася братья вся и безбожни ляхове, и пиша у Всеволода».

И вот под исход XVI века оправдалось древнее нелюбие киевского народа к Польше. В правление короля Жигимонта III, воспитанного иезуитами и одержимого их духом, Украина потерпела от Польши такое горе, какого не ведала Московская Русь под игом татарским: она потерпела гонение и оскорбление своего православия, которое для украинского народа со времен св. Владимира стало первейшим условием и нерушимым залогом народного бытия.

Иное дело было вероисповедание для Польши — первейшей «западницы» в кругу славянском: сначала она приняла восточное православие от общих первоучителей славянских, но вскоре возобла-

дало в ней католичество западное; с появлением реформатского новомыслия она оставляла католичество для реформатства; а когда водворились в ней иезуиты, они обратили ее опять в католичество, передав ей и дух своего верогонения. Тогда, на беду Западной Руси, явилась «церковная уния» (в 1595 г.), которая породила столько раздела и раздора в духовенстве западнорусском; а реформатское новомыслие, распространившееся из Польши по Западной Руси, открыло путь иезуитам уловлять в свои сети новые поколения западнорусских князей, которые, увлекаясь хитролестным учением этих западных мудрецов, блеском и роскошью польского панства, отпадали от благочестия своих предков и отделялись от православной Руси, как поднимается пыль от земли набежавшим на нее вихрем. Тогда днепровское козачество, вполне непреклонное в своем православии, стало предстателем и главным защитником народа украинского, и начались ополчения за веру и против верогонителей.

После первых ополчений, которых жертвою пали Наливайко и Лобода, православная Киевская Русь отдохнула немного под защиту своего доблестного гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, мужественного победителя татар и турок, восстановителя православной Киевской митрополии и

обновителя киево-братских школ. От Польши в те поры страдала и отбивалась Московская Русь, ибо и ей суждено было отвесть той горькой чаши, которую выпила до дна многострадальная Украина. Но по смерти Сагайдачного (1622 г.), когда Москва после смутных бурь светлела уже своим избранником Михаилом, на украинскую землю, как темная туча, надвинулся Конецпольский, и под этою мглою налетели иезуиты на берега Днепровские. Тогда опять явились ополчения козацкие. Украинцам посчастливилось в Тарасову ночь под Переяславом (1630 г.), они тогда гнали поляков с победою; «отож уния: лежить Русь с поляками» — говорил Конецпольский, указывая на трупы.

И между тем этот коронный гетман продолжал все ту же унию, вызывая своими насилиями новые ополчения козацкие. Кошевой атаман Сулима, воевавший на Черном море, воротясь на Днепр, разорил польскую крепость на Кодаке, построенную Конецпольским, но вслед за тем он был взят и четвертован в Варшаве. Запорожец Павлюк отпущен был тогда с места казни, но через полтора года, ставши гетманом, он ополчился на Конецпольского.

В виду Бубнова собирались отовсюду украинцы на город Мошны. Поляки изготовились на реке Роси и потом расположились своим станом между Мошнами и Кумейками. Перед битвою гульливый Потоцкий ухитрился подослать в Мошны жидов с бочками горилки. Козаки позабыли на этот раз старый козацкий обычай — не пить вовсе вина во время войны. Еще хмельные, на рассвете они выступили в бой. Павлюк не дремал и в строгом порядке вел свое войско, построив в шесть рядов обоз, вооруженный шестью пушками. Но при начале пальбы повеял козакам супротивный ветер и закрыл от них пороховым дымом стан неприятельский. Полякам посчастливилось: смешанные с первого раза украинцы бились отчаянно до самой ночи и наконец отступили. Поляки чрез два дня сожгли Черкасы, и вслед за тем осадив Боровицу, принудили козаков выдать бывшего там гетмана Павлюка с Корсунским полковником Василем Томиленком; а их товарищ Сахно Черняк сам добровольно поехал за ними в Варшаву, где и казнили их. Между тем Потоцкий в Переяславе и по другим городам до самого Нежина кровожадно казнил сообщников Павлюковых. Восстания гетманов Остряницы и Гуни кончились тем же. И в тот злополучный 1638 год, известный в народе под именем *Кумейского року*, Бубнов со своими хуторами и землями отдан был во владение переславским иезуитам, для которых незадолго перед тем соорудил великолепную коллегию Переяславский староста Лука Жолкевский.

Но недолго черные вороны каркали на берегах, освященных для нас веселием св. Владимира, кровью св. Бориса и смертью Мономаха. Через десять лет встрепенулся на Днепре наш ясный сокол Хмельницкий: тогда не стало и духу иезуитов нигде на Украине. С той поры Бубнов поработал некоторое время на Успенский Каневский монастырь, по назначению Богданову.

В этот третий ряд своих ополчений козацкая Украина была уже на верху своей славы...

*В той час була честь, слава,
Войсковая справа:
Сама себе на смех не давала,
Неприятеля под ноги топтала!*

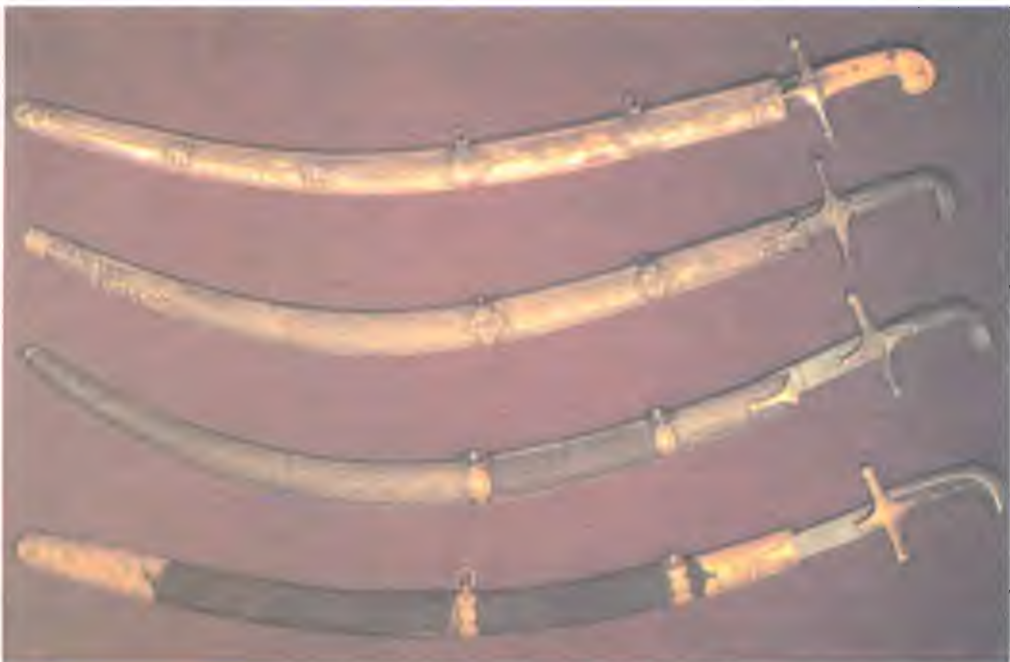
Но грустно вздумать, сколько истратила своей силы беспомощная Украина в те ополчения...

Но вот воодушевленная своим гетманом Богданом, Украина сама освободила себя от верогонительной Польши и,дохнув самостоятельным бытием, вошла добровольно в общий состав Русского царства, 1654 года.

Но Украина козацкая еще не ведала тех бед разновластия и междоусобства, которыми так много страдала в древности Украина княжеская. Наступили на нее и те беды по смерти единовластника ее — Богдана Хмельницкого. Еще при нем возобновившаяся война Москвы с Польшею и новое отношение к ним Украины подали повод крамольничать честолюбцам и своекорыстникам украинским — начиная с гетмана Выговского и до гетмана Мазепы. Украина потрясена была до основания междоусобицами гетманскими и нашествиями поляков, татар, турок и, наконец, шведов, наводимых на нее крамольниками. Эти постылые для самого воспоминания тревоги унялись победою Полтавскою; но изнемогшая Украина осталась разорванною надвое — сперва по Андрусовскому (1667 г.), а потом по Прутскому (1711 г.) договору; и заднепровская половина Украины (кроме Киева) томилаь опять под властью Польши.

Среди треволнений, обуревавших тогда всю Украину, город Бубнов со своею сотнею был не замечен в ней, как волна в пучине Днепровской. В летописании малороссийском находим только мимоходное о нем упоминание, что в 1672 году в селе Козацкая Дуброва (между Конотопом и Путивлем), где происходил выбор в гетманы Ивана Самойловича, там в числе сотников Переяславского полка был и Бубновский сотник

Козацькі шаблі

Козацькі пояс та пістолі

Богдан Омельченко. Под 1692 годом записано: «Орды крымския и белгородския з солтаном зближали ко Днепру; и подпавши на сей бок Днепра, коло Домонтова и Бубнова села пограбовали». Я со своей стороны могу прибавить к этому только то, что Бубновским сотником тогда был *Иван Каневец*, человек хворый для войны и нестарательный для своей сотни.

Сотник Денис Деркач

Бубновское «товариство», недовольное на своего сотника Каневца, в июле 1693 года отправило от себя «громаду» к Переяславскому полковнику Мировичу в Золотоношу (где находился он в своем селе Ольхи) и просило его, чтобы он поставил им в сотники *Дениса Деркача*. На эту просьбу дан был следующий «полковницкий универсал»:

«Их Царского Пресветлого Величества Войска Запорозкого полковник Переяславский Иван Минович.

Всему старшому и меньшому сотни вашей Бубновской товариству доброго от Господа Бога узычивши здоровья и щастливого повожения, ознаймуем: иж прибувши до нас в Золотоношу килкодесять товариства сотни вашей, прекладали нам деючиеся долегливости и особливое недоброхотство до всего товариства пана Ивана Каневца, сотника вашего, же оный на уряде застаючи сотником, едно за неспособностию здоровья своего, другое за недобростю своею велми вам всем, добрым молодцом, принаприкрися; и просили у нас, именем всех вас, абысмо его, пана Ивана Каневца, от уряду того сотницкого оставили, а на том уряде утвердили сотником пана Дениса Деркача, значного товариша и заслужоного в Войску Запорозком. Теды мы, схилившися прозбе вашей, ведаючи о нем, пану Денису, которого на уряд себе сотницкий про-

сите, же он есть человек добрый, в военных оказиях справный и до уряду сотницкого способный, посылаем зумыслу высланого от боку нашего в сотню вашу и позволяем сему высланному нашему, пану Евсею Карадже, товарищу войсковому, корогов сотницкую пану Денису вручити. А тут росказуем пану Ивану Каневцу, яко тамже вам всему товариству за уряд подяковати, так, приехавши до нас, належитый нам уклон отдати. Которого то новоизбранного сотника вашего чтите и яко старшому своему повинуйтесь! а он вас всех, добрых молодцов, любячи, будет к вам ласковым.

Дан в Золотоноше. Июля 27. Року 1693.

Звыше менованный полковник Переяславский».

Сотник Денис в том же году оправдал свое избрание, будучи в трехтысячном козацком отряде, ходившем в Белгородщину: там, на урочище Кодыме, он храбро дрался с татарами под начальством полковника Палия. Был он и в следующем году в Белгородщине в двадцатитысячном козацком ополчении, ходившем туда под главным начальством Черниговского полковника Якова Лизогуба. Наконец, участвуя во всех походах Переяславского полка, он потерпел и его плен в 1706 году.

История Малороссии уже осудила гетмана Мазепу за то, что он из ненависти к сопротивнику своему, полковнику Миновичу, послал его в Ляховичи нарочно с одним Переяславским полком. Там, после долгой осады шведами, в неровной силе, наши переяславцы достались в плен неприятелю и отвезены были за море. В Киеве, в помянниках Печерской Лавры и монастыря Пустынно-Никольского поминается: «Род пана Иоанна Миновича, полковника Переяславского, взятого в неволю шведскую, на службе Его Царского Пресветлого Величества, в тот час будущего в союзе з Королевским Величеством, на пароль короля шведского, в осаде ляховецкой в панстве короны Польской, року 1706, мая 1; и запроважен за море зо всем полком до места Готтенбургу; и там, в великой нужде, многие скорби терпячи, скончался в день святых великомученицы Варвары; и похоронен есть там же под зборищем лютерским, от своих полчан-сопленников».

А сотнику Денису с двумя товарищами (с Золотоношским сотником Лукьяном Шульгою и с Домонтовским — Сергием Колибоженком) Бог помог в следующем году освободиться из шведской неволи. В июне месяце они пробирались через Польшу, где находились тогда козацкие войска под начальством региментаря Андрея Войнаровского. У него наши сотники были 2 июля под Якубовичами, и вскоре прибыли они в Киев, где переяславские козаки работали тогда Печерскую крепость, заложенную Петром I 1707 года, 15 августа. Денис Деркач объявил наказному Переяславскому полковнику Томаре, что он желает быть в прежней должности, и воротился в Бубнов со следующим «универсалом»:

«Вам, пану атаману городовому Бубновскому, атаманне куренной и сельской зо всем товариством, также войтам з посполитыми людьми добраго от Господа Бога узычивши здоровья, известно подаем: иж як изволением и судьбами Божиими попал был в шведскую неволю пан Денис Деркач, сотник ваш Бубновский, так его же силою и помоцу Бозкою ныне высвобожден особливим щастем рейментарским от тои ж неприятельской неволи, простует в дом свой, который як прежде найдовался по милости Божой и ласце войсковой в городе вашем сотником целым Бубновским, так и теперь жадаєт, абы неотменно при той власти и чести зоставал. А В. М. атамання з товариством и посполитыми людьми,

абысте своего власного господара и старшого знали и ведали, всякую почесть и пошанованне з належитым послушенством отдавали; о чом выражаючи, жадаем и зостаем вам зычливым:

Стефан Томара, обозный полковый и наказный полковник Переяславский. Июля 18, 1707 року».

В следующем году сотник Денис в награду за службу и плен получил село Сушки по универсалу гетмана Мазепы, данному в Белой Церкви 1708 года, 20 апреля. Но он недолго пользовался этим достоянием и в том же году скончался на службе, в чине полкового есаула, оставив по себе в Сушках вдову Агафью с сыновьями Иваном, Федором и Андреем. За ними утвердил вновь гетман Скоропадский (универсалом 1716 года, 2 июня) село Сушки в потомственное владение.

Там и теперь живет правнук Дениса, внук Андрея Лев Павлович Деркач, который в войну двенадцатого года козаковал на берегах Рейна и при отставке награжден чином коллежского секретаря. С той поры наслаждается он благополучным миром в кругу своего семейства. Из его коморы (точно такой, какую описал Гоголь в «Старосветских помещиках») получил я в подлиннике вышеприведенные универсалы и несколько других старинных записей.

Местность Бубновской сотни

Жилая половина Бубновской сотни находится на бережной луговой равнине, которая во времена первоначальные была днепровским дном. Но после того как наш Славута вошел в нынешнюю колею своего бега, он только в редкие годы проходит грозно по своему бывалому руслу и потом опять отдает его на спокойное жилье людям. Такой разлив Днепра видели мы в 1845 году. В прошлом столетии было их три, и все в девятые годы: 1709 — после суровой зимы Шведской; 1739 — после горячей зимы Миниховской; 1789 — после великой зимы Очаковской. Случались они и в древние времена, как видно из Летописи Киевской под 1119 годом: «в се же лето бысть вода велика в Днепре: потопа люди и жито, и хоромы внесе»*. Но побережному люду нипочем такие потехи днепровские: перебудет с нуждою год-другой; а там и заживет себе припеваючи более полувека над своим Славутою-Днепром... «Домонтове-Домонтове, хорошее место! Сидим под горою, як лебедь над водою!» — говорится в одном из здешних народных рассказов. Однако соседу Домонтова, нашему Бубнову, приходилось иногда невольному близкое соседство с Днепром. Оттого стал он всех малолюднее в своей сотне, оттого уже давно возникла Бубновская слободка — многолюднейшая из наших сел, половина которой не была в воде и 1845 года.

Побережная равнина Бубновской сотни начинается под селом Келебердою гладкою Прохоровскою толокою, которая прилежит к большому речису (рукаву), называемому *Козаркою*. Это речисце выходит из Днепра против Келеберды (там оно принимает в себя конец речисца Ковержина, соединенный с устьем бережной речки Цыбли). Под селом Прохоровкою Козарка вливается в Днепр, составляя своим устьем весьма удобную пристань Прохоровскую.

*

В Лаврентьевском списке эта великая вода описана под 1128 годом.

Название Козарка ведется, без сомнения, издревле — от наших давних «насильников» хозар, которым выгодно было иметь свое становище у здешней пристани, против знатного города Родни, находившегося над устьем Роси. Замечу, что Днепр еще и в прошлом столетии подходил к самой Прохоровке, и пристань была на нем при устье речки. Таким образом, можно предполагать здесь хозарское становище — как первое историческое заселение того места, в котором впоследствии водворились Прохоры (так называлась в старину Прохоровка). Вспомним притом древнее урочище Козары под Старым Киевом, над устьем Почайны, так долго служившей пристанью днепровскою.

С началом нынешнего столетия Днепр отодвинулся от Прохоровки, оставив после себя так называемый Уступ под Белою Косою. В конце этого Уступа есть другой проток, называемый Безоднею. Видно, глубок он был в прежние времена, что получил такое имя. Но теперь он с каждым годом мелеет от наносного песка, так же как и Уступ.

Из Безодни, недалеко от Прохоровки, берет свое начало береговая река Ореховка, которая, под разными названиями, пробирается лугом мимо села Сушков к Бубнову и там впадает в небольшое речко. При устье Бубновского речка также есть пристань, но неудобная. Есть и перевоз оттуда через Днепр, к хутору Роскопанке, от которого версты на три отстоит село Крещатик над речкою Белазерью.

Название Ореховки основательно производят здесь от водяных, или рогатых, орехов (*trapa natans*), которые росли в ней во множестве, да и теперь попадаются изредка. Нередко находимы были по берегам Ореховки олени рога. А чтобы показать давний след человека на этой речке и вместе прежний порядок завладения вольными местами, или «вольницами», я приведу целиком следующую запись, любопытную и для истории города Ромны*:

* Известно, что князь Иеремия Вишневецкий, которому принадлежал город Домонтов, вел, можно сказать, войну с Казановским за город Ромны. Вероятно, по этому поводу и было то переселение роменцев в наши места, о котором старожитные бубновцы говорят в этой записи.

«Року 1700, месяца февраля 21. Я, Денис Деркач, сотни Бубновской товарищ и житель бубновский, чиню ведомо сим моим письмом явно и ясно: ижем не с примусом, але за порадою всего товариства, так тиж посполитых людей, смею построи млинок на вольном месцу на Ореховце, и никому ни в чом не пенный, и перешкоди никому нема; иж пытаем старожитных людей, чи не пенное месце оное? Теди все нижеписанные люде поведали: Павло Норец, Андрей Билько, Ванько Елищенко, Хилко Власенко и Гаврило Хижняк, що то месце вольное; иж бывал, прави, на том месцу млинок еще до Кумейского року, перед кильконадцять годов, як город Ромен исходил, и некийсь человек роменский постановил был на том месцу млинок, на вольном; а гди стал Ромен оседати вдруге, и той человек покинул той млинок и на свои грунта до Ромна вернувся, и до сих часов тое месце пусто zostавало. Теди я за тое месце на церковь Божию кладу два талера грошей и всем коштом своим поднимаюсь гребельку и млинок строити; и всем людем, яко товариству и посполитым, позволяю и в ставку рыбу ловити всякими посудки: неводами, сетями, ветерями; и езки ставити позволяю, тилько бы ик лотокам неблизко, так як з лука кинути; и для лепшой веры и певности уприсилем о подпись людей зацных.

Я, Петро Стукало, атаман городовый Бубновский из товариством казалем подписатися з Савою Клаваном, Хвесько Билько, Хвесько Левоненко, Сидор Палиенко, Микита Дубовиченко и Хвесько Прагленко. Так тиж и при Гордию Юнаку, войту Бубновскому, и при посполитых людех, при Андрею Быковцю и Харьку Бендику, и при многу людей зацных и веры годных.

И сие писане подаем ему и позволяем вечными часы оным мес-
цем владети, як самому, так и детям его. Деялося в Бубнове, року и дня
выше писаного. Стефан Семенович рукою власною».

Кроме Ореховки, есть еще речонки в нашей сотне, как-то: Поток в Прохоровке, Дехтярка в Сушках, Карасиковка в Слободке, Дергалёвка под Бубновом. Довольно также есть небольших озер и болот, подобных Балёвому и Чаиному, которыми поддерживается влажность нашей бережной равнины после разлитий днепровских. На многих «мочарах» под верхним слоем земли лежат слои белой глины, употребляемой здесь для побелки хат, а на берегу Козарки есть кряж вохристого песка, которым некоторые бережане натирают свои помосты вместо масляной окраски. Впрочем, в здешних домах господствуют еще мазанные глиною «доливки». К числу их принадлежит и один из старейших в нашей сотне домов (по нынешним размерам жизни — домик) в селе Сушки, во дворе Н. С. Романовского. На сволоке этого дома по стародавнему обычаю вырезан крест посредине и следующая надпись: «Благослови, Господи, дом сей и живущия в нем. Сия хранина создася рабом Божиим Антонием Федоровичем Деркачом 1755 года, 10 дня месяца апреля».

Над бережную равнину поднялась другая набережная равнина, простирающаяся пажитною степью до реки Супия. Она спускается на побережье довольно крутою, иногда почти отвесною стеною, обглаженною левым боком первобытного Днепра, волнами которого, вероятно, нанесена и сама равнина. Степные воды давно уже изрезали ее окраину частыми ярами (оврагами), из которых многие обращены во взвозы.

В таком виде окраина степной равнины идет излучисто над побережьем от Супия до Прохоровки; отсюда верст на девять, до Леплявого, она рассыпалась в пески и смешалась с песками бережными. Надо думать, что эта песчаная россыпь наброшена здесь большим заливом первобытного Днепра, а буйные ветры еще и теперь холмят и пересыпают ее по своей прихоти.

Ничего любопытного не находится в этих песках для любителя ископаемой природы, но для охотника до старины человеческой в них много есть небольших металлических стрелок, называемых здесь *площиками*. Все они трехгранные: одни походят на чугунные, другие желто-медные; и можно различить их до двадцати видов, отличных размером и очертанием частей, нарезками на боках и другими подробностями. Иные из них точно такие, какие выкапываются в древних могилах заднепровских* и керченских. Видно по всему, что здесь давным-давно и притом многообразные народы стрелялись друг с другом. Но дойдет ли наша наука о древностях до того, чтобы по этим стрелам могла она угадывать воевавшие ими народы и век войны, подобно тому как испытатель природы по одному ископаемому зубу определяет целое животное и период его бытия на Земле!

За Днепром, прямо против этой песчаной россыпи и на таком же протяжении (то есть верстах на девяти) стоит большая горная возвышенность, на южном конце своем обогнутая рекою Росью, а на северо-западном конце орошенная Дунайцем и Каневкою. Этот горный кряж, который я называю Ро-

*

В 1845 году, когда профессор университета св. Владимира Иванишев, производя разрытие знаменитой могилы Перепетовки, или Перипятихи, представил в учрежденную в Киеве Временную комиссию найденные им стрелы, золотых грифонов, монеты из разноцветного стекла и другие вещи, я высказал сочленам свое мнение, что эта могила может быть приписана гелонам — выходцам из приморских эллинов — и что их город Гелонос, можно полагать, — на Перепетовом Поле, упоминаемом в наших древних летописях.

денским, надвинулся над самым Днепром, и от него-то, я думаю, днепровские волны некогда сторонились влево вышепомянутым большим заливом. В геологическом отношении кряж этот любопытен своими слоями юрского образования, особенно зелено-песчаным слоем, начиненным изобильно мелкими зубами допотопных рыб и гадов.

Из первоначальных времен русской жизни на этих горах прежде всего вспоминается бедовый город Родня, где князь Владимир осаждал брата Ярополка в 980 году. От того города, стоявшего над устьем Роси, уцелели только валовые следы у так называемой Княжей горы, да находимы были, еще и за мою память, киевские шестиугольные гривны серебра. А река Рось по-прежнему выбегает из-за горы, быстро поворачивает вверх Днепра и впадает в него под селом Пекари. Оттуда и теперь ходит перевоз через Днепр, на устье речки Козарки.

Прямо против того места, где Рось поворачивает к Днепру, на нашей стороне его, над селом Прохоровка выдалась моя Михайлова гора, с которой так далеко видно во все стороны. Сколько разнообразных картин сливаются здесь в одну полную, живую панораму, и как хорошо отсюда поглядеть на простор и красоту Божьего мира!.. Целую половину кругозора моего обнял собою Днепр, сверкая мне на шестидесяти верстах своего течения. Прекрасен Днепр — и в сиянии дневном, когда на его светлых водах забелеются полные паруса, ныряя в зелени прибрежных дерев, и в сумраке ночном, когда на его стемневших берегах засветятся огни, и мимо них проходят огни на плывущих плотках. Прекрасен вид Заднепровья — с широкими раздолами его темных лесистых лугов, разлегшихся на полдень от Роси под синеющими полосами возвышенностей Корсунских и Мошенских, с его величавою, нарядною возвышенностью Роденскою, белеющею в конце своем городом Каневом и с выходящею из-за Канева отраслью Трехтемировских гор.

Но еще ненагляднее для меня вид Побережья, на котором, как на разостланном ковре, беспечно раскинулись наши села. Там улеглась бездна зелени в лугах и лесах, сплетаясь бесчисленными очерками и оттенками в одну ткань со струями и зыбами бледно-желтых песков, поднимающихся холмами на север. А на восток от меня потянулась набережная степь с рассеянными по ней лесками, садами, хуторами и этими таинственными могилами, без которых и степь — не степь на Украине. Там, над Супием, в двадцати верстах от меня, белеет Глемязов церковью Святыя Троицы, построенною козаком Горбатым или Савенком, которому богатство наносили трудолюбивые пчелы. За Супием виднеется длинная полоса высокой степи, уходящей к реке Золотоноше. Вправо от Глемязова на Супие — древнее местечко Пищана. Еще правее — Новая Гребля, насыпанная в начале прошлого столетия козаками полковнику Томаре.

Но отдаленность кругозора моего заслоняется здесь дубровою, покрывшею версты на две окраину нашей набережной степи, которая здесь кончается Михайловою горою, сходясь ею с последними холмами нашей грустной песчаной россыпи. Тяжело через эти пески глемязовцам спускаться в на-

шу Прохоровку на торги, бывающие здесь по понедельникам, и на днепровскую пристань; нелегко и прохоровцам всходить этими песками на свои поля. Несмотря на то, целое лето движется народ в обе стороны мимо ворот моих по Глемязовской дороге. Иная поселянка вместе с рассветом дня выходит с грудным младенцем верст на десять на полевую работу и оттуда поспешает вернуться домой еще к заходу солнечному, чтобы встретить ватагу овец и сварить вечерю своей семье. Тогда, как бы по данному знаку, над целым селом расстилается голубоватый дым с каждого двора. А когда смеркнет, начинают раздаваться голоса песен, иногда слышные по целым ночам:

*Лугом иду, писни гуду,
Аж лужечки розлягаються;
Вже вороги спать полягли,
Тепер воны не втишаються.*

Глемязовская дорога спускается в Прохоровку мимо кладбища, отделившегося от моей горы глубоким яром: оно началось со второй половины прошлого столетия. На склоне горы стоит Успенская церковь, построенная тогда нашим прохоровским слепцом — войсковым товарищем Федором Петровским. Как хорошо это кладбище, когда повеет на него ветер с низу Днепра — и тихо зашумят вербы, выросшие из крестов над могилами убогих поселян, и затреплются белые хустки на крестах над могилами козацкими!..

Идучи степью, Глемязовская дорога на половине своей проходит между рядовыми могилами: там Бубновская сотня смежалась с сотнею Глемязовскою. В числе рядовых могил есть и могила-раскопанка. Я того же мнения, что эти так называемые раскопанные, или робленые, могилы служили некогда местами для языческих жертвоприношений и тризн, а обыкновенные круглые могилы составляют собою памятники надгробные.

Дорога Пищанская идет от нас сперва по степной окраине, спускаясь на побережье взвозами Сушковским и тремя Слободскими. На половине ее (на осьмой версте) находится урочище Супиец, которым Пищанская сотня отделялась от Бубновской. В половине прошлого столетия на том урочище был хутор войскового товарища Савы Терлецкого, жителя шабельницкого, но теперь там остался только окоп с растущими в нем вербами. Ряд небольших степных долин, наполняющихся водою в весеннее время, составляет начало степной речки Малого Супийца, пробирающейся отсюда к Большому Супию. По этой дороге встречаете еще более могил: одни из них разбрелись по степи, другие стоят на краю степной равнины, как сторожа надднепров-

Т. Калинський. Український шляхтич. 1778—1782 рр.

ские. Есть несколько могил и на самом побережье, например между Слободкою и Сушками. У здешних жителей каждой могиле есть свое имя: Переяславка, Ярошиха, Вовча, Лисича и тому подобные.

Особенною известностью пользуется здесь городище, искусно и сложно устроенное на углу крутого и глубокого яра между Сушковским и Первым Слободским взвозами. С давних времен поселяне Бубновской сотни сходятся туда на гулянье в Юрьев день. Ведутся в народе рассказы об этом городище, но все общеизвестные: об ушедшей в землю церкви, о кладах, о златорогом козле (вероятно, древнем Туре — Золотые Рога); и нет ни одного предания, относящегося к его собственной, подлинной истории. Оно, без сомнения, принадлежит к разряду древнейших городищ, служивших некогда жертвенными майданами. Внутри его под землею есть остатки обстеклившейся печной стены. Подобные городища находятся и на возвышенности, поднявшейся над нашею степною равниною с правого боку Супия, между Глемязовым и Ташанью. У тамошних жителей они называются *кугумами* — название, не слыханное мною в других местах Украины.

Против нашего городища, вправо от дороги, идущей в Бубнов между Слободкою и Сушками, на пятой версте от Бубнова есть небольшой четырехугольный окоп, сажен в пятнадцать длиною с каждой стороны и с кругловатою насыпью внутри каждого угла. Не понятно, за что этот окоп прозван Дворцом; но видно по всему, что он устроен в позднейшие времена с назначением сторожевым, вероятно на время разлития днепровского.

К числу старинных насыпей в пределах Бубновской сотни принадлежит еще небольшой вал, которого отрывки видны на бережной равнине вдоль Днепра, между Бубновом и Келебердою. Вал этот, конечно, пограничный, но не известно, кто им и от кого ограничивался.

В заключение упомяну об островах днепровских, прилежащих к нашей сотне. Небольшое речиче Бубновское обтекает остров Молодняги, а речиче Козарка от Старика-Днепра отделяется большим островом Шелестовом. На середине между этими двумя островами, против того места, где теперь урочище Осетривщина, был на Днепре остров Осетрова Голова. Там в прежние времена производилась богатая ловля днепровских осетров, которыми бубновские сотники каждую весну лакомили ясновельможных гетманов и полковников переяславских. Но теперь этой ловли здесь нет; она производится под Каневом, и уже не косяками, похожими на волчьи тента, а неводами. С началом нынешнего столетия, когда Днепр отодвинулся от Прохоровки поближе к Роси, он срезал Осетрову Голову, а к острову Шелестову и к его товарищу Ковержину прибавил значительную присыпь, которая немедленно заросла осокорями, вербами и лозою, так же, как и старые острова. Любо глядеть, как быстро пророщает из себя траву и дерево новорожденная земля на глубинах днепровских.

**Времена Бубновской сотни
с нашествия шведского до последнего
гетманства (1708—1750)**

Бубновская
сотня

Шведским нашествием и низложением гетмана Мазепы в 1708 году кончился прежний период бытия козацкой Украины и начался новый, последний, который я называю периодом «перемежающегося гетманства». Он прекратился в 1782 году «преобразованием» Малороссии из полков и сотен в наместничества и уезды.

Шведское нашествие в ходу жизни Украины козацкой составляет событие такое же роковое и переломное, как для Украины княжеской нашествие татарское. Как ни различны между собою в подробностях эти два события и их предпринимчивые совершители — Батый и Карл, но в отношении к двум кругам жизни, пройденной нашею Украиною, они соответственны друг другу.

*Шведського року нещасливого лиха
Не одна-то християнська душа безневинно пішла з цього свита!*

Так поминается в украинской думе то время, блистательное для Руси вообще победою Полтавскою, но несчастливое для Украины теми опустошениями, какие потерпела она от Шведской войны, которой была поприщем, от порожденного этою войною мора и, наконец, от необычайного налета саранчи в том же 1710 году, с началом которого по всей Южной Руси разлилась из Полтавщины моровая язва. К этим внешним бедствиям присоединились тяжкие впечатления, соединявшиеся с памятью об измене Мазепы, — впечатления, которых в глазах Петра I не могла загладить беспредельно верная и покорная служба нового гетмана Ивана Скоропадского.

Но неоспоримо, что Малороссия в это время, способствовав так много победе Полтавской повсюдным истреблением шведа, доставила великому преобразователю России первейших тогдашних духовных деятелей: св. Димитрия Ростовского, первосвященника Стефана Яворского и красноречивого Феофана Прокоповича. С этими светильниками при начатии XVIII века Украина козацкая вступила на поприще общерусской духовной деятельности, подобно тому как в XIII веке упадавшая Украина княжеская передавала Русскому Северо-Востоку лучший цвет духовной силы своей: в св. Симоне, епископе Суздальском, в великом митрополите всея России Кирилле II и в златословесном сподвижнике его Серапионе, архимандрите Печерском. И до самого конца своего Украина козацкая, можно сказать, первенствовала в деле духовного просвещения Руси, расходясь во все ее концы и летораслями своей Киевской академии, и множеством достойных ее питомцев: от св. Иннокентия (Кульчицкого), епископа Иркутского, до Георгия Кониского, архиепископа Белорусского.

С воцарением юного Петра II выпадали светлые воспоминания старины на долю Украины под управлением доблестного семидесятилетнего воина Даниила Апостола, выбранного в гетманы после первого пятилетнего междугетманства (1 октября 1727 г.). При нем украинское козачество потешилось

Сцени з життя козаків.
Фрагмент народної картини
«Козак Мамай». ХІХ ст.

опять войною с поляками (с 1733 г.) под начальством старых вождей своих: генерального обозного Якова Лизогуба и Прилуцкого полковника Игната Галагана. В его же гетманство Запорожская Сечь, четверть века пропадавшая в подданстве татарском, получила прощение (1733 г.) и воротилась на Днепр, чтобы с честью послужить еще православной Руси и умереть на родном пепелище, подобно своему кошевому атаману Ко-

стю Гордиенку, который скитальцем пришел на реку Каменку, чтобы сложить буйную голову свою на сечевом кладбище (1730 г.). Главным виновником сего возвращения Сечи под Русскую державу был храбрый кошевой атаман Иван Малишевич, уроженец золотоношский. В 1734 году скончался маскитый гетман Апостол (17 января) и погребен в сооруженной им каменной церкви в сотенном городе Сорочинцах незабвенным Киевским митрополитом Рафаилом Заборовским.

После того малороссийское и запорожское козачество около пяти лет дралось непрестанно с татарами и турками, принимая жаркое участие и в знаменитых победах Очаковской и Хотинской. Но от лавров, стяжанных тогда Минихом, крепко болели чубы украинцев; на Украину налетали опять (в 1738 г.) и саранча, и мор, и унывала душа от страхов, наведенных на Русь кровожадным Бироном. К счастью, вскоре явилась на престоле Всероссийском Елисавета Петровна. И зазвучала песнь Холмогорского певца:

*Гряди, краснейшая денницы!
Гряди — и светлостью лица,
И блеском чистой багряницы
Утешь печальные сердца
И время возврати златое!*

И действительно, настало златое благодатное время тишины и довольства для всей неизмеримой земли Русской, в особенности же — для истомленной вековыми тревогами Украины. Эта последняя была наконец обрадована прибытием самой Елисаветы в «богоспасаемый Киев» (в 1744 году, с 17 августа по 10 сентября). Проводя здесь несколько недель в поклонении святым местам, миротворная царица встречала повсюду расцветшую радость и любовь к себе народа украинского; и однажды сказала она во всеуслышание: «Возлюби мя, Боже, так в Царствии Небесном, как я люблю сей благонравный и незлобивый народ!» Церковь Андрея Первозванного, собственноручно заложенная Елисаветою, составляет изящный памятник ее незабвенного посещения пределов Днепровских.

В ту пору торжественно встречал и провожал по Малороссии свою царицу Яков Ефимович Лизогуб. Возвращенный Украине при Петре II, он был в продолжение пятнадцати лет представителем народа своего и скончался в Петербурге 25 января 1749 года, будучи тогда главою депутации о выборе гетмана. С кончиною Якова Лизогуба пришла к своему концу и старая козацкая Украина, доживая свой трудный век в мирной тишине и счастливом довольстве и поставив себе заживо памятник в великолепном гетманстве графа Кирилла Григорьевича Разумовского (с 1750 до 1764 г.).

Что было с Малороссией вообще в те сорок два года, тому причастна была и наша Бубновская сотня. До 1740 года включительно она беспрестанно выражала козаков своих в походы: то на войну, то на земляную работу (на Ладоге, на Белом море, на Волге, на Сулаке, на Линии Украинской). В сороковых годах бубновские козаки домовали и отдыхали, сторожа только свои пограничные форпосты в помощь драгунам Новотроицкого и других полков, квартировавших в те годы на нашем побережье.

После смерти сотника Деркача (1708 г.) Бубновскими сотниками были: Михайло Прохорович (до 1738 г.) и Федор Василевич (до 1752 г.). Местопребывание их было уже не в Бубнове, а в Прохоровке, почему сюда же переместился и «сотенный Бубновский уряд», с 1735 года называвшийся «сотенным Бубновским правлением». Это перемещение (которому поводом был великий разлив Днепра в 1709 г.) послужило к возвышению Прохоровки и к упадку Бубнова.

Сотник Михайло Прохорович

В прежние времена наше Побережье считалось Каневщиною, ибо еще и при Хмельницком *Бубновская* и *Леплявская* сотни в отношении гражданском принадлежали к повету Каневскому. Этою принадлежностью усилена была соседская связь наших «побережан» с каневскими «тогобочцами» (то есть заднепровцами). Козаки здешние служили в Каневской сотне, а каневцы переходили к нам. Я разумею здесь прежнее добровольное общение, а не то насильное переселение заднепровцев, которое было после Прутского договора и названо «згоном». Тогда переселенные каневцы водворились за Золотоношею, преимущественно в сотне Иркилевской; Днепр стал разлучником двух родных половин козацкой Украины, и правый берег его назывался Польшею*.

*

Так и теперь еще задним числом зовется у наших степовиков правая сторона Днепра. В «Книге Большого Чертежа» эта сторона называется Литовскою, а у Боплана — Русскою, в отличие от левой стороны Днепра, которая и у Боплана, и в «Книге Большого Чертежа» зовется Московскою, хотя она стала принадлежать к Москве уже после. Вот пример, как название места не всегда выражает действительную его принадлежность.

**

Это Евангелие примечательно и по своему изданию, которого не знали ни Сопиков, ни Кастерин: оно напечатано в Москве 1735 года.

Стародавнее общение Канева с нашим Побережьем вспомнулось в Запорожской Сечи, когда воротилась она на Днепр в 1734 году: бубновские козаки тогда, поступая в запорожцы, приписывались обыкновенно к «товариству Каневского куреня», нередко были в нем атаманами и оттуда, по старому обычаю козацкому, наделяли здешние церкви Евангелиями, крестами и другими утварями, преимущественно серебряными. Так, например, прохоровский уроженец Павел Фесуненко, будучи куренным атаманом в Сечи, поручил сотнику Прохоровичу «справить» на престол Ильинской церкви Евангелие в зелено-бархатной золочено-серебряной оправе, которое и теперь там находится**. На большом колоколе при той же церкви прочтете надпись: «Року 1738 августа 20 дня звон сей зделан до храму святого пророка Илии в село Прохоровку коштом сечевого атамана куреня Каневского Павла Фесуненка за отпущение грехов, а старанием пана Дмитрия Прохоровича».

В Каневском полку еще при гетмане Богдане поступил на службу козак Прохор, прозванием Шинкаренко. Схоронив первую жену свою, Марью Лебедевну, в сотенном селе Пиях, он женился на каневской козачке Ирине. К началу Чигиринской войны он был уже сотником Пиевским, а под конец войны — полковым есаулом Каневским, и в этих чинах стал прозываться Кочмаренком.

Известно, что в Чигиринскую войну грозный турецкий султан Магомет IV, освободив из семибашенной крепости Юрия-Гедеона Хмельницкого с титулом «князя Малороссийской Украины», наслал его на Украину. По разрушении Чигирин Хмельниченко (так называли Юрия) с татарами насту-

пил на Каневщину, и город Канев с монастырем 4 сентября 1678 года потерпел страшное разорение. Передовым Юрия в этом деле был другой такой же Хмельницкий, у которого народ отнял это имя и прозвал его Яненком*. К приключениям жизни бесталанного сына Богданова видно не доставало еще, чтобы в нашествие его на Канев был замучен татарами тот святой муж, у которого в Каневском монастыре был гостеприимный приют ему, поделом гонимому тогда со всех сторон. Нетленные мощи преподобного архимандрита Макария, обретенные в Каневе 17 марта 1688 года, перенесены были козаками в Переяславскую полковую церковь св. Воскресения, а оттуда, 8 ноября 1713 года, в обновленный древний монастырь Михайловский; по упразднении же этого монастыря они перенесены 4 августа 1786 года в Вознесенский Переяславский монастырь, где находятся поныне.

Каневский есаул Прохор по разорении Каневщины перешел на службу в Киевский полк сотником Остерским, впрочем ненадолго: в 1682 году его уже не было в живых. Вдова — Ирина Прохориха — воротилась в Канев. Всему доброму учила она своего сына Михайла, но не успела выучить грамоте. Впрочем, неграмотность в те времена не мешала надежным козакам быть сотниками и даже полковниками; и если разумному и мужественному Меньшикову при Великом Петре не нужны были ни род, ни грамота, чтоб возвыситься до такого величия в Русском царстве, то храброму сироте Прохоренку и Бог велел быть в то же время главою Бубновской сотни. Служа в ней рядовым козаком, он отличился в битве под Полтавою и там же назначен в Бубновские сотники; гетманский же универсал на то дан ему уже 22 апреля 1726 года. Он правил нашею сотнею тридцать лет без году; правил честно и бескорыстно: служил, «не щадя здоровья и живота» и был со своими козаками во многих походах; за походами тогда остановки не было, особливо в тридцатых годах, когда вслед за войною Польскою начались непрерывные схватки с татарами в походах Ногайском, Крымском, Подкарасевском и других.

В последний раз сотник Прохорович выступил в поход Поднестрянский весною 1738 года; тогда при нем были: сотенным хорунжим — Кирило Макаренко, сотенным есаулом — Никифор Бадека, а в Прохоровке наказным сотником оставался Алексей Петровский. Поход Поднестрянский известен: фельдмаршал Миних ходил по левому берегу Днестра, не решаясь переходить на правый берег, уставленный турецкою силою, выхвалял в своих реляциях храбрость генерала Августа фон Бирона и воротился в Киев ни с чем. А между тем много козаков погибло тогда в мелких битвах с татарами и от моровой язвы. В первом сражении козаков с татарами за Бутом был изрублен сотник Прохорович на реке Кодыме. И в «Субботнике» Прохоровской Ильинской церкви записали тогда память «раба Божого Михайла, сотника Бубновского, сколотого от татар на Кодыме сего 1738 году, июня 30-го дня». Вдова сотника, Евдокия Григорьевна, скончалась в Прохоровке 1747 года.

Из трех сыновей их остался в отцовском доме меньшей — Дмитрий. Он начал войсковую службу при отце с

*

Из Киевских актов XVII века мне достоверно известно, что перед Василием Федоровичем Дворецким, бывшим долго в звании Киевского полковника (начиная с 1659 г.), был полковником Киевским Павел Янович Хмельницкий. Известный в истории Яненко, если не ошибаюсь, был сын его, служивший так же верно Богданову сыну, как Павел Хмельницкий служил Богдану. А что Иван Яненко был точно Хмельницкий, то видно из универсала Юрия Хмельниченка, посланного «с ним Иваном и с татарами в Канев из табору над Ирклиевом, августа 23, 1678 года»: в том универсале он назван Иваном Яненченком Хмельницким.

1730 года; в отставку вышел 1757 года в чине бунчукового товарища; скончался в 1761 году, будучи шестидесяти лет от роду. Служба прежних козаков тем отличалась от нынешней военной, что отбывалась обыкновенно на собственном коште, и после многих лет или после калечества награждалась обыкновенно увольнением от всякой повинности общественной, нередко с производством в чин. Так продолжалась и тем кончилась служба Дмитрия Прохоровича, который был вторым из козаков Бубновской сотни в чине бунчукового товарища (равнявшемся премьер-майорскому); а первым из них в этом чине был меньшей сын сотника Дениса — Андрей Деркач.

Старший сын Дмитрия Прохоровича Яков служил в Запорожской Сечи, а меньший — Иван — в Бубновской сотне (с 1758 г.) — сперва сотенным писарем, потом сотенным атаманом — и кончил службу вместе с жизнью 1770 года в Могилеве на Днестре, будучи сотником Пищанским. В Прохоровке и теперь еще «тупает» помаленьку девяностолетний правнук сотника Михайла — Григорий Иванович: живая, но уже забывчивая летопись о последних днях Бубновской сотни.

Сотник Михайло стал называться Прохоровичем уже в позднейшие годы, а сперва обыкновенно звался он Прохоренком. Так и в надписи на одном из колоколов Ильинской церкви: «Року 1722 зроблен сей звон за старанием пана сотника Михайла Прохоренка до храму святого пророка Илии в село Прохоровку».

Вот история об этом колоколе. Прохоровский козак Роман Косенко перед смертью, летом 1720 года, отказал свою «худобу» (то есть имущество) на Ильинскую церковь и поручил ее пану сотнику. Худоба Косенка состояла в 140 овцах, 5 конях, 5 волах да в небольшой козацкой движимости; по продаже ее сочтено было вырученных денег «сто талярей без четырех золотых»*. Прибавив к тому своих денег, Прохорович в 1622 году вылил колокол. Такое распоряжение сотника в деле, относившемся к церкви, отец Даниил (Прохоровский священник) почел нарушением своих пресвитерских прав и не принял колокола. Через четыре года сестра покойного козака жаловалась в полковую Переяславскую канцелярию, что пан сотник не исполнил братнего завещания, но отец Даниил был непреклонен и колокол оставался неповешенным. Наконец участь его решилась в 1729 году следующим определением Прохоровской «громады»: «Року 1729, месяца мая 26. Пред окончанием жития своего з сего света, в мимошедших годах Роман Косенко, житель и товарищ прохоровский, отказал субстанцию свою пану Михайлу Прохоровичу, сотнику Бубновскому; якую субстанцию врученную продавал; и за тые звон отлил; а тых денег было талярий сто; а пана сотника также у звоне денег сорок талярей; а от тых часов и по сию пору звон у коморе лежит за запрещением отца Даниила, пресвитора Прохоровского; а ныне мы все: мещане, товариство и посполитые — усоветовали, дабы тот звон был на звонице; на що мы, товариство и посполство села Прохоровки, повелеваючи своей старшине сотенной, и подписуемся».

*

Для любопытства приведу здесь тогдашнюю цену. Овцы проданы по золотому; вола — по 10 и 11 золотых; корова с теленком — за 3 копы; конь гнедой — за 41 золотой; 2 кобылы — по 11 коп; 2 лошацы — по 7 коп. Заметим из прочей худобы: жупан блакитный (голубой) продан Кунашу за 10 золотых; кафтан — за 3,5 золотых без копеек; убрание (шаровары) — за 14,5 шагов; сабля — за 18 шагов; кульбака (седло) — Василию Красовскому за 3,5 золотых; жук пороховой — за 5 чехов; воз — за копу. Из 140 овец 20 отдано было жене «небижчика» (покойника), 10 — пастуху, 4 зарезано на обед, а 2 съедены волками. Из той же худобы выдали горилки на похороны и на обед золотых на 15.

Отец Даниил — лицо самое заметное в духовенстве Бубновской сотни. Он был козацкий сын и родился в Прохоровке пред концом иезуитского владычества над Бубновом, именно в 1645 году. Вырастал он и учился грамоте во времена Хмельницкого, а поступил в войсковую службу во время Дорошенково. Как человек грамотный, он дослужился в Переяславском полку до полкового писаря: это звание было немаловажное, ибо уравнено было с секунд-майорским чином, тогда как звание сотника считалось наравне только с чином ротмистра. Несмотря на свой полковый чин, Даниил Филиппович Осиповский не захотел продолжать войсковой службы и в 1692 году принял рукоположение от митрополита Киевского Варлаама Ясинского в пресвитеры Прохоровской Ильинской церкви. Этого, конечно, желали прохоровцы, ибо еще до поездки Даниила в Киев на посвящение (1692 года, 26 мая) Прохоровский атаман Иван Сыроватка с товариством отдали ему на церковь «синожать» на речке Ореховке, прозванную Поповым Кутом.

Отец Даниил был ревностный служитель своей церкви: содержал при ней исправно богадельню и школу, но в то же время требовал от всех прихожан неперемennого взноса ему «роковщины», состоявшей в полчетверике пашни; и когда во время Шведщины многие селяне перестали исполнять этот «поданный даток», то строгий пресвитер понудил их к тому универсалом наказного полковника Степана Томары (1710 года, августа 24). Крутой нрав Даниила поставлял его иногда в разлад с прихожанами, но это не охлаждало нисколько их усердия к церкви, которое во все время Даниилово явственно обнаруживалось. А Даниилово время при Ильинской церкви продолжалось шестьдесят восемь лет — до кончины его 5 января 1760 года, когда ему самому было уже сто пятнадцать лет от роду.

За полтора месяца перед тем (16 декабря 1759 года) скончался шестидесятидвухлетний сын Даниилов, священник Стефан, рукоположенный Переяславским епископом Кириллом Шумлянским (1721 года, 30 января). Преемниками их были внуки Данииловы, сыновья Стефановы: Петр (скончавшийся семидесяти семи лет 4 октября 1798 года) и Мойсей (скончавшийся 1787 года, 17 мая). Преемником Петра был правнук Даниилов, Иван Мойсеевич Осиповский: он учился в С.-Петербургской академии и по выходе из нее поступил было в военную службу в Новороссийском крае, но в 1797 году покинул ее при наступивших тогда новых порядках и поступил в священники Прохоровские, женись тут же на дочери войскового товарища Шаркевича — Агафье Григоровне. При нем начал здесь священство и меньшой сын его Михаил, в 1834 году.

С таким же преемством при церкви Никольской в Бубновской Слободке долго велись священники из рода Терлецких, водворившегося в XVII веке на нашем Побережье. В 1762 году скончался в Слободке Иоанн Васильевич Терлецкий, старик восьмидесяти двух лет, долго бывший здесь настоятелем. Его место заступил сын его Феодор, бывший при нем (с 1755 г.)

С. Світославський.
Переправа через Дніпро.
1880-ті роки

диаконом; преемниками Феодора Терлецкого были: внук Иоаннов Трофим, учившийся в Киевской академии (скончался 1822 г.), и правнук Арсений (с 1823 г.).

Подобно тому и в Пищанской церкви Троицкой издавна служат священниками потомки Кропивянского полковника Филона Джеджеля, сподвижника Богдана Хмельницкого (в 1692 г. был наказным сотником Пищанским Иван Джеджелій). В 1751 году скончался там отец *Федор Иванович Джеджелій* (внук Филона?), бывший духовником наших священников. На его место остался сын его, тоже *Федор*, прозванный *Жежелевским*; потом внук *Василий* (зять Прохоровского отца Петра); наконец, правнук Федоров *Константин*, который донныне там служит, исполняя и должность духовника священников, подобно прадеду.

Подобно Жежелевским, и Даниил Осиповский с принятием священства не лишался со своим потомством тех прав, какие приобрел он званием полкового старшины. При том же духовный чин и сам по себе, по силе тогдашних постановлений, равен был в правах с чином шляхетным. Малороссийское духовенство, неся великий урон от католичества и унии, вознаграждалось и пополнялось из других сословий — не только из мещан и простого выборного козачества, но также из войсковой старшины, из шляхетства и родов княжеских. Известно каждому, например, что святитель Димитрий Ростовский был сын Макаровского сотника Савы Туптала, а друг его митрополит Стефан Яворский — сын шляхтича волынского; епископ Луцкий и Острожский Афанасий, помогавший от-

рядом Хмельницкого ратоборствовать на Волыни, был русский князь Пузина, а митрополит Киевский Гедеон — князь Четвертинский, потомок св. Владимира. Восполнением своим из всех сословий, а вместе и просвещением своим (о котором прилагал такое попечение достопамятный Петр Могила, покинувший военную службу и княжеское достоинство для подвигов пастырских), духовенство малороссийское в продолжение XVII века возвысилось на такую степень, что уже и после нового порядка, установившегося с 1728 года, еще и в царствование Екатерины II считалось первым сословием народа, по тогдашнему понятию малороссийскому. Это можно видеть, между прочим, из «Краткого известия о Малой России», которое в 1773 году издал особою книжкою и посвятил графу П. А. Румянцову известный писатель Василий Рубан, внук нашего сотника Михайла Прохоровича.

Времена переходчивы: и в нынешнем веке многое и в жизни, и в понятиях отменилось от того, что продолжалось в века прежние. В Украине козацкой чины духовный и мирской были так близки друг к другу, что можно было одному и тому же лицу быть священником и вместе войсковым старшиною, шляхтичем или князем. Известен Паволоцкий полковник Иван Попович, который из полковников стал священником после Богдановой кончины, а в 1662 году, в смутное гетманство, опять взялся за полковничество. Но самое торжественное явление тогдашней взаимности между духовенством и козачеством было 18 ноября 1790 года в Печерской Лавре, в которой издревле все сословия Руси уравнивались в одну Христианскую братию: я разумею здесь тот достопамятный выбор в Печерские архимандриты, которым лаврская братия внезапно и единогласно почтила войскового судью Михайла Вуяхеевича, «яко вдовствующаго, благочестиваго и сединами украшеннаго мужа».

Сотник Федор Василевич

На место сотника Прохоровича в конце 1738 года поступил Федор Василевич по определению Генеральной войсковой канцелярии, которой председателем тогда был добрый правитель Малороссии Александр Иванович Румянцов.

Федор Василевич поступил в сотники уже на двадцать седьмом году своей службы в чине бунчукового товарища, которого тогда никто еще не имел в нашей сотне. Он был сын лубенского гражданина Василия Леонтьева, или Левоненка, служившего компанейским полковым писарем. Службу свою начал в Лубенском полку 1711 года, еще при полковнике Василе Савиче, и был во многих походах начиная с Самарского, когда козаки ходили разорять свои же крепости на Днестре вследствие Прутского договора. Был потом и на Судак с 1723 года вместе с полковником Андреем Марковичем, работая там около двух лет над крепостью св. Креста.

В 1728 году Василевич был с гетманом Апостолом на коронации Петра II в Москве, где они 7 апреля угощали юного императора великолепным пиром.

Гетьманські булава
та пернач

В 1733 году наш воин, бывший уже бунчуковым товарищем, выступил в Польский поход под командою Якова Лизогуба; а когда этот последний наказной гетман, за смертью гетмана Апостола, воротился в Малороссию, то Василевич поступил в команду генерала Измайлова и пробыл в Польше два года с половиною, командуя Полтавским полком, за смертью наказного полковника Полтавского. Воротясь после того в Малороссию, он в 1736 году занят был в Переяславском полку постановкою верст, починкою гатей и других переправ для свободного перехода русской армии. В тот поход он и сам ходил потом под командою того же генерального обозного Лизогуба, с которым был также и на знаменитом штурме Очаковском.

В следующем, 1737, году Василевич находился при князе Мещерском в местечке Манжелее для прикрытия границ, а к началу зимы поступил на бубновское сотничество. Сюда он поспел на работу днепровскую.

Известно, что еще с 1731 года десятки тысяч малороссийских козаков и поселян трудились над Миниховскою так называемою Украинскою Линией с затейливыми башнями и узорочными городками; а в 1738 году наши украинцы прохлаждались всю зиму над «крыгами» днепровскими под начальством Переяславского обозного Семена Безбородька. Воротясь в Киев из неудачного похода Поднестрянского, Миних все ожидал турецкого нашествия на здешние места и в конце 1738 года поднял страшную тревогу, подобную той, какая была здесь в 1677 году, в войну Чигиринскую. В самом Киеве он спешил тогда насыпать огромные Старокиевские валы, которые и в то время ни к чему не послужили, а теперь, около пятнадцати уже лет, растаскиваются киевлянами. Сверх того он беспрестанно торопил генералов Фермора, Леонтьева и Левендаля об укреплении Триполья, Стаек, Василькова и о скорейшей уборке сена и хлеба с правой стороны Днепра; а на Днепре, от быстрого залива под Триполем до Украинской Линии (4 версты ниже Орлика), всю зиму работали украинцы, полоня лед, и рубили засеки в два и три ряда возле Канева и в других лесах надднепровских, складывая дерево на дерево.

Настала уже и весна, а жданные гости не являлись на приготовленный для них пир. Тогда очаковский герой сам двинулся к ним за Днепр в поход Хотинский, увенчанный

блистательною победою и славною одою Ломоносова! В том походе был и наш сотник с бубновскими козаками, под начальством Переяславского полковника Семена Сулимы; а после битвы Ставучанской и по взятии Хотина он был отряжен с переяславскими козаками в партию Миргородского полковника Василя Капниста к пределам австрийским. Оттуда наши партизаны, разбив турецкий отряд при Фокшанах и взяв город Сороку, воротились восвояси через Трансильванию с честью и славою великою.

В 1739 году бубновцы и все переяславцы под начальством Сулимы ходили на Буг для встречи турецкого посольства при размене оного с посольством русским, в которое полномочным послом назначен был А. Н. Румянцов.

После того, в царствование Елисаветы, наш сотник со своими козаками оставался уже на Днепре при здешних форпостах и занимался мирным управлением Бубновской сотни. В 1752 году по прошению уволен от всякой службы и скончался около 1755 года.

По преданию известно, что сотник Василевич был высокого роста, величавого вида; храбр на войне и робок в миру; жизнь вел трезвую; жил в небогатой хате, держась пословицы «Не красна углами...» Сознавая свое служебное достоинство, он очень хотел получить себе жалованное именье, подобно сотнику Деркачу; в 1742 году была уже готова у него просьба об этом на высочайшее имя; с тою же целью он получил из Переяславской полковой канцелярии одобрительный аттестат (1744 года, 25 августа). Но у него не достало решимости: просьба и аттестат остались в его скрыне; именье же себе он умножил хозяйским трудом.

По смерти Федора Василевича остались в Прохоровке при вдовствующей матери своей, Марьи, два сына — Василий и Иван. По примеру других сродников они назывались Базилевичами. Старший брат Василий (род. 1742 г.) начал и кончил службу в здешних местах: сперва был Бубновским сотенным писарем, потом сотенным атаманом, затем Домонтовским (последним) сотником, а под исход прошлого столетия — Золотоношским судьей; скончался 1804 года, на семьдесят первом году от роду.

Меньшой брат его Иван Базилевич (род. 1752 г.) начал службу волонтером с 1771 года во время Турецкой войны; по возвращении Румянцова в Малороссию награжден был от него (в 1783 г.) чином бунчукового товарища; с 1797 года (когда повелением императора Павла возобновлен был в Малороссии прежний порядок судопроизводства и были постановлены маршалы вместо предводителей) долго служил Золотоношским маршалом и в этом звании получил орден св. Владимира IV степени; но в чинах ему уже не было удачи: за бунчукового товарища он получил только коллежского асессора, в како-

Срібний чайник з гербом
Переяславського полковника
С. Томари

Гетьман Іван Мазепа.
Портрет XVIII ст.

вом чине и скончался в Прохоровке 14 августа 1816 года.

Из внуков сотника Василевича вспомяну о среднем сыне Ивановом — Александре Базилевиче. Родился он в Прохоровке 13 февраля 1787 года и вместе с меньшим братом своим Федором учился в Киевской артиллерийской школе, отличаясь сколько дарованием, столько же и прекрасною наружностью. Служа в лейб-гвардии по артиллерии, находился он во многих сражениях первой Французской войны, в которую награжден был и золотою шпагою за храбрость; а за сражение под Лейпцигом в войну двенадцатого года награжден Владимиром IV степени: тогда он был уже капитаном лейб-гвардии. Впоследствии он служил артиллерийским генерал-майором на Кавказе. По выходе в отставку жил в Москве, где и скончался в 1843 году; погребен в Донском монастыре.

Федор Василевич в здешнем народе известен был под именем «сотника Кулябки». Это прозвание присвоилось ему от его матери Татьяны, урожденной Кулябкиной, скончавшейся 1732 года. Братья его Семен и Яков тоже были бунчуковыми товарищами, а Константин — сотником Смелянским (1731 г.).

В современном ему «Бубновском товаристве» много было старых заслуженных козаков. Таков, например, прохоровский козак Иван Антипенко, который ратовал еще в Чигиринскую войну под начальством Переяславского полковника Василя Войцы-Сербина; в 1718 году он был наказным Бубновским сотником, а скончался в 1742 году девяноста двух лет от роду.

Из сотенной бубновской старшины того времени вспомяну о козаке Осипе Засенке, внуке прохоровского козака Степана Засенка, убитого на Кодыме в 1698 году. Он долго служил в разных походах и должностях; в тридцатых годах был Бубновским городовым атаманом, а при сотнике Василевиче служил семь лет сотенным хорунжим. В 1752 году при выборе нового сотника он выбран здесь первым кандидатом, но не был утвержден гетманом за старостью: к тому же был неграмотен. После того он прослужил еще два года сотенным хорунжим и получил отставку в 1763 году с награждением его самого и четырех сыновей его чином значкового товарища. Век свой кончил он жителем Бубновской Слободки, 1773 года, восьмидесяти двух лет от роду. В Прохоровке и теперь здравствует семидесятидвухлетний внук Осипа — Петр Леонтьевич Засенко.

Народ Бубновской сотни состоял тогда собственно в двух сословиях: в *товаристве* и в *поспольстве*. К товариству принадлежали войсковые люди, или козаки: к старшему товариству — козаки выборные или реестровые, а к меньшему — остальные козаки, называвшиеся подпомощниками. Поспольство состояло из людей посполитых, то есть поселян, которые до 1783 года имели право перехода с одного места на другое и по отношению к своим владельцам назывались подданными.

Что касается до старинного малороссийского шляхетства, то оно со времен рокового перехода в ляхи знатнейших родов почти извелось в здешней околице: отчасти перешло в духовенство или же обратилось в козачество. В козачество поступала и польская шляхта, выходившая сюда из-за Днепра (таковым считался между здешними козаками Красовскими Иван Григорьевич Красовский, сын королевского ловчего, приставший к Прохоровскому товариству в конце XVII века и «одружившийся» на здешней козачке).

Но в сословии малороссийского козацкого товариства давно возрастала и умножалась войсковая старшина, от которой остальное товариство отличалось именем войсковой черни (в универсалах Богдана Хмельницкого и других гетманов). В войсковой старшине считались и те благородные остатки прежнего украинского шляхетства, которые сохранили свою

О. Сластѣн. Будинок
полкової канцелярії
у Чернігові («Мазепин дім»)
Літографія 1890-х років

русскую породу, и те старшинские роды, которые уже от русских царей жалованы были достоинством дворянским. Таким образом, в войсковой старшине заключалось тогда и из нее определилось потом нынешнее *дворянство* малороссийское. Войсковая старшина составляла тогда малороссийское панство, которому не доставало только нынешнего имени, ибо слово «дворянин» тогда здесь означало дворового служителя.

Из товариства Бубновской сотни в первой половине прошлого столетия возникли три старшинских рода, имевшие право считаться здешним коренным панством: Деркачи, Про-

хоровичи и Осиповские. К ним прибавился в 1738 году со стороны род сотника Василевича (Базилевичи). В первой же половине прошлого столетия здешнее панство умножилось водворением еще двух сотников компанейских. Один был сотник Второго компанейского полка *Иван Фабрициус*, попавший в украинские козаки из рыцарей шведских. Он водворился в Сушках, где меньшей сын его Максим, служивший кирасирским ротмистром, завел сад с отличными яблоками, плодами которых ныне пользуется сын его Петр, отставной майор уланский, а старший сын сотника Фабрициуса по имени Лев чуждался домовства и был таким мудреным скитальцем по свету, что о нем надо когда-нибудь рассказать особо.

Другой сотник Первого компанейского полка был *Степан Гайворонский*. Похитив сестру наказного полковника Степана Томары Анну Васильевну, он взял за нею в приданое порядочные участки земли в Сушках и Прохоровке и водворился в последней у подошвы той горы, на которой теперь сельское кладбище, а в ту пору была густая дуброва. Здесь у него родился в 1750 году сын Григорий; но этим он не привязался навсегда к нашему Побережью. Продав здешнее имение жены своей войсковому товарищу Ивану Шаркевичу, он поселился в городе Золотоноше возле церкви Троицы, владея этим предметом до урочища Бокаевки, имел свой дом и обширный сад. Сын его Григорий продал это имение Керстену, а сам поселился в хуторе на речке Згари; тот хутор поныне зовется Гайворонщиною, хотя внук Степанов, Елисей Григорьевич, придал ему великолепное имя Пальмиры. А на том месте, где был прохоровский дом и сад компанейца, ныне растут старые шелковицы, полусасыпанные песком.

Последние времена козацкой Украины

Село Лемеша Киевского полка Козелецкой сотни было родиною графов Алексея и Кирилла Григорьевичей Разумовских*. Последний, которому суждено было заключить собою малороссийское гетманство, быв принят на службу пятнадцатилетним юношею (в 1743 г.), через три года после того, воротясь из чужих краев, был уже действительным камергером, Академии наук президентом, лейб-гвардии Измайловского полка подполковником и орденов св. Александра Невского и св. Анны кавалером. В 1750 году 22 февраля в Глухове происходил торжественный выбор молодого графа в гетманы. В следующем за тем году прибыл он из Петербурга в Малороссию, и 29 июня был торжественный выезд его в Глухов — тогдашнюю резиденцию гетманскую.

Отдохнула и, можно сказать, помолодела Украина в благословенное царствование Елисаветы. Наслаждаясь тишиною вообще, она была участницею и в той Семилетней войне, которою так блистательно завершилось двадцатилетнее царствование дочери победоносца Полтавского. Тысяча компанейских козаков была в первой битве и в месте победы русских над пруссаками под Эгернсдорфом (19 августа 1757 г.), где положил свою голову наш храбрый греко-украинец бригадир

*
Граф Алексей Григорьевич
родился в 1709 году, а граф
Кирилл Григорьевич —
1728 года, 18 марта.

Бонацина.
Юрій Хмельницький. 1670 р.

Капнист. Тогда же для русской армии наряжены были возовиками 8000 малороссийских мещан и поселян, и отправлено отсюда 8000 волов и 5000 коней. В 1760 году посланы в Пруссию еще 2000 козаков под начальством Прилуцкого полковника Григория Галагана и двенадцать самых лучших певцов-малороссиян для русской церкви в завоеванном городе Кенигсберге. С кончиною Елисаветы (25 декабря 1761 г.) прервалась победоносная война России с Фридрихом Великим и обратилась ему же в союзничество. Но вслед за тем (28 июня 1762 г.) начался век Екатерины II, век славы и торжества возвеличенной ею России.

Гетманство Разумовского, начавшееся с 1750 года, 24 апреля, должно было служить облегчительным переходом Укра-

ины от прежнего отжившего свой век устройства в новую жизнь. Понимая это, граф Кирилл Григорьевич, доставлявший разные льготы Малороссии, тем не менее заботился уже, чтобы от войсковых чинов ее отделить власть гражданскую; и в начале 1764 года, разделив всю Малороссийскую Украину независимо от полков и сотен на двадцать поветов, восстановил в ней прежние суды *городские*, *земские* и *подкоморские*. Вслед за тем и сам он 15 ноября 1764 года переименован был из гетманов в фельдмаршалы, со старшинством со дня возведения его в достоинство гетманское; и тем кончилось гетманство малороссийское.

В правители Малороссии назначен был того же 15 ноября граф *Петр Александрович Румянцов*, в звании генерал-губернатора и президента *Малороссийской Коллегии*, тогда же назначенной вновь вместо правления гетманского. Эта новая Коллегия, по выражению современного ей историка Кониского, «вошла в правление, яко роса на пажить». Мужественный покоритель Колберга, уроженец и любитель Украины пришелся ей по сердцу; тем более что здесь была еще свежа память об отце Румянцева — добром правителе Малороссии во времена Миниховского военачальства.

Новый правитель Малороссии порадовал ее прежде всего тем, что, отменив продовольствие находившихся здесь постоянно армейских команд провиантом и фуражом в натуре, тягостным для обывателей, учредил вместо того денежную подъемную подать «по рублю и две копейки с хаты», исключив из нее только чиновных людей и служащее выборное козачество. А вскоре после того герой Семилетней войны в начавшейся войне Турецкой напомнил собою козачеству доблестного соименника своего Петра Конашевича-Сагайдачного, с его неотразимыми победами над татарами и турками, и воодушевил украинцев новым мужеством.

В том самом году, как Румянцов стал правителем Малороссии, на Варшавском сейме был выбран в польские короли Станислав Август Понятовский, указанный полякам Екатериною. Но напрасны были его предприятия к благоустройству Польши; вотще была и трогательная речь преосвященного Кониского (говоренная в Варшаве 27 июля 1765 г.) о страданиях православно-русского народа под короною Польскою. Обуреваемая духом безначалия и верогонения, Польша близилась уже к своему роковому концу. Краковский бискуп Солтык на сейме 1766 года возопиял вновь о лишении иноверцев всех прав в Польше. А в начале 1768 года Пулавский со своими сыновьями составил новую конфедерацию, *Барскую*, придавшую великое буйство верогонителям.

Тогда Заднепровской Украине стало невмогуту. Встревоженное новыми обидами, духовенство ее спешило отовсюду в Чигиринский Мотренинский монастырь на совет к игумену *Мельхиседеку Значко-Яворскому*, смелому ревнителю православия, незадолго перед тем потерпевшему заключение в Дерманской тюрьме от униатского митрополита Володковича. Прежде всего они обратились к своему епархиальному начальнику — Переяславскому епископу *Гервасию Линцевскому*, но он ничем не мог пособить им на ту пору, кроме благословения пастырского.

Тогда на монастырском совете положено было просить козацкой помощи у атамана Запорожской Сечи. Но помощь козацкая нашлась ближе, сама собою — в послушнике соседнего Медведовского монастыря *Максима Зализняка*. Этот Максим был прежде одним из самых бравых козаков в товаристве запорожском, а теперь готовился уже в монастыре на монашество. Новая обида православному народу воротила его опять на поприще мирское, и он принял начальство над «гайдамацкою чатою», собранною в Мотренинском лесу козаком *Осипом Шелестом*. Толпа гайдамаков скоро обратилась в многолюдное полчище, провозгласившее Зализняка своим полковником. Заслышав об этом, запорожские «гультаи» со всех «паланок» своих двинулись толпами в Западную Украину. И она простонала тогда страшную грозою, известною под именем Колиивщины. Со всею силою разразилась эта гроза в июле 1768 года. Нашего Днепра коснулась она только заревом Каневского замка, сожженного известным гайдамацким вождем *Семеном Неживым*.

Подвиг Зализняка пришелся уже вовсе не в пору. Тогда были посланы Екатериною русские войска на помощь польскому королю для укрощения Барской конфедерации и производимых ею волнений. Распорядительный Кречетников с полковником Гурьевым успел под Уманью прибрать к своим рукам этих самозванных защитников Украины, пригласив их идти вместе на поражение барских конфедератов, тогда укрепившихся в Бердичеве; полковники Панин и Чорба помогли польским командам разгонять и ловить остальные ватаги бунтовавшей вольницы. Граф Румянцов, которому вручена была судьба запорожцев и украинцев левой стороны Днепра, принимавших участие в Колиивщине, судил их законным порядком и наказывал с милосердием; зато региментарь Стемковский на правой стороне Днепра воспользовался без меры «правом меча» и в лютой мести упился кровью народа западно-украинского.

Между тем преследование Барской конфедерации подало повод Турции объявить войну России. Тогда Румянцов двинулся за Днепр и своими подвигами на Кагуле и за Дунаем стяжал всемирную славу и бессмертное имя *Задунайского*. Под его знаменем в достопамятной «Румянцевской войне», счастливо оконченной Кучук-Кайнарджийским миром 10 июня 1774 года, мужественно подвизалось и козачество малороссийское, и козачество запорожское.

Но возвышение Разумовских при дворе Елисаветы было уже предвестником вступления Малороссии на поприще общерусской деятельности гражданской. В век Екатерины она окончательно и многолюдно вступила на это поприще; и самыми блестящими явлениями ее на нем были тогда *Петр Васильевич Завадовский* и *Александр Андреевич Безбородько*. Оба они учились в Киевской академии, под конец Румянцевской войны были полковниками, а после мира поступили из канцелярии Румянцева в кабинет Екатерины, в исходе 1775 года. Тогда же и на русском Парнасе прославился своею «Душенькою» украинец *Богданович* и явился *Капнист* со своею заунывною лирою.

На государственном поприще России в то время первенствовал уже князь *Григорий Александрович Потемкин*. Любимою мечтою его был Русский Юг, с его необозримыми степями и ненаглядным Черным морем. Там в обе стороны от Днепра расширялась тогда Запорожская Сечь. К ее товариству пристал и Потемкин: пересылался он письмами и подарками с кошевым атаманом своим, посылал поклоны своим сечевым «товарищам-сироманам» и, юродствуя, называл себя *Грицьком Нечесою*. Но старая «Сич-Маты» была уже безвременным и неуместным явлением Русского мира. Некстати она стала обзаводиться многолюдными поселениями и хлебопашеством; неводержжно ссорилась она с пришлою соседкою своею Новою Сербией*; не под силу себе повела тяжбу за свои прежние земли. И в 1775 году ее не стало: 4 июня она внезапно была окружена и занята генерал-поручиком Текели, а Манифестом 3 августа объявлена несуществующею.

*

Поселение Новой Сербии, как известно, началось, в царствование Елисаветы, с 1751 года; но сербские гусары служили в русском войске и при Петре Великом еще до 1723 года. Дунайские витезы уже и тогда не мирились с украинцами. Стоя постоем в Лукомле, они причинили лукомским обывателям разные обиды, для разбора которых назначена была гетманом Скоропадским (около 1723 г.) «комиссия о сербах».

В цветущем Крыму, где некогда великий просветитель Руси просветился святым крещением, шевелилась еще татарская орда — ровесница и соперница Запорожской Сечи. В 1773 году и эта орда вошла в русское подданство: хищная волчица присмирела, как овца. Того же года приведена в русское подданство Суворовым и Ногайская орда Кубани, а орда Белгородская, или Буджацкая, покорилась России еще в «войну Румянцовскую». И самый Крым был в то время (1771 г.) занят предварительно князем Василием Михайловичем Долгоруковым-Крымским; но окончательное и «бескровное» приобретение его было подвигом Потемкина, за который потом и назван он *Таврическим*.

Между тем фельдмаршал Румянцов, усталый в триумфах и торжествах на Русском Севере и чужестранном Западе, воротился в Киев в звании государева наместника Малороссии. Тогда, озаренная славою своего правителя, Малороссия сложила с себя изветшалый покров своего сотничества и полковничества и приняла новые общерусские формы устройства гражданского, начертанные законодательною Екатериною. В 1782 году с открытием трех наместничеств — Киевского, Черниговского и Новгород-Сиверского — кончилась *Украина козацкая*. С тем вместе начался для Малороссии новый круг жизни, в котором главнейшим органом стало дворянство.

Что же с Польшею и Укразиною Заднепровскою с 1768 года? Ни мирный в том году трактат с Россиею, ни гроза Коливищины не унимали внутренних смертельных судорог Республики Польской. Наконец в 1772 году Суворов усмирив мятежников; и того же года началось воссоединение с Россиею древних областей, отторгнутых Литвою и Польшею. Вскоре после того, именно в 1775 году, Речь Посполитая подарила своему королю город Канев со всею Каневщиною; а король в том же году уступил их своему племяннику князю Станиславу Понятовскому, который освободил жителей Канева от всех повинностей и предоставил ему вполне земли, принадлежащие к нему, с обязательством за то вносить в графскую экономию по 6500 злотых ежегодно. Впрочем, в оставшихся еще за Польшею областях Украины православный народ, и особенно духовенство, все еще не переставали терпеть беды

от верогонителей; Переяславским епископам Иову и Илариону было столько же, как и предшественнику их, печальной заботы о злополучной заднепровской пастве.

За сим, в половине января 1787 года, Малороссия увидела в своих пределах великую императрицу. Три дня (17—19 января) провела она в Новгороде-Сиверском, где принимал ее граф Румянцов-Задунайский; почти три месяца потом прожила в Киеве (прибыла 30 января), дожидаясь весны, чтобы отсюда плыть Днепром в Херсон и Крым для обозрения своего Новороссийского «хозяйства», устроенного в исполинских размерах «питомцем» ее Потемкиным. Путь этот шел мимо Канева и имел там блистательное перепутье, которое со всеми его подробностями вношу в помянник нашего Побережья.

Польский король, получив в Варшаве согласие императрицы на свидание под Каневом, поспешил сюда и дожидался здесь шесть недель. Наконец утром 25 апреля завидели с Каневских гор царственную флотилию на Днестре. Она состояла из двадцати двух мачтовых галер, за которыми тянулось еще множество провожатых шлюпок, дубков и челнов.

На пяти передовых галерах, называвшихся «Самара», «Кубань» и т. д., помещалось дорожное хозяйство царицы. Шестая галера — «Сож» — была для гофмаршала князя Барятинского и других придворных особ. Седьмая галера, одна из самых больших, называвшаяся «Десною», служила столовою залою. Восьмая галера — «Снов» — была для графа Безбородька и других сановников. На девятой, самой блистательной, под красным павильоном, галере, называвшейся «Днепром», находилась императрица. На десятой галере — «Буг» — находился князь Потемкин с графинями Браницкою и Скавронскою и их мужьями. На одиннадцатой галере — «Ипутъ» — помещались Лев Нарышкин, граф Шувалов и другие русские вельможи. На двенадцатой — «Сейм» — были иностранные послы и министры, в том числе и принц Де Линь с двумя сыновьями. На тринадцатой галере, называвшейся «Орел», находился граф Чернышов с дочерью. На четырнадцатой галере — «Остер» — плыли камергеры Валуев и Салтыков с камер-юнкерами; на пятнадцатой («Трубеж») — Кох и разные медики с аптекарем Гревсом; на шестнадцатой — «Лыбедь» — камер-пажи и т. д.

Часу в одиннадцатом, когда передовая половина флотилии, тянувшейся по Днепру версты на три, поравнялась с Каневом, все галеры стали на якорь по обычному пушечному сигналу с галеры царицыной. Тогда в Каневе приветствовали их ста одним выстрелом из пушек с высокой горы, прозванной *Московскою*. На этой го-

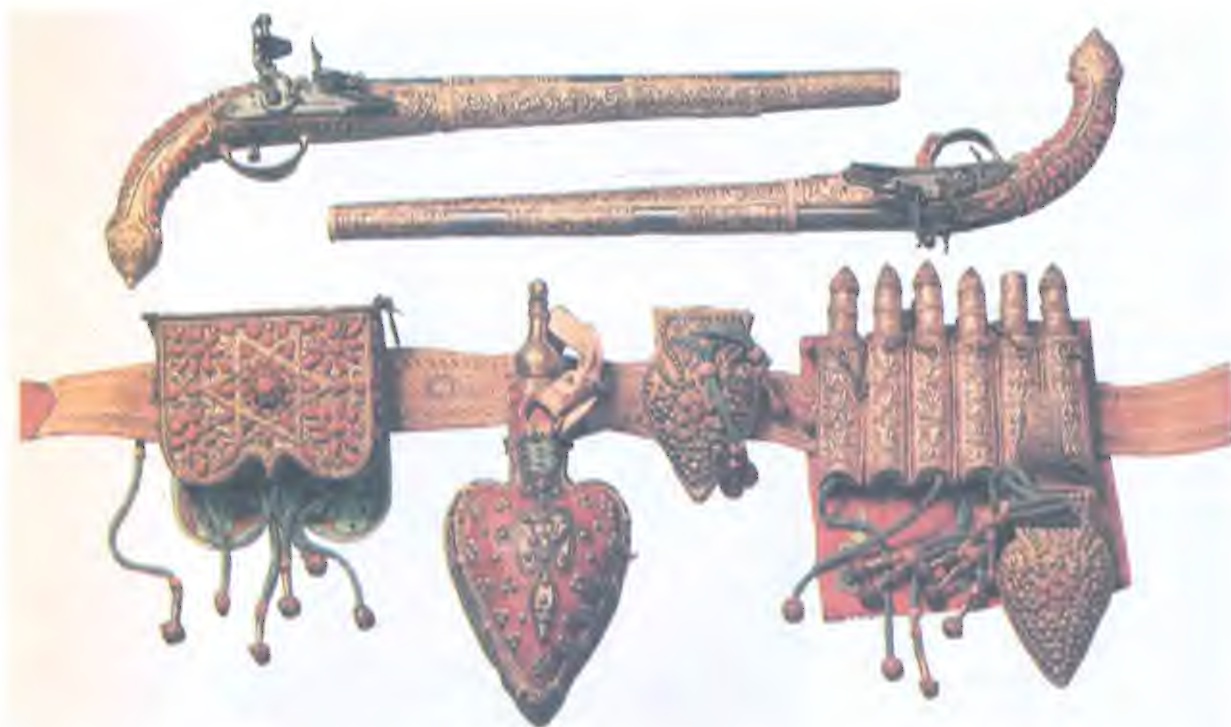
Турецкий вершник

Турецькі кинджали в піхвах.
Друга половина XVIII ст.

Турецькі пістолі та пояс.
1760-ті роки

ре, некогда называвшейся *Греческим Городом*, белелась огромная колонна (устроенная из досок архитектором Кубицким) в виде четырехсторонней пирамиды, украшенной с каждой стороны крупным вензелем Екатерины II, а наверху — императорскою короною.

Каневские горы и удоля полны были народом, который вместе с последним королем своим любовался невиданною на Днепре флотилией, пестревшю великолепным убранством и звеневшю войсковою музыкою. Немедленно отплыла от нее к каневскому берегу лодка с принцами Де Линем и Насауским для приветствия Станислава Августа.

По тогдашнему обычаю он хотел явиться к императрице в качестве князя *Понятовского*, но Екатерина предупредила его, что он будет принят как король и друг. Вскоре прибыли за ним две раззолоченные шлюпки с графом Безбородьком и князем Барятинским, которых встретил и проводил к королю

коронный маршалок Мнишек. Переговоры о делах государственных, начатые еще Потемкиным в Фастове, где он съехался с королем 9 марта, dokonчены 17 марта в Каневе приезжавшими сюда русским посланником графом Штакельбергом и графом Безбородьком*. Нынешний день Екатерина хотела посвятить беззаботному дружелюбному веселью.

В пышных рыдванах спустились к Днепру король и все званные на обед к царице. На первую шлюпку принял короля сын русского адмирала с двенадцатью матросами, украшенными чесменскими медалями. Там поместился король с графинею Мнишек, с Безбородьком и Бярятинским, с тремя польскими министрами — Мнишеком, Понятовским и Браницким, с английским министром Витвортом и двумя помянутыми принцами. На другой шлюпке уселись: Смоленский бискуп-коадьютор Нарушевич, Плятер, Шидловский, Дзедушицкий, Деболи, Комаржевский, Моравский, мальтийский поверенный Малоневд и королевские адъютанты Бышевский и Киркор. Целый час плыли они, ибо надо было спуститься сперва вниз по Днепру и потом плыть против воды.

Музыкою и пальбою с галер приветствованы были гости. Короля, одетого в мундир конной коронной гвардии, встретил на императорской галере фельдмаршал Потемкин, тоже в военном мундире и шарфе. После краткой бытности в кабинете Станислав Август вышел опять в приемную залу, полную блестящим собранием, в челе которого был тот же Потемкин. Через несколько минут вышла и Екатерина: на ней было одеяние славянского кроя, в роде кунтуша, из шелковой, затканной золотом материи лилового цвета, с золотым шитьем вокруг, с длинными, закинутыми назад рукавами; голова была убрана искусно несколькими булавками и эгреткою, с бриллиантами необыкновенно крупными; на груди блестела бриллиантовая Андреевская звезда над звездами Георгиевскою и Владимирскою. Через полчаса приветствия и разговоров царица подала руку королю; за ними Потемкин и госпожи Мнишкова, Браницкая и Скавронская сошли на императорскую шлюпку, осененную красnobархатным, с золотым шитьем, балдахинном.

В других шлюпках следовали за ними прочие гости на галеру «Десна» в столовую залу. За столом королю, сидевшему возле царицы с правой руки, прислуживал камергер Валуев. По возвращении от обеда Станислав Август немедленно отправился на галеру «Бут» с визитом к Потемкину, где вскоре генерал-майор Мамонов вручил ему пакет от императрицы с бриллиантовою звездою св. Георгия; говорили все, что это была звезда, которую носила сама императрица; новый Георгиевский кавалер принял поздравление в приемной зале Потемкинской, наполненной знаменитыми гостями, и там оставался до шести часов.

Между тем на царицыну галеру приплыл с новорожденным сыном своим граф Тарновский, старостич Сулейевский, которого дом все это время гостеприимно служил всем проезжавшим из Киева в Канев и обратно. Императрица милостиво приняла желание Тарновского довершить обряд крещения над его сыном. Бискуп Нарушевич с двумя Киевскими

*

Переговоры шли тогда о неприкосновенности православного русского народа под короною Польскою и о торговых отношениях Польши к Новороссийскому краю. При отъезде в Киев на другой день король подарил графу Безбородьку свой портрет, богато украшенный бриллиантами.

прелатами — Палуцким и Острожским, дожидаясь уже в приемной зале. По прибытии туда короля вышла и Екатерина и крестила с ним младенца, названного *Станиславом-Павлом*.

Так как императрица намерена была рано утром пуститься в дальнейший путь, то король около восьми часов вечера вошел с Потемкиным в ее кабинет и откланялся. Пригласив к себе на ужин русских вельмож и иноземных министров, он отплыл в Канев прежним порядком в сопровождении Безбородька и Барятинского. Музыкою и пальбою провожали его от галеры. Весь Канев между тем засветился иллюминацією. Великолепный вид представляла светозарная колонна на горе Московке, сверкая своими яркими вензелями Екатерины II. А когда званые гости собрались к королю, началась пальба из пушек и зажжен был на той же горе богатый фейерверк, представлявший извержение вулкана. Тысячи ракет снопами летели в темную вышину из соседней горы, а другой подобный же призрак вулкана уходил в глубину днепровскую...

Так кончился тот воскресный день, ознаменованный кумовством русской царицы с последним польским королем на волнах днепровских: день, конечно, самый торжественный в жизни нашего старого города Канева!..

Через три года после того, как (по выражению каневского народа) «царица шла Днепром», мелькнуло было еще раз гетманство на Русском Юге в своем первобытном виде — как военачальство козацкое. Еще в 1783 году, когда Румянцов обращал малороссийские козацкие полки в карабинерные, Потемкин поручил Головатому, Чепиге, Тимковскому и Легкоступу, бывшим старшинам Запорожской Сечи, собирать прежних оставшихся на Руси сечевиков для служения под его предводительством в звании козацком.

Таким образом, по начатию Очаковской войны собралось козацкое войско *Черноморское*, а из однодворцев и других жителей Екатеринославского наместничества в 1787 году учредилось козацкое войско *Екатеринославское*; храбро подвизались черноморцы в войне с турками под начальством своего кошевого атамана — старого запорожца *Харька Чепиги*. Потемкин в апреле 1790 года украшен был лавровым венком с бриллиантами в полтораста тысяч рублей и титлом «*великого гетмана козацких Екатеринославских и Черноморских войск*». Но через полтора года раздалась дивная песнь «Водопада» Державина:

*Чей огр — земля, кров — воздух синь,
Чертоги — вокруг пустыньны виды?
Не ты ли славы, счастья сын,
Великолепный князь Тавриды?
Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей?..*

Так в 1791 году, 5 октября, кончился и этот последний призрак козацкого гетманства на прекрасном челе чудного Потемкина, который при жизни имел все, чего душа хотела, а умер ни при чем, в бездомной степи, как *сиромаша* запорожский! Собранное им Черноморское козацкое войско в следующем году водворилось в Тамани, где со времен св. Владимира было наше Тмутараканское княжество и где ратоборствовал тогда храбрый Мстислав. Может быть, то Лукоморье бы-

ло и колыбелью козачества, которое так шумно развернулось потом за порогами Днепровскими, где сложил свою чубатую голову воинственный князь Святослав и где был выброшен Днепром на пески низверженный в Киеве кумир златоусого Перуна.

В 1794 году богатырь Суворов еще раз прогремел над Польшею, и через год после того, ровно через два века от объявления унии* не было Польши нигде на правой стороне Днепра, ни за Днестром, ни за Вислою; не было и на левой стороне Днепра той пограничной цепи, которая от устья Сожа до устья Тясмени тянулась шестидесятью двумя форпостами: на всем Днепре и в Крыму, и в Тамани было одно Русское царство...

Беликая совершительница этого восстановления и расширения Руси dokonчила свой славный век 6 ноября 1796 года. Через месяц после Екатерины, 8 декабря, скончался и герой Задунайский, доживавший свой век мирным помещиком и хозяином на славном Супие, в своем Ташанском замке; он погребен в Киеве, в великой Печерской церкви 7 января 1797 года. В 1799 году, 6 апреля, скончался канцлер, светлейший князь Безбородько — знаменитый дипломат и миротворец русский, ходатайством которого в 1797 году Малороссия была составляема в одну губернию и в ней возобновляем был прежний порядок судопроизводства. Граф Кирил Григорьевич Разумовский пережил всех преобразователей Малороссии во второй половине XVIII века. Хлебосольным, благотворительным, веселонравным вельможею он доживал свой век то на Супие в Яготине, в соседстве с уединенным утрюмым Румянцовым, то на Сейме в Батурине, восстановленном для него из полувекового праха. Там 9 января 1803 года dokonчил свой век последний гетман Малороссийский сторонним, спокойным зрителем великих событий и перемен, совершавшихся в Русском мире.

Сотник Иван Максимович и его род

От великих людей, двигавших судьбою всей Малороссии во второй половине прошлого столетия, обратимся к тогдашним бубновским сотникам. После сотника Василевича было их только два: Иван Максимович и Петр Иванович Неверовский.

Сотник Максимович был правнук Максима Печерского, который прозывался Печерским по месту своего жительства, а его родовое прозвание было Васильковский. Не известна мне та королевская грамота 1668 года, которая гласит о Максиме как о шляхтиче короны Польской*. Из монастырских записей и универсалов гетманских знаю я его только после Андрусовского трактата как мирного и трудящегося гражданина киевопечерского. Приняв на себя от Лавры принадлежавшую ей аренду местечка Печерского, он строил своим коштом плотины и мельницы на Трубеже, Вите и других реках на местах монастырских и тем приобретал себе право на половинный доход. Обеспечивая таким способом насущный хлеб своей

*

Церковная уния окончательно была объявлена 1595 года (9 октября) на Брестском соборе. Отречение короля Станислава Августа от польского престола было 1795 года (25 ноября) в Гродне; того же года и дня был подписан и указ Екатерины о присоединении к России Литвы и остальных частей Белоруссии, Волыни, Подолья и Украины. Станислав Август дожил век свой в России: он умер в Петербурге 13 января 1798 года.

*

Польское шляхетство для многих русских родов составляет баснословный период их жизни: как это показал и ученый префект Киевский Михайло Козачинский своею «Философиею Аристотелевою», напечатанною 1745 года.

В. Реклінський. Свята Уляна. З іконостаса
Преображенської церкви у Великих Сорочинцях. 1732 р.

немалочисленной семье, он служил и общественной пользе как сборщик пошлыны с иноземных товаров, которых склад был тогда в местечке Печерском.

Занимался впоследствии строением церквей. То было в первую, светлую пору гетманства Ивана Мазепы, когда он, один из образованнейших россиян своего времени, служил Великому Петру со всею верноподданническою преданностью, был почтен от него доверенностью безграничною, украшен орденом св. Андрея Первозванного (второй на Руси), пожалован чином действительного тайного советника и достоинством княжеским, — когда он не был еще обидчиком и предателем Украины, но, воздвигая в ней повсюду (в Киеве, Чернигове, Переяславе, Глухове, Батурине и в других местах) великолепные церковные здания, украшая и обогащая Киевскую академию, лаская духовенство и воинство, увлекал собою всех так, что «лавроносный» Яворский с Орновским, Орликом и другими малороссийскими пиитами славил его в своих латино-польских панегириках как *Мецената, Русского Алкида и т. п.*

В первые годы своего гетманства Мазепа обратил внимание на полезные для войска труды Максима Печерского и за его заслуги принял под свое покровительство и привлек к себе его сыновей. В универсале, данном ему в Киеве 1690 года 5 июня, сказано: «Ознаймуем, иж с певных респектов и для частой нам в войсковых потребах выгоды дознанной, маючи мы до пана *Максима*, обывателя киевопечерского, и до сынов его всех ласкавую нашу прихильность, берем его самого и сынов его: пана Василя, пана Петра и пана Дмитрия *Максимовичев*, под нашу гетманскую оборону».

У Максима Печерского было семь сыновей. Старший из них, *Иоанн Максимович*, был человек духовный. Кончив свое учение в Киевской академии, или коллегии, он вскоре постригся в Печерской Лавре, где служил довольно долго иеромонахом, проповедником и казначеем (1681 г.). После Феодосия Углицкого был он архимандритом Черниговского Елецкого монастыря; с 1697 года — архиепископом Черниговским, а с 1712 — митрополитом Тобольским и всея Сибири; в истории просвещения он памятен как основатель Черниговского коллегиума, послужившего образцом для русских семинарий; а в истории словесности русской он известен как сочинитель девяти книг, напечатанных в Чернигове в первое пятнадцатилетие прошлого века. В этих книгах прежде всего бросается в глаза обилие рифмованных стихов: по исчислению П. М. Строева, в книге «Арфавит» — 10 068 стихов, а в книге «Богородице Дево» — 24 260. Но есть и другая особенность в сочинениях Иоанновых: «духовное глубокомыслие», столь редкое у современных ему писателей. Скончался он в Тобольске 10 июня 1715 года.

Второй сын Максима Печерского *Василий*, обыватель переяславский, служил в девяностых годах XVII века полковником компанейским и в 1698 году «за достоинство монаршое оппонуячися, в руки неприятельские попал и на Кодыме от тех же неприятелей бисурман усечением головы живот свой dokonчил». Так сказано в универсале гетманском, данном в Глухове 10 января 1734 года сыну Василия Максимовича —

войсковому товарищу *Леонтию*, отцу сотника Бубновского *Ивана Леонтьевича*.

Третий сын Максима Печерского *Петр*, значковый товарищ, был тоже обыватель переяславский. Его старший сын *Иван* служил писарем войсковой канцелярии при генеральном писаре Орлике, с которым бежал в 1709 году; в 1711 году он числился генеральным писарем после принятия Орликом гетманского титула; затем воротился из Царьграда на Русь уже в 1715 году и отправлен был из Глухова на жительство в Москву, где получал по десяти копеек на дневное содержание. Меньшой брат его *Степан* кончил свою службу и жизнь Очаковским походом 1737 года в чине бунчукового товарища.

Четвертый сын Максима Печерского *Дмитрий* в 1708 году был генеральным есаулом; после битвы Полтавской бежал он с гетманом Мазепою в Бендеры, откуда, впрочем, немедленно явился с повинною головою и в августе 1709 года отправлен был в Москву на допрос. Старший сын его *Феодор* в царствование Елисаветы служил полковником Стародубовским и, подобно отцу, был чрезвычайный силач. Второй сын *Иван* служил поручиком лейб-гвардии Измайловского полка и убит турками под конец «Румянцевской войны»; а третий сын *Василий* был сотником Чернотицким. Пятый сын Максима Печерского *Григорий* служил в Переяславе протопопом Успенской соборной церкви с 1680 года. Из его детей мне известен сын *Владимир*, служивший войсковым товарищем.

Двое остальных сыновей Максима Печерского, *Михайло* и *Антон*, служили бунчуковыми товарищами при гетмане Мазепе и пожалованы от него селом Луками (1700 г.). Антон умер беспотомственно, а после Михайла осталась вдова *Анна* (1712 г.) с сыновьями *Семеном* и *Иоакимом*. Этот последний был монахом, а Семен Михайлович служил сперва в Глухове в войсковой канцелярии, потом (с 1716 г.) сотником Чернушским, в каковом звании от гетмана Скоропадского пожалован селом Бондарями (1721 г.), в гетманство же Апостола был Лубенским полковым судьей. Его сыновья *Петр*, *Феодор*, *Аким*, *Иван* и *Данило* служили все в разных чинах, преимущественно в полку Лубенском. Старший сын Петра Семеновича *Степан* был полковником Лубенского Малороссийского полка, а меньшой, *Тарас*, — полковником гусарским*.

Вот краткая поминка о первых потомках *Максима Печерского*. Сотник Бубновский *Иван Леонтьевич Максимович* происходил от него, как уже выше было сказано, через второго сына его *Василия*, которому был внуком. Он родился 1727 года в местечке Гремяче (Стародубовского полка) и по достижении двадцатилетнего возраста определился на службу в войсковой генеральной канцелярии, но перед тем женился, и притом довольно оригинально. По желанию своей матери он ехал к предназначенной своей невесте Марфе, дочери Леплявского сотника *Василия Лазаревича* и, не доезжая Лепляво-го, остановился на ночлег в Прохоровке. Сотник *Василевич* пригласил к себе молодого путника, который охотно погостил у него и другой день, а на третий день стал его зятем. Тем началось водворение его в Прохоровке, вследствие которого он 1752 года был выбран здесь в кандидаты на сотничество и ут-

* В «Румянцевскую войну», когда Екатерина II в исходе 1769 года учредила военный орден св. Георгия Победоносца, Румянцов пожалован был первым в Георгиевские кавалеры 1-го класса 29 июля 1770 года, а из малороссиян в том же году награждены Георгиевскими крестами: 3-го класса — бригадир *Иван Васильевич Гудович*, будущий граф и фельдмаршал; 4-го класса — Лубенский полковник *Степан Петрович Максимович*, бывший потом бригадиром.

Сава Туптало.
Літографія XIX ст.

вержден в нем универсалом гетмана Разумовского, данным того же года, 28 июля, в Козельце. Впрочем, Иван Леонтьевич не избежал своей судьбы: после первой жены Мотрены Федоровны, скончавшейся в Прохоровке 8 января 1757 года, он женился вторым браком на первосуженой невесте своей Лазаревичевой, которая крепко смутила его старость своим помешательством и скончалась 1796 года в Борисполе у своей сестры Афендиковой.

Хотя служба сотническая была военною, и Иван Леонтьевич исправлял ее шестнадцать лет, но ему ни разу не довелось побывать на полях битвы: атлетическая его сила развертывалась только на беседах приятельских ломкою подков, удержанием лодейной мельницы на быстрине днепровской и тому подобными выходками молодечества; подобно гетману своему и наш сотник был не воин, а гражданин.

В последний год гетманщины, то есть 1764 года, открылся Золотоношский повет, к которому стала принадлежать Бубновская сотня по гражданским и земским делам, не переставая принадлежать к Переяславскому полку по делам войско-

Дмитро Ростовський.
Портрет. Близько 1752 р.

вым и уголовным (которыми стал тогда заведывать в Переяславе *городский суд*). В Золотоноше, называвшей себя уже городом, но называемой все еще местечком, открылись тогда суды *земский* и *подкоморский*, и начали разъезжать *возные*: поветовый с сотенными. В 1768 году, когда на правой стороне Днепра бушевала конфедерация Барская и возбужденная ею Колиивщина, левая сторона Днепра закипела всякого рода приготовлениями к Турецкой войне; и на полях Переяславских до глубокой осени продолжался «кампамент», где находился сам Румянцов со своею народною канцеляриею, а с ок-

тября начальствовал там генерал-поручик фон Дальке. Такого многолюдства военного не видали под Переяславом с той поры, как генеральный обозный Яков Лизогуб собирал сюда в 1741 году все малороссийские полки для смотра. В начале того бурного 1768 года сотник Максимович поступил в должность комиссара Переяславского, в которой пробыл он четырнадцать лет, до преобразования Малороссии; в это время награжден он был от Румянцова (25 июля 1779 г.) чином бунчукового товарища.

В 1782 году в числе одиннадцати уездов новооткрытого тогда Киевского наместничества учредился уезд Золотоношский. Золотоноша окончательно утвердилась в достоинстве города, а бывший город Бубнов остался на степени простого местечка (почти уравнившись с воынским селом Буяновым между Берестечком и Локачами, которое может быть упомянуто разве тем, что в нем 24 февраля 1787 года у владельца его Стройновского ночевал король Станислав Август со своею свитою, едучи из Варшавы в Канев для свидания с русскою царицею). При выборе членов для Золотоношского уездного суда комиссар Максимович выбран был в судьи. В заседатели тогда же поступили полковой судья Василь Леонтович и полковой есаул Федор Тимковский, а в секретари — войсковой товарищ Никифор Зубковский.

В то же время новооткрытые «комиссии о разборе дворянства» привели малороссию к историческому самопознанию, обратив их внимание на предков. Тогда и в пределах нашей уже прекратившейся Бубновской сотни все, что принадлежало самолично и своими предками к сотенной старшине, засуетилось и зашевелило бумажными листами вместо знамен; и много перебрал тогда рублишков прохоровский серебряник Фома Антонович Снижка (выходец из-за Днепра), рисуя гербы и вырезывая печатки здешним искателям дворянства. Иван Леонтьевич Максимович со своим родом был внесен в 1784 году в шестую часть родословной дворянской книги Киевского наместничества*.

Через год после того, на новых выборах, Иван Леонтьевич из судей выбран был в предводители Золотоношского дворянства. В этом звании в апреле 1787 года он вместе с другими предводителями Киевского наместничества имел счастье провожать Екатерину II Днепром из Киева до Кременчуга. Этот город был тогда гражданским средоточием Новороссийского края, и августейшая путешественница нашла его «несравненно веселее Киева». В то время Иван Леонтьевич удостоился получить от императрицы золотую табакерку с ее портретом, а от короля Станислава Августа — золотой перстень с его портретом, обсыпанным вокруг мелкими бриллиантами.

Расскажу здесь примечательный случай, сохранившийся от того времени в неизгладимой памяти наших побережан. На рассвете понедельника, в который Екатерина отплыла от Канева, наши священники в облачении и все прохоровцы собрались торжественно у Днепра на Белой Косе, но утренний дождистый туман не дал им ни себя показать, ни разглядеть царственной флотилии. В то утро больше, чем в обыкновенные понедельники, приставало челнов и дубков на Прохоров-

Н. Зубрицкий.
Герб Ивана Скоропадского.
1712 р.

*

К слову о гербах помяну здесь, что в старину гербом всей Бубновской сотни был «равноконечный крест с полумесяцем».

І. Аргунов. Портрет
Кирила Розумовського.
Початок ХІХ ст.

ский берег; на одном челноке был Суворов. Обрызганный дождем, он вбежал в топившуюся хату козака Ковалевского и спросил себе *поснегать*. Бывалый козак (про которого все говорили, что он ходил и в гайдамаках) узнал своего гостя и побежал уведомить сельское начальство. Но русский богатырь, перекусив наскоро козацкой *стравы*, положил хозяйке под скатерть три серебряные монетки и скрылся в тумане. Рассказывают также, что накануне того дня ждали в Прохоровку графа Безбородька. Он приплыл сюда уже за полночь, отказался от всех церемоний, с какими явились к нему Базилевичи, и, приняв от них только бутылку вишневки, переночевал за просто в набережной хате ранговых крестьян Секретов.

Дослужив свое трехлетие предводительства, Иван Леонтьевич Максимович доживал свой век в Прохоровке, оставаясь до смерти в чине бунчукового товарища, которым он дорожил. Росту был он среднего, сложения крепкого, плечистого, лица открытого. Нравом был тих, хорошо говорил по-латыни и по-польски, любил петь и играть на гусях, ходил всегда в привычном ему наряде: в шелковом кафтане с широким персидским поясом, в суконном кунтуше с вылетами; седые волосы свои подбривал в чуб. Скончался в Киеве 4 декабря 1801 года семидесяти лет от роду; погребен на горе Щекавице при церкви Всех Святых, возле южных дверей.

Детей у Ивана Леонтьевича было четверо (все от первой жены): дочь и три сына. Из последних самый старший по имени Алексей, рожденный 12 февраля 1754 года, умер в малолетстве. Затем род его продолжился двумя оставшимися сыновьями — *Василем* и *Иваном*.

Василь Иванович Максимович, рожденный 28 февраля 1755 года, служил по штатской службе, начав ее в полковой Переяславской канцелярии и продолжая в Курске в разных присутственных местах до 1790 года. Затем он пробыл около четырех лет в отставке при отце своем для занятий хозяйских. В те годы жили на Супие два бывшие правителя Малороссии, единственные тогда русские фельдмаршалы — Разумовский и Румянцов. Василь Иванович посещал обоих, развешая их своим остроумием. Бывшему гетману каждую весну на подставных тройках доставлял он в Яготин живого осетра по старому обычаю прохоровскому; бывшего же наместника лакомил часто поднепровскою дичью своей охоты, ястребиной и псовой.

Между тем сделался он Переяславским исправником. Генерал-губернатор Александр Андреевич Беклешов, переезжая через Переяслав, очень полюбил распорядительного исправника и перевел его сперва в Богуслав комиссаром, а в 1799 году — в Киев полицмейстером и летом того же года исходатай-

Олексій Розумовський.
Портрет XVIII ст.

ствовал ему чин надворного советника, прямо из титулярных. В этом чине он и вышел в отставку в 1801 году, после чего жил спокойно в Прохоровке. В сентябре 1823 года он похоронил в Переяславе супругу свою *Евдокию Ивановну*, урожденную *Базилевичу-Верховскую*, а весной 1825 года повез сына своего на теплые воды в Пятигорск и там скончался 1 июля на семьдесят первом году жизни.

Иван Иванович Максимович, меньшей из сыновей сотника, родился 26 августа 1756 года; двадцати лет поступил на службу лейб-гвардии

капралом; через три года выпущен в армию и служил в Брянском пехотном полку; был потом в походе Польском 1783 года под командою генерал-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова; а с 1787 года находился в Крыму под командою генерал-аншефа Михайла Васильевича Коховского. В отставку вышел 1791 года секунд-майором. Еще до похода в Польшу он женился в Слободской губернии, в селе Голубовке, на дочери отставного сотника Василя Андреевича *Романова Елене Васильевне*, которая там и оставалась до 1790 года с первым сыном своим *Александром*. Иван Иванович был высокого, с лишком тринадцативершкового роста, лица красивого, взгляда чрезвычайно пронзительного. В беседах был весельчак и порою любил погулять, но вообще был предан труду, чужд всякого искательства и любил старосветскую простоту жизни.

Приехав в 1791 году в Прохоровку, он в начале следующего года купил себе там грунт за 18 рублей с полтиною у войскового товарища Павла Киктя и зажил собственным двором близ двора отцовского. Начиная хозяйничать, он своими руками затирал винокуренную кадь и, трудясь постоянно, жил до смерти в небольшой светличке. Не просторнее были у него две светлички и для жены, которая в угоду ему повязывалась шелковым платком, а в память прежнего убранства выпускала оборку чепца из-под платка. Но о внутреннем довольстве житья и хлебосольстве его вспоминают и теперь здешние старожилы. В народе знали его все под именем «майора». Скончался он 9 сентября 1826 года семидесяти лет от роду и погребен на Прохоровском кладбище. Там почивает и супруга его, скончавшаяся 17 ноября 1822 года.

Детей у Ивана Ивановича было всех трое: два сына и дочь. Старший из всех, *Александр Иванович Максимович*, ро-

*

Жизнь его полна любопытных подробностей и особенностей. Самая кончина его примечательна. В 1823 году, 29 апреля, ждали его на служение в Михайловской церкви, но он долее обыкновенного оставался в своем кабинете. Заглядывая в окно из сада, видели, что он все еще читает. Наконец келейник, войдя к нему, осмелился тронуть его ногу, и тогда узнали, что Ириной давно уже сидел мертв, склонясь над разогнутой Библией и как бы все еще углубленный в пророчества Иезекииля.

дился в Голубовке 13 августа 1782 года. С 1795 года находился он при дяде своем Василе Ивановиче сперва в Переяславе и Богуславе, потом в Киеве, служа и вместе участь чему Бог пошлет: от того тому, от другого другому; между прочим, физике и архитектуре — от *Ириней Фальковского**. В 1803 году он оставил свою киевскую службу в чине коллежского регистратора и женился 10 сентября, в деревне Згари, на *Гликерии Федоровне Тимковской*. Вслед за тем стал он хозяином на отцовском родовом имении, в деревне Староселье под Переяславом, над речкою Каранью. Но сельское хозяйство было не его стихия: у него всегда над земледелием брала верх или технология, или механика. Страсть к последней нашла наконец себе удовлетворение в Шосткинском пороховом заводе, где он с 1815 года служил «у исправления физических, механических и гидравлических работ», исправляя при том и должность архитектора. Через девятнадцать лет он вышел в отставку чиновником 9-го класса и в 1835 году поселился в опустелом доме отца своего, где и ныне здравствует, помогая недужному человечеству своею доморощенной медициною. Супруга его, родившаяся на Згари 13 мая 1788 года, скончалась 22 июля 1829 года на постылом для нее берегу Шостки.

Сотник Петр Неверовский и его сын, герой двенадцатого года

Петр Иванович Неверовский, сын значкового товарища и золотоношского обывателя, родился 1737 года; служа в Переяславском полку, он в начале 1768 года поступил на Бубновское сотничество; исправлял эту должность пятнадцать лет и награжден за нее чином бунчукового товарища. В 1783 году, когда Бубновская сотня, входя в состав Золотоношского уезда, прекратила в нем свое бытие, последний сотник ее стал городничим Золотоношским и этою должностью кончил службу свою в чине надворного советника. Век свой доживал он в 30 верстах от Золотоноши, в хуторе *Неверовщине*, который в девяностых годах стал деревнею *Павловщиною* (названною так по имени меньшого брата сотника, *Павла Ивановича Неверовского*, служившего во время Потемкинское в Новороссийском крае, где он был Екатеринославским вице-губернатором).

Во время службы своей Петр Иванович Неверовский отличался правдивостью и бескорыстием. Прямота его нрава доходила иногда до запальчивой резкости, но своим дружелюбием ко всем и готовностью на добро каждому он возбуждал к себе общую любовь в молодые годы и уважение в лета преклонные.

При начале своего сотничества он водворился на краю Прохоровки, близ Днепра, у озера Балёвого. Там был двор Ивана Арабского — переселенца из Домонтова; сын его, Гавриил Арабский, приняв рукоположение в священники (по тогдашнему — «за границу»: в село Халчу Каневской протопопии), продал сотнику Неверовскому за 60 рублей свой от-

цовский двор, в котором тогда были три рубленые коморки и плетневая винокурня.

В то время в доме бывшего сотника Максимовича у второй жены его Лазаревичевны проживала дочь родной сестры ее, Ульяны Васильевны Левицкой, сотнички Леплявской. Юная Прасковья Ивановна пленила Неверовского своею красотою и кротостью и сама полюбила его. Все родные и близкие так были этому рады, что согласились обвенчать их и уже потом выпросить материнское благословение Леплявской сотнички, которая дочь свою прочила другому жениху, немилому для невесты. Так и было сделано в Прохоровке при содействии отца Петра Осиповского, и Бог благословил молодую чету многочисленную семьею.

Радовался сотник своему счастью и своим веселием делился с подвластным ему товариством. Ведется поныне предание о тех веселых «беседах», какие бывали во дворе последнего сотника и которые так пригодны были под конец Бубновской сотни, чтобы товариству ее беспечно расстаться со старокозачьим бытием, переходя к бытию новому. На те сотничьи пиры съезжалась старшина со всей околицы*. Козаки любили своего сотника, и он сам любил их.

Прохоровский двор и сад сотника Неверовского давно уже обратились в сенокосную леваду, называемую *Соболевищиною*. Это место (ныне принадлежащее Елене Феодоровне Каневской по наследству от деда ее Ивана Федоровича Базилевича) должно навсегда остаться памятным для здешнего народа, ибо на этом месте возник лучший цвет нашего Побережья, краса и честь Бубновской сотни — первый сын сотника Неверовского...

Дмитрий Петрович Неверовский родился в Прохоровке 21 октября 1771 года и выросал до двенадцати лет вместе с братом своим *Павлом*, рожденным 16 января 1773 года. Красавец лицом и душою, юный Дмитрий развивался на приволье днепровском и просторе степном, во всей простоте тогдашней жизни. На десятом году он был уже смелым пловцом, метким стрелком и удалым наездником. Разумная строгость отца и добрая ласка матери воспитали сердце его столько же для мужества железного, сколько и для любви самой нежной. Первым учителем его церковной грамоте был старый козак Григорий Николаенко. По переезде в Золотоношу Петр Иванович Неверовский сам учил сыновей своих латинской грамоте и арифметике.

В это время знаменитый сосед бывшего сотника, потом городничего — граф Петр Васильевич Завадовский, проживая в Драбове, бывал у него в гостях в Неверовщине; и однажды, любясь прекрасным Дмитрием, вызвался взять его к себе в Петербург вместо сына. Нечего и говорить, как рады тому были отец и мать, у которых в семье было четыре сына и десять дочерей. И вот их первенец 16 мая 1786 года стал гвардейцем Семёновского полка и через год произведен в сержанты.

Граф Завадовский готовил своему питомцу блестящее поприще в Невской столице. Но не тот удел был сужден ему: скоро зачалась вторая Потемкинская война с турками на Черном море, и великолепная галера «Десна», служившая на Днепре столовою залой для путешествующей русской царицы,

*

В этих пирах принимала всегда особенное участие прохоровская вдова *Марья Красничка*, бывшая сотенная хорунжая. Эта всеми уважаемая старушка отличалась маленьким ростом, необычайною быстротою черных глаз и девственною белизною зубов. Нрава была она доброго и смиренного; но любила подгулять с добрыми людьми, а подгулявши, наполнялась ратного духа и начинала сама петь козацкие песни:

*Идутъ ляхи, шумлять шляхи,
козаченьки тихо;
Стережись, вражи ляхи,
бо буде вам лихо!*

Тогда у сотницкого дома непременно уже являлась заряженная пушка. На нее садилась хмельная Маруся, оправляла на голове своей намитку, брала фитиль и при веселых кликах всей «беседы» палила на Днепр, за границу, воображая, что воюет Польшу. Храбрая козачка дождалась-таки до рокового конца Польши. Она была свидетельницею и той милиции против француза, которая во всей Полтавщине снаряжалась в начале 1808 года. Но Красничке нашей тогда было не до милиции: она была уже очень стара и, предоставив сыну Андрею все хозяйство, жила себе отшельницею в маленькой хатке, срубленной из белых тополе. Там она в нужде и болезни кончила свой девяностолетний век 28 февраля 1810 года. Почувствовав наступление смерти, она попросила отодвинуть окно в стене, под которой лежала, и, глядя в него, промолвила: «Свите Божий, украшенный! Останний раз тебе бачу!»

Покрова Богородиці. Ікона із Сулімівки із зображенням наказного гетьмана П. Полуботка. Перша половина XVIII ст.

обратилась в гостиницу смерти для мусульман. Вспоенный Днепром для войны, гвардеец Неверовский истосковался на севере и загорелся neodолимым стремлением на юг, в действующую армию. Граф не хотел и слышать о том и с угрозой сказал, что не выпустит его из дому. Но просьба о переводе в армию была подана еще при первом порыве к тому пылкого юноши; скоро получен был и перевод; пришлось уехать из Петербурга, не простясь с графом.

Шестнадцатилетний поручик Малороссийского гренадерского полка, летя в армию, торжественно явился в Неверовщине. Радостно встретили его в доме отцовском. Но, узнав об его самоволии против графа, строгий отец исполнил любимый в старину завет: «Иже щадит жезл, ненавидит сына своего!» После того с любовью и миром родители напутствовали своим благословением милого сына на войну. Он изведal битву и победу в первый раз при Сальче, откуда разбитых турок гнали наши до Измаила, а потом находился он при знаменитом взятии Бендер.

После этих первых уроков в войне прошел он новую школу побед в кампании Польской. Служа в четвертом батальоне Екатеринославского егерского полка, он ратоборствовал почти во всех тогдашних сражениях. В 1792 году храбро действовал он рассыпным строем в лесу при Деревнице, 4 июля, и при Городище, 7 июля, и за отличие произведен в капитаны. В 1794 году он храбровал при Мацевевицах, на том самом поле, где Костюшко, падая с коня, воскликнул: «Finis Poloniae!» А после штурма Праги наш двадцатитрехлетний герой награжден был чином секунд-майора и тем пражским крестом, которым так гордились ученики великого победоносца Суворова.

В декабре 1791 года, по расформировании егерского батальона, в котором Неверовский прослужил Польскую кампанию, он поступил опять в Малороссийский гренадерский полк, в котором и пробыл до 1803 года. Тогда этот полк, квартировавший в Волинском городе Заславле, смотрел цесаревич Константин Павлович с генерал-инспектором Боуэром. Батальонный командир Неверовский своим величаво-прекрасным видом, громозвучным голосом и совершенством строевого дела привел в восторг цесаревича и по его ходатайству был немедленно вызван в Петербург и назначен командиром сформировавшегося тогда Первого морского полка. В сентябре того же года, узнав лично Неверовского, государь произвел его в полковники, а через полгода (в марте 1804 года) возвысил его в генерал-майоры и назначил шефом Третьего морского полка, находившегося в Ревеле. Там после двух смотров, царского и инспекторского, в 1805 году Неверовский награжден был от государя Владимиром 3-й степени и бриллиантовым перстнем.

В том же году, 27 июля, венчался он с дочерью адмирала Мусина-Пушкина Елисаветой Алексеевной. Через два месяца поход за границу (в Шведскую Померанию) разлучил молодую цветущую чету, но ненадолго. Весною 1806 года наши войска возвращались в пределы России. Еще за двести верст от Ревеля Дмитрий Петрович был утешен нежданною встречей жены и тещи! Они мчались к нему в почтовой тележке,

а в ближайшей корчме дожидалась его новорожденная дочь — единственное дитя, у него бывшее. То была блаженнейшая пора в жизни его, завершившая собою двадцатилетие его службы.

В 1809 году Неверовский назначен был шефом Павловского гренадерского полка. Старые храбрецы не нарадовались своим генералом, который сам был одним из первых гренадеров и обладал редким даром завладевать сердцами и становиться душою подвластного ему войска. Но не с этими бывальными павловцами суждено ему было встретить французов у Днепра, в войну *двенадцатого* года. При начале того великого года наш генерал спешил в Москве формировать новую, двадцать седьмую, дивизию по поручению государя и сформировал ее в два месяца. «Посмотрите, каких чудес наделает эта молодежь в сражении!» — говорил, указывая на своих офицеров, Неверовский, украшенный за свой успешный труд Анненскою звездою.

И вот он со своею молодою дивизией уже в походе из Москвы к западной границе, в Новогрудке, 22 июня, присоединился к князю Багратиону, и оттуда, ровно в месяц, совершили они свой многотрудный суворовский обход к Смоленску, предназначенный для соединения Второй армии, предводимой Багратионом, с Первой армией, водимой Барклаем де Толли. Тогда решено было, наконец, пойти наступательно против Наполеона, стоявшего в Витебске. По расчетам Барклая, Наполеон должен был двинуться к Смоленску по Поречской дороге, поэтому на левой стороне Днепра оставлен был только Неверовский у Красного, для наблюдения за Смоленскою дорогой. Вдруг Наполеон является на Днестре у Рососны, чтобы зайти нашу армию ниже Смоленска, как предсказывал Багратион; на рассвете 2 августа он занимает многочисленными полками своими левый берег Днепра, и передовые отряды его двинулись уже к Красному. Вот трудное положение Неверовского, у которого при его дивизии были только Харьковский драгунский да три козачьих полка.

Едва успел он отправить тяжести к Смоленску и отдать своему войску одобрительный приказ, как прискакали вновь сторожевые козаки, говоря: «Французы валом валят!» То был неаполитанский король Мюрат с 15 000 блестящей кавалерии и с дивизиею пехоты. Обхватив Красный, отбив семь пушек, опрокинув драгунов и казаков, он устремился на 27-ю дивизию и уже был от нее на ружейный выстрел. Она стояла близ Красного безмолвно, в стройном каре, как неподвижная скала. Вдруг прогремел голос Неверовского: «Тревога!», засверкал прицельный батальный огонь, и вмиг французские всадники и их кони устлали собою землю: так расшибся передовой вал наполеоновский. Тогда, ударив отбой пальбе, с победным «Ура!» Неверовский повел свою дивизию к Смоленску по столбовой дороге, усаженной березами. На него со всех сторон кидался Мюрат, но напрасны были его нападения и его предложения о сдаче: «Умрем, а не сдадимся!» — кричали французам солдаты Полтавского полка.

Неверовский отступал, «как лев» (по выражению иностранцев — Сегюра и Вальтера Скотта). И в таком мужестве,

отразив 40 атак, 27-я дивизия прошла 12 верст до речки, где находился егерский полк с двумя пушками, отправленный туда про запас при начале Красненского дела. Там держались они до вечера, а ночью перешли к оврагу, что в шести верстах от Смоленска.

Так 2 августа совершил Неверовский свое достопамятное отступление от Красного, которое наши знатоки войны признали беспримерным. А он сам, не думая о славе своего подвига, только и думал тогда, что о потере своей в людях; он был безутешен. По счастью, Раевский со своим корпусом позднее назначенного срока выступил из Смоленска и был только в двенадцати верстах от Днепра. По данной туда вести от Неверовского на рассвете 3 августа подоспел к нему смелый Паскевич со своею 26-й дивизией и стал передовым у упомянутого оврага; и была у него новая перепалка с французами. Того же дня подоспел к ним Раевский — «слава дней своих»; и с наступлением ночи герои наши решились засесть насмерть в Смоленске.

Бог помог им: целый день обороняли они древнюю столицу Мономаха и храброго сына его Мстислава! С приближением наших армий к Днепру теснее обступили Смоленск полки Наполеоновы; и на другой день, 5 августа, произошла та страшная осада города, которую смоляне называли «преставлением света». В тот день на защите Смоленска был надежный Дохтуров; нашему украинцу довелось тогда состязаться с поляком: Неверовский был на обороне Реченского предместья, которое брал приступом Понятовский и не взял.

Скоро приспел великий день Бородинский; преддверием к нему служила Шевардинская битва 24 августа. Там на обороне, под начальством князя Горчакова, был и Неверовский, а нападением распоряжался сам Наполеон. Шевардинский укреп в продолжение дня не один раз переходил из рук в руки, но к вечеру остался за нами. Французы вздумали взять его ночью врасплох, но их движение было угадано. Тогда Неверовский велел своей дивизии ссыпать порох с ружья, невидимкою подошел к неприятелю, ударил в штыки и обратил в бегство.

Между тем довершил свои приготовления к Бородинскому делу несокрушимый Кутузов, за неделю перед тем принявший военачальство. При появлении старого вождя русским полкам взвился над ним орел, предвозвестивший победу. Но победа была еще впереди: она ждала себе в жертву еще Москвы белокаменной, а на Бородинском поле русская сила только померилась с силами Запада. С рассветом 26 августа зачался тот достопамятный бой Руси с наполеоновскою ратью «двунадесяти язык». На левом крыле нашем, с которого Наполеон предназначал себе победу, стоял впереди граф Воронцов с гренадерскою сводною дивизией, а за ним во втором ряду — Неверовский со своими храбрецами.

Первый налет на них французского войска был отражен, но скоро возобновилось нападение в большой силе и быстроте. Бесстрашный Воронцов держался, пока не стало гренадеров его, да и сам он был ранен; мужественный Неверовский пошел в штыки; к ним на помощь подоспел «безмятежный»

Т. Шевченко.
Портрет Г. Потьомкіна.
1844 р.

Багговут. Наполеон подослал подмогу своим, и завязалась страшная битва, длившаяся несколько часов при громае семисот пушек.

В том огне пропала большая часть 27-й дивизии, но Неверовский уцелел невредимо. Поспешно собрал он небольшой строй из рассеянных солдат разных полков и повел его против французских драгун в тот привал Бородинского боя, когда Наполеон, пользуясь временным нашим отступлением, думал подавить нас стремлением своей конницы:

*Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой;
И равен был неровный спор!..*

Вспылала златоглавая Москва. Кипела и волновалась Русская земля, как море, собираясь извергнуть из себя надменный кумир Запада с его полчищами. В ту пору всеобщего вооружения Руси ополчалась и Мало-

россия. Еще по манифесту 6 июля составились в продолжение двух недель два ополчения от малороссийского дворянства, именовавшиеся Дворянским земским войском. Поставлено было со ста душ в Полтавской губернии по четыре, а в Черниговской — по шести ратников, пеших и конных. Эти ополчения делились на поветы, а поветы на сотни; в начальники им назначались дворяне по выборам. Ополчению Полтавскому по числу ревизских душ предположено было составиться из 13 211 человек, а собралось более 16 000 ратников, именовавшихся тогда козаками.

Первоначальным распорядителем этого ополчения был *Дмитрий Прокофьевич Трощинский*, статс-секретарь Екатерины II, служивший министром уделов юстиции в царствование Александра; а в губернские начальники Полтавского ополчения выбран был генерал-майор *князь Жевахов*. Вслед за тем, когда объявлена была царская воля об ополчении малороссийского козачества, выраженная в рескрипте 25 июля, козаки немедленно снарядили от себя с двадцати пяти душ по одному вооруженному всаднику; и в сентябре готовы уже были пятнадцать полков (девять полтавских и шесть черниговских, по 1200 человек в каждом). В ноябре эти полки двинулись в Белоруссию на преследование неприятеля; некоторые из них воевали и за Рейном.

Подобно тому и в 1831 году во время мятежа польского, когда последовал царский указ 6 мая о составлении восьми конных полков из малороссийского козачества, козаки-земледельцы радостно снаряжали себя на войну; дворянство поставило им от себя коней с упряжью, выбрало им начальников из отставных офицеров; и через шесть недель это охот-

ное войско было уже в походе из Чернигова в Царство Польское.

Так на защиту Отечества всегда готов был воздвигнуться тот ратный дух, которым издревле отличалась Южнорусская земля и о котором хорошо сказал некогда летописец украинский: «Речет старший слово, и абие войско числом, аки трава будет». То же было с 27-й дивизией Неверовского: через месяц после Бородинского боя она народилась вновь и была воодушевлена прежним мужеством, как это видели все на полях Тарутина и особенно в битвах под Малым Ярославцем, откуда повелитель Запада начал свой бедственный выход из земли Русской.

После того Неверовский, награжденный за Бородинское дело чином генерал-лейтенанта, зимовал и весновал в Вильне. Там государь при всех генералах изволил сказать ему: «Дивизия ваша отличилась славою бессмертною, и я никогда вашей славы и дивизии не забуду!» Извещая об этом свою милую жену, герой наш имел полное право сказать ей: «Так, друг мой! Дмитрий твой служил храбро и с честью!..»

В начале 1813 года он назначен был корпусным командиром предположенного тогда Тринадцатого корпуса; однако по выступлении в Пруссию служил он в корпусе Сакена, который вскоре причислен был к Силезской армии под главное начальство Блюхера. Этому храброму полководцу генералы наши доставили (14 августа) Кацбахскую победу над Макдональдом и за то были награждены: будущий генерал-губернатор Парижа — Черным Орлом, а герой Красненский — Красным Орлом.

В последний раз Неверовский ратовал под Лейпцигом. Под конец тех октябрьских битв, когда наши войска уже с победою ломались в город, корпус Сакена брал предместья Галле. На том приступе Неверовский был ранен пулею еще в первый раз ибо, получив сильную контузию ядром под конец Бородинского дня, он не считал себя раненым. Пуля ударила ему в ногу над пятою и так глубоко вошла в кость, что хотя оператор Малахов спустя несколько дней и успел ее вырвать, но это было бесполезно, ибо вскоре открылся «антонов огонь» и началась сильная горячка. Лежа в Галле на смертной постели, Неверовский получил наградные ордена: св. Владимира и св. Георгия 2-й степени. «Вперед, на штыки!» — повторял он в бреду, видя перед собою полки неприятельские; и в этих видениях скончался 1813 года, 21 октября, в день своего рождения.

В следующем году, когда император Александр даровал мир Европе и наши победительные войска возвращались уже

В. Боровиковский.
Портрет Д. Трошинского.
1819 г.

на Святу Русь, гренадеры-павловцы посетили в Галле могилу своего шефа, прошли возле нее с грустным маршем и отслужили панихиду по душе героя, почившего на чужой стороне. Да будет же ему там пером земля, а на родине слава!..

Сотник Неверовский не дождался радости слышать о славных подвигах своего сына в Отечественную войну; семидесятипятилетний старик скончался в мае 1811 года в Сорочинцах, где он напрасно искал себе врачебной помощи у Трофимовского. Но старый сотник не изведal и скорби отцовской — слышать о смерти сыновей своих, одного за другим. Еще прежде Дмитрия, в двенадцатом году, умерли: второй сын его *Павел*, набиравший ополчение в уезде Новомосковском, и третий сын — гвардеец *Александр*, раненный в Бородинском бою. Остался в живых только меньшей сын его *Иван*, служивший тогда во флоте Черноморском. Этот почтенный, но, к сожалению, последний представитель своей фамилии поныне здравствует в деревне Павловщине, украшенный Георгиевским крестом за взятие Анапы в 1807 году.

Обозрение церквей Бубновской сотни

Издавна существуют здесь четыре приходские церкви: *Преображенская* — в Бубнове, *Никольская* — в Бубновской Слободке, *Михайловская* — в Сушках и *Ильинская* — в Прохоровке; сверх того, в Прохоровке же — кладбищенская *Успенская*. Не известно, когда эти приходские церкви основаны первоначально и в какие годы строились прежними зданиями. Можно сказать, что здешние церкви составляют последний благочестивый труд нашей старины для новых поколений, духовное завещание Бубновской сотни ее потомству.

До начатия прошлого века они подлежали непосредственно митрополии Киевской. Но в 1701 году при новозданном тогда Переяславском Вознесенском соборе возобновилась древняя епархия Переяславская. В числе протопопий, на которые она подразделялась, была протопопия *Золотоношская* с духовным правлением; к ее ведомству, а в ней к «наместнии *Пищанской*» причислена была Бубновская сотня с ее церквами и духовенством.

Здания всех пяти церквей наших, как прежние, так и нынешние, строены из дерева; и нет между их утварью ничего особенно важного по древности или по драгоценности. Тем не менее в них стоят внимания нашего все уцелевшие остатки старого времени, когда благочестие было в полной силе и каждый украинец поставлял себе непременно долг отделить часть своего имущества на церковь Божию или послужить ей собою самим.

Нынешняя бубновская церковь *Преображения Господня* поставлена возле того места, где была прежняя, поновленная около 1745 года *Дмитрием Михайловичем Прохоровичем*. Она построена в 1780 году иждивением прохоровского жителя, войскового товарища *Федора Алексеевича Петровского*. Иконостас в ней сохранился прежний, без поновления и переме-

ны. Из трех напрестольных Евангелий упомяну об одном, московской печати 1763 года: оно оправлено и подарено сюда в 1767 году запорожским атаманом Каневского куреня *Петром Максимовым*. Между служебными книгами на клиросе, которыми вообще бедна бубновская церковь, я заметил «Апостол» со вкладною подписью от переяславского жителя *Василия Тимченка* и «Требник» с подписью 1746 года от Печерского монаха *Виталия*. В Бубновской церкви уцелела еще (замоченная Днепром в разлив 1845 года) самая старшая в здешней сотне «Книга записная о приходских тоя церкви людех на три части, кто имянные, когда родились, браками венчались и померли, 1734 года, января с 1 дня». В Слободской церкви такая же книга начата в 1737 году. Вообще же эти книги «метрические» начались тут не ранее как в правление Переяславского епископа *Арсения Берла* (1733—1744 гг.).

Слободская церковь *св. Николая* поодаль от прежде бывшей поставлена в 1777 году иждивением *Романа Федоровича Строчинского*, бывшего куренным атаманом в Сечи Запорожской. Продолжая военную службу и по разрушении Сечи, он был капитаном и не переставал усердствовать здешней церкви, как свидетельствуют на ее престоле крест и «гробница» (то есть дарохранительница) хорошей работы из серебра, сделанные от него в 1787 году. Из книг, уцелевших от прежней церкви Никольской, замечу Евангелие киевской печати 1697 года в зеленобархатной оправе, пожертвованное сюда в 1720 году *Силою Вубленком*, и другое киевское же Евангелие 1733 года, внесенное сюда «за небижчика *Иванину*». Также замечания достойно напрестольное Евангелие московской печати 1794 года в краснобархатной оправе: оно подарено в 1796 году Печерским иеромонахом *Сифом Карлицким*, который в последующие годы подарил сюда же почти целый круг церковных книг. Сохранились в алтаре несколько образов от прежнего иконостаса; и желательно, чтобы они оставлены были без поправки — в память той иконописи, которая в здешней стороне господствовала до половины прошлого столетия и была если не в цветущем состоянии, то все же лучше той, какая настала здесь со второй половины прошлого века. Из новых предметов Никольской церкви останавливают на себе внимание два образа, стоящие по бокам иконостаса в больших китах нездешней работы: они пожертвованы прихожанами церкви: майором *Михайлом Степановичем Томарою* (скончавшимся 8 июня 1837 года) и его женою *Елисаветою Николаевною*, урожденною *Мотонисовою* (дочерью того сенатского обер-секретаря Мотониса, который в 1767 году был выбран в числе депутатов от малороссийского шляхетства в Комиссию сочинения проекта нового Уложения).

Нынешняя Сушковская церковь *Архистратига Михаила* поставлена на месте прежней в 1782 году общим иждивением прихожан. Из напрестольных предметов ее упомяну об Евангелии киевской печати 1746 года, которое подарено сюда в 1750 году сечевым козаком Каневского куреня *Василем Гуржием* и сыном его *Иваном*, того же куреня «знатным козаком». Из служебных книг назову «Минею» в шести книгах киевской печати 1750 года: она сюда подарена 1754 года от сечевого козака *Степана Шияна*. Назову еще «Цветную Три-

одь» черниговской печати 1685 года: она подарена в Сушковскую церковь *Захарием Щасненком* в 1687 году.

Прохоровская церковь св. *Илии* построена на месте прежней в 1781 году общим иждивением прихожан. Прежняя колокольня стояла на западной стороне, где тоже были и школа, и «шпиталь»; нынешняя колокольня поставлена в 1843 году. Я говорил уже о колоколе, вылитом 1722 года, и о другом колоколе, который (вместе с Евангелием московской печати 1755 года) составляет здесь память запорожского атамана Каневского куреня *Павла Фесуненка*. Другой атаман того же куреня *Ефрем Иванченко* пожертвовал в Ильинскую церковь серебряный хорошей работы крест на престол, а на жертвенник — чашу и дискос со всем прибором, тоже серебряные. Перед алтарем висят четыре серебряные лампы: две от запорожца *Ивана Невенчаного*, а другие две — от запорожца *Григория Поперечного*. Строитель Бубновской церкви *Петровский* пожертвовал в Ильинскую церковь плащаницу, серебряную чашу с прибором и серебряное кадило. Из старинной церковной описи, веденной с 1771 года, видны имена многих других лиц, усердствовавших Ильинской церкви, в том числе и сотников, особенно *Прохоровича* и *Василевича*, от которых были здесь богатые ризы и другие одежды священнические. Между образами здешней церкви особенно уважается прихожанами образ Богоматери, стоящий у южных дверей в киоте, сооруженном от *Елены Даниловны Базилевичевой*, урожденной *Лисевичевны* (жены маршала И. Ф. Базилевича, скончавшейся 3 января 1823 г.). Из привесок к этому образу Ильинская церковь внесла два фунта серебра в Отечественную войну двенадцатого года.

Что касается до кладбищенской Прохоровской церкви во имя *Успения Богородицы*, то она поставлена в 1774 году иждивением того же войскового товарища *Федора Алексеевича Петровского*. Этот чиновный козак во благо употребил наследство, доставшееся ему от нескольких родичей. Жил он в Прохоровке на том дворе, где в недавнее время выстроил себе дом покойный флотский медик *Степан Осипович Завойко*. Там и скончался Петровский 1795 года, 5 августа, шестидесяти восьмью лет от роду. Под старость жил он себе одинокий и был слеп. Рассказывают, что у него, при всех пожертвованиях на разные церкви, оставалась еще скринька карбованцев, закопанная в саду под окном его хаты; он часто приходил осведомляться на то место и постукивал палкою в землю; это подметил служивший у него хлопец, рассказал козаку *Негрию*, и негодяи украли заветную скриньку набожного слепца.

Нынешнее Прохоровское кладбище учредилось в 1733 году после того сильного мора, который был вслед за *Колиивщиною*, при начале «*Румянцевской войны*». Нижняя половина кладбища, на которой поставлена церковь, пожертвована в 1773 году *Иваном Шаркевичем*, войсковым товарищем, который прежде жил под Переяславом, в Козинцах, на имении тещи своей — *Елены Петровны Исаевой*, урожденной *Максимовичевой*. Здесь он поселился в 1762 году, купивши за 900 рублей у жены компанейского обозного *Степана Гайворонского* леваду ее и прочие участки земли. На новоселье Шаркевичу сгорел дом, того же 1762 года, 15 ноября. Горел этот Золото-

ношский комиссар и после не один раз. А через год как учредилось кладбище, именно в то время как разрушена была Запорожская Сечь, были здесь такие сильные паводки, что вода с горы бежала рекою на дорогу мимо кладбища, промыла на ней провалье и много гробов с мертвецами вынесла на себе опять в Прохоровку. Через десять лет после того умер старый Шаркевич; сын его *Григорий*, отставной поручик из войсковых товарищей (женатый на *Евдокии Савишне Терлецкой*), прибавил в 1813 году к кладбищу верхнюю его половину и в 1817 году сам улегся здесь.

На Первую Пречистую, то есть в день Успения Богородицы, после обедни в кладбищенской церкви жители прохоровские собираются «на мед», который, по давнему обычаю, варится к этому дню и распивается у одного из зажиточных козаков (теперь у *Вакулы*, а за несколько лет — у покойного *Сеська*). Кроме этого храмового дня Успенской церкви, в ней ежегодно бывает обедня на третий день Рождественской, Светлой и Зеленой недель.

Но главное народное празднество у этой церкви бывает в понедельник на Проводной (то есть Фоминой) неделе, когда прохоровцы сходятся сюда помянуть своих родных покойников и надгробною молитвою, и заупокойною чаркою. В этот поминальный день и я, доканчивая мои сказания о Бубновской сотне, спешу перейти от них к молитвенному поминовению моих родителей и земляков на их могилах.

Журнал Министерства Внутренних Дел. 1848, № 11, с. 112—143; 1849, № 4, с. 26—68; № 6, с. 315—393

Сказание о Колиивщине

то читал «Историческое известие об унии», изданное Бантыш-Каменским в 1805 году, и сочиненную его сыном «Историю Малой России» (Москва, 1830 г.), тому довольно известны происшествия, которыми еще и в прошлом веке была обуреваема Западная Русь от распространения в ней унии и притеснения православной веры.

В историческом ряду сих происшествий значительное место занимает *Колиивщина*, происходившая 1768 года в Западной Украине, называвшейся тогда Польскою, или Козацкою, Украиной, в отличие от Восточной, или собственно Малороссийской. На русском языке ничего почти не писано об этом событии*. В здешнем крае хотя и знают о нем по слухам и по нескольким рукописным известиям на польском языке, однако знают его или очень мало и отрывочно, или же в ненадлежащем, более или менее одностороннем виде, и некоторым подробностям, особливо первоначальным, дают несправедливый толк.

Исследовав подробно о сем событии, я написал предлагаемое сказание *о Колиивщине*. Полагаю, что оно будет не лишним и для наших историков: для них я замечу, что все обстоятельства описанного происшествия, все действующие в нем лица и самые разговоры их, отмеченные вносными знаками, не мною придуманы, а взяты из тех источников, какие я имел у себя под рукою. Источниками моими были: 1) *народные песни* о Зализняке и Гонте, напечатанные в моем Собрании украинских народных песен, ч. 1, М., 1834 г.; 2) местные предания и рассказы старых людей, рукописные сочинения на польском языке; 3) более друтих интересная записка Вероники Кребсовой, урожденной Младановичевой; 4) записка униата Тучанского, хранившаяся в базилианской уманской библиотеке, во многом несходная с первою; 5) содержание сей

* В VI томе «Библиотеки для чтения» помещена статья «Прежняя Новосербия», где очень живописно изображены похождения буйных гайдамаков, но о Колиивщине 1768 года не дано никакого понятия; о Зализняке и Гонте упомянуто по темным и неверным слухам. Любопытно там известие об Иване Усаче, но о нем по другим источникам мне ничего не известно.

записки, переложенное в польские стихи студентами школ уманских; 6) составленное на основании сих двух записок и дополненное другими известиями описание Липпомана, имеющееся у меня в подлиннике; 7) записка пиара Павла Младановича; 8) подлинное письмо к графу Потоцкому от Якова Квитневича, писанное из Арханграда 28 июня 1768 года; 9) выписки из подлинной книги генеральной визитации Кодненского костела в 1768 году; 10) повесть на польском языке, написанная Грабовским, изданная в Вильне 1836 года под именем «Koliwczyni i stepy».

Считаю долгом благодарить тех особ, которым я обязан за сии источники. Если у кого найдутся новые материалы относительно сего предмета, особливо документальные, то я покорнейше прошу сообщить оные мне для пополнения и поправления моего сказания.

Глава первая

ВСТУПЛЕНИЕ

Збунтовалась Украина, и попы и дяки,
Погинули на Украине жида и поляки.
О Боже мий несконченый! Дивитися горе,
Що тепера на сим свити вира виру боре!

Украинская песня на смерть Ивана Гонты

В 1768 году в Западной Украине, бывшей тогда под властью польской, совершилось ужасное кровопролитие. Козаки и крестьяне украинские резали поляков и жидов целыми сотнями и тысячами; поляки отомщали козакам и украинским крестьянам немилосердными казнями. Сие событие известно на Украине под именем Колеевщины, или Колиивщины.

О нем сохранились в народе многие предания и рассказы. Украинские песни — эти верные отголоски народной жизни — по сию пору вспоминают о запорожце Зализняке, главном зачинщике восстания, об Уманском сотнике Гонте и других сподвижниках Зализняка. Есть еще на Украине и старые люди, которые знавали Зализняка и рассказывают про Колиивщину как близкие самовидцы. Послушайте их рассказов и песен украинских, сообразите положение Украины и Польши с событиями прежними, и вы увидите, что кровавый подвиг Зализняка был не простой гайдамацкий разбой и не случайное нападение запорожцев на польские владения для грабежа и добычи. Нет, то было огнедышащее извержение народной мести и вражды, целый век копившейся под гнетом унии; то была предсмертная, судорожная схватка двух враждебных стихий в государственном теле, которое уже близилось к своему концу.

Колиивщина была последним отзвуком тех восстаний, которыми некогда целая Украина ополчалась на Польшу для спасения своей веры и своего народа, обреченных тогда на гонение, последним отзвуком и тех мучительных казней, кото-

Максим Залізняк.
Портрет початку XIX ст.

рыми судилище варшавское думало обуздать козаков и задушить их непреклонную широкую волю.

А было время, когда народ Литвы и Украины, соединенный с народом польским «как ровный с ровными, свободный со свободными», исповедовал беспрепятственно веру своих отцов, и Восточная церковь, от которой и Польша заняла свой первый свет христианства, процветала по всей Западной Руси. Было время, когда козаки днепровские, гремя грозою на татар и турков, дружно стояли за Польшу; и Польша, зная всю цену заслуги козацкой, отличала храбрую дружину днепровских рыцарей богатыми дарами и знаками чести, и многими правами на Украине. То был век цветущего состояния Польши, век воинской славы козацкой... Но со смертью Батория кончился и славный век его; Польша перестала красоваться своим бытием и склонилась к упадку;

прежнее дружество ее с козаками обратилось во взаимную вражду и нелюбие, и немилым стало для Украины ее союзническое подданство Польше.

Какой же враждебный дух произвел сии роковые перемены?.. Главною виною тому было гонение веры, открытое Жигимонтом III, которого на несчастье себе избрала Польша в короли из королевичей шведских. Это гонение возбудили иезуиты, опутав нового короля, а с ним и все польское правительство своею сетью, которая была тонка, как паутина, но крепка и тяжела, как железо. Работая не для веры Христовой, а только для власти папской, помышляя только о Римской тире и не думая о короне Польской, иезуиты восстановили в Польше католичество, приведенное в упадок реформацией, и подорвали государственное бытие и народность Польши.

Чтобы Западную Русь отторгнуть от Восточной церкви и привлечь к подножию Римского престола, иезуиты предначертали распространение унии — и уния простерлась бедою по Литве и Украине. Увлеченная западным влиянием Польша посягла на православие Русской земли и за то лишилась навсегда своей самобытности.

Козаки, для которых и в Запорожском братстве первым условием была православная вера, вступились за нее оружием, и завязалась у них кровавая борьба с Польшею.

Защита веры обратилась в защиту Украины, и через полвека жестокой борьбы полная козацкой силы Украина отбилась от Польши, и украинский народ торжествовал свою свободу победною песнею:

*Да не буде лучше, да не буде краще, як у нас на Україні:
Да немає жида, да немає ляха, немає унії!*

Сказание
о Колиившине

Решитель сего дела славный Богдан со своею Украиной, по обеим сторонам Днепра лежащую, поддался Москве, к которой давно уже влеклись козаки единством веры и своего русского рода и древним единством государственным.

Но Украине суждено было еще испытать новое разновластие: ее разделили пополам между Москвою и Польшею, и только вольное Запорожье оставалось обоюдным как бы в знамение того, что днепровские волны соединят вновь свои разрозненные берега. В то время под державою возраставшей Москвы началось уже воссоединение древней Владимировой Руси, а над Польшею изречено было уже королем ее Иоанном Казимиром роковое предвещание о ее разделе. Восточная Украина, оставшаяся за Россиею, постепенно сливалась в общую жизнь ее свое отдельное бытие и, перестав быть гетманщиной в начале царствования Екатерины Великой, почил от вековых бурь. Что же случилось в это время с Западной Украиной, отлученной от родной половины? С новым подданством Польской короне опять в ней начала свирепеть уния; опять жида, как алчная саранча, налетели на благодатные нивы русского землевладельца и, как едкая моль, стали точить богатство украинских панов.

Но уния не могла соединить прежним союзом Украину с Польшею: она готовила только новый разрыв между ними, производя печальный раздел между сынами Западной Руси. Отторгнутые от Восточной церкви униаты, руководясь иезуитами и заимствуя от них дух нетерпимости и весь дух западной пропаганды, несли хулу на свое прежнее православие, насильственно обращали украинский народ в свое новое исповедание и самопроизвольно вводили в него католичество вопреки положениям соборным и утверждениям папским; через что они производили отступничество не только от православия, но и от самой унии, обратившейся в переходный мост к католичеству.

Вельможи и дворяне Западной Украины, будучи гражданами Польши и находя, что все гражданские выгоды предоставлены были в ней только папским приверженцам, вовлекались в унию и католичество, через несколько поколений забывали свой русский род, усвоили себе нетерпимость к вере своих предков и теряли любовь к коренному народу своей отчизны.

Беликий от того был ущерб для Украины, но не впрок он пошел и для Польши! Горевала Украина, что и в ней, как в Литве, русские паны обращались в поляков, и католичество становилось панскою верою; но еще горше было ей терпеть оскорбление своей веры, особливо, когда православные церкви отдавались в аренду жидам и племя, на котором возлегла кровь распятого им Господа, сквернило своим торгом христианские требы и службы, заводило шинки в домах Божиих. От этого больше всего мучилась козацкая кровь и накупала на сердце ненавистью к жидам и полякам.

Неравнодушно смотрела и Восточная Русь на утеснение своей веры в Западной Руси, и не раз она относилась к Польше с мольбою о защите своих родных единоверцев. Но что

могла сделать Польша для диссидентов своих, когда она, обу-реваемая непрестанными междуцарствиями, многочисленными партиями и конфедерациями, не в силах уже была сладить и сама с собою?

Уже на Западной Украине прогремело грозою давно копившееся негодование козаков: в 1764 году сотник Харько с семьями козаками произвел сильное кровопролитие за новое утеснение православной веры. Уже и Россия требовала от Польши, чтобы она своим диссидентам возвратила отнятые у них права и свободу вероисповедания. Но веротерпимость так уже была чужда полякам, что когда и сеймовым определением (1768 года, 1 марта) объявлена была, наконец, свобода вероисповеданий, то за сие вступилась конфедерация Барская, образовавшаяся (в том же году) на Подолье противу короля Станислава Августа. Эта конфедерация подала повод и к тому восстанию Украины на Польшу, которое названо Коливищиною. И вот как это было.

Глава вторая

НАЧАЛО КОЛИВИЩИНЫ

Товариши гайдамаки, чинить мою волю!
Що нам треба виплатити українську недолю...

Украинская песня о полковнике Иване Лободе

Между тем как Барские конфедераты собирались двинуться в Польшу и захватить в свои руки короля, небольшой отряд их в первых числах апреля проник вглубь Украины. Предводивший отрядом маршалок Пулавский в местечке Лисянке взял насильно полк кавалерии у рейментаря Воронича, на вербовал множество шляхты и произвел сильное возмущение. Униатские священники не замедлили воспользоваться сим случаем и явились в староство Чигиринское. Сопровождаемые толпами своих приверженцев, они начали склонять народ к принятию унии; но как проповедь их была неубедительна, то они принялись опять за насилия, стали забирать под стражу служителей православной церкви и отбирать у них имущество. Несмотря и на то, униатские миссионеры на сей раз обогатились только стадами рогатого скота и лошадей, отнятыми у священников православных.

Полковник чигиринских козаков Квасневский, имевший на ту пору смотрение за староством, предвидел беду, какая могла быть от этого смятения: свежа еще была память о восстании сотника Харька, и трогательная песня о нем и его молодой вдове была любимой песней в народе. И потому Квасневский со своими козаками спешил унять униатов, и они скоро оставили староство Чигиринское.

Но молва об их новом насилии разошлась уже по Украине и отозвалась ропотом негодования. Духовенство, взволнованное новыми обидами, уже спешило в Чигиринский Мотренинский монастырь к настоятелю одного архимандриту Мель-

хиседеку Значко-Яворскому. Это был один из самых ревностных тогда приверженцев православия и поборник Украины, а с тем вместе и жарчайший противник унии. За несколько времени перед тем Мельхиседек с разрешения своего епархиального начальства разъезжал по Западной Украине, утверждал народ ее в православии и отклонял от унии. За сии подвиги Мельхиседек, по приказанию тогдашнего униатского митрополита Фелициана Володковича, был схвачен в Радомысле и заключен в тюрьму в Дермани, откуда мог освободиться только бегством.

Об этом знали на всей Западной Украине; беззащитное православное духовенство ее видело в Мельхиседеке свою единственную опору, и потому-то прямо к нему оно устремилось и держало с ним совет, как оградить себя от дальнейших бедствий и охранить свою церковь, непрестанно грозящую новыми притеснениями. После того они обратились к своему епархиальному начальнику епископу Переяславскому. Но преосвященный Гervasий только сказал им, что он со своей стороны помочь им ничем не может, что они должны себя укреплять терпением и по возможности придумывать средства к облегчению своей судьбы.

Тогда на монастырском совете стали говорить, что больше терпеть уже нельзя, что как бы ни было, а пора положить конец бедам, что нечего добра им ждать, когда ни воля короля, ни определение сейма, ни заступление русской царицы не унимают униатов и не избавляют украинский народ от самоволия католиков. И положено было нарядить духовное посольство к Запорожскому кошевому и просить у него защиты козацкой. Но козацкая защита была гораздо ближе и отозвалась сама собою в сердце монастырского послушника.

Сей замечательный послушник был Максим Зализняк. В душе его скрывалась та могучая, несокрушимая воля и бесстрашное суровое мужество, какие в детях Украины выкармливали только Запорожская Сечь. Ее питомец был и Зализняк, который некогда считался одним из самых храбрых козаков Запорожья и служил в звании сотника. Но ему прискучило наконец буйное приволье запорожской жизни; душа его желала смирить свою волю и поработать Богу постом и мо-

Иван Гонта. Портрет 1822 г.

Иван Гонта.
Портрет 1768—1769 гг.
Варшава, Национальный музей

Т. Шевченко.
Мотрин монастир. 1845 р.

литвою. И он простился со славным днепровским островом и удалился на свою родину — в староство Чигиринское, на островок реки Тясмени, где уединенно стоял небольшой Медведовский монастырь во имя святого Николая. В этом монастыре набожный Зализняк с несколькими из прежних своих товарищей думал мирно окончить дни свои, был уже на послушании и готовился принять чин монашеский. Так доживали свой век многие запорожцы. Но человек предполагает, а Бог располагает.

Когда весть о новом насилии православным встревожила мирную обитель Зализняка, сильно забилося в нем сердце, и крепкая дума овладела его умом. Он подумал и положил себе — постоять за православную церковь и поработать еще раз своею козацкою саблею. Решимость его была тверда как камень; он передал ее своим неразлучным товарищам, и они с наступлением Светлой недели, помолившись Богу, оставили свой монастырский остров и пошли в Мотренинский лес к монастырю, там находящемуся.

На дороге пристали к ним несколько знакомых запорожцев, гулявших тогда по Мотренинскому лесу. Таким образом составила первоначальная ватага Зализняка из восемнадцати человек.

Верстах в двух от Мотренинского монастыря есть овраг, называемый Холодным. Над ним лежит небольшая поляна, возле которой шла дорога от монастырских мельниц к монастырю через чащу густого леса. На этой поляне и расположился Зализняк табором у студеного ключа, который вытекал над самым оврагом.

После короткого отдыха запорожцы принялись рубить дубовые рогатки и делать другие приготовления. Зализняк на

следующее утро отправился в монастырь, явился к отцу Мельхиседеку. Он открыл ему свое намерение и сказал, что пришел просить у него доброго совета и благословения пастырского. Так сошлись два человека, которые пылали одним чувством и задумали одно дело, не сговариваясь между собою. Они сразу поняли друг друга, с полным откровением вели долгую речь о своем деле и наконец решили: насилие отразить силою, поднять Украину на ее утеснителей и во что бы то ни стало отстоять православную церковь. Мельхиседек благословил Зализняка на сей подвиг и обещал изготовить универсал для воззвания к народу.

Полон новых дум и надежд воротился Зализняк в свой табор, где нашел несколько новых сообщников и где удалцы его успели спроворить себе коней и разного запаса.

И стал Зализняк рáдить с товарищами, как повести свое дело. Всего прежде им надо было дать о себе весть козацким старшинам окружных волостей; надо было им поладить и с теми козаками, которые составляли надворное войско Чигиринского старосты князя Яблоновского. Помощь, какую полковник их Квасневский оказал недавно русским священникам, давала надежду Зализняку, что, может быть, и теперь этот полковник примет его сторону; на других же козацких старшин он надеялся как на каменную гору.

С наступлением ночи разсланы были гонцы в окрестные волости к сотникам и другим старшинам; сам Зализняк с несколькими запорожцами поехал в местечко Медведовку, где жил Квасневский. На ту пору дома была только полковница. Приезд Зализняка чрезвычайно испугал ее, ибо только что перед тем дошел до нее слух о новом появлении гайдамаков в Мотренинском лесу, но Зализняк успокоил полковницу учтивым обращением с нею и уверением, что приехал в их дом не с дурным намерением, а с тем чтобы видеть полковника и просить его неотступно принять над ними начальство. После того он спросил водки и тотчас же уехал, сказав, что в Холодном овраге он будет ждать скорого ответа и доброй ласки от пана полковника.

Не порадовался Квасневский такому предложению, воротившись домой на следующее утро. Он очень знал, что ему плохо будет от Зализняка, если откажется, что не лучше будет и от своего правительства, если согласится; а потому он за лучшее признал вовсе убраться из староства и поспешил переехать в ту половину местечка Крылова, которая лежала на русской стороне реки Тясмени. Таким образом предоставлено было Зализняку не только быть самому начальником своей ватаги и занять место полковника чигиринских козаков, но открылся благоприятный случай распоряжаться свободно и в целом старостве, где с отъездом Квасневского не стало никакого старшего.

Уже по первому зову Зализняка к козацким старшинам начали в табор к нему сходиться козаки из окружных волостей, принося ему поклон, оружие и всякие припасы. Много набралось к нему и незваных гайдамаков, которые давно уже роились буйными ватагами по темным лесам надднепровским, сходились вместе обыкновенно у Холодного оврага и оттуда союзною ордою нападали иногда даже на города Польской

Украины. Табор Зализняка с каждым днем становился шумнее и многочисленнее. Между тем сам Зализняк не раз еще был у Мельхиседека и получил от него обещанный универсал. Архиерейский писарь Молдаван, случившийся на ту пору в Мотренинском монастыре, написал ту грамоту на пергамене золотыми буквами, почему она и прозвана была Золотою грамотою. В ней было воззвание к козакам и народу украинскому, чтобы они старались прекратить власть униатов и истреблять униатов, католиков и жидов на Украине, и что тогда Украина опять станет вольною гетманщиною, как была за Хмельницким. Для большего успеха сей грамоты был распущен слух, будто она прислана к запорожцам от русской царицы.

Таким образом все было готово к начатию дела. Шумная, пестрая громада козаков поклонилась Зализняку, провозгласила его своим полковником и вслед за ним двинулась к монастырю. Там отслужили молебен. Мельхиседек благословил Зализняка, его дружину и оружие. Зализняк поклонился Мельхиседеку и монастырю. «Благослови же, Господи!» — сказал он, крестясь, и молча повел свое войско по Жаботинской дороге. Это было 18 мая, в Троицын день, в храмовой праздник Мотренинского монастыря.

Глава третья

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ КОЛИИВЩИНЫ

Максим козак Зализняк из славного Запорожья
 Процвітає на Україні, як у городи рожа.
 Роспустив вийсько козацьке у славному мисти Жаботини,
 Гей, розлилась козацька слава по всій Україні!

Украинская песня о Максиме Зализняке

Молва о выступлении Зализняка разлеталась быстро и далеко по Украине. Ободрились украинцы, смутились жида и поляки.

Первым местом, где началось кровавое действие Зализняка, было местечко Жаботин. Прибыв туда, он велел согнать на площадь всех поляков и жидов; а тамошнего управителя отдал в руки Жаботинскому сотнику Мартыну Билуте.

«А що, пане губернаторе, — говорил Мартын, водя за собою управителя, — не одного тепер ляха голова заляже». И в самом деле, вся несчастная толпа была вырезана. Такова была поминка Зализняка по сотнику Харьку, которому в Жаботине в конюшне отрублена голова. Такая же участь постигала поляков и жидов везде, куда являлся Зализняк; а народ украинский везде ждал его нетерпеливо, встречал радостно: каждому хотелось посмотреть на Зализняка и его войско, послушать Золотой Грамоты, которую читал он в каждом селе и городе, объявляя, что подданство Украины Польше уже кончилось.

После того козакам и крестьянам припадала смертная охота мстить ненавистным жидам и кичливой шляхте, и кто был удалее, спешил пристать к войску Зализняка, которое

росло с каждым его шагом и тем более, что к нему присоединилось множество выходцев и с левой стороны Днепра.

Первою подмогою Зализняку был Смелянский сотник Шило со своими козаками. Разграбив Смелянский замок, они вместе ходили на Богуслав, где завалили жидами полные шанцы, и оттуда направили свой путь на Звенигородку.

Но гибель жидов и поляков не кончилась еще их истреблением в тех местах, где проходил Зализняк; на его кровавые следы, как хищные птицы, собирались целые ватаги рассви́репешего народа, ходили по окрестным хуторам и селам и производили в них опустошения. Особенно отличился на этом поприще Нежівый, бывший горшечником в селе Мельниках, под Мотренинским лесом, где родился Зализняк. Соревнуя ему, Нежівый собрал огромную ватагу и долгое время опустошал Чигиринское и Черкасское староства, объявляя себя их начальником.

Так сильно было пламя бунта, навеянное Зализняком. От этого пламени готова была загореться вся Западная Украина, а тушить было некому: Польша была тогда бедна своим войском, да и того половина пристала к Барской конфедерации, а остальная же половина находилась около Варшавы и нужна была королю для отражения конфедератов, усмирением коих заняты были и русские полки, посланные от Екатерины Великой. При этом внутреннем мятеже Польши украинские поляки и жи́ды оставались без всякой защиты от грозного Зализняка, и вся их надежда на спасение заключалась в нескольких укрепленных городах, где они и прежде находили убежище от нападений гайдамаков. Таковыми считались на Украине: Белая Церковь, Лисянка и особенно Умань.

В двух первых немного могло поместиться народу, а потому наиболее в Умань устремилось множество жидов и поляков со всей Украины. Но чем больше накапливалось там жидов и поляков, тем больше предстояло там поживы Зализняку, тем больше порывался он идти на Умань. На этот город особенно острили зубы козаки и потому, что там был притон унии и что уманские владельцы более всех принуждали украинцев к отступлению от православия. Зализняк знал, что на всей Украине только Умань могла дать ему отпор и даже на него самого наступить своим войском. Но он не терял надежды, что оружие, которым собирались поразить его уманские паны, можно обратить на их же голову.

Войсковую силу Умани составляли козаки, и Зализняк предпринял склонить их на свою сторону. Добрым ему предвестием в этом замысле был уманский козак Дзюба, который, прискакав из Умани, пересказал все, что там делается, и убеждал его спешить туда, уверяя, что «из Умани не втече навить и дух ляцкий». Зализняк стал готовиться идти на Умань, а между тем отправил два отряда на Лисянку и Белую Церковь, наказав им, чтобы они резали жидов и поляков, и как можно шановали и берегли своего народу.

Местечко Лисянка принадлежало к поместьям князя Яблоновского. В нем был большой каменный замок, построенный в виде четвероугольника, на каждом угле с башнею, вооруженною гаковницами, или висячими пушками. Кроме того, замок был обведен высоким дубовым палисадом и для за-

Мельхіседек
Значко-Яворський.
Копія XIX ст. з оригіналу
XVIII ст.

щити имел в себе значительный гарнизон из козаков и много военного припаса. В ту пору находился в Лисянке главноуправляющий князя Кучевский, приехавший из волынских поместий Яблоновского для осмотра Лисянской волости, в которой было тогда до тридцати тысяч душ крестьян. Кучевский под защиту замка принял несколько сот шляхты и жидов, избегавших Зализняка; но они и здесь от него не укрылись. Посланный им отряд с помощью Золотой Грамоты пробрался в замок; запорожцы с неистовством резали и кололи жидов и поляков, где только могли отыскать их в замке; на Кучевском ездил верхом и потом подняли его на копыя. Загравив княжескую казну и добравшись до глубоких подвалов, запорожцы целую ночь упивались дорогими винами и медами и в заключение своего кровавого пира повесили на костеле ксендза, жида и собаку, написав: «Лях, жид и собака — все вира однака». Наругание жестокое... как будто украинцы вспомнили, что Лисянка была родиною Хмельницких, и захотели в ней отомстить поругание, нанесенное чарнецким костям великого Богдана. Недаром он на Переяславской Раде говорил козакам: «Сами вы ведаете, что польские паны лучше жида и пса, нежели христианина, нашего брата, почитали!»

Белая Церковь отделилась счастливо. Каменный замок ее, возвышаясь на крутом берегу Роси, стоял над городом, вооруженный пушками. Сильною пальбою встретил он приближавшийся отряд, и когда ядра, перелетавшие через город, стали валить козаков, то они поворотили назад, сберегая себя для Умани и надеясь там вознаградить свою неудачу.

Посмотрим же теперь, что происходило в Умани.

Глава четвертая

НОВАЯ ОПОРА КОЛИИВЩИНЫ

Пид Уманем, славным мистом, велькийи кручи;
Гей, помлили уманьчики, запорожцив ждучи,
Гонта, сотник Уманський, помиж вийском ходять,
Из Максимом Зализняком через листы говорить.

Украинская песня о Максиме Зализняке

Город Умань, один из лучших тогда городов на Западной Украине, был средоточием огромных украинских владений Киевского воеводы графа Потоцкого. Уманская волость его простиралась более чем на сто пятьдесят верст и отдавалась на откуп шестидесяти посессорам, которые обыкновенно жили в городе и доставляли довольно поживы торговавшим там грекам, армянам и особливо жидам. На иждивении графском базилиане основали в Умани училище, в котором было до четырехсот учеников. Экономический дом графа, где жил его комиссар, или начальник города и волости, был главным местом в Умани, и, окруженный высоким частоколом с башнями и четырьмя бастионами, служил ему цитаделью.

Вокруг города также был высокий дубовый палисад и две башни с пушками, между которыми находились городские во-

рота, охраняемые гарнизоном из графской пехоты. Но главную защиту и войсковую силу Умани составлял полк уманских козаков, которые жили особою слободою под самым городом, уволены были от всяких податей своему владельцу, имели у себя значительные угодья и, сверх того, получили от графа все вооружение и войсковое убранство. В Уманском полку считалось две тысячи шестьсот козаков, из коих триста были очередно наряжаемы в Кристинополь, где имел свое пребывание граф. Целый полк собирался редко, только в случае военного дела, и кроме того — постоянно один раз в год на Зеленой неделе для парадного смотра.

Тогда каждый козак убирался в желтый жупан, голубые шаровары и кунтуш, и желтую с черным смушковым околышем шапку; надевал на себя свое козацкое вооружение и садился на коня. Снарядившись таким образом, козаки выезжали к Грекову лесу в обоз и становились сотнями под начальство полковника, трех сотников и прочей старшины. Между тем при церковном молебствии и звоне колоколов, при звуке труб и литавр, несли из города в обоз знамена с княжескими гербами, бунчуки и прапоры.

После торжественного смотра и удалых маневров графский комиссар задавал богатый пир Уманскому полку: козаки садились сотнями за приготовленные для них столы, и скоро их пиршество оглашалось пением украинских дум и звуками бандур; между тем знамена, бунчуки и прапоры были относимы опять в город. Так содержал вельможный Потоцкий свое войско и славился им на всей Украине. Потому-то со всей Украины потянулись в Умань поляки и жидаы, всполошенные восстанием Зализняка. В три дня набралось их так много, что не могли уже помещаться в самом городе; а потому прибывавшие вновь становились уже табором за городом возле Грекова леса, отдавая свои пожитки под сохранение комиссару Младановичу и главному униатскому священнику Ираклию Костецкому, основателю и ректору базилианской школы.

Зализняк был далеко еще от Умани, но страх, им наведенный, торопил к скорым и деятельным против него мерам. Младановичу присоветовали упредить его нашествие и послать на него уманских козаков. Немедленно был собран весь Уманский полк, и Младанович объявил торжественно козацким старшинам, что для безопасности города Умани и всей Уманщины они должны тотчас же идти со своим полком на Зализняка и отстоять от него графские владения. «Мы все уверены, — говорил он, обращаясь особенно к сотнику Гонте, — что храбрые уманские козаки уничтожат толпу гайдамаков, заслужат себе новую славу и новую благодарность от графа». Старшины козацкие уверяли, со своей стороны, в преданности графу и ручались за успех предстоящего дела. Затем они были приведены к присяге в церкви святого Николая и того же дня выступили в поход к Звенигородке, откуда ждали Зализняка.

Полковником уманских козаков был шляхтич Обух, человек незначущий. Главною надеждою уманского войска был сотник Иван Гонте. В сотники он вышел из крестьянских детей, будучи отменно храбр, весьма умен, красноречив и благовиден, умея притом хорошо говорить и писать по-польски.

С этими достоинствами Гонта скоро стал душою своих козаков, приобрел себе общее уважение и славу в целой Уманщине; сам граф очень любил его и отличал особенными милостями: он назначил ему во владение деревню Россушки, где родился Гонта, а потом еще деревню Орадовку. Все это привязывало Гонту к графу и к Уманщине, но с тем вместе породило в нем и сильное честолюбие.

Уманские козаки, выступив против Зализняка и перейдя за пределы Уманщины, остановились табором выжидать своего противника, хотя им и неохотно было драться со своим братом-козаком. Но Зализняк не двигался с места; он умножал свою силу и выжидал случая прилучить к себе Гонту; он был уверен, что после того будут на его стороне и все уманские козаки, между которыми, как мы видели, был уже давно зародыш к восстанию.

Проходила уже третья неделя, как Уманский полк стоял табором в степи, а Зализняка все не было; от него приезжали только смелянцы подговаривать уманских козаков идти с ними вместе грабовать Умань; через них он звал Гонту стать с ним одностайно за веру и Украину и открывал его честолюбию обширные виды на основании Золотой Грамоты. Но Гонта остался непреклонным и отписал Зализняку, что не может поднимать рук на своего пана-батяка и не пойдет на разграбление Умани.

Табор под Уманью между тем все умножался. Вдруг заговорили там, что Гонта соединяется с Зализняком; вероятно, жиды проводили об их сношениях. В страшном испуге несколько помещиков пришли в город с этою вестью и неотступно убеждали комиссара вызвать под каким-нибудь предлогом Гонту в Умань и отрубить ему голову. Встревоженный Младанович не решался на последнюю меру; однако тотчас же послал гонца в Уманский полк с приказанием, чтобы все сотники поспешили в город для важных совещаний.

Все три сотника и несколько атаманов прискакали в Умань. Младанович вышел к ним на площадь, сопровождаемый ксендзами и многими панами, и обратился к Гонте с такою речью: «Пане Гонта! Доносят мне, что ты ведешь переговоры с Зализняком и хочешь с ним соединиться. Я не хочу тому верить. Ты получил так много милостей от графа: сколько же новых наград можешь надеяться за охранение графских владений от Зализняка!» До слез огорчен был Гонта такими словами, имев полное право ждать себе другого приветствия; красноречиво опровергал он напрасное и для него обидное подозрение, клялся в своей верности графу и свою клятву принужден был подтвердить новою присягою: в предстоянии трех ксендзов он целовал крест, Евангелие и руку униата Костецкого. После такого удостоверения все сотники опять были отправлены в свой полк. Но Гонта уже не с прежним чувством выехал из Умани, где неосторожный Младанович так публично заподозрил его верность и где так сильно была оскорблена козацкая честь первого сотника. Гонта узнал еще, что к нему пришло письмо от графа, а Младанович утаил его у себя. Ему известно было и то, что уманские паны умышляли на его жизнь. Все это Гонта считал для себя невыносимую обиду; душа его возмущена была негодованием против Ума-

ни; честолюбие его страдало и просило мщения. Между тем и в Уманском полку в отсутствие сотников развернулась охота грабовать Умань.

Гонту ожидало там новое письмо от Зализняка. Запорожский сотник, на которого он шел как на своего врага, не переставал дружески звать его быть с ним заодно и сулил ему уманское княжество в будущей гетманщине; а уманские паны, за которых он готов был резаться с Зализняком, домогались его головы и готовили ему позорную смерть преступника! Когда об этом узнали уманские козаки, то закипели желанием отмстить обиду своего первого сотника и стали просить его, чтобы он вел их на Умань. Тогда не в силах уже был Гонта устоять в прежней преданности графу, и борьба души решилась в пользу Зализняка; только с ним он мог утолить досыта свое раздраженное и оскорбленное честолюбие. Приняв начальство над Уманским полком, Гонта дал свободу полковнику Обуху бежать за границу; а к Зализняку отправил свое козацкое слово быть с ним заодно и ждать его под Уманью.

Пускай же недаром говорят уманские паны, что Гонта еднается с Зализняком!

Глава пятая

УМАНСКАЯ РЕЗНЯ

А у неділю рано стали да у дзвони быты;
Гей, став Гонта з козаками під Умань підходьты.
В понеділок перед обідом из гармат загулы,
А в вивторок ище раньше Умани добулы...

Украинская песня о Максиме Зализняке

Спohватились уманские паны, что выпустили сокола из своих рук, да уж поздно.

На другой же день по отъезде Гонты они убеждали Младановича на всякий случай отправить жен и детей в город Тарговицу, прилежащий к русской границе. Но уманские граждане, уповая твердо на своих козаков, отговорили комиссара делать такую тревогу. Однако из полка долгое время не приходило никаких известий, и страх начал овладевать целою Уманью. Тогда решились на случай опасности привести город в оборонительное положение.

За это взялся землемер Шафранский, служивший некогда в армии Фридриха Великого. С самого начала осмотрел он табор приезжих и нашел, что там было уже до шести тысяч человек и все еще прибывало. Гарнизону в городе оказалось только шестьдесят человек. При таком недостатке военной силы для защиты городской стены наряжены были жидаы. Приготовив все, что только мог, к защите, Шафранский избрал себе самую высокую башню возле экономического дома и засел в ней наблюдать окрестности города. Через три дня он усмотрел, что уманские козаки идут по звенигородской дороге. Радостна была эта весть для уманцев: думали, что Зализняк уже разбит, и готовились встречать победителей. Но

Уманський полк остановився возле Грекова леса и как будто готовился к битве. «Верно с Зализняком», — думали уманцы.

В самом деле, скоро показалась на звенигородской дороге страшная громада народу, которая двигалась к Умани, как темная туча; скоро можно было различить пестроту народа ее, конного и пешего: ясно было, что то полчище Зализняка. Передовой конец его, поравнявшись с Грековым лесом, остановился. Шафранский ясно рассмотрел, как ехавший перед громадою всадник отделился от нее, как выезжал к нему навстречу Уманский сотник и как они, съехавшись вместе, друг другу подали руку. Тогда не стало сомнения, что то были Зализняк и Гонта и что они стали заодно.

Громовым ударом раздалась эта весть по всем концам Умани и привела его в трепет. Тогда Костецкий велел бить в колокола, начать моление во всех церквах и нарядил крестный ход по городу. Шафранский приготовил гарнизон к обороне ворот; к одним воротам приставил поручика Ленарда, защиту других взял на себя и уставил городскую стену вооруженными жиды. Остальные жиды заключились в синагоге и начали свое моление. Младанович, со своей стороны, ободрял общее уныние. В этой сумятице пятьдесят арестантов вырвались из заключения и вместе с козаками, служившими при экономии, перескакали через палисады и ушли к Гонте.

Уманский полк и громада Зализняка двинулись, наконец, от Грекова леса. Сперва устремились они на табор и положили его на месте. Вслед за тем они облегли весь город. Козаки приступили к воротам, толпы гайдамаков и крестьян бросились рубить и подкапывать палисад. Сильно отражали их картечью; жиды, с опаленными бородами и пейсами, стреляли беспрестанно; козацкие пули градом летели на город... Там, между тем, при общем смятении и непрерывном звоне колоколов Костецкий не раз уже обошел весь город с торжественною процессиею. Козацкие пули падали на процессию,

Народна картина
«Козак Мамай».
Перша половина XIX ст.

но никому не вредили. Это считали в городе добрым предзнаменованием, и луч надежды мелькал еще среди отчаяния.

Однако осада длилась. В целой Умани не было воды. Осаждаемые утоляли жажду винами, наливками и медами. Наконец, через тридцать часов непрестанной пальбы, Шафранский объявил, что все пороховые запасы истощились. «Теперь нет надежды, — сказал Младанович, — нам остается предаться воле Божьей и погибнуть». И настала печальная година отчаяния и вопля; все ожидали смерти. И она была не за горами. Гонта и Зализняк овладели Уманью и ввели в нее свое войско. Оно немедленно окружило собою базилианский собор, католический костел, жидовскую школу, экономический двор и другие важнейшие места в городе. Вслед за козаками нахлынули в город толпы крестьян, и скоро началось страшное кровопролитие, памятное под грозным именем Уманской резни (*rzeź Humańska*), в которой Колиивщина разразилась со всею силою.

Между тем как совершались первые смертоубийства и грабежи по городу, Гонте представлено было письмо к нему графа Потоцкого, отысканное между бумагами комиссара. Прочитав его, Гонта с сотниками подъехал к костёлу, где находился Младанович со своею роднею и множеством знатнейших польских помещиков. «Берите комиссара и всю его родню!» — сказал он. Мучительна была разлука отца с семейством. «Ратуй нас, пане Яремо!» — сказал одному сотнику Младанович. «Нехай вас Бог ратує, а я вас тепер не обороню!» — отвечал жалостно сотник Ярема.

«Изменник! Предатель! Ты виною этой крови! — вскричал Гонта к Младановичу, показывая на трупы. — Зачем ты, имея в своих руках это письмо, не отдал его мне, а утаил у себя? Что же тебе от этого прибыло?..» После этих слов Гонта ударил саблею Младановича по открытой голове, и тот упал в крови к его ногам.

Почти в то же время и главный защитник города Шафранский был убит козаками в башне, защищаясь храбро как воин, служивший некогда в армии Фридриха Великого. Ираклия Костецкого козаки вытащили из базилианской церкви и подняли на копьё. Учениками базилианской школы завален был глубокий безводный колодезь, над которым впоследствии поставлена ратуша. В жидовской школе вырезано было до трех тысяч жидов. Целая Умань была поприщем разъяренной козацкой мести, которая упиалась тогда досыта кровию жидов и поляков и натешилась вдоволь их смертью: в один день было истреблено их до восемнадцати тысяч.

Не одним, однако же, смертоубийством и грабежом был ознаменован этот ужасный день. Еще перед начатием Уманской резни козакам дозволено было выбирать, кого кто хочет, для крещения в православную веру, о котором особенно заботился Зализняк. Пользуясь этим случаем, уманские козаки спасали своих знакомых; другие молодцы выбирали себе жены красивых полячек и жидовок; некоторые избирали себе крестников, руководясь только человеколюбием. Для крещения велено было сберечь семейство Младановича и других польских помещиков.

Все избираемые для крещения были отводимы на экономический двор, назначенный сверх того для складки добычи и для пребывания двух новых градоначальников. Оттуда всех их повели к церкви святого Михаила. Престарелый священник той церкви крестил их, окропляя святою водою. Зализняк и Гонта воспринимали детей Младановича и других помещиков; восприемниками прочих были козаки, старавшиеся друг перед другом. По совершении обряда всех перекрещенцев отправляли под сохранение на гарнизонный двор. Таким образом спасено было много народа от гибели. Кроме того, уманские жители спасли многих детей из приязни к их родителям, прятая их под кровли или же объявляя за своих детей. Несколько шляхтичей и учеников базилианской школы, знавших русские молитвы и набожные стихи, нарядясь нищими, пели про святого Николая, Почаевскую Божью Матерь и тем себя избавили от смерти. Другие поляки для сбережения своей жизни переодевались в крестьянское платье, вмешивались в бунтующие толпы украинцев и грабили вместе с ними.

Все это происходило в Умани того же 1768 года, 19 июня.

Глава шестая

ПОСЛЕДНИЙ РАЗЛИВ КОЛИИВЩИНЫ

Гей, там поле, а на поли квиты:
Не по одним ляху заплакалы диты!

Украинская песня о Богдане Хмельницком

Буйно праздновали украинцы свою победу над Уманью, расположась возле нее укрепленным обозом. Там с утра до ночи при громе пушек и ружейной пальбе раздавались козацкие песни и заздравные клики в честь Зализняка и Гонты: Зализняка величали Украинским гетманом, Смелянским князем и батьком козацким; Гонту провозглашали полковником и князем Уманским; Уманский сотник Пантелеймон Власенко избран был в правителя и казначея всей Уманщины; другим козакам назначаемы были иные звания и должности, смотря по их заслугам. Все они были веселы и довольны; один Гонта не мог разгуляться на козацких пирах, не мог позабыться возле молодой жены в кругу своих малюток. Тоска-печаль, как змея, вилась у него около сердца, и он говорил своим гулявшим товарищам: «Наварылы мы доброй вареной, паны-братя, да як-то вона выпьється!»

Между тем бунт и смерть распространялись в остальную часть Западной Украины от Умани, сделавшейся средоточием Колиивщины. Отряды, рассылаемые Зализняком, на каждом шагу становились сильнее от пристававшего к ним народа. Ими разграблены были: Гранов, Теплик, Дашев, Тульчин, Монастырище, Гайсин, Басовка, Жидячин, Ладыжин и еще многие местечки и села. Увлекаемые их примером, крестьяне и здесь собирались сами собою в большие ватаги и довершали разлив Колиивщины. Без милосердия жгли они жидовские

корчмы, панские хоромы и целые фольварки; не давали пощады ни шляхте, ни даже тем украинцам, у которых, по их мнению, была лядская душа. Но особенно доставалось тогда бедным жидам, которые не могли ни себя спасти, ни укрыть своих денег от поисков гайдамацких.

Много осталось рассказов про то, на какие хитрости поднимались жида для своего спасения и как искусно гайдамаки ловили их везде и, доискавшись червонцев, распускали на ветер жидовские перины. Однажды гайдамацкий отряд, идучи через лес, увидел несколько монахов, сидящих в стороне под деревом. Подойдя к ним, гайдамаки поклонились им, отдали на «добрый день» и спросили, откуда и куда несет их Бог. «Из Поцаева до Киева», — отвечали жида, переодетые в монахов. «Что же это вы делаете тут?» — спросили опять гайдамаки, притворяясь, будто не узнают их. «Сидаем да за Хмельницкого Бога прохаем». — «Ох, якие ж вы добрые ченци! — сказали гайдамаки. — Идить же прохать Бога за пана Зализняка, а мы вам и дорогу покажемо на той свит». И всех их повешали на одном дереве.

При такой тревоге на Украине, состоятельнейшие поляки и жида выезжали за границу; но и там они не всегда находили себе спасение. Смелянский сотник Шило, прийдя в Балту, увидел, что на турецкой половине сего города собралось множество жидов и поляков. Шило потребовал у турецкого начальства, чтобы они ему были выданы. Ему отказали. Тогда он перешел силою на турецкую сторону, вырезал там жидов, поляков и многих турков и воротился в Умань с добычею и славою.

Жестоко было разъярение возмущенного и восставшего народа украинского; но в этом же самом народе многие поляки, особенно малолетние, находили свое спасение во время Колиивщины; и среди самых кровавых и смертельных зрелищ блистали яркие лучи человеколюбия и добродушия украинского.

Так, во время разорения смелянского замка, где управителем тогда был Вильнер, малолетняя дочь его спасена была куренным, который прежде служил у Вильнера, потом очутился в ватаге Зализняка и за спасение дитяти едва было не лишился головы от козаков.

Среди самой Уманской резни множество польских детей спасено было добродушием украинцев. Особенного внимания заслуживает спасение детей Младановича. В тот самый день, когда и он, и жена его погибли, крестьянка, кормившая шестимесячного их сына, убежала с ним из Умани в одну из соседних деревень и там сберегла его как свое собственное дитя. Двое старших детей Младановича, Вероника и Павел, как мы уже сказали, были окрещены Зализняком и Гонтою и отправлены вместе с прочими перекрещенцами в гарнизонный двор. На другой день около полудня вошли к ним несколько козаков и сказали: «Казав пан Гонта вывести комиссарски диты». Дети перепугались, и все думали, что их зовут уже к смерти.

Тогда же на гарнизонный двор выехал на коне Зализняк. За ним шли, кланяючись, престарелый крестьянин и двое парубков. Этот старик был осадчий, или атаман, из села Осит-

О. Сластіон.
Гонта в Умані. Ілюстрація
до поеми Т. Шевченка
«Гайдамаки». 1886 р.

ной, которое было в посессии у Младановича. Зализняк, увидав Гонту возле гауптвахты, подъехал к нему и стал говорить с ним. Старик осадчий подбегал то к тому, то к другому и умолял их отдать ему детей комиссарских. Через несколько времени Гонта громко сказал крестьянам: «Берить соби их к чорту!» Тогда старик и парубки радостно поцеловали ноги у Зализняка и Гонты, взяли к своему возу подаренных им сирот, усадили их и погнали тройку коней во весь дух из Умани. Миновавши Греков лес, стали ехать тише, и старик сказал Веронике: «Не лякайтесь, Бог с вами! Я осадчий с Осытной. Мы вас выпросили, щоб хоть вас двоих от смерти сховаты».

Между тем в отсутствие осадчего толпа гайдамаков грабила и разорила экономический двор в Оситной. Увидав это, осадчий для безопасности Младановичей переодел их в крестьянское платье и на ночь спрятал их в очерете. На другое утро он рано пришел к ним с пищею и двумя граблями и отвел их на свой сенокос как гребцов, а ночью скрывал в тростнике и таким образом сберегал их в продолжение двух недель, выжидая благоприятного случая. Через несколько времени пришел из Умани в Оситную бывший Младановичев писарь Хмелевич, одетый по-козацки. Хмелевич рассказывал, что во время разграбления экономического дома он нарядился в платье сторожа, вмешался в толпу гайдамаков, грабил вместе с ними и этим избавился от смерти; он объявил также, что опасность миновалась, что гайдамаки уже побеждены и что он сам видел Гонту, закованного в кандалы. Тогда старик осадчий перевез скрываемых им Младановичей в дом свой и перезвал кормилицу с их маленьким братом в Оситную. Узнав потом, что на Подолье живет дядя Младановичей, он повез их туда и благополучно доставил ему сирот, которых сберегал он так заботливо.

Старшая дочь Младановича, восемнадцатилетняя девица Вероника, в конце того же 1768 года взята была в Кристинополь графиней Потоцкою; потом вышла замуж за Кребса, пережила своего мужа и достигла до глубокой старости. За год до своей смерти, в 1827 году, она написала любопытный рассказ о своей жизни и об Уманской резне. Брат ее Павел был отдан на воспитание пиарам, сделался сам ксендзом-пиаром и скончался недавно в Межириче Корецком. Он также писал известие об Уманской резне. Кребсова, описывая минуты своего освобождения из гарнизонного двора, когда старик осадчий вымаливал их у Зализняка и Гонты, говорит: «Я помню еще лицо Зализняка; по сей наружности его было видно, что он был не простой гайдамак».

Глава седьмая

КОНЕЦ КОЛИИВЩИНЫ

Буде й нашим льхо, як зозуля кувала;
Що вона кувала, промиж святих чувала.

Украинская песня о Павле Наливайке

В то самое время как в Умани шел пир горой и разливался кровью по Западной Украине, коронные польские и вспомогательные русские войска осаждали большой отряд Барских конфедератов, укрепившийся в Бердичевском Кармелитанском монастыре. Возмущение, произведенное Барскими конфедератами, и широкий разлив Колиивщины грозили двойною бедою бытию Польши, и она спешила нарядить военно-судную комиссию на Украину, назначив рейментарем Иосифа Стемпковского и субалтерном его Якова Комаровского. Но этой комиссии так мало было дано польского войска,

І. Рєпін. Гайдамака.
Малюнок 1899 р.

что, может быть, и не пришлось бы ей открыть своих действий, если бы Россия, помогавшая Польше усмирять Барских мятежников, не подала ей помощи и против бунтовавших украинцев.

Для содействия Стемпковскому был отряжен полковник Кречетников с большим полком конницы и с назначением под его команду тысячи донских козаков, из-под Киева. Кречетников со своим полком немедленно отправился к Умани, возле которой находился многочисленный табор Зализняка, преданный своему разгульному беспечью. Огромными кучами были навалены там деньги и всякое добро, награбленное уманскими воителями. Многие козаки разбирали серебряную и медную монету по сортам и ссыпали в опустошенные ими горелочные бочки.

Кречетников увидел ясно, что здесь ничего нельзя было сделать силою, с одним его полком. Потому он остановился лагерем ожидать донцев, а о себе объявил, что идет к Бердичеву против конфедератов...

Через двенадцать дней, 6 июля, дело было сделано: с наступлением темной ночи Гонты и до двух тысяч его товарищей были схвачены и перевязаны; остальная половина табора разбежалась во все стороны.

По прибытии Стемпковского в Умань Кречетников поспешил со своим отрядом к Бердичеву. Стемпковский хотел было тотчас же казнить Гонту и его товарищей на месте их преступления; однако, имевши тогда только четыреста человек кавалерии, побоялся гайдамаков, которые бушевали еще по окрестностям. Потому он заблагорассудил отправиться к Могилеву на Днестре, где находился тогда со своим отрядом русский полковник Чирков. Стемпковский остановился неподалеку от Могилева в селе Сербах, куда вслед за ним привезли

и Гонту со многими его товарищами и там, по войсковому декрету, казнили его первого. Кат в продолжение нескольких дней сдирал с него живого кожу до пояса, потом отрубывал руки и ноги, облупил голову, насолил ее солью и опять натянул кожу на череп. При начатии этой казни Гонта в страшной муке кричал: «Чому тут нема Зализняка и того указу!..» Но два солдата запихали ему рот землею.

А рейментарь между тем говорил к народу: «Смотрите, кто только бунтовал, всем будет то же!»

Вместе с Гонтою были казнены и все другие участники Колиивщины, привезенные в Сербь. Остальных развозили по городам, местечкам и селам до самого Львова и совершали над ними разные казни: одних вешали, другим рубили головы, иным отрубывали накрест руку и ногу и потом, залечив, распускали их на страх народу; некоторых из них, увязав руки вверх, обвязывали соломой в смоле, зажигали ее и так водили несчастных по улицам. В Лисянке, где крестьяне неумышленно способствовали овладению замком, Стемпковский без дальнейшего розыска и суда повесил шестьдесят человек. На память сего печального случая у лисянских девиц вошло в обычай вплетать в косы черную ленту между разноцветными.

С упрямым равнодушием переносили украинцы все эти казни, которые после смерти Наливайка были для них уже не в диво. Рассказывают, что когда в Луцке начали вешать одного из козаков, он сказал: «Постойте! Перед смертью я уже открою вам важное дело». Палачу велено снять с него веревку. «Ну что же ты скажешь?» — спросили его предстоящие. «А вот что: не велите меня очень высоко поднимать, так как вам же легче будет целовать меня...»

Между тем как совершались такие казни над пойманными возле Умани, отдельные отряды русского и польского

Містечко Кодня Волинської
губернії. Гравюра XIX ст.

войска, также надворные команды разных старост ловили и разгоняли остальные ватаги бушевавших украинцев. Неживый со своею ватагою был пойман полковником Чорбою возле селения Галагановки близ Чигирина. Ватага Бондаренкова была захвачена в Макарове сотником Проскуринским, который за то получил звание шляхтича.

Мотренинская обитель, под стенами которой свилось первое гнездо Колиивщины, была опустошена и разграблена в присутствии самого Стемпковского. Несколько монахов было убито; другие разбежались. Деревянные шкафы, наполненные склянками с золотыми надписями, в которых Мельхиседек держал целебные вещества для врачевания недужных, были забраны и отвезены в Смелянскую экономию для канцелярии Любомирского.

Долго еще во всей Западной Украине разъезжали военные отряды и разыскивали между крестьянами и козаками участников Колиивщины; они забирали виноватого и подозреваемого, с иных деревень брали десятого, — и всех их везли к суду, особливо в Житомир, где находилась главная судная комиссия. Судьями в оной были: Лабецкий, Виверский, Почентовский и другие; особенно грозен был для гайдамаков судья Дубровский. Инстингатором во все время был Дзивнопольский. Привозимых к суду судьи рассылали сначала по разным местам для насыпки валов, рытья рвов и колодцев и для других работ; потом их судили, осуждали и отправляли в местечко Кодню, находящееся в двадцати одной версте от Житомира. Там над глубокою ямою клали их на колоду, рубили им головы и бросали в яму, и когда яма наполнялась отрубленными головами и обезглавленными трупами, тогда заставляли осужденных засыпать ее и копать новую. И таких могил много тогда насыпано в Кодне.

В книге генеральной визитации Кодненского костела, учиненной 1786 года тогдашним духовным начальством, записано, что на западном угле Кодни в пятидесяти шагах от крепостного старинного вала есть могила, насыпанная в 1769 году над ста четырнадцатью казненными гайдамаками, или резунами, которым по войсковому декрету 11 и 12 сентября отрублены головы.

В той же книге записано, что на трех виселицах, особливо на той, которая стояла за мостом, повешано более двухсот таких же гайдамаков, или резунов.

Таков был конец Колиивщины, которая стремилась избавить Украину от жидовства, католичества и унии и почти достигла было своей цели. Конфедераты Барские сильно к тому ей способствовали: поддерживая гонение веры и возбудив Колиивщину, они пошли против своего короля и сейма, а своих украинских земляков покинули без всякой защиты от возмущенного ими народа. Если верить известиям некоторых ученых того времени, то Польша от Колиивщины и Барской конфедерации потеряла более двухсот тысяч человек.

Стемпковский за усмирение украинцев награжден был от своего правительства титулом Киевского воеводы и правом меча.

Но этот меч не избавил Польшу от ее жребия. Едва усмирела она восстание украинцев, как в следующем же, 1770-м,

году распространилась в ней сильная моровая язва, от которой погибло народа не менее, как и от Колиивщины; а через четверть века сбылось предречение, ровно за сто лет до Колиивщины произнесенное Иоанном Казимиром на сейме Варшавском: пришел конец Польши, и Западная Украина соединилась вновь со своею родною половиною под державою России.

Вспоминая былое время козацких восстаний за православную веру, невольно останавливаешься мыслию над рекою Тясменью, которая, соединясь с иссякшим днепровским рукавом Ирдынем под Смелою, картинно извивается оттуда к Чигирину и, пройдя через Крылов, вливается в Днепр. На правом берегу этой реки храбрый Наливайко, начиная крестовый поход за Восточную церковь, поставил в первый раз против поляков три хорутви с надписью: «Мир христианству, а на зачинщика Бог!» На монастырском острове Тясмени задумано было и последнее восстание украинцев против поляков, зародилось зерно Колиивщины.

Но где и чем кончилась судьба Зализняка, который был первым зачинщиком и главным свершителем сего восстания? Об этом говорят разное, и я не дознался еще наверно.

Из украинской песни о Максиме Зализняке видно только, что хотя он бесстрашно поскакал на коне из лагеря перед донскими козаками, но тоже был пойман.

*Ступай, ступай, Зализняку, годи вже гуляты!
Пойдем в Киев в Печерский Богу роботаты.
И говорыть Максим-козак, сыдючи в неволи:
«Не будуть маты вражи ляхи на України воли!
Течуть рички з всего свиту до Чорного моря.
Минулася на України жидовская воля!»*

Что касается до отца Мельхиседека, то он, сколько мне известно, во время Колиивщины вытребован был из Польской Украины в Переяславль, а потом был архимандритом в Глуховском монастыре, где и скончался в глубокой старости.

Родина Гоголя

Историко-топографические заметки
о некоторых местностях Полтавской губернии

выехал с ним из Москвы 13 июня 1850 года... Расстался в Глухове 25 июня, дав обещание быть у него в августе. Я не спросил, где его Васильевка, в полной уверенности, что она должна быть возле *Миргорода*.

К Спасову дню отправился я на храм в *Мгарский* Лубенский монастырь и провел там два приятных дня. Ознакомясь подробно с монастырем, основанным Исаией Копинским в конце 1622 года, я был 8 августа в Лубнах. При выезде из города через Сулу я нашел, наконец, памятную в истории *Солоницу*. Это слобода за селом Засульем, окруженная солонцами; но там нет уже тех окопов, в которых отчаянно защищался и был взят гетман Наливайко.

Заночевал я на *Ромодане*, т. е. на дороге из Лохвицы в Кременчуг, проторенной в XVII веке князем Ромодановским. Восход солнца встретил я в *Кибинцах* у церкви, в которой погребен знаменитый владелец этого села *Трощинский*. Здесь часто бывал в детские годы Гоголь, по родству с Трощинскими. В *Миргороде* остановился я покормить лошадей и напиться чаю, но я не мог здесь дознаться, где Васильевка, даже и по карте Миргородского уезда, висевшей в окружном правлении. Причиною тому было, что Васильевка зовется в народе *Яновщиною* и что она Полтавского, а не Миргородского уезда.

Как любителю старины мне нечего было делать в бедном, недавно еще погоревшем, *Мир-городке* (так он написан в «Книге Большого Чертежа»). Хотя и считался он одним из старших полковых городов украинских и славен был своими полковниками, но резиденция Миргородского полка находилась долго в *Сорочинцах*, на реке Псле. Туда и поспешил я, с

Ф. Моллер.
Портрет М. В. Гоголя.
1841 р.

вязкою миргородских бубликов для Гоголя, и приехал в полдень невыносимо знойный. Прежде всего я пошел взглянуть на дом, в котором жил памятный на Украине целebник *Трофимовский*. Приветная хозяйка дома рассказала мне о покойном свекре своем перед его портретом. От нее же узнал я, что Сорочинцы — родина Гоголя, что он и сам приехал сюда из Обуховки. Это известие и неожиданная встреча с Гоголем на месте его рождения весьма обрадовали меня, и мы весело провели этот день вместе у А. И. Данилевского.

Место Сорочинцы до 1782 года было сотенным городом Миргородского полка. В старину оно звалось *Краснополем*; в гетманство Хмельницкого Краснополским сотником был *Муха*. Но за гетмана Многогришного, когда сотником здесь был *Борисенко*, Краснополская сотня называлась уже *Сорочинскою*. К ней принадлежали десять сел: знаменитая Обуховка Капнистова, Малая Обуховка, Савинцы, Опанасовка, Олферовка, Семеренька, Матяшовка, Портянки, Перевозцы и Барановка, — да 70 хуторов.

Цветущее состояние города настало при *Даниле Павловиче Апостоле*, бывшем 45 лет Миргородским полковником и с небольшим 6 лет гетманом. Памятником его гетманства оста-

**Церква у Великих Сорочинцях,
зведена Д. Апостолом 1727 р.
Літографія середини XIX ст.**

**Іконостас Преображенської
церкви у Великих
Сорочинцях. Фрагмент**

лась в Сорочинцах сооруженная им красивая каменная церковь во имя Преображения, с двумя приделами. Тут и погребен предпоследний Малороссийский гетман 28 января 1734 года в склепе под амвоном. На правой стене висит изображение герба его с надписью: «За труды и отечество». В алтаре видел я напрестольный крест с тем же гербом и Евангелие (московской печати 1735 года) с окладными изображениями Даниила и Улиании. В этой церкви погребен еще генерал-майор *Георгий Лесли*.

В первую четверть нынешнего столетия искусство и слава Михаила Яковлевича Трофимовского привлекали в Сорочинцы недужных всей Малороссии. В начале 1810 года приехала к нему Марья Васильевна Гоголева, опасаясь трудных родов.

Ободряя больную, Трофимовский говорил, что у нее скоро будет «славный сынок»: и она дала обещание, если родится сын, назвать его во имя Николы Диканьского. Квартира ее была в домике генеральши Дмитриевой, в котором и родился 19 марта *Николай Васильевич Гоголь*. Восприемниками его были молодой Трофимовский Михайло Михайлович и Дмитриева. Домик тот недавно разобран новой владелицей по незнанию, что в нем родился Гоголь.

Мы переехали через Псел и ехали в Васильевку ночью при свете полного месяца. Наслаждением для меня было промчаться вместе с Гоголем по степям, лелеявшим его с детства. И никогда я не видал его таким одушевленным, как в эту украинскую ночь...

С грустью вспоминаю теперь и эту ночь, и день моей последней встречи с Гоголем на его родине.

«Степ широкий, всюды видно, милого не бачу».

Москвитянин. 1854, № 1, с. 6—7

Об употреблении названий «Россия» и «Малороссия» в Западной Руси

е очень давно было толкование о том, будто Киевская и вся Западная Русь не называлась *Россией* до ее присоединения к Руси Восточной; будто и название *Малой России*, или *Малороссии*, придано Киевской Руси уже по соединении ее с Русью Великою, или Московскою. Чтобы уничтожить навсегда этот несправедливый и нерусский толк, надо обратить его в исторический вопрос: когда в Киеве и в других западнорусских областях своенародные имена *Русь*, *русский* начали заменять, по греческому произношению их, именами *Россия*, *российский*?

Ответ: с девяностых годов XVI века, в правление короля Жигимонта III, то есть вскоре после того как земля Киевская и все княжество Литовское были присоединены к Польше на Люблинском сейме 1569 года.

Основанием такого ответа служат тогочасовые акты письменные и книги, печатанные в разных областях русских, присоединенных к Польше. Приведу свидетельства тех и других.

1. Вот первая книга, напечатанная в Киеве в типографии Печерской Лавры, — «Часослов», 1617 года. В предисловии к ней иеродиакон Захария Копыстенский сказано: «Се, правоверный христианине и всяк благоверный читателю, от нарочитых мест в *России* Кийовских, сиречь Лавры Печерския...»

2. В послесловии к «Анфологиону», изданному 1619 года, типограф Памво Берында говорит к читателю о Лавре Печерской: «Се убо приносит ти... мать твою в *России* Малой».

3. В «Поучениях» св. Дорофея, напечатанных 1628 года, лаврский наместник Филофей Кизаревич с братией говорят,

что сия книга в общую пользу «великаго и славнаго *народа Российскаго* и прочих народов пресладчайшаго языка славенска».

4. Основательница Киевского Богоявленского братства Анна Гулевичевна Лозкина в своей записи о том 1615 года говорит, что она учреждает его «правоверным и благочестивым христианом *народу Российскаго*, в поветех воеводств Киевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго будучим».

5. В «Реестре братском», тогда же начатом, сказано: «Начинаем сие душеспасительное, друголюбное братство церковное в Богоспасаемом граде Киеве... на утешение и утверждение в благочестии *нашему Российскому роду*» и т. д.

6. А вот еще стих из «*Вершей*» ректора Киево-братской школы Кассиана Саковича на погребение гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, напечатанных 1622 года: «Зоставивши теде нам святыню в *России*».

7. Окружная грамота, напечатанная в Киеве 1629 года, начинается так: «Иов Борецкий, милостию Божиею архиепископ Киевский и Галицкий и *всёя России*, всем посполито *Российскаго рода*, так в короне Польской, яко и у великом князстве Литовском, всякого достоинства, духовнаго и светцкаго, высокаго шляхетнаго и низшаго посполитаго стану людем...»

Но довольно о Киеве; обратимся к земле Галицкой.

8. Там Львовское братство в своей типографии прежде всего издало «*Грамматику*», 1591 года, в наставление «многочименитому *Российскому роду*». В ней упоминается о пришествии патриарха Иеремии «во страны *Российския*»; митрополит Киевский и Галицкий Михаил (Рогоза) именуется «архиепископом *всёя России*».

9. Того же 1592 года Львовское братство обращалось в Москву к царю Феодору Ивановичу с просительными посланиями, в которых именуют его «светлым царем *Российским*», вспоминают «князя Владимира, крестившаго весь *Российский род*» и т. п.

10. Минуя другие акты и книги, назову еще «*Октоих*», изданный во Львове 1630 года; там сказано в посвящении о братстве: «в граде Леондополи *Малыя России*».

В земле Волынской находим то же.

11. В числе книг, напечатанных в Остроге, известна *книга Василия Великаго* (о постничестве), изданная 1594 года. В ее предисловии встречается такое выражение: «Вы же, о православный *Российский народ*!»

12. В местечке Рохманове, принадлежавшем княгине Ирине Вишневецкой, Кирилл Транквилион-Ставровецкий напечатал 1619 года свое *Евангелие учительное*. В одном предисловии говорит он: «Ревностию поревновах о спасении братии моей, рода моего *Российскаго*». В другом предисловии встречается выражение: «по всей земле *Российской*».

Такое же употребление имен «Россия, Российский» было тогда и на Северо-Западе Русском.

13. В столичном городе Литовского княжества Вильне, где была долго и резиденция митрополитов Киевских, Михаил Рогоза первый из них стал писать в своем титуле: «всея *Росии*», или «всея *России*», — как это видно из подлинных актов 1590—1599 годов. Так продолжал писать и его преемник, униатский митрополит Ипатий Потей, в 1600—1608 годах. А прежние митрополиты Киевские, бывшие до Михаила Рогозы, писали: «и всея *Руси*» или «всея *Русии*». Так писали в своем титуле и Московские митрополиты, бывшие до учреждения патриаршества в Москве. Первый патриарх Московский Иов писал уже: «и всея *Росии*» (в 1586—1589 годах).

14. В предисловии к *Евангелию учительному* патриарха Каллиста, напечатанному 1616 года в Евю коштом Богдана Огинского, сказано, что русский перевод этой книги «выданъ-ем з друку на все широкии славного и старожитного *народу Российского* краины разослан...»

15. Жители города Ратна в 1614 году писали к преемнику Потей, Иосифу Руцкому, о непринуждении их к унии: «Отче архиепископе всего *Российского* языка!»

Но возвратимся к Киеву. По возобновлении здесь православной митрополии в 1620 году митрополиты Иов Борецкий, Исаия Копинский, Петр Могила продолжали писать в титуле: «и всея *России*».

Приведу несколько выражений из писания Петра Могила.

16. В его предисловии в «*Анфологиону*», изданному 1636 года, читаем: «святого великого *Российского* князя Владимира»; «и всей *церкви* православной *Российской*; преизбранный *народ Российский*».

17. В его пригласительном листе к Луцкой братии на Киевский собор 1640 года сказано: «От немалого часу вся православная *церковь Российская*, будучи от апостатов в великом преследованю, не могла прийти до того, абы волков драпежных отдалити от себе».

18. В грамоте патриарха Феофана, писанной в январе 1621 года при отъезде его из Киева, сказано: «Смирения нашего благословение всем благочестивым христианом в *Малой Росии*... сыном *церкви Российския восточныя*».

19. Гетман Богдан Хмельницкий в своем Белоцерковском универсале 1648 года писал: «Вам всем обще *Малоросияном* о том доносим, так и до компаней военной, на предлагающее с ними ж поляками дело военное вас вызываем и заохочуем. Кому мила вера благочестивая, от поляков на унею претворяемая; кому з вас любима целость отчизны вашей, *Украины Малороссийской*... — о увольненю от бед лядских всего *народа Малороссийского*...» и т. п.

20. В заключение привожу отрывок из ответного письма гетману Хмельницкому от Запорожской Сечи, писанного

3 января 1654 года перед наставшим уже присоединением Малороссии к великой России: «А замысл ваш, щоб удалися и бути зо всем *народом Малоросийским*, по обоих сторонах Днепра будучим, под протекцию великодержавнейшого и пресветлейшого *монарха Российского*, за слушный быти признаваем, и даемо нашу войсковую вам пораду, абысте того дела не оставляли и оное кончили, як ку найлутшой ползе отчизны нашей *Малоросийской*...»

Об употреблении названий
«Россия» и «Малороссия»
в Западной Руси

Киевские Епархиальные Вегомости. 1868, № 1, с. 5

О малороссийских народных песнях

1

Наступило, кажется, то время, когда познают истинную цену *народности*; начинается уже сбываться желание — да создастся поэзия истинно русская! Лучшие наши поэты уже не в основу и образец своих творений поставляют произведения иноплеменные, но только средством к полнейшему развитию самобытной поэзии, которая зачалась на родимой почве, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изредка сквозь них пробивалась.

В сем отношении большое внимание заслуживают памятники, в коих полнее выражалась бы народность: это суть песни, где звучит душа, движимая чувством, и сказки, где отсвечивается фантазия народная. В них часто видим баснословия, поверья, обычаи, нравы и нередко события действительные, кои в других памятниках не сохранились: *сказка — складка, а песня — быль*, — говорит пословица. В сем смысле весьма значительны, а потому достойны внимания и уважения были бы разыскания следов народной мифологии, обрядов, собрание песен, пословиц и т. д. Особенно язык совершенствуется исследованиями остатков от прошедшего, в коих он ближе к своему корню, следовательно чище в составе и крепче в силе. Это можно отнести в особенности к песням славянским, кои видимо отличаются своим *изяществом*. Сие изящество их может послужить ясным доказательством, что поэзия есть врожденное качество духа человеческого, что истинная поэзия может быть *его собственным* произведением*.

* В статье г. Бродзинского «О народных песнях славян» (переведенной в «Вестнике Европы», 1826 года, № 13, с. 47) много сказано весьма хорошего о сем предмете; он говорит: «Славяне остаются ныне народом единственным, которого вкус, обычаи и песни напоминают нам картину Греции древней».

гих отношениях полезны для нашей словесности, — будучи совершенно уверен, что они имеют несомненное достоинство, и между песнями племен славянских занимают одно из первых мест. Предоставляю другим приводить оные в систему и выводить дальнейшие последствия. Изложу вкратце их содержание и характер.

Возникшая подобно комете Малороссия долго тревожила своих соседей, долго перепадала с одной стороны на другую и была только обуреваема бедствиями и беспокойствами, которые не дали развиться духу народному и произвели только внутреннее волнение. Массу ее составили не одни племена славянские, но и другие европейцы, а еще более, кажется, азиаты. Недовольство и отчасти угнетение свели их в одно место, а желание хотя скудной независимости, мстительная жажда набегов и какое-то рыцарство сдружили их. Отвага в набеге, буйная забывчивость в веселье и беспечная лень в мире — это черты диких азиатов — жителей Кавказа, которых невольно вспомните и теперь, глядя на малороссиянина в его костюме, с его привычками. Таким образом, коренное племя получило совсем отличный характер, облагороженный и возвышенный Богданом Хмельницким. Свойства коренного племени, кажется, наиболее сохранились между девами и женами, кои, будучи отлучены от удалых козаков своих, в отношении к ним весьма грубых, чуждых всякой домовитости, и не имея никакого участия в общественном быту их, находили все в мирных занятиях домашней сельской жизни.

Скоропостижное соединение трех первоначальных образов жизни — некогда *наезднической*, буйной, беззаботной, с ленивым однообразием и скудностью жизни *пастушеской* и оседлостью *земледельческой* — вот что составило потом особенность малороссиян, заметную еще и доньше по причине малолюдности. Из сего очерка может сделаться несколько понятным и содержание, и характер их песен.

Во-первых, представляются песни, содержанием своим имеющие смерть козаков, отъезд их на чужбину, тоску по родине иль *схватки боевые*, а потом воспоминание о них. Здесь всегда почти находите тоску матери о сыне или сестры о брате; любовь отцовскую едва ли где встретите. Находите также песни о гайдамаках, столь же удалые, как и сам предмет. Особенно замечательны *думы** — героические песнопения о *былинах*, относящихся преимущественно ко временам гетманства Скоропадского. Их и ныне еще поют слепцы-бандуристы, коих можно назвать малороссийскими рапсодами.

Восемь таковых дум издал князь Цертелев под названием «*Опыт собрания старинных Малороссийских песней*».

Каждая дума посвящалась какому-нибудь историческому случаю, либо лицу — в особенности Хмельницкому, Палию, Мазепе и другим.

Сказание о частных домашних событиях у козаков составляют переход от дум к повествованиям вымышленным или балладам (каковы, например: «Песня о Твардовском», «Песнь о построении Киева»), кои поют также старики-бандуристы. Желательно, чтобы кто-нибудь из земляков моих, в Полтавской губернии или близ Киева живущих, поспешил сохранить для словесности сии памятники.

* Малороссийские думы известнее сербских песней. В них гораздо более сладкой меланхолии; в песнях же военных более силы и картин пиитических (*Бродзинский*).

Песни женские, во-первых, суть выражение тоски по родине, от которой были отлучаемы девы обманами козаков; некоторые, как бы повествовательные (каковы: *о Лемеровне, о Бондаровне*), показывают притеснения и неистовства, какие терпела действительно Малороссия от каневских и других панов. Песни любовные принадлежали, кажется, сперва собственно женскому полу, вместе с самим чувством. Они исполнены пылкой страсти. Измены часты: они либо были сносимы с безнадежным отчаянием, либо отмщаемы были чарами, что, следовательно, встречается нередко; вера в чарованья осталась и поныне у женщин. Песни мужчин, где видна нежность чувства любви, принадлежат, кажется, к последующему времени.

К песням женским можно отнести песни *праздничные* и *обрядные*, кои носят на себе иногда печать древней славянской мифологии; но вообще, показывая приверженность к удовольствиям земледельческой и семейственной жизни, представляют собою образцы весьма изящной, естественной идиллии (таковы *веснянки, троицкие, свадебные, на обжинки* и другие песни). В сем отношении едва ли какая страна может назваться столь *песенною*, как Малороссия: там каждое время года, каждое занятие, к сельскому быту и жизни семейственной относящееся, сопровождаются особенными песнями. Сюда же можно причислить и песни *заклинательные**, подобные скандинавским.

*
Образцы таковых мне показывал покойный Зориан Ходаковский, после коего остался знатный запас для издания малороссийских песен.

Наконец должно сказать, что у них находится очень много песен веселых и карикатурных, иногда весьма забавных, но наиболее таких, при конце коих всегда покраснеет стыдливость, и которые большею частию составляют изустную собственность народа, а не принадлежность поэзии. Веселость у них не такова, как в песнях *краковяков*: она превращается либо в грубое, либо в непристойное. Их воображение, от досуга или с горя разгулявшееся, не знает себе меры. Сии песни по веселому, резвому напеву и мерному складу наиболее суть плясовые и употребляются не столько по словам своим, сколько по музыке, часто весьма хорошей, каковы, например, известные: «*Метелиця*», «*Горлиця*», «*И шумить и гуде...*» Есть русская пословица: «*Слова из песни не выкидывать*»; посему и я не помещал их, и для образца предложил несколько: «*Била жонка мужика*», «*Чи я в мужа не жена*». Должно сказать, однако ж, правду, что многие из них весьма остроумны и забавны, таковы, например: «*Мужик каже ячмень, жонка каже гречка*»; или

«Танцевала рыба з раком,
А петрушка с пустернаком,
А цибуля с часноком,
А дивчина з козаком.
Цибулиця дивуєця,
Як хороше танцюється!»

Что касается до характера песен малороссийских, то сей вопрос отношу только к тем, в коих видно главное стремление поэзии народной. Я их сравнивать могу в особенности только с русскими, ибо песни прочих племен славянских мне не столько известны.

Форма малороссийских песен, равно как и самый язык, занимают средину между русскими и польскими. С первыми они сходны *тоническим* размером* и, следовательно, тем движением, какого не имеют польские. С польскими песнями они (а особливо — нежные) имеют необходимую частую рифму или, по крайней мере, созвучие, звонкие и частые уменьшительные слова, от чего зависят нежность и гармония, которыми они превосходят русские песни.

Существенное их различие, по моему мнению, состоит в следующем. В русских песнях выражается дух, покорный своей судьбе и готово повинующийся велениям. Русский не привык брать деятельного участия в переворотах жизни, потому он содружился с природою и любит живописать ее, часто прикрашивая, — ибо здесь только может свободно излиться его душа. Он не ищет выразить в песне обстоятельства жизни действительной; но напротив — желает как бы отделиться от всего существующего и, закрыв ухо рукою, хочет, кажется, потеряться в звуке.

Посему русские песни отличаются глубокою унылостью, отчаянным забвением, каким-то раздольем и плавною протяженностью*. В малороссийских меньше такой роскоши и протяженности; они, будучи выражением борьбы духа с судьбою, отличаются *порывами* страсти, сжатою твердостью и силою чувства, а равно и естественностью выражения. В них видим не забывчивость и не унылость, но более досаду и тоску; в них больше действия. Сие-то действие отпечаталось и в последующих песнях драматическою формою, и князь Цертелев справедливо замечает, что в русских превосходнее описательная поэзия, что в них встречаем рассказ сочинителя, между тем как в песнях малороссийских находим драматическое изложение предмета. Сила их много зависит от *лаконизма* самого их языка.

Тоска, которая составляет важнейшее *свойство* малороссийских песен, не прикрывает их, но пронизывает. Она отзывается во всех песнях; даже ирония, к коей весьма склонны малороссияне, часто смешивается с оною, из чего происходит совсем особенный, отлично хороший род песен.

Образцы таковых элегико-иронических песен помещены в третьей книге моего собрания, например: «*Летит орел по-над морем*»; «*Ой, козаче, козаче, молодой бурлаче!*», «*Да оре Семен, оре*» и проч.

Песни нежные отличаются неподражаемым простодушием и естественностью, которой нисколько не противоречат бес-

*

Песни силлабического размера сложены более для пения бандуристов.

Маруся.
Фрагмент народної картини
«Сидить козак під вербою».
Перша половина XIX ст.

*

Есть сибирская поговорка:
«В русской песне парень
да девка; а у нас, по которой
улице идет, про ту и песенку
поет».

Народна картина
«Козак Мамай». Кінець
XVIII — початок XIX ст.

прерывные сравнения. Дух, не находя еще в себе самом особенных форм для полного выражения в его глубине зарождающихся чувств, невольно обращается к природе, с которою он, по своему младенчеству, еще дружен, и в ее предметах видит, чувствует подобие свое гораздо явственнее и вернее.

Посему-то находите столь частые сравнения с окружающею безукрашенною природою — столь частые беседы с буйным ветром, *гробным* дождем, черными тучами. Унылая, вещая зозуля, одинокий явор, плакучие ивы и гибкие лозы, печальная калина, крещатый барвинок — сии эмблемы отдельных состояний духа невольно ему напоминают его самого, и он выражается ими как бы потому, что не может иначе; когда, напротив, в метафорах русских песен замечаем больше искусственности, некоторого рода произвол и желание прикрас.

Если *сравнения отрицательные* составляют, по мнению господ *Глаголева* и *Гнедича*, отличительное свойство народной поэзии русской, то малороссийские будут отличаться положительностью своих сравнений.

Что касается до пения, то у русских гораздо лучше поют мужчины — это как бы их принадлежность; в Малороссии

сею способностью, и часто в высокой степени, обладает пол женский.

Самый напев, или музыка, если он равно хорош и в русских, и в малороссийских песнях, то должно признаться, что в последних он несравненно разнообразнее; разноличие то же: в малороссийских нет такого раздолья, но сильнее страсть.

Из великого множества в народе обращающихся песен некоторые были помещаемы более или менее исправно в разных повременных изданиях; в песенниках — весьма нередко искаженные, наиболее же против языка. Особого собрания собственно малороссийских песен еще не было. Переходя из уст в уста, они часто лишаются многих стихов, либо оные изменяются; часто песни не допеваются или даже перемешиваются; таким образом, постепенно отходят от первобытного вида.

Нельзя и думать, чтобы можно было восстановить оный; но я старался сличать и соглашать разногласия, случалось сводить иногда две в одну либо одну разделять на две; я избирал, как находил сходство с правильным смыслом и, сколько понимал, с духом и языком народным. На первый раз я не мог более: кто будет иметь случай, соберет больше; искуснейшие — сделают лучше. Я желал показать доселе еще не совсем известные сокровища народной поэзии в настоящем виде; посему соблюдал строгий выбор и помещал песни либо замечательные по красотам пиитическим, либо представляющие образ мысли, быт домашний и проч.

Не везде ставил я знаки ударения, ибо в стихах будут ударения отличаться от обыкновенного выговора. Сия гибкость и свобода слов малороссийских, в отличие от польского языка, составляет немалое достоинство относительно стихосложения. Русский язык сию гибкость имеет еще в большей степени; одно слово принимает ударение часто на всех слогах: зелёный, зелёная; зелёный, зелёная, зелёны и проч., или:

*Полети мой сокол
Далеко, высоко
И далеко и высоко...*

Таким выгодным свойством языка могли бы воспользоваться наши поэты, нимало не погрешая против духа языка. Впрочем, при пении, для которого, вероятно, складывались слова, одиноким протяжением голоса уравниваются слоги различных ударений; между тем как смерянные слоги наших стихов разнятся. Такая гибкость слов и тоническая мера

О малороссийских
народных песнях

Сільський музик.
Малюнок 1843 р.

Д. Безпечний.
Бандурист. Початок 1860-х років

подобно как в русском языке; а рифма, частые (рифмующиеся или, по крайней мере, созвучные) уменьшительные слова и самое даже произношение нараспев в простом разговоре, коими малороссийский язык сходен с польским, — показывают, до какой степени простирается его музыкальность. При всем том он способен принимать определенный размер и не в одних песнях плясовых, что также и в русском, а еще чаще в польском встречается; но в больших даже пиесах, как показали *Котляревский* в своей «Енеиде» и сочинитель «Тваргдовского», столь удачно от начала до конца выдержанного. Песня «За Немень иду» показывает способность малороссийского языка к размерам разнообразным*.

Наконец скажу несколько слов о правописании, мною изобретенном сообразно свойствам сего языка. В каждом языке есть как бы любимейшие звуки; так, в малороссийском — звук **И** (и сколько оному приписывают обыкновенно грубость языка, столько в самой вещи он составляет его благозвучие). Сей звук имеет только два изменения: *острое* и *мягкое*.

Об *остром И*. Буквою **Ѣ** мы изображаем двойной звук **ІЕ**. В русском языке, который (по свойству северных языков) любит более губные, нежели гортанные звуки, в букве **Ѣ** совсем не слышен звук **І**: он слился в **Е** и через то соделал его острым. Посему буква **Ѣ** заменилась бы или просто буквою **Е**, или, как в польском и сербском, буквами **ІЯ**.

В малороссийском — наоборот: перевес остается на стороне **І**: звук **Е** слился в **І** и через то соделал его острым. Посему слова, где в русском пишут **Ѣ**, по всем малороссийским наречиям постоянно произносятся как острое **И**. Таким же образом произносится она большею частию и у болгар.

Некоторые исключают букву **Ѣ** из малороссийского правописания; но я уверен в противном.

В острое **И** часто изменяются и прочие гласные буквы, а особливо в словах односложных. Писавшие доньше у нас на малороссийском языке обыкновенно писали так, как выговаривается, например: *край мене* — писали *крий мене*; *ячень* — *ячминь*; *конь* — *кинь*; *век* — *вик*... *Павловский* выдумал такой способ, чтобы звук **И**, произносимый остро, писать **І**, а подтверже выговариваемый — писать **Ы**; твердое **Е** писать через **Е**, а мягкое — через **Ѣ**.

Ожидаю, что будут многие осуждать меня за отступление; но я совершенно убежден, что не должно так писать, как обыкновенно пишут, но как-нибудь иначе, если не так, как я пишу: предлагаю мой способ и основания оного.

Я хочу удерживать коренные буквы; а в тех случаях, где они выговариваются иначе, отмечать только их особенным знаком; по типографской необходимости я избрал знак **^**. Сие делаю, во-первых, потому, что пишу не для одних малороссиан, но и для русских, коим не понятно будет многое, если писать по произношению и не сблизить хотя несколько правописания малороссийского с русским. Притом нет ни одного языка, где бы произношение буквы не имело особенных изменений и особенных примечаний; а я ввожу очень немного. Нельзя читать совершенно так, как по-русски; но неправильно бы было и писать так, как говорим.

*

Исследование о размере и рифмах — какие именно, когда и отчего были вводимы — предоставляю другим.

*
Так и в русском,
или правильнее сказать —
великороссийском, языке
московское — *столичное*
произношение.

Можно бы согласиться было писать по-малороссийски как говорится, если бы во всех изменениях слова постоянно удерживался один и тот же звук; но сего не бывает: именит. *Мо́й ко́нь* (пишут *мі́й кі́нь*), родит. *мого коня*, дат. *моему коню*; именит. *слезы*, родит. *слезь* (пишут *слизь*); *нога* уменьшит. *но́жка* (пишут *нижка*). Каким же образом составить лексикон? Пишут одинаково: *нижъ* — нож и *нижъ* — нежели; но если, удерживая коренную гласную, напишу: *но́жь*, *не́жь*, — будет понятнее. Сверх сего гласные буквы не везде в острое **И** изменяются: *таким* образом, собственно, применяются они по произношению *перейславскому*, или *киевскому* (между Днепром и Сеймом), которое может почтаться *центральной**, чистейшим и нежнейшим. От Сейма вверх по Десне буквы сии изменяются как бы в звук **УИ** или **ЮИ**; *ко́нь*, *со́ль* не произносятся как в Переяславе чисто — *кі́нь*, *сі́ль*; но *куи́нь*, *сиуи́ль*; далее, в Литве — *кунь*, *суль*; а по ту сторону Днепра, у русняков — *кѹнь*, *ко́нь*, *кю́нь* (как французское *u*) и чисто *кинь*. Буква **И** после гласных, и **ѣ** постоянно выговариваются как острое **И**. Здесь становится виднее удобность моего правописания: пишу *ко́нь*, *со́ль*, *мо́й*; малороссиянин пусть произнесет каждый по-своему; а русских прошу выговаривать по чистому наречию буквы **ѣ**, **И** после гласной *а́, е́, о́, ѳ́*, как острое **И**.

О *мягком*, или *глухом*, **И**. Внимательно прислушиваясь к лучшему произношению малороссиян, я заметил, что у них нет столь твердого звука, как в русском **Ы**. Второе изменение звука **И** у них бывает мягче и глуше русского **Ы**, больше гортанью (по свойству языков южных или восточных); следовательно, русское **Ы** у них всегда мягче; а русское **И** часто делается тверже, но не как **Ы**, а звуком средним между русскими **И** острым и **Ы**. *Мы*, *ми́лый*, *бы́стрый*, *до́лина*, *Литва*, *ли́стья* — здесь **И**, **Ы** везде произносятся одинаково, глухо. Посему **И** без значка и **Ы** должно произноситься одинаково!

Сделаю еще несколько грамматических замечаний и, во-первых, о глаголах.

1. Неопределенное наклонение, как и в церковном, сербском и богемском языках, кончается собственно на **ти**: *спевати*, *гуляти*. В страдательном залоге также окончание либо **тися**, либо **ться**; но в сем последнем случае выговаривается твердо, как **цця**: *сподеватися* и *сподеваться* (произносится *сподеватцця*!); так и в третьем лице настоящего времени **тся** выговаривается как **цця**: *гнецця* вместо *гнется*, *лююцця* вместо *люются*.

2. Русское окончание **илъ** в третьем лице мужеского рода всегда заменяется окончанием **ивъ**: *ходивъ*, *сидевъ*, *стоявъ*, *взявъ*, вместо *ходилъ*, *сидель*, *стоялъ*, *взялъ*.

3. О третьем лице настоящего времени единственного числа заметить должно, что там, где в русском окончание **итъ**, в малороссийском всегда **ѣ** изменяется на **ѣ** (*хо́дитъ*, *стои́тъ*, *шуми́тъ*), а в тех случаях, где в русском глаголе перед **тъ** находится **ѣ** (*кличетъ*, *идетъ*, *свищетъ*, *наступаетъ*), в малороссийском удерживается всегда только **ѣ**, а **тъ** опускается; следовательно, говорится: *кличе*, *веде*, *свище*, *наступае*; а где перед **ѣ** стоит **ѣ**, там часто выпускается **ѣ**: *наступае* и *наступа*, *спеае* и *спеа*!

4. Будущее время имеет иногда такие глаголы, кои в русском не употребляются в сем времени, например: *могу*, в будущем — *могтиму*, *могтимемъ*. Так же в повелительном: *лягаймо* (ляжем), *ходймо* или *ходимъ* (пойдем). Заметим, что в двух последних словах ударение над буквою **И**, и она выговаривается остро, почему и поставил я значок. Так всегда во втором лице повелительного наклонения: *косить*, *пасить*, *берить*, *носить*, *бежить*. Те же остаются буквы в третьем лице настоящего времени изъявительного наклонения, но ударение уже большею частию над буквою предыдущею, а не над **И**, которое произносится уже не остро, но глухо; почему и ставлю оную просто без значка: *хóдитъ*, *кóситъ*. (В слове, например, *бежѣтъ* ударение остается над глухим **И**).

І. Їжакевич.
Сліпий лірник з поводитрем.
1894 р.

5. Умалются не одни имена, но также глаголы и междометия: *прóчь* (прочь) — *прочки*; *спати* — *спáтки*; *ести* — *естки*, *есточки*; *гуляти* — *гулятки*.

В разных частях речи буквы **У** и **В** употребляются одна вместо другой: *взявъ* и *узявъ*, *встань* и *устань*, *вследъ* и *уследъ*, *впавъ* и *упавъ*, *ужé* и *вже*, *у лесъ* и *въ лесе*.

Часто **В** прибавляется к словам: *вóвця*, *вóвці* — овца, овцы; *вóнъ*, *воні*, *вонó* — он, она, оно; *óко*, *очі* — *вóко*, *вóчі*.

Окончание **ца** в малороссийском языке всегда бывает **ця**; следовательно, и в женском роде множественного числа не на **цы**, но на **ці**: отца — *отця*, молодица — *молодиця*, молодицы — *молодіці*. Иногда буква **В** употребляется вместо **Л**: *вовкъ* — волк, *вóвна* — волна (шерсть).

Часто русские слова от малороссийских отличаются перестановкою букв: *ведьмедь* — *медведь*, *комлыкъ* — *калыкъ*, *наместо* — *монисты*, *намастырь* (как в сербском) — *монастырь*.

Буква **З** и слог **из**, а равно и буква **С** в начале слов употребляются без разбора одна вместо другой: *стра́тила*, *зтра́тила*; *знявъ* (снял), *иззнявъ*; *зъевъ*, *изъевъ* (съел). Так и предлоги **из** и **с** поставляются без разбора один вместо другого.

В дательном и предложном падежах единственного числа изменяются окончания имен женского рода: **га** на **зе**, **ка** на **це**, **ха** на **се**:

Именительный	<i>нога</i>	Дательный	<i>нозе</i>
—	<i>небога</i>	—	<i>небозе</i>
—	<i>чайка</i>	—	<i>чайце</i>
—	<i>девка</i>	—	<i>девце</i>
—	<i>сваха</i>	—	<i>свасе</i>

Но в словах мужского рода такие изменения принимает предложный падеж:

Именительный	<i>порогъ</i>	Предложный	<i>на порозе</i>
—	<i>лугъ</i>	—	<i>у лузе</i>
—	<i>байракъ</i>	—	<i>въ байраце</i>
—	<i>горохъ</i>	—	<i>у горосе</i>

Вот некоторые изменения местоимений:

Именительный	<i>я, ты, вѣнъ, вонá, мѡй, моя</i>
Родительный	<i>мене, тебе, его, еи, мого, моеи</i>
Дательный	<i>мине, тебе, ему, ёй, мому, моёй</i>
Винительный	<i>мене, тебе, его, ее, мого, мою</i>

В грамматике г. Павловского изложены некоторые свойства языка малороссийского, подслушанные довольно чутко; но полной грамматики доныне еще не находится, хотя можно бы открыть постоянные законы, употреблением и местностями затемненные. Во многих свойствах малороссийский язык ближе великороссийского и польского к прочим языкам славянского корня, так что его можно почитать действительно средним в системе сих наречий, как и самое положение страны, где говорят сим языком.

*

Приводя слова других славянских языков, я имел в виду показание, в каких еще языках повторялись слова малороссийские, а не с какого языка перешли они в малороссийский: сие требует занятия людей более опытных.

При конце книги я приложил словарь* и некоторые особенные примечания к песням, стараясь тем облегчить уразумение оных, сколько мне позволило время. Варианты, коих у меня собрано довольно большое количество, могут быть изданы после.

В заключение долгом почитаю изъяснить мою благодарность Елисавете Михайловне Богаевской, князю Н. А. Цертелеву и другим особам, кои оказали мне пособие доставлением песен и своими советами.

Хористи.
Фрагмент ікони
«Воздвиження Чесного
Хреста». Кінець XVII ст.

«Наступило, кажется, то время, когда познают истинную цену *народности*; начинает уже сбываться желание — да создастся поэзия истинно русская! Лучшие наши поэты уже не в основу и образец своих творений поставляют произведения иноплеменные, но только средством к полнейшему развитию самобытной поэзии, которая зачалась на родимой почве, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изредка сквозь них пробивалась.

В сем отношении большое внимание заслуживают памятники, в коих полнее выражалась бы народность: это суть песни, где звучит душа, движимая чувством, и сказки, где отсвечивается фантазия народная».

Этими словами и начинается мое предисловие к сборнику *малороссийских песен*, изданному мною в 1827 году. В нем помещено только 130 песен; но я имел удовольствие видеть полный успех одного, оправдание некоторых там высказанных мыслей и замечаний моих о языке и песнях малороссийских.

В течение семи лет я продолжал начатое собрание; и оно теперь простирается уже до двух с половиною тысяч песен и отрывков и со временем, без сомнения, может быть удвоено, ибо это предмет неистощимый. Настоящим богатством мое собрание обязано участию в труде моем князя *Н. А. Цертелёва* — первого издателя украинских дум, *Н. В. Гоголя* — нового историка Малороссии и автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки», *И. И. Срезневского* — издателя «Запорожской Старины», *А. Г. Шпигоцкого* — переводчика Валленрода, почтенного *И. В. Крамаренка*, *О. М. Бодянского* и некоторых других лиц, коим всем приношу мою благодарность. Кроме того, я приобрел известное собрание народных песен покойного *З. Я. Ходаковского*, обильное песнями обрядными и особенно свадебными.

При таком множестве песен, находящихся иногда у меня в пяти и более списках, я имел возможность часто усматривать ясно те изменения, какие происходили с ними частью от долговременного и неправильного пения оных, частью и от изобретательности самих певцов и певиц: таким образом я мог представить очень многие песни в исправнейшем виде.

Предлагаю просвещенному вниманию читателей первую часть моего нового собрания, менее других полную, но для многих, может быть, самую занимательную: ибо в ней помещены *думы* украинских бандуристов и *песни собственно козацкие*, выражающие козацкую жизнь в ее отношении к общественному, историческому быту и отчуждению от быта семейного, домовитого; первые из них я называю *былевыми*, вторые — *бытовыми*.

Это надгробные памятники и вместе живые свидетели отжитой старины. Другие народы в память важных происшествий своих чеканят медали, по которым история часто разгадывает минувшее: события козацкой жизни отливались в звонкие песни, и потому они должны составить самую верную и вразумительную летопись для нового бытописателя Малороссии.

Во второй части будут помещены *песни женские* — отголоски души страстной, выражения жизни, исполненной любви пламенной, нежной, но обреченной на тоску, и только изредка расцветающей счастьем. Сюда же отношу и те песни, где козак является под господством женского чувства, в быту домашнем.

В третьей части собраны *песни гулливые*, в коих господствует более прихотливое и затейливое расположение души, разгул, карикатура и т. п.

В четвертой части помещаются все *обрядные песни*, относящиеся к празднествам и общественным занятиям домовитой жизни и отличающиеся от других большею придуманностью, то восходящею до символической восторженности, то облекающеюся в прелесть идиллического простодушия.

Деление это довольно соответственно со своим предметом; впрочем, оно только приблизительное, и я вовсе не думал вводить строгой и подробной классификации в этот гармонический мир живой поэзии народа. Благоуханные вечно свежие цветы ее прорастают сквозь цемент систематических сводов и дружно переплетаются между собою.

Сколько мог теперь, я делал пояснительные замечания к думам и песням; к некоторым приложил перевод; на всех словах ставил ударение и ко многим из них прибавлял объяснение их: впрочем, общий *словарь* и *грамматика* малороссийского языка будут изданы мною в особом прибавлении к сему собранию. Я хотел было в сей части изложить подробно свои мысли о характере, складе песен, о языке и правописании оного, но должен отложить это впредь, поспешая перемещением моим в Киев, где мои занятия будут посвящены преимущественно отечественной словесности. Таким образом я буду иметь возможность продолжение моего труда исполнить с большим успехом.

Чувствуя живо красоту наших народных песен и их важность в настоящее время *народности*, находя, что ни у кого не была так богато развита *поэзия народная*, как у северных* и южных руссов, и желая моим собранием сколько можно полнее и совершеннее открыть богатства *поэзии украинской*, прошу всех малороссиян принять участие в этом деле: ибо оно может свершиться только общим содействием; прошу всех, кто имеет случай, доставлять мне *списки* украинских песен в том самом виде, как они поются в народе, без перемен, пропусков и добавлений, с пояснительными примечаниями о местах и лицах и о малоизвестных словах, какие могут иногда случаться в песнях, а кто может — то и с напевом. Списать песни лучше во время пенья, ибо певцы и певицы наши часто не умеют хорошо пересказывать того, что умеют вполне *пропеть*. Всякая песня, *какого бы она ни была содержания*, для меня любопытна и пригодна и будет принята с благодарностью; но особенное внимание я желал бы обратить на пополнение сей первой части.

«Голоса украинских песен» составляют у меня особое издание. Первая тетрадь оного, содержащая 25 песен**, положенных на ноты для пенья и фортепьяно А. А. Алябьевым, уже вышла в свет.

*

П. В. Киреевский собрал уже русских народных песен и стихов более 1500. Ему обязан я многими замечаниями о сем предмете.

**

В подтверждение сказанного мною прежде о некоторых чертах кавказских, встречающихся в Украине, кстати замечу: 1) что напев *веснянки* (№ 8) имеет удивительное сходство с напевом одной черкесской песни; 2) напев известной песни «*Антон козу веде*» существует у нагайских татар, которые под него пляшут или, лучше сказать, толкутся на одном месте, сцепившись в длинную вереницу.

В продолжение двадцати лет я собирал украинские народные песни; и теперь приступаю к новому, полнейшему их изданию. Это издание, для отличия от двух прежних, я называю сборником украинских песен. Не могу иначе выдать его как по частям. Каждая часть будет содержать в себе один отдел песен мужских и один или два женских. В шести частях будет помещено около двух тысяч песен. Половина их собрана мною самим преимущественно в Полтавской губернии. Другая половина их и множество вариантов получены мною от разных лиц со всех концов Южной Руси*. Приношу мою благодарность всем, кто оказал мне свое участие в этом сборнике.

К каждому отделу его я прилагаю несколько пояснительных примечаний. При шестой части я изложу особо мои наблюдения и замечания о народном песнопении русском вообще, и в особенности о песнопении украинском.

Но в деле искусства важен суд художника; и потому я припомню здесь моим читателям мнение Гоголя, которого поэтическое дарование взлелеяно звуками украинских песен (см. статью Гоголя «О малороссийских песнях» в *Журнале Министерства Народного Просвещения, 1834, кн. 4*):

«Камень с красноречивым рельефом, с историческою надписью — ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи. В этом отношении песни для Малороссии — все: поэзия и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о прошедшем быте этой цветущей части России».

Передмова до книги «Малороссийские песни, изданные Михайлом Максимовичем». Москва, 1827, с. I—XXXVI

*

Сюда принадлежит и собрание русских песен, преимущественно волынских, оставшееся после покойного З. Я. Ходаковского. Оно куплено мною у его вдовы и поныне находится у меня, как в собственноручном подлиннике, так и в копии, переписанной в Москве вскоре по смерти собирателя.

Пам'ятки історичної думки України

Максимович Михайло Олександрович

Вибрані твори

Художнє оформлення, макет та редагування *Олексія Григора*
Технічний редактор *Людмила Швець*
Коректори *Алла Бородавко, Людмила Іванова*
Комп'ютерна верстка *Оксани Клембіцької*

На розворотах:

Гроте. Вид на Київ. 1849 р. (с. 26—27);

Івасюк М. І. В'їзд Богдана Хмельницького до Києва. 1912 р. (с. 218—219)

Підп. до друку 04.02.04. Формат 60 × 84/8. Папір офсет.
Гарн. Балтика. Друк. офсет. Ум. друк. арк. 41,85.
Ум. фарбовідб. 42,31. Обл.-вид. арк. 44,87. Вид. № 4169.
Зам. 4-33

Видавництво «Либідь»
01004 Київ, вул. Пушкінська, 32

Свідцтво про державну реєстрацію № 404 від 06.04.01

АТ «Книга» 04655, МСП, Київ-53, Артема, 25.

Максимович Михайло

М17 Вибрані твори / Упор. і вст. ст. В. Короткого. — К.: Либідь,
2004. — 360 с.; іл. («Пам'ятки історичної думки України»).

ISBN 966-06-0322-3.

У книзі вміщено ключові українознавчі праці видатного вченого-енциклопедиста М. О. Максимовича, що стояв біля витоків становлення української ідеї. У дослідженнях, більшість із яких востаннє друкувалися в 70—80-х роках ХІХ ст., віддзеркалюється цілий етап розвитку українства та формування новітньої самосвідомості. Видання, що здійснюється з нагоди 200-річчя від дня народження вченого, знайомить із поглядами М. О. Максимовича стосовно найголовніших віх української історії. Багатий ілюстративний матеріал допомагає відтворити колорит тих епох, які він досліджував.

Для істориків, етнографів, краєзнавців, широкого читацького загалу.

ББК 63.5(4УКР)

